3 1761 07802806 5

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Въ трехъ томахъ.

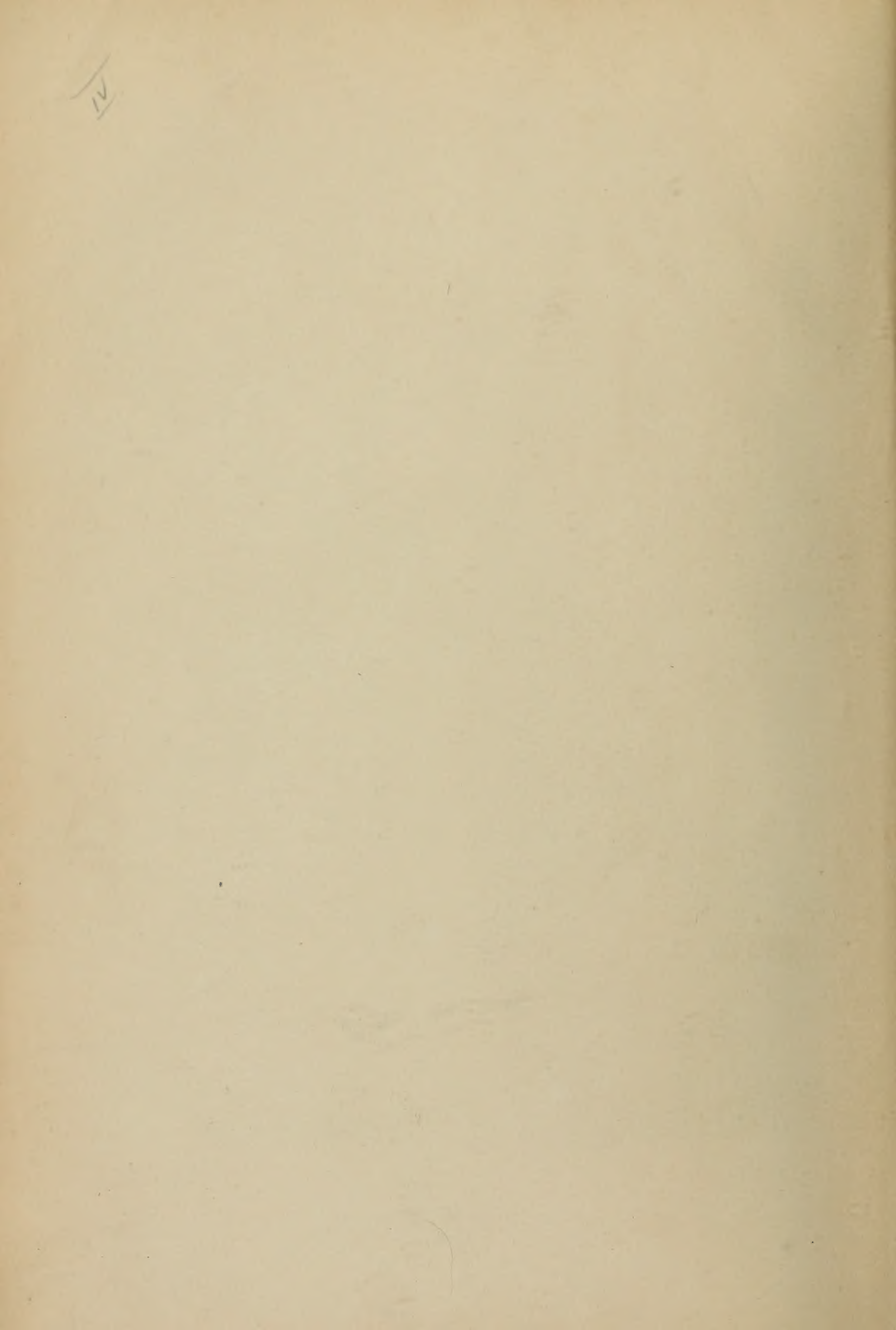
Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.
МОСКВА—1909.

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1909.

Фотот п. Павлова.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе редактора.

Сборникъ былинъ П. Н. Рыбникова, вышедшій въ 4 томахъ въ 1861—1867 гг., давно уже представляетъ библіографическую рѣдкость, и нѣкоторые томы его очень трудно добываются даже антикварнымъ путемъ; между тѣмъ цѣнность его для серьезныхъ занятій народной поэзіей до сихъ поръ очень велика. Взявъ на себя редактированіе новаго изданія, мы стремились по возможности освободить его отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ подчасъ неудобнымъ пользованіе первымъ изданіемъ. Главные недостатки этого послѣдняго порождены тѣмъ, что оно печаталось по мѣрѣ составленія сборника, на протяженіи 7 лѣтъ, подъ руководствомъ разныхъ лицъ (первые два тома редактированы П. Безсоновымъ, третій—самимъ Рыбниковымъ, четвертый—О. Миллеромъ). Отъ этого накоплялись поправки, дополненія къ вышедшимъ томамъ, рядъ обозначеній и пріуроченій могъ быть сдѣланъ болѣе точно или исправленъ лишь послѣ знакомства съ «Замѣткой» собирателя, которой естественное мѣсто было въ главѣ сборника, но которая появилась лишь въ третьемъ томѣ. Затѣмъ былины въ первомъ изданіи были расположены по сюжетамъ, при чемъ и этотъ планъ по необходимости проводился для каждаго тома отдѣльно, такъ что оріентироваться въ сборникѣ можно было лишь при помощи особаго указателя по сюжетамъ. Между тѣмъ, теперь считается болѣе естественнымъ и удобнымъ располагать народныя произведенія по мѣстностямъ, а былины вмѣстѣ съ тѣмъ и по пѣвцамъ. Самъ Рыбниковъ уже понималъ важность объединенія репертуаровъ каждаго сказителя [1]). Редакторъ IV тома, правда, при-

---

[1]) См. „Замѣтку" О. Миллера (IV т. 1-го изд.).

ложилъ нѣсколько указателей, которые облегчили пользованіе сборникомъ, но въ нихъ не вездѣ введены поправки и дополненія, данныя собирателемъ въ III т., и не изучена достаточно его «Замѣтка», наконецъ, они не свободны отъ пропусковъ и опечатокъ; а главное, не приложено предметнаго указателя, который въ такихъ изданіяхъ справедливо считается очень важнымъ, прямо необходимымъ. Появленіе Гильфердинговскаго сборника, записаннаго въ томъ же краѣ и часто отъ тѣхъ же пѣвцовъ, въ свою очередь дало много поправокъ и разъясненій къ неточнымъ или глухимъ указаніямъ Рыбникова. Наконецъ на сборникѣ Рыбникова лежалъ тяжелый грузъ изслѣдованій Безсонова, которымъ здѣсь просто было не мѣсто, не говоря о ихъ научной несостоятельности, а между тѣмъ они поражаютъ громоздкостью («Замѣтка» при II томѣ занимаетъ около 350 страницъ!).

Высказанными соображеніями опредѣлились задачи редактора 2-го изданія. Теперь матеріалъ расположенъ по мѣстностямъ и сказителямъ; пріуроченія отдѣльныхъ былинъ къ пѣвцамъ провѣрены и дополнены на основаніи внимательнаго изученія всѣхъ поясненій перваго изданія и указаній Гильфердинга; о каждомъ сказителѣ дана замѣтка, сводящая вмѣстѣ свѣдѣнія Рыбникова и Гильфердинга (иногда дополненныя) и устанавливающая отношеніе репертуаровъ пѣвца у обоихъ собирателей. Вообще оба сборника, естественно примыкающіе другъ къ другу, поставлены въ близкую связь путемъ ссылокъ (что было отчасти уже сдѣлано Гильфердингомъ). Результатомъ этой работы явилось значительное уменьшеніе глухихъ или неполныхъ пріуроченій 1-го изданія и увеличеніе совпаденій сравнительно съ «Онежскими былинами»: въ первомъ изданіи не прикрѣплено къ точному имени пѣвца болѣе 70 №№, въ настоящемъ— менѣе 30; академическое изданіе Гильфердинга даетъ 62 ссылки на Рыбникова, настоящее изданіе отмѣчаетъ совпаденіе болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ.

Въ текстъ былинъ введены всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя собирателемъ при I и II тт. Примѣчанія собирателя напечатаны безъ подписи; Безсоновскія обозначены буквой *Б* (нѣкоторыя изъ нихъ, слишкомъ своеобразно окрашенныя, вы-

пущены); примѣчанія редактора настоящаго изданія вездѣ оговорены. Оставлены въ сторонѣ «Замѣтки» Безсонова изъ I и II тт. Къ послѣднему тому прилагается предметный указатель.

Изданіе дополнено нѣсколькими письмами Рыбникова и разсчитано на три тома: первый обнимаетъ собою былины Петрозаводскаго уѣзда (почти всѣ изъ Кижей), во второй войдутъ былины изъ Пудожскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго у., въ третьемъ сосредоточенъ будетъ весь не былинный матеріалъ.

Біографія составлена съ привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ.

Портретъ П. Н. Рыбникова воспроизведенъ г. П. Павловымъ, фотографомъ въ Москвѣ, съ стариннаго дагерротипа, сохранившагося у родныхъ.

Помимо добраго участія семьи собирателя, настоящее изданіе многимъ обязано стараніямъ и заботливости племянницы его, Е. А. Телешовой.

Москва,
апрѣль, 1909.

П. Н. РЫБНИКОВЪ.

(1831—1885 гг.).

Рыбниковъ, произведшій въ 60-хъ годахъ сборникомъ Олонецкихъ былинъ цѣлый переворотъ въ дѣлѣ изученія народной поэзіи и открывшій своими четырьмя томами впервые возможность широкихъ научныхъ работъ въ этой области, былъ во многихъ отношеніяхъ личностью выдающеюся. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ удовлетворительной его біографіи. Самымъ цѣннымъ, хотя очень краткимъ источникомъ для нея служила до сихъ поръ поминальная рѣчь В. Модестова въ засѣданіи Этнограф. Отд. Географич. Общества 17 дек. 1885 г. (напечатанная черезъ недѣлю въ газетѣ «Новости»); на ней главнымъ образомъ основаны посвященныя Рыбникову страницы 61—65 II т. «Исторіи русской этнографіи» А. Пыпина. Если прибавить къ этому краткія свѣдѣнія въ V вып. «Обзора» Д. Языкова, то больше нечего указать цѣльнаго, заслуживающаго вниманія.

При составленіи настоящаго очерка мы, кромѣ того, пользовались: 1) нѣсколькими письмами самого Рыбникова и разныхъ лицъ къ нему, а также черновыми рукописями трехъ не законченныхъ его статей,—все это получено отъ его семьи; 2) воспоминаніями его сестры, С. Н. Карзинкиной, записанными по нашей просьбѣ; 3) документами изъ архива Московскаго университета; 4) матеріалами, извлеченными нами изъ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859 — 1866 гг., а также изъ Памятныхъ книжекъ» и «Сборниковъ» Олонецкой губ.; 5) воспоминаніями о нѣкоторыхъ университетскихъ товарищахъ Рыбникова, любезно сообщенными намъ проф. А. Н. Веселовскимъ; 6) воспоминаніями, которыми подѣлился съ нами Е. В.

Барсовъ; 7) статьями С. Приклонскаго и К. Петрова (напечат. въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1886 и 1887 гг.); 8) статьей М. С—скаго въ журналѣ «Трудъ» 1890 г. Мы перечислили лишь новые или по крайней мѣрѣ впервые привлекаемые для біографическихъ цѣлей матеріалы; ссылки въ дальнѣйшемъ изложеніи покажутъ нашъ матеріалъ въ полномъ объемѣ.

I.

Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ родился въ Москвѣ въ 1831 г. [1]), въ старинной купеческой семьѣ. Отецъ его былъ, если и не особенно богатымъ, то во всякомъ случаѣ очень зажиточнымъ купцомъ [2]); онъ умеръ, когда Павлу Николаевичу было 4—5 лѣтъ. Семья отличалась, очевидно, нѣкоторой развитостью и умѣньемъ цѣнить образованіе: старшіе братья П. Н. учились въ Практической академіи, одинъ изъ нихъ по воспоминаніямъ сестры очень любилъ театръ и отлично читалъ стихи; самъ П. Н. прошелъ черезъ гимназію и университетъ; наконецъ, засвидѣтельствованное прекрасное знаніе имъ нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ еще на гимназической скамьѣ. конечно, должно было имѣть корни въ домашней обстановкѣ. Съ другой стороны, Рыбниковы въ прошломъ были старообрядцами; В. Модестовъ, знавшій Рыбникова въ Петрозаводскѣ, говоритъ въ своей статьѣ: «У него хранился, какъ

1) Пыпинъ указываетъ на 1832 годъ, воспоминанія сестры Р—ва даютъ „1830—32 гг“.; но въ архивѣ Москов. университета „дѣло о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова“ содержитъ подлинное метрическое свидѣтельство Моск. дух. консисторіи отъ 10 авг. 1836 г. Здѣсь значится: „у купца 3-й гильдіи Ник. Абрамова Рыбникова и законной жены его Елены Петровой въ 1831 г. ноября 24 дня родился сынъ Павелъ, крещенъ 2 декабря“.

2) Объ этомъ говорятъ сохранившіяся въ памяти сестры Р—ва имена ихъ родственниковъ: Шевелкиныхъ, Сушкиныхъ, Третьяковыхъ; въ гимназіи Рыбниковъ водилъ компанію съ Прове и Варгинымъ; это все видные, солидные купеческіе дома. Послѣ отца осталось на 100 тысячъ векселей, по которымъ онъ имѣлъ обычай не взыскивать денегъ. Наконецъ, въ III т. Барсуковскаго Погодина мы нашли Рыбниковыхъ въ числѣ крупныхъ жертвователей на борьбу съ холерой 1830 г.

нѣкая святыня, портретъ казненнаго при Петрѣ князя Мышецкаго, котораго онъ считалъ какъ-то себѣ родственникомъ». Повидимому, нѣкоторыя связи въ московскомъ старообрядчествѣ у Рыбниковыхъ продолжали сохраняться; на это указываетъ знакомство съ К. Т. Солдатенковымъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже), объ этихъ связяхъ слышалъ и другой петрозаводскій знакомецъ Р—ва, К. Петровъ [1]). Этими отношеніями нѣсколько объясняется рано появившійся и довольно устойчивый интересъ П. Н. къ расколу, а также вообще вниманіе и уваженіе къ старымъ національнымъ особенностямъ, къ исконному быту и укладу народной жизни; въ домашней и семейной обстановкѣ, несмотря на отмѣченныя выше черты новой культурности, легко могли сохраняться такіе ростки мысли и чувства, которые послѣ отозвались и въ интересѣ либеральнаго студента къ знакомству съ Хомяковымъ, съ Аксаковыми, и въ горячемъ увлеченіи собирателя народно-поэтическаго матеріала по глухимъ Олонецкимъ дебрямъ. Прибавимъ, что есть указанія на раннее знакомство Рыбникова съ былинами еще въ дѣтствѣ, черезъ няньку.

Такимъ образомъ, духъ Рыбниковской семьи представлялъ собой интересное соединеніе разнородныхъ струй, которое должно было давать много духовной пищи для даровитой личности. П. Н. какъ разъ былъ одаренъ прекрасными способностями. Въ 1844 г. на 13 году Рыбниковъ поступилъ въ 3-ю Московскую гимназію на Лубянкѣ, очевидно, прямо во второй классъ, такъ какъ черезъ 6 лѣтъ онъ окончилъ семилѣтній курсъ; это указываетъ на заботливую домашнюю подготовку.

Гимназіи наши тогда доживали послѣдніе годы по уставу 1828 года и готовились къ разгрому своей классической основы, наступившему съ 1847 г.; третья гимназія (называвшаяся реальною, такъ какъ ея старшіе классы имѣли кромѣ классическаго и реальное отдѣленіе) управлялась директоромъ П. Погорѣльскимъ, опытнымъ и не зауряднымъ педагогомъ, котораго цѣнили всѣ входившіе съ нимъ въ общеніе; среди учителей не переводились лица съ литературной или ученой репутаціей (на-

---

[1]) „Сѣверн. Вѣстникъ“ 1887 г. № 4, ст. „Провинціальные статистики и писатели“.

зовемъ изъ періода 1844—1850 гг. П. Перевлѣсскаго, В. Классовскаго, С. Шестакова, Б. Ордынскаго, М. Н. Капустина). Наконецъ, въ числѣ преподавателей гимназіи между 1841—1846 гг. былъ Ѳ. И. Буслаевъ, какъ разъ въ это время вырабатывавшій и на младшихъ классахъ провѣрявшій свою книгу «О преподаваніи отечественнаго языка». Рыбниковъ кончилъ курсъ въ 1850 г. по классическому отдѣленію съ серебряной медалью при *очень хорошихъ* успѣхахъ по математикѣ и *отличныхъ* по закону Божію, русскому, греческому, латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, по физикѣ, математической географіи, всеобщей и россійской исторіи, географіи и статистикѣ [1]).

Для прекрасно окончившаго курсъ гимназиста съ опредѣленной способностью и склонностью къ языкамъ и литературѣ [2]) прямой и естественной дорогой было продолженіе занятій въ аудиторіяхъ филологическаго факультета. Онъ такъ и сдѣлалъ, но далеко не сразу. Здѣсь въ біографіи П. Н. есть не вполнѣ освѣщенный пунктъ. Извѣстно, что онъ приблизительно въ эти годы ѣздилъ за границу. Пыпинъ пишетъ: «Его университетскій курсъ шелъ какъ-то неправильно; еще до окончанія его онъ дѣлалъ путешествіе за границу и окончилъ курсъ только въ 1858 году»; въ этихъ словахъ есть неточность или неясность, которой Пыпинъ могъ бы избѣжать, больше довѣрившись разсказу Модестова, изъ котораго онъ самъ на послѣдующей страницѣ цитируетъ слова о «заграничномъ путешествіи, предпринятомъ еще до университетскихъ студій». И дѣйствительно сестра Рыбникова пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Окончивъ курсъ гимназіи, онъ поѣхалъ какъ переводчикъ (такъ какъ отлично зналъ языки) за границу съ Солдатенковымъ и Н. П. Боткинымъ; вернувшись, поступилъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ» [3]). Побудительной причиной путе-

---

[1]) Аттестатъ за № 223 въ дѣлѣ архива Московскаго университета.

[2]) Греческій языкъ преподавался лишь желающимъ; въ выпускѣ 1850 г. было только двое такихъ—Рыбниковъ и Острогожскій.

[3]) Здѣсь надо сдѣлать одну оговорку. Солдатенковъ, весьма вѣроятно, нуждался въ переводчикѣ, но къ Н. П. Боткину это не можетъ относиться: онъ очень часто ѣздилъ за границу, началъ путешествія свои раньше 1850 г. и прекрасно зналъ языки. См. „Анненковъ и его друзья“.

шествія помимо стремленія увидать западную Европу легко могло быть желаніе заработка; положеніе семьи послѣ смерти отца должно было пошатнуться,—сестра недаромъ отмѣчаетъ, что П. Н. задолго до окончанія гимназическаго курса (она пишетъ: «съ младшихъ классовъ») началъ давать уроки. Но важнѣе было бы выяснить характеръ самой поѣздки; у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Модестовъ, черпавшій свои данныя изъ дружескихъ бесѣдъ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ, отводитъ опредѣленно (хотя безъ подробностей) этому путешествію извѣстное мѣсто въ высокой образованности П. Н., которая его изумляла; очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ краткой поѣздкой туристскаго характера. Но мы не знаемъ, гдѣ былъ Р—въ за границей и сколько времени провелъ онъ въ путешествіи; память сестры не сохранила никакихъ свѣдѣній объ этомъ [1]). Но изъ дѣлъ университетскаго архива мы знаемъ точно, что въ число студентовъ филологическаго факультета Рыбниковъ былъ принятъ лишь въ 1854 г. [2]). Сколько изъ этихъ четырехъ лѣтъ проведено за границей, остается не выясненнымъ.

Въ эту знаменательную пору общественнаго, литературнаго и научнаго оживленія, на переломѣ двухъ эпохъ, наканунѣ обновленія Россіи, Московскій университетъ стоялъ во главѣ русской науки. Филологическій факультетъ блисталъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ звѣздъ, изъ которыхъ однѣ скоро исчезли, другія только всходили. Рыбниковъ засталъ еще на каѳедрѣ Грановскаго, слушалъ Кудрявцева, Соловьева, былъ ученикомъ Шевырева, Буслаева, Бодянскаго, въ его время появился Тихонравовъ; наконецъ по классической древности руководителями его были Леонтьевъ и Шестаковъ. Вступивъ въ университетъ послѣ прекрасно пройденнаго гимназическаго курса,

---

1) Въ одной ненапечатанной статьѣ (о которой рѣчь будетъ ниже) Рыбниковъ мимоходомъ обронилъ указаніе, что онъ „довольно долго жилъ въ Италіи“.

2) „Дѣло совѣта И. М. У. о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова № 289“. Здѣсь подписанное Рыбниковымъ прошеніе отъ 16 іюня 1854 г. на имя ректора Альфонскаго съ приложеніемъ: 1) метрическаго свидѣтельства 2) свидѣтельства гимназіи о награжденіи серебряной медалью отъ 18 ноября 1850 г. и 3) аттестата объ окончаніи курса, выданнаго 17 декабря 1851 года.

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ, очевидно, не безплодно, успѣвшій много увидать за границей, 23-лѣтній отлично одаренный студентъ естественно могъ серьезно и солидно воспользоваться университетскими годами. Университетскіе отчеты за 1854—1858 гг. не разъ отмѣчаютъ успѣхи Рыбникова на различныхъ курсахъ; такъ на первомъ же году оказались «заслуживающими упоминанія» переводы изъ Тацита, представленные проф. Леонтьеву студентомъ I курса Павломъ Рыбниковымъ; на второмъ курсѣ у проф. Шевырева «въ классическихъ бесѣдахъ» А. Котляревскій и Павелъ Рыбниковъ «читали свои работы о II томѣ Мертвыхъ Душъ». Въ іюнѣ 1858 г. Рыбниковъ былъ утвержденъ въ званіи кандидата.

Обратимся къ внутренней исторіи его студенчества.

Время тогда было такое, что во всѣхъ областяхъ жизни выдвигались незаурядные люди; немало было ихъ и въ московскомъ студенчествѣ. Въ одно время съ Рыбниковымъ черезъ филологическій факультетъ проходили: А. Козловъ, извѣстный послѣ профессоръ философіи, А. Котляревскій, Александръ Веселовскій, братъ его Ѳедоръ, рано умершій, серьезный классикъ, Н. И. Стороженко, талантливый переводчикъ Разсадинъ. Это была даровитая, живая молодежь, жадно воспринимавшая новыя общественныя вѣянія, полной грудью вдыхавшая свѣжій воздухъ, которымъ послѣ Николаевской замурованности такъ отрадно вѣяло во внутреннихъ дѣлахъ, въ публицистикѣ, въ литературѣ, въ наукѣ. Перечисленные выше юноши формировались и выходили въ жизнь, обращенные уже въ то время всего болѣе въ сторону серьезной науки, но тогда и наука не шла, не могла итти изолировано отъ общихъ основъ міровоззрѣнія, отъ живыхъ вопросовъ эпохи. Занятія, положимъ, народной поэзіей или старой русской письменностью неизбѣжно связывались для ученаго съ необходимостью опредѣлить такъ или иначе свое отношеніе къ идеѣ народности, къ общему ходу историческихъ судебъ русскаго народа, къ вопросу о самобытности развитія, къ западничеству и славянофильству. Если Буслаеву, О. Миллеру и нѣкоторымъ другимъ, уже твердо ставшимъ на научную дорогу, приходилось иной разъ ощутить вторженіе въ ихъ мирныя ученыя занятія настойчиваго и требовательнаго

элемента общественности, то естественно, что среди неустоявшейся и не опредѣлившейся молодежи было много метанья и бурливыхъ исканій въ разныхъ направленіяхъ. Она шумѣла, говорила на сходкахъ, уясняла себѣ духъ времени, выработывала новыя основы свободнаго міровоззрѣнія, иной разъ просто веселилась на шумныхъ товарищескихъ собраніяхъ, — однимъ словомъ, реагировала ярко на жизнь и на собственную молодость.

Конечно, она нерѣдко при этомъ обращала на себя неблагосклонное вниманіе начальства; изощренный долговременной практикой въ 40-е годы глазъ хозяина Москвы, гр. Закревскаго подозрительно устремлялся на шумливые кружки и въ его канцеляціи составлялся и росъ знаменитый «Списокъ подозрительныхъ лицъ 1859 г.» Здѣсь среди цѣлаго ряда извѣстныхъ лицъ, попавшихъ на замѣчаніе—одинъ за то, что членъ «тайнаго политическаго общества славянофиловъ», другой за то, что «западникъ и демократъ», третій за то, что «другъ Кокорева», четвертый за то, что «желаетъ переворотовъ и готовъ на все»,—среди Аксаковыхъ, Самариныхъ, Хомяковыхъ, Щепкиныхъ и др. мы встрѣчаемъ троихъ изъ названныхъ выше лицъ, только что покинувшихъ университетъ и занявшихся на первыхъ порахъ учительствомъ. Это—Козловъ, Котляревскій и Разсадинъ; полицейская характеристика ихъ неблагонадежности неожиданна и таинственна: «изъ числа вертепниковъ», гласитъ списокъ, прибавляя о Котляревскомъ: «но принималъ въ ономъ(!) участіе менѣе другихъ», а о Разсадинѣ—сакральную формулу: «готовъ на все» [1]). Мы не будемъ разгадывать кабалистику списка, да это и не важно; очевидно, веселыя товарищескія собранія и кое-что въ образѣ жизни нѣкоторыхъ членовъ кружка (Котляревскій повидимому даже не былъ близокъ съ двумя другими) дали какъ-нибудь поводъ къ дикому названію. Весь списокъ дышитъ такой юмористической нескладицей, что удивляться ему не приходится; интересно здѣсь то, что онъ отмѣтилъ своимъ неуклюжимъ удареніемъ молодую группу, разумѣется, случайно одну изъ нѣсколькихъ, въ которыхъ чуялось новое, живое,

---

1) „Русск. Архивъ", 1885, № 7.

необычное и eo ipso подозрительное. Такою и должна была естественно быть вся выдающаяся молодежь конца 50-хъ годовъ.

Переходя къ Рыбникову, отмѣтимъ прежде всего то, что сохранилось въ памяти сестры о его студенческихъ годахъ. Она пишетъ: «Онъ часто говорилъ на сходкахъ и все время былъ подъ надзоромъ полиціи. Сначала П. Н. жилъ съ матерью и сестрой, а потомъ изъ боязни обыска, чтобы не пугать мать, уѣхалъ и жилъ то съ Козловымъ, то съ Свириденкомъ и съ Власьевымъ». Здѣсь кое-что, вѣроятно, надо понимать лишь какъ общее впечатлѣніе, но опредѣленно устанавливается его близость къ нѣсколькимъ товарищамъ. Сестра при этомъ называетъ ихъ «соціалистами», а Козлова даже «анархистомъ»; эта слишкомъ современная терминологія рисуетъ живо впечатлѣніе отъ знакомыхъ брата, отъ ихъ свободныхъ, крайнихъ взглядовъ. Изъ этихъ товарищей П. Н. мы всего меньше знаемъ о Власьевѣ. Университетскіе отчеты говорятъ лишь, что Владиміръ Власьевъ, дворянинъ, послѣ домашняго образованія поступилъ на юридическій факультетъ; въ 1855—6 гг. (когда Рыбниковъ былъ на 2 курсѣ) Власьевъ уже кончилъ и держалъ экзаменъ на степень магистра уголовныхъ законовъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ мы не могли собрать. (Характерно для зрѣлости Рыбникова, что онъ дружилъ со старшими: Козловъ тоже кончилъ нѣсколькими годами раньше его, въ 1856 г.)

О М. Я. Свириденкѣ извѣстно нѣсколько больше. Проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, любезно подѣлившійся съ нами своими воспоминаніями (Рыбниковъ былъ нѣсколько старше его по курсу и онъ успѣлъ узнать не всѣхъ его товарищей), сообщаетъ: «Матвѣя Свириденко встрѣчалъ у Котляревскаго; у меня осталось впечатлѣніе очень типическаго и по рѣчи, и по костюму, и по любви къ родинѣ украинца; ему не везло въ жизни, и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ, помнится, долженъ былъ удовлетвориться мѣстомъ приказчика въ книжномъ магазинѣ извѣстного тогда издателя Кожанчикова въ Петербургѣ». Тотъ же авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Котляревскомъ («Кіевская Старина» 1888 г.) говоритъ, что Свириденко имѣлъ связи съ петербургскими кружками и былъ

однимъ изъ такихъ лицъ, при посредствѣ которыхъ въ московской молодежи того времени устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что тогда проповѣдывала передовая журналистика. Л. Пантелѣевъ въ своей книгѣ «Изъ воспоминаній прошлаго» (Спб. 1905, стр. 280) говоритъ о Свириденкѣ: «Управлялъ магазиномъ Кожанчикова, съ университетскимъ образованіемъ, большой пріятель Костомарова и для своего времени очень интересная личность; умеръ въ концѣ 1864 г.». Наконецъ изъ воспоминаній Н. А. Лейкина о П. И. Якушкинѣ (Соч. П. Якушкина. Спб. 1884 г.) узнаемъ, что Свириденко жилъ въ каморкѣ при магазинѣ, былъ общимъ знакомымъ всей тогдашней пишущей братіи, собиралъ съ интеллигентной молодежи, во множествѣ посѣщавшей магазинъ, пожертвованія на воскресныя школы и на поддержку бѣдныхъ студентовъ. Онъ былъ пріятелемъ П. Якушкина и удерживалъ его отъ запоя; Якушкинъ часто привиталъ у него, когда появлялся въ Петербургѣ, и въ его каморкѣ на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги написалъ свои очерки «Великъ Богъ земли русской». Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній все же складывается нѣкоторый образъ личности незаурядной, захваченной новыми идеями, живой и въ общемъ симпатичной, съ своеобразнымъ пошибомъ и общественности, и народолюбія, но почему-то съ неудачной судьбой. Мы сочли не лишнимъ дать здѣсь всѣ, какія удалось собрать, свѣдѣнія объ этомъ мало извѣстномъ пріятелѣ юношескихъ лѣтъ Рыбникова.

Особо стоитъ гораздо болѣе крупная личность А. А. Козлова. Выдающійся философъ - спиритуалистъ во второй половинѣ своей дѣятельности (съ 1876 г. профессоръ Кіевскаго университета, умеръ въ 1901 г.), онъ прошелъ очень сложную линію развитія. Въ главныхъ чертахъ переломы этой линіи извѣстны: первые 10 лѣтъ послѣ университета педагогическая дѣятельность въ Москвѣ и усиленныя занятія политической экономіей и соціальными вопросами, второе десятилѣтіе (съ 1866 г.) удаленіе «по независящимъ обстоятельствамъ» изъ Москвы и дѣятельность агронома, интересъ къ естественнымъ наукамъ и переходъ отъ нихъ къ философіи; здѣсь сперва Контъ и позитивизмъ, затѣмъ вліяніе Шопенгауэра и Гартмана и изу-

ченіе Канта. Тутъ научные интересы Козлова окончательно фиксируются на философіи метафизическаго характера и онъ получаетъ каѳедру въ Кіевѣ. Первый періодъ его дѣятельности, который особенно занимаетъ насъ по связи съ Рыбниковымъ, оказался всего менѣе освѣщенъ въ существующихъ источникахъ, какъ и вообще самая личность Козлова. Приводимъ интересную характеристику этой оригинальной фигуры, данную въ письмѣ къ намъ проф. А. Н. Веселовскимъ, знавшимъ его какъ разъ на переломѣ 60-хъ годовъ.

«Некрасивый, желтоволосый, съ мочальной бородой (которая, говорятъ, въ старости превратилась въ длиннѣйшую бѣлую бороду патріарха), онъ и даромъ слова какъ будто не обладалъ, но отъ этого умнаго, убѣжденнаго и, главное, увѣреннаго въ себѣ человѣка несомнѣнно шелъ токъ, которому мало кто могъ противостоять,—особенно женщины. Былъ ли онъ «анархистомъ»? [1]. Конечно, нѣтъ; но преимущественно въ области нравственныхъ понятій, семейнаго, брачнаго строя, свободы привязанностей и союзовъ онъ обладалъ базаровскою смѣлостью до Базарова. Его освобождающія, разрушительныя теоріи очаровывали женскій слухъ. Студентомъ онъ неудачно женился на какой-то, кажется, прислугѣ, но когда въ помѣщичьей семьѣ, гдѣ онъ одно время былъ учителемъ, его рѣчей заслушалась молодая дѣвушка, онъ позвалъ ее съ собой, да такъ и прожилъ съ нею, невѣнчанный, всю жизнь. Въ свое время на нихъ указывали въ Москвѣ, какъ на образецъ счастливаго свободнаго союза, и Козловъ съ своей подругой, очень неглупой, подъ стать къ нему, былъ въ интеллигентныхъ кругахъ лицомъ замѣтнымъ... Конечно, его новаторство и проповѣдь обновленія и переустройства не ограничивались семейнымъ или женскимъ вопросомъ. Обще-соціалистическая окраска его воззрѣній несомнѣнна, и тутъ приходится указать на успѣхъ его діалектики не у однѣхъ только женщинъ. Увлеченный имъ, богатый землевладѣлецъ изъ купцовъ, помнится, Хлѣбниковъ, придумалъ для его обезпеченія дать ему мѣсто своего главнаго

---

[1]) Мы передали А. Н. Веселовскому приведенныя выше слова сестры Рыбникова.

управляющаго, и хотѣлъ итти еще дальше на этомъ пути, но внезапно умеръ [1]). Словомъ, тогдашній Козловъ рисуется мнѣ, на большомъ разстояніи, представителемъ сильно поднявшейся соціально-критической мысли; съ нимъ вмѣстѣ шли и другіе люди (напримѣръ братья Орфано [2]). Были въ Москвѣ и другіе кружки, гдѣ общественные вопросы изучались превыше всего,—напр. кружокъ, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ здравствующій нынѣ извѣстный статистикъ В. И. Покровскій».

Кружокъ, въ которомъ вращался Рыбниковъ въ студенческіе годы, несомнѣнно отличался передовыми и даже, повидимому, довольно крайними воззрѣніями; по крайней мѣрѣ кое-кто въ Петербургѣ зналъ о такой репутаціи его членовъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ воспоминаніяхъ своихъ Л. Пантелѣевъ разсказываетъ, что въ 1862 г., когда возникала политическая организація «Земля и Воля», то «господинъ въ пенснэ», отправляя автора въ организаціонную поѣздку на сѣверъ, рекомендовалъ ему въ Петрозаводскѣ войти въ сношенія съ Рыбниковымъ, прибавивъ: «черезъ него вамъ будетъ открытъ весь Олонецкій край, да навѣрно и Новгородскій» [3]). «Господинъ въ пенснэ» былъ вообще мало основателенъ, по отзыву Пантелѣева, а въ данномъ случаѣ прямо дурно освѣдомленъ,—Пантелѣевъ тотчасъ же навелъ справки у Свириденки и тотъ далъ о Рыбниковѣ «такую аттестацію, которая мало подавала надеждъ» [4]); но ясно, что «господинъ въ пенснэ» повторялъ ходячій слухъ, чужое мнѣніе, сложившееся гдѣ-то помимо его; до высылки Рыбникова оно могло быть болѣе близкимъ къ истинѣ.

Не смотря на такую репутацію, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ основаній приписывать и всему кружку, и, особенно, лично Рыбникову склонность къ активной политикѣ или конспираціи. Ничего этого, конечно, и не было; было широко

---

[1]) Очевидно, здѣсь и лежитъ объясненіе даннаго нами выше глухаго указанія біографій Козлова на его агрономическую дѣятельность. Любопытно сходство этого эпизода съ подобнымъ же приключеніемъ въ „Рудинѣ“.

[2]) Изъ нихъ болѣе извѣстенъ М. И. Орфано или Орфановъ, писатель-народникъ; его литературный псевдонимъ *Мишла*.

[3]) Изъ воспоминаній прошлаго I, 263.

[4]) Ibidem. стр. 280.

тогда распространенное свободомысліе, серьезное образовательное чтеніе, и главные интересы направлялись не на политическіе, а на соціальные вопросы. Собственно у Рыбникова, очевидно, къ этому быстро присоедились вниманіе и любовь къ русскимъ національнымъ особенностямъ въ исторіи, въ бытѣ, въ народномъ творчествѣ, — не даромъ онъ прочнѣе другихъ привязался къ А. С. Хомякову, съ которымъ у кружка въ то время какъ-то завязалось знакомство.

Эти отношенія представляютъ большой интересъ и важны для характеристики обѣихъ сторонъ; къ сожалѣнію, о нихъ извѣстно очень мало въ печати. Мы знаемъ, что Рыбниковъ студентомъ сталъ давать уроки дѣтямъ А. С. и лѣтомъ жилъ въ его Тульскомъ имѣніи Богучаровѣ [1]); знакомство началось очевидно съ первыхъ временъ университетскаго курса, такъ какъ Козловъ въ своей статьѣ послѣ смерти Хомякова (о ней сейчасъ будетъ рѣчь) въ 1860 г. относитъ сближеніе къ времени за пять, за шесть лѣтъ назадъ, т. е. къ 1854—1855 годамъ. Оригинальное сближеніе одного изъ крупнѣйшихъ столповъ славянофильства, пятидесятилѣтняго человѣка съ группой студентовъ «крайнихъ воззрѣній» бросаетъ особый свѣтъ прежде всего на личность самого Хомякова. Біографъ его, В. Лясковскій, отмѣчаетъ, какъ одну изъ характерныхъ чертъ А. С., его склонность сходиться съ молодежью и умѣнье не только подчинять ее своему вліянію, но и отъ нея заимствовать кое-что. И раньше въ разное время къ нему были очень близки люди гораздо моложе его: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Д. Валуевъ, А. Поповъ; та же черта очевидно сказалась и здѣсь, при чемъ условія жизни Хомякова ко второй половинѣ 50-хъ годовъ благопріятствовали ея проявленію. Разсказавъ о цѣломъ рядѣ потерь, перенесенныхъ имъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1852 по 1857 г. умерла его жена, Гоголь, И. и П. Кирѣевскіе, наконецъ мать), біографъ говоритъ: «Вокругъ А. С. не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: од-

[1]) Такъ помнитъ сестра Рыбникова; о томъ же говоритъ сохранившійся въ университетскомъ архивѣ отпускной билетъ, № 1207, выданный «окончившему курсъ ученія своекоштному студенту Павлу Рыбникову на проѣздъ въ Тульскій уѣздъ 4 іюня 1858 г.» и явленный 7 іюля въ Тульскомъ Земскомъ Судѣ.

нихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетской молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе [1].»

Характеръ интересующихъ насъ отношеній хорошо выясняется въ упомянутой некрологической статьѣ А. Козлова [2]. Указавъ на рѣдкую терпимость Хомякова къ чужому образу мыслей, вытекавшую столько же изъ искренней преданности его своимъ убѣжденіямъ, сколько изъ уваженія къ человѣческой личности вообще, авторъ продолжаетъ: «Назадъ тому лѣтъ пять-шесть въ Москвѣ было нѣсколько студентовъ, которые время отъ времени собирались къ одному изъ своихъ товарищей потолковать и поспорить между собой о разныхъ философскихъ и научныхъ вопросахъ... Студенты эти были люди бѣдные, неизвѣстные, но искренно преданные наукѣ. Когда съ однимъ изъ нихъ случайно познакомился Хомяковъ, то ни на минуту ни задумался пріѣзжать къ этимъ молодымъ людямъ на вечеръ каждую недѣлю. Онъ, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, человѣкъ, принадлежавшій къ высшему обществу, имѣвшій почетное имя въ литературѣ, просиживалъ за полночь въ душной мансардѣ, въ обществѣ бѣдняковъ, у которыхъ на десять стакановъ чаю переходила изъ рукъ въ руки одна чайная ложечка. Всѣ эти молодые люди въ своихъ воззрѣніяхъ на науку не сходились съ покойникомъ, поэтому въ спорахъ съ нимъ были иногда слишкомъ рѣзки, относились къ нему безъ церемоній, какъ къ товарищу. Несмотря на всю эту невзрачную обстановку, несмотря на то, что въ обществѣ могли бы находить странными сношенія Хомякова съ юношами-студентами, онъ долгое время продолжалъ свои посѣщенія и сохранялъ всегда глубокое сочувствіе къ своимъ горячимъ и непримиримымъ соперникамъ».

Въ то время, когда умеръ Хомяковъ (сентябрь 1860 г.) и

---

[1]) В. Лясковскій, «А. С. Хомяковъ», стр. 63.

[2]) Напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1860 г. Нижеслѣдующую цитату заимствуемъ у Барсукова («Погодинъ», XVII, 449).

одинъ изъ членовъ молодого кружка писалъ о немъ вышеприведенныя строки, другой участникъ бесѣдъ и споровъ съ покойнымъ, самъ Рыбниковъ, уже болѣе года жилъ въ Петрозаводскѣ. На извѣстіе о смерти А. С. Хомякова онъ отозвался письмомъ къ его сыну, гдѣ говорилъ между прочимъ: «и для нашего времени «миръ твоему праху» можетъ означать, напр., окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходился съ нимъ въ вѣротерпимости и видѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міровоззрѣній, на которыя люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула. Я иначе поминаю вашего отца. — По просьбѣ Ю. Ѳ. С. я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: Quicquid ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum».

Изъ этихъ свидѣтельствъ самихъ дѣйствующихъ лицъ ясенъ характеръ отношеній между Хомяковымъ и молодымъ кружкомъ, который мы назвали «Рыбниковскимъ» (хотя Козловъ игралъ въ немъ, быть можетъ, и болѣе важную роль); отношенія эти отмѣчены были духомъ внутренней свободы: молодые люди не отказывались отъ своихъ воззрѣній и не подчинялись вполнѣ идейному вліянію Хомякова,—очевидно, у нихъ многое было хорошо продумано и прочно сложилось,—но они сумѣли оцѣнить въ своемъ оппонентѣ искреннюю убѣжденность, отсутствіе узкаго сектантства и нравственную привлекательность личности. Крупнѣйшимъ пунктомъ ихъ разногласія, конечно, долженъ былъ служить тотъ индивидуалистическій характеръ міровоззрѣнія, который явственно даетъ себя знать въ кружкѣ и который плохо мирился съ кореннымъ славянофильскимъ принципомъ растворенія личности въ общемъ, соборномъ началѣ. Это разногласіе неминуемо выступало, разумѣется, и въ религіозныхъ, и въ философскихъ, и въ нравственныхъ вопросахъ, также какъ напр. въ пониманіи русской исторіи и будущихъ путей народнаго развитія. Ниже еще будутъ случаи, гдѣ у Рыбникова даетъ себя знать характерное для 60-хъ гг.

ученіе о самоутвержденіи личности. Есть однако указанія на то, что именно на Рыбникова славянофильская атмосфера имѣла извѣстное вліяніе; не даромъ онъ вошелъ до нѣкоторой степени въ кругъ близкихъ Хомякову лицъ: мы видѣли, что Юрій Самаринъ обращался къ нему въ Петрозаводскъ съ просьбой, вызванной смертью А. С.; сестра Рыбникова вспоминаетъ, что К. Аксаковъ бывалъ у ея брата еще въ Москвѣ,—это косвенно подтверждается фактомъ Петрозаводской переписки Рыбникова съ К. С. и И. С. Аксаковыми [1]).

Эту бо́льшую близость, конечно, надо объяснить тѣмъ, что для Рыбникова къ концу университетскаго курса несомнѣнно сталъ выясняться его интересъ къ народному творчеству и старому быту; вспомнимъ, что онъ былъ сосланъ едва годъ спустя по окончаніи курса и къ моменту ареста имѣлъ уже большое количество собраннаго матеріала [2]). Быть можетъ, въ первое время этотъ интересъ не былъ чисто литературнымъ и осложнялся соціальной окраской кружка; на это наводятъ сохранившіяся, правда очень общія, свидѣтельства: Рыбниковъ въ Черниговской губ. ходилъ по старовѣрческимъ слободамъ, «изучалъ расколъ», охотно развивалъ свою точку зрѣнія на него, какъ на крупное общественное явленіе, въ близкомъ кругу и позднѣе, въ Петрозаводскѣ; но этотъ соціальный наклонъ его вниманія къ народной жизни и въ первое время не поглощалъ литературно-этнографическихъ интересовъ: уцѣлѣвшія Черниговскія записи хороводныхъ пѣсенъ опредѣленно говорятъ о томъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ области изслѣдованія стараго быта и духовной жизни русскаго народа лежалъ главный пунктъ соприкосновенія и сближенія тогдашняго Рыбникова и московскихъ славянофиловъ; начавшіяся послѣ смерти Петра Кирѣевскаго заботы объ изданіи его собранія, дѣятельность П. Якушкина, одно время стоявшаго у этой работы, появленіе въ Хомяковскомъ кружкѣ какъ разъ въ это время П. Шейна изъ Симбирской губ. съ сборничкомъ былинъ и историческихъ пѣ-

---

[1]) Ко II т. былинъ было приложено извлеченіе изъ письма Рыбникова къ К. Аксакову отъ лѣта 1860 г. Письма И. Аксакова были въ нашихъ рукахъ.

[2]) Онъ былъ весь уничтоженъ (см. объ этомъ ниже), кромѣ случайно уцѣлѣвшаго десятка пѣсенъ изъ Черниговской губ., напечатанныхъ въ III томѣ.

сенъ (напечат. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей въ 1859 г.), интересъ К. Аксакова къ былинамъ—все это должно было стимулировать Рыбникова, вызывать наружу его собственныя влеченія и симпатіи. Участіе Хомякова и его друзей въ этнографическихъ интересахъ П. Н. можно проследить съ самыхъ первыхъ шаговъ его собирательской дѣятельности: въ Черниговскую губ. въ 1859 г. онъ беретъ съ собой рекомендательное письмо Хомякова; въ Петрозаводскѣ, еще почти не имѣя собственныхъ былинныхъ записей, и не подозрѣвая, какое богатство откроется вскорѣ передъ нимъ, но получивъ въ свое распоряженіе Бутеневское собраніе и начавъ печатать его въ «Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ», онъ уже имѣетъ надежды (очевидно отъ того же Хомякова) на изданіе отдѣльнаго сборника [1]); первыя тетради своихъ записей онъ посылаетъ въ Москву къ Хомякову и тотъ рѣшаетъ тогда же напечатать сборникъ [2]).

Характеризуя кружокъ Рыбникова и его связи, мы не выдѣляли до сихъ поръ особо духовную личность самого П. Н. Мы не располагаемъ матеріалами для подробнаго раскрытія его внутренней жизни за это время, но общій обликъ Рыбникова, его развитіе и кругъ умственныхъ интересовъ тотчасъ по окончаніи курса довольно живо переданы В. Модестовымъ въ названномъ выше некрологѣ. Модестовъ, тогда бывшій молодымъ учителемъ гимназіи, послѣ—извѣстнымъ профессоромъ классической филологіи, могъ, конечно, вполнѣ оцѣнить Рыбникова. Вотъ набросанный имъ портретъ:

«Это былъ въ то время высокій, стройный, сильный, очень красивый мужчина лѣтъ 26—27, обращавшій на себя вниманіе петрозаводскаго общества и своимъ блестящимъ образованіемъ, и своимъ интереснымъ положеніемъ (онъ жилъ въ ссылкѣ). Мы

---

[1]) Первая поѣздка Рыбникова, открывшая ему сразу цѣлый рядъ пѣвцовъ и давшая больше 80 записей, началась въ маѣ 1860 г., но уже 2 апрѣля «Олон. Губ. Вѣдом.» въ редакціонной замѣткѣ писали: «собраніе былинъ, стиховъ и пѣсенъ г. Р-ва, сколько намъ извѣстно, предназначается къ изданію особымъ сборникомъ, который займетъ видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ».

[2]) Какъ извѣстно, въ исполненіе воли отца, сыновья А. С. дали средства на изданіе первыхъ двухъ томовъ.

сошлись очень скоро, черезъ мѣсяцъ были на *ты*, видѣлись каждый день, мѣсяца два или три сряду вмѣстѣ обѣдали въ его квартирѣ... Сношеній между нами было достаточно, чтобы я могъ вполнѣ понять и изучить замѣчательную личность своего петрозаводскаго друга. Прежде всего я долженъ сказать, что Рыбниковъ былъ человѣкъ высокаго образованія, какое рѣдко было и въ то время между молодыми людьми, а теперь еще рѣже. Образованіе это онъ частью получилъ въ московскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ, въ блестящую еще пору послѣдняго, частью въ заграничномъ путешествіи, предпринятомъ имъ еще до университетскихъ студій, частію въ кругу образованнѣйшихъ въ то время въ Москвѣ лицъ, между прочимъ, въ кружкѣ Хомякова, частью—и это главное—посредствомъ чтенія, широкаго и плодотворнаго. Онъ былъ знакомъ съ исторіей философіи и ближайшимъ образомъ съ Гегелемъ, ему была хорошо извѣстна экономическая литература Франціи и Германіи, особенно направленія, такъ сказать, лѣвой стороны; онъ имѣлъ въ древней классической литературѣ познанія, которыя приводили меня въ изумленіе. Независимо отъ этого онъ былъ хорошій знатокъ богословской литературы (вліяніе Хомякова), особенно русской сектантской, зналъ хорошо бытъ раскольниковъ, усердно занимался статистикой и изучалъ народную жизнь во всевозможныхъ направленіяхъ... Онъ былъ горячій любитель народнаго быта, исповѣдывалъ въ философіи и политической экономіи довольно передовыя ученія [1]), но революціонеромъ въ какомъ бы то ни было

[1]) Въ другомъ мѣстѣ авторъ прибавляетъ, что ихъ бесѣды и споры часто вращались вокругъ именъ Фейербаха, Макса Штирнера, Луи Блана и Прудона, на ряду съ которыми впрочемъ были другія, какъ Гегель, Вико, Монтескье. Въ частности относительно Штирнера слѣдуетъ прибавить, что его индивидуалистическая философія повидимому не осталась безъ вліянія на Рыбникова: ея слѣды можно видѣть напр. въ уцѣлѣвшемъ изъ юношеской поры наброскѣ стихотворенія, гдѣ между прочимъ читаемъ:

Въ пучинѣ минутныхъ явленій
Одно устойчиво—я,
Въ хаосѣ реальныхъ мгновеній
Реальна—дума моя.

И далѣе:

Богъ можетъ сразить меня волей,
И можетъ власть уморить,

смыслѣ онъ не былъ никогда и, повторяю, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ». Модестовъ прибавляетъ: «Смѣло могу сказать, что никому изъ лицъ, съ которыми раньше или позже мнѣ приходилось сталкиваться, я не былъ обязанъ, посредственно или непосредственно, своимъ умственнымъ развитіемъ въ такой степени, какъ Рыбникову. Во многихъ письмахъ, которыя я писалъ тогда въ изобиліи въ Петербургъ къ университетскимъ товарищамъ, вѣроятно, найдется не мало строкъ, посвященныхъ Рыбникову, и полныхъ восторженныхъ о немъ отзывовъ. Цѣлые вечера, иногда даже цѣлыя ночи мы проводили съ нимъ въ разговорахъ»...

Этотъ очеркъ даетъ довольно ясное представленіе о личности Рыбникова въ періодъ, очень близкій къ катастрофѣ, нарушившей спокойный ходъ его развитія. Переходимъ теперь къ внѣшней исторіи этого событія.

Состояніе источниковъ не даетъ возможности представить эпизодъ ареста и ссылки со всей полнотой, но общій ходъ исторіи устанавливается довольно отчетливо изъ сопоставленія воспоминаній сестры Рыбникова и свѣдѣній, сообщенныхъ Модестовымъ и К. Петровымъ, которые получили ихъ отъ самого П. Н. [1]). На основаніи этихъ источниковъ дѣло представляется въ такомъ видѣ. Черезъ Хомяковыхъ Рыбниковъ познакомился съ семьей помѣщиковъ Жеребцовыхъ [2]). У этихъ Жеребцовыхъ онъ гостилъ въ черниговскомъ имѣніи Лаврики (или Лаврентьево), когда знакомился съ расколомъ и записывалъ пѣсни въ

Замучить, стараться неволей
Мой духъ себѣ покорить.

Ну, умеръ, замученъ, въ темницѣ...
Коль трупъ—такъ это не Я;
Въ темницѣ сіяетъ денницей
Свободная мысль моя.

[1]) К. Петровъ работалъ вмѣстѣ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскомъ статистическомъ комитетѣ.

[2]) Повидимому, къ этой семьѣ прикосновененъ Н. Жеребцовъ, одно время виленскій губернаторъ, много ѣздившій по Европѣ, усердный, но узкій славянофилъ, плохой писатель, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, частью писанныхъ по-французски и изданныхъ за границей, въ томъ числѣ извѣстной Histoire de la civilisation en Russie въ 2 томахъ, которую Добролюбовъ подвергъ уничтожающей критикѣ.

тамошнихъ старовѣрческихъ слободахъ. Модестовъ пишетъ, что «своими связями съ старообрядческимъ купечествомъ онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе духовныхъ властей, а затѣмъ и полиціи», упоминая, со словъ Рыбникова, о какомъ-то неумѣстномъ его спорѣ съ черниговскимъ архіереемъ. Замѣтимъ, что помимо этого, самое «хожденіе въ народъ» образованнаго человѣка, да еще въ «русскомъ» платьѣ должно было казаться подозрительнымъ даже въ тѣ времена и само по себѣ могло вызвать полицейскія мѣропріятія; самъ Рыбниковъ косвенно подтверждаетъ это слѣдующими словами своей «Замѣтки»: «Неужели, скажутъ иные, для собиранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживанье и подражаніе, разумѣется, никуда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это небезполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства» [1]). Другую серьезную причину неблагосклоннаго вниманія черниговской полиціи къ молодому этнографу открываетъ сообщеніе К. Петрова о томъ, что Рыбниковъ по неопытности житейской отправился въ слободы «безъ паспорта, съ однимъ только письмомъ Хомякова». Всего этого оказалось вполнѣ достаточно для задержанія и высылки подозрительной личности. По разсказу сестры, Рыбниковъ былъ взятъ изъ деревенскаго дома Жеребцовыхъ, и госпожа Жеребцова французскимъ письмомъ извѣстила его мать объ арестѣ и о томъ, что она сожгла всѣ его бумаги [2]).

Тотчасъ послѣ того, какъ Рыбникова взяли и повезли въ Петербургъ въ III Отдѣленіе, начались хлопоты о смягченіи его участи;

---

[1]) Неясныя на первый взглядъ слова: „переряживанье не годится, а можно носить русское платье“ мы толкуемъ такъ, что Рыбниковъ не для собиранія пѣсенъ спеціально надѣлъ поддевку и высокіе сапоги, а носилъ ихъ въ ту пору, какъ привычный костюмъ, подъ вліяніемъ славянофильскаго кружка. Объ этомъ говоритъ и сестра его, наконецъ другимъ подтвержденіемъ тому могутъ служить слова К. Петрова, что Рыбниковъ уже въ Петрозаводскѣ продолжалъ дома носить русскую рубаху и высокіе сапоги (loc. cit., стр. 82—83).

[2]) К. Петровъ пишетъ: „Онъ собралъ весьма много матеріаловъ, но все собраніе погибло безслѣдно“.

Хомяковы пустили въ ходъ свои связи и очевидно кое-чего добились. Прежде всего матери и сестрѣ было дано свиданіе, что дѣлалось далеко не часто. Вотъ разсказъ сестры объ этомъ: «Послѣ полученія письма (отъ Жеребцовой) мамаша пошла, кажется, къ Хомякову или кому-то другому изъ славянофиловъ [1]); намъ дали письма къ Шеншиной, очень знатной вдовѣ, другу Тютчевой, воспитательницы великой княжны [2]). Мы съ мамашей поѣхали въ Петербургъ и утромъ же пошли къ Шеншиной. Она уже знала, сейчасъ же приняла насъ, молодая красавица, недавно овдовѣвшая, обласкала насъ и сказала, что будетъ хлопотать о свиданіи. Не помню уже, на другой или на третій день мы поѣхали въ третье Отдѣленіе. Провели въ длинную залу; вышелъ братъ. Тутъ же былъ дежурный офицеръ, очень деликатный—и не смотрѣлъ на насъ, и не слушалъ... Потомъ мы были второй разъ, прощались съ братомъ, передали ему вещи, которыя были ему нужны. Тютчева просила Государыню, говорила, что онъ ничего не сдѣлалъ, и что онъ опора семьи. И братъ поступилъ на службу. Безъ дѣла онъ былъ съ полгода».

II.

Трудно опредѣлить точно, когда именно Рыбниковъ былъ арестованъ и доставленъ въ Петрозаводскъ. Въ началѣ іюня 1859 г. онъ уже былъ зачисленъ на службу (см. ниже объ этомъ); итакъ, если память не измѣнила сестрѣ, то прибытіе его на сѣверъ надо отнести къ зимѣ или къ началу весны [3]).

---

[1]) Повидимому, именно къ Хомякову, онъ былъ близокъ съ молодымъ Н. В. Шеншинымъ, умершимъ какъ разъ въ 1858—59 гг.

[2]) Рѣчь очевидно о фрейлинѣ г. А. Ф. Тютчевой, дочери поэта, на которой позднѣе женился И. С. Аксаковъ.

[3]) Къ осени 1859 года вѣсть о высылкѣ успѣла долетѣть въ Лондонъ къ Герцену; въ № 51 отъ 1 сентября „Колоколъ“ помѣстилъ замѣтку: „Мы были бы очень благодарны, если бы намъ сообщили подробности, за что сосланъ въ Петрозаводскъ г. Рыбниковъ. Намъ пишутъ, что онъ сосланъ за то, что, изучая въ Черниговской губ. промышленность, онъ ходилъ въ *русскомъ*, а не въ *нѣмецкомъ* платьѣ. И это не при Биронѣ, не при Николаѣ!“ Дальнѣйшихъ извѣстій въ „Колоколѣ“ мы не нашли.

К. Петровъ сообщаетъ, что первое время въ Петрозаводскѣ онъ бѣдствовалъ и знакомства его ограничивались небольшимъ кружкомъ учителей. Нѣкоторыя подробности о началѣ Петрозаводской жизни Рыбникова находимъ въ статьѣ С. Приклонскаго, служившаго въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Петрозаводскѣ, гдѣ, конечно, еще свѣжа была память о Рыбниковѣ [1]). Онъ пишетъ: ... «живо доставили молодого человѣка въ Петрозаводскъ въ томъ самомъ костюмѣ, который «повлекъ за собою важныя неудобства». И здѣсь, такъ же какъ и въ Черниговской губ., этотъ костюмъ привелъ въ ужасъ весь чиновничій міръ, къ которому, замѣтимъ кстати, принадлежитъ все безъ исключенія культурное населеніе Петрозаводска. На молодого человѣка пальцами показывали на улицахъ, чиновники нарочно ходили смотрѣть на него, а чиновницы пугали имъ малыхъ дѣтей. Словомъ, положеніе молодого человѣка было самое непріятное». Можетъ быть, въ этой картинѣ, писанной съ чужихъ словъ, кое-что преувеличено; мы видѣли, что Рыбниковъ не былъ послѣ ареста предоставленъ собственной участи, тѣмъ не менѣе, вполнѣ допустимо, что на первыхъ порахъ онъ терпѣлъ и отъ матеріальныхъ стѣсненій и отъ оскорбительнаго любопытства провинціаловъ—жителей глухого угла. Во всякомъ случаѣ Рыбниковъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко затираются въ подобной обстановкѣ; онъ очень быстро долженъ былъ выдвинуться и заблестѣть крупнѣйшей звѣздой на Петрозаводскомъ горизонтѣ, за это говоритъ его умъ, молодая энергія и большая, разносторонняя образованность. Съ другой стороны, вліятельныя хлопоты дѣлали свое дѣло и помогли ему быстро пріобрѣсти и приличное служебное положеніе. Тѣ далекія времена въ одномъ отношеніи были лучше позднѣйшихъ: административная ссылка вовсе не имѣла цѣлью обречь «неблагонадежнаго» на положеніе паріи въ мѣстномъ обществѣ и на ужасъ полуголоднаго существованія; зачастую высланный

---

[1]) На свѣдѣнія С. Приклонскаго („Сѣверный Вѣстникъ“, 1886 г. № 3 „Судьба губернскихъ статистиковъ“), не вездѣ точныя, считаемъ все-таки возможнымъ опираться, такъ какъ они были провѣрены очевидцемъ: его статья вызвала годъ спустя воспоминанія К. Петрова, который, исправляя одно, молчаливо призналъ другое.

немедленно опредѣлялся на службу и входилъ въ мѣстную жизнь полноправнымъ членомъ общества; если примѣры Герцена или Салтыкова еще можно считать за счастливыя исключенія, объясняющіяся богатствомъ и связями, но на ряду съ ними найдутся другіе, къ которымъ такое объясненіе неприложимо [1]). Разумѣется, протекція и тогда значила много, а матеріальныя средства сглаживали пути, какъ и всегда, но важно, что случаи высылки были рѣдки и для нихъ не было выработано общаго «положенія»; многое зависѣло отъ мѣстной власти. Наконецъ, то было время новыхъ вѣяній, правительство само будило общество, особенно по крестьянскому вопросу, и идеѣ «прогресса» весьма нечужды были даже многіе администраторы.

Олонецкимъ губернаторомъ въ то время былъ генералъ Н. П. Волковъ. Онъ былъ по всѣмъ признакамъ не лишенъ гуманной просвѣщенности и рано отозвался на старанія правительства двинуть впередъ крестьянскій вопросъ; намъ извѣстно, что онъ еще въ 1858 г. подалъ цѣлый проектъ эмансипаціи; открытый при немъ 22 февраля 1859 г. Олонецкій губернскій дворянскій комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ настроенъ прогрессивно, работалъ дружно и быстро пришелъ къ соглашенію. Закрывая 4 іюня комитетъ, губернаторъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ между прочимъ: «Привѣтствую васъ и какъ истинно русскій дворянинъ, которому дорого всякое общественное преуспѣяніе, который твердо убѣжденъ и вполнѣ сознаетъ, что идея эмансипаціи крестьянъ есть первая и необходимая для насъ реформа въ ряду внутреннихъ улучшеній, озабочивающихъ наше правительство, ибо безъ нея нѣтъ настоящаго прогресса для общества, это—conditio sine qua non будущаго совершенствованія любезнаго нашего отечества». Въ концѣ рѣчи онъ съ трогательной увѣренностью восклицалъ: «А если еще найдется въ отдаленныхъ углахъ земли нашей нѣсколько упорныхъ защитниковъ старины и рутины, которые будутъ отрицать осязательныя благодѣянія этой мѣры, то оставимъ этихъ слѣпорожденныхъ коснѣть въ ихъ заблужденіяхъ».

[1]) Какъ разъ передъ Рыбниковымъ чиновникомъ особыхъ порученій олонецкаго губернатора былъ нѣкто Болассогло, невидный чиновникъ Азіатскаго департамента, высланный по слабой прикосновенности къ дѣлу Петрашевцевъ. О немъ намъ придется упомянуть дальше.

При этомъ Волковѣ 10 іюня 1859 г. Рыбниковъ былъ опредѣленъ на службу «въ число канцелярскихъ служителей канцеляріи начальника губерніи», 14 іюля въ московскій университетъ былъ направленъ запросъ по дѣлу о его производствѣ въ чинъ [1]), а 30 ноября Павелъ Рыбниковъ, уже дѣлопроизводитель губернскаго статистическаго комитета, былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Съ этихъ поръ его служебное положеніе развивалось и крѣпло для поднадзорнаго ссыльнаго очень быстрымъ темпомъ [2]). За 7 лѣтъ пребыванія въ Петрозаводскѣ онъ видѣлъ трехъ губернаторовъ [3]), и всѣ они относились къ нему, какъ видно, не плохо, особенно послѣдній, Арсеньевъ. Разумѣется, въ первое время Рыбниковъ внушалъ извѣстныя опасенія; особенно должно было казаться подозрительнымъ его стремленіе пользоваться служебными разъѣздами для «якшанья» съ народомъ и склонность застрѣвать въ деревняхъ (а это началось уже съ декабря 1859 г.); по крайней мѣрѣ онъ писалъ въ апрѣлѣ 1861 г. П. Безсонову: «Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайней мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ хочу и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставили за собой непріятности... Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку (рѣчь идетъ о лѣтней поѣздкѣ 1860 г.) я собралъ бы многое, да меня воротили [4]). Но послѣ выхода въ свѣтъ I и затѣмъ II тома былинъ въ немъ увѣри-

---

[1]) Рыбникову не везло въ мелочахъ; запросъ былъ вызванъ недѣйствительностью его аттестата: въ университетѣ при выдачѣ забыли приложить къ нему печать.

[2]) Приводимъ этапы его службы по „Олонец. Губ. Вѣдомостямъ“, откуда нами почерпнуты почти всѣ данныя для этого періода жизни: 1860 г.—младшій помощникъ правителя канцеляріи губернатора; 1861 г.—секретарь статистическаго комитета и младшій чиновникъ особыхъ порученій; 1862 г.—старшій чиновникъ особыхъ порученій; 1863 г.—совѣтникъ губернскаго правленія; 1866 г. декабрь — переведенъ на службу въ Царство Польское (вице-губернаторомъ въ г. Калишъ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ 1885 г. въ той же должности.)

[3]) Волкова ненадолго замѣстилъ А. А. Философовъ, а послѣдніе четыре года управлялъ губерніей Ю. К. Арсеньевъ, сынъ К. Арсеньева, когда-то профессора Петербургскаго университета, пострадавшаго въ 20-хъ годахъ вмѣстѣ съ Галичемъ и Раупахомъ и бывшаго потомъ по выбору Жуковскаго учителемъ Наслѣдника.

[4]) Изъ писемъ Р—ва; см. въ III томѣ настоящаго изданія.

лись: изъ приведенныхъ словъ можно вывести, что уже въ 1861 г. онъ сталъ чувствовать себя свободнѣе въ этомъ отношеніи[1]).

Ссылка не оказала на Рыбникова сильнаго угнетающаго вліянія, не подорвала его душевныхъ силъ. По натурѣ онъ былъ человѣкъ, полный жизненной энергіи, любилъ людей и умѣлъ съ ними сходиться, съ открытой душой и бодрымъ настроеніемъ шелъ на встрѣчу жизни и интересовался разнообразными ея проявленіями, не лишенный чутья къ ея практическому смыслу; ничего болѣзненнаго, замкнутаго, мечтательнаго въ немъ не коренилось; это была здоровая, уравновѣшенная личность, съ умомъ яснымъ, чистымъ и конкретнымъ. Много значитъ, что ссылка захватила его еще не успѣвшимъ окончательно выяснить свою дорогу и сдѣлать по ней рядъ закрѣпляющихъ шаговъ, а то, что въ немъ болѣе или менѣе опредѣлилось (мы разумѣемъ интересъ къ народной жизни), скоро нашло себѣ обширное примѣненіе и въ новыхъ условіяхъ жизни. Поэтому Рыбниковъ очень быстро оріентировался среди этихъ новыхъ обстоятельствъ и нашелъ себѣ живую, разнообразную дѣятельность. Служба, необходимая по внѣшнимъ условіямъ положенія, разумѣется, не могла стать цѣлью жизни высоко развитого человѣка, и онъ цѣнилъ въ ней лишь тѣ ея стороны, которыя соприкасались такъ или иначе съ его интересами или давали для нихъ удобную обстановку.

[1]) Характеренъ впрочемъ случай, относящійся къ 1863 году. Когда Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ іюнѣ былъ въ Петрозаводскѣ, рѣшено было показать ему и народнаго пѣвца былинъ. Во время прогулки въ подгородное село Соломенное, красиво стоящее на высокой горѣ надъ Онежскимъ озеромъ, слѣпой сказитель Козьма Романовъ спѣлъ для Наслѣдника нѣсколько былинъ. Ученикъ Буслаева съ большимъ интересомъ слушалъ пѣніе, разговаривалъ съ пѣвцомъ; объясненія давалъ учитель гимназіи (позднѣе кіевскій профессоръ) И. П. Хрущовъ. Естественно было ожидать, что здѣсь первое мѣсто займетъ Рыбниковъ, но такъ не вышло. Почему? Хрущовъ въ своей статьѣ, посвященной этому случаю („Сборникъ статей". Спб. 1901 г., стр. 291), изображаетъ, что весь эпизодъ вышелъ случайно, мысль показать К. Романова Наслѣднику явилась у автора вдругъ, меньше чѣмъ за часъ до поѣздки, онъ бросился къ гр. Строганову, получилъ согласіе и едва успѣлъ захватить пѣвца на пароходъ. Все это, очевидно, было; но Е. В. Барсовъ, жившій тогда въ Петрозаводскѣ, разсказывалъ намъ, что была рѣчь о приглашенія Рыбникова, но это было найдено неудобнымъ въ виду его „неблагонадежнаго" положенія.

Уже первую служебную свою поѣздку въ Повѣнецкій уѣздъ на большую ярмарку въ Шунгѣ (декабрь 1859 г.), гдѣ Рыбниковъ въ качествѣ дѣлопроизводителя статистическаго комитета долженъ былъ собрать свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ, онъ использовалъ насколько могъ, и въ этнографическихъ цѣляхъ и для знакомства съ мѣстной жизнью въ различныхъ отношеніяхъ. Такъ это было и потомъ. Онъ былъ чутокъ и къ природѣ края, интересовался бытомъ, нравами и общимъ положеніемъ населенія; во всѣ особенности жизни, начиная съ обычаевъ и вѣрованій, кончая промыслами, торговлей и ея условіями, онъ вникалъ, все давало ему матеріалъ для общихъ сужденій о народѣ, для выясненія великой коллективной народной физіономіи. Разнообразіе интересовъ, съ которыми онъ подходилъ къ крестьянской жизни на сѣверѣ, отражается въ любопытныхъ (къ сожалѣнію немногихъ) сохранившихся письмахъ его изъ Шунги къ одному сослуживцу, А. В. де-Сенъ Лорану (мы помѣщаемъ ихъ цѣликомъ въ третьемъ томѣ); иногда здѣсь явственно звучитъ голосъ шестидесятника-народолюбца, иногда просто образованнаго человѣка того времени, иногда видны черты внутренней личности. Вотъ нѣсколько выдержекъ оттуда.

«Войдите въ крестьянскую избу съ промерзшими углами, съ занесенными окнами, съ ея угаромъ и чадомъ и осмотритесь кругомъ: передъ вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Цѣлое семейство сбилось въ кучу въ одной комнатѣ, потолокъ застланъ вѣковой сажей, свѣтъ чуть-чуть проходитъ черезъ щели оконныхъ ставень, на полкахъ запасъ лучинъ и дровъ, у печки тускло горитъ, нагораетъ и гаснетъ лучина. Темнота, холодъ, нечистота. Поработавъ цѣлый день на морозѣ съ утра до вечера, сюда торопится крестьянинъ, похлебаетъ щей изъ ячменной крупы съ вяленой говядиной, а чаще поѣстъ одного хлѣба съ пескомъ или толокна и заснетъ тяжелымъ сномъ въ этомъ угарѣ и удушьѣ. Сегодня онъ снесъ подати, а завтра надобно отдавать сына или брата въ солдаты, послѣ завтра давать отвѣтъ передъ судомъ за порубку дровъ для топлива. Впереди вѣчное изгибаніе передъ сильными и, пожалуй, тюрьма за то, что крестился по старому и вмѣсто Іисуса выговаривалъ Ісусъ. Лѣтомъ скотскій падежъ, зимой долги и недостатокъ хлѣба.

«Не по силушкам крестьянчикамъ работушка,
«Не по розмыслу крестьянчикамъ заботушка».

«Впрочемъ, что жъ намъ горевать о ихъ судьбѣ. Вѣдь ихъ трудомъ и усталостью мы покупаемъ себѣ удобства нашей цивилизованной жизни.

«Но несмотря на эту тяжелую обстановку, крестьянинъ искреннѣе въ своихъ чувствахъ и послѣдовательнѣе въ своихъ поступкахъ насъ, цивилизованныхъ людей. Если онъ дошелъ самъ собою до убѣжденія, что какая-нибудь неправда истинно неправда, а глупость въ самомъ дѣлѣ глупость и помѣха, такъ ужъ ничѣмъ не заставишь его идти по старымъ слѣдамъ, по нелюбой торной дорогѣ. Конечно, у него выходъ изъ стараго свой, но за то какой рѣшительный и безвозвратный. Если онъ ненавидитъ недруга, онъ изведетъ его; если полюбилъ, а родные стали поперекъ его счастья, или любимая дѣвушка не отвѣчаетъ на его любовь,—такъ онъ идетъ въ монастырь; если усумнился въ истинѣ преданія и значеніи обрядности,—создаетъ свою религіозную и философскую систему, распространяетъ ее между братьями и стоитъ за нее, не боясь тюрьмы и ссылки; если сознаъ, что гнетъ сверху превосходитъ всякую мѣру,

«схватитъ шалыгу подорожную...
«И видитъ князь Владиміръ стольно-кіевскій,
«Что пришла бѣда неминучая».

«Да, мы, образованные люди, не умѣемъ уже такъ освобождаться отъ своихъ кумировъ и пугалъ».

Мы привели цѣликомъ эту обширную выдержку, очень характерную и для эпохи и для человѣка; здѣсь заложено зерно цѣлаго міровоззрѣнія, это въ извѣстной степени profession de foi народничества переходнаго времени, гдѣ можно различить, какъ вскормленный эпохой нашего пробужденія, некрасовскій реализмъ сливается съ воспринятымъ въ Хомяковскомъ кружкѣ романтизмомъ славянофильства. Вотъ отрывокъ иного характера, гдѣ уже апоѳеозъ развитой личности, а не народа:

«На второй станціи я сбросилъ шубу, легъ на снѣгъ и долго смотрѣлъ въ небо. Вотъ Марсъ съ своимъ вѣчнымъ краснымъ

мерцаніемъ, Венера невольно манитъ къ себѣ своими чарующими синими лучами, свѣтлыя пятна разрѣшаются, когда въ нихъ всматриваешься, во множество звѣздъ. И всѣ эти звѣзды— міры, всѣ повинуются тѣмъ же законамъ бытія, какъ и наша земля: однѣ еще не достигли расцвѣта органической жизни, другія пережили ее, на третьихъ уже живетъ и дѣйствуетъ царственный человѣкъ, смотритъ въ звѣздное небо и постигаетъ устройство мірозданія. Но знаетъ ли на иныхъ земляхъ человѣкъ, что эта природа не что-нибудь чужое ему, а родная мать, что въ немъ и единственно въ немъ она достигаетъ сознанія? Или, быть можетъ, и тамъ онъ пугается величія своего разума и чувства, падаетъ во прахъ передъ явленіями природы и обожаетъ разныхъ куколъ, созданія своего страха и благодарности?»

Но довольно выдержекъ, которыя помогли намъ нѣсколько вскрыть духовную личность европейски образованнаго дѣлопроизводителя Олонецкаго статистическаго комитета; посмотримъ, какъ проявлялъ онъ себя среди мѣстныхъ условій дѣятельности, въ томъ краѣ, куда его забросила судьба.

Рыбниковъ, какъ сказано, отдалъ много силъ и вниманія нуждамъ Олонецкой губерніи. Его имя стоитъ подъ многими работами (часто довольно обширныхъ размѣровъ), посвященными практическимъ потребностямъ мѣстной жизни; работы эти были связаны съ его ролью секретаря статистическаго комитета и появлялись въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ», переходя затѣмъ въ «Памятныя книжки Олон. губерніи». Назовемъ два описанія большой Шунгской ярмарки, статью «О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ» и обстоятельную записку «О рыболовствѣ и охотѣ въ Пудожскомъ уѣздѣ»; наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петрозаводска въ 1866 г. на прощанье съ Олонецкой губ. онъ помѣстилъ въ «Губ. Вѣдомостяхъ» замѣтку о положеніи Тивдійскихъ мраморныхъ ломокъ.

Мы не говоримъ объ обработкѣ разныхъ статистическихъ таблицъ или результатовъ подворной переписи Петрозаводскаго населенія,— это требовалось по службѣ,— но несомнѣнно его добровольной инціативѣ принадлежатъ, напр., данныя въ 1864 г. таблицы сравнительнаго спроса въ губерніи на журналы

съ газетами и на игральныя карты; этотъ опытъ «духовной» статистики очень интересенъ по самой идеѣ. Умственныя потребности мѣстнаго населенія вообще нерѣдко были предметомъ его заботъ; по личному опыту знавшій, какъ важенъ въ глухой провинціи всякій лишній духовный рессурсъ, Рыбниковъ на самые различные лады дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ.

Никому другому, кромѣ него, не могъ по нашему убѣжденію принадлежать фельетонъ въ № 40 «Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859 г., написанный по поводу любительскаго спектакля; за 8 - 9 лѣтъ просмотрѣнной нами газеты ни до того, ни послѣ ни разу не видѣли мы здѣсь такого языка и такихъ мыслей. Спектакль былъ для автора фельетона [1]) только поводомъ передать навѣянныя этимъ событіемъ мысли, и о самомъ представленіи сказано двѣ-три строки въ концѣ; авторъ все время говоритъ о скудости и неосмысленности глухой провинціальной жизни, о томъ, какъ легко опускается и грубѣетъ среди такихъ условій личность, о значеніи литературы и искусства для поддержанія высокаго строя души. Фельетонъ написанъ глубоко культурнымъ человѣкомъ, въ пору тоскливаго раздумья, на мигъ развѣяннаго спектаклемъ; появился онъ приблизительно въ октябрѣ 1859 года, когда Рыбниковъ, недавній и невольный жилецъ Петрозаводска, естественно долженъ былъ всего сильнѣе томиться. А спустя три мѣсяца, въ январѣ мы читаемъ объ открытіи въ городѣ публичной библіотеки по частному почину кружка лицъ, первыхъ ея подписчиковъ, «по желанію которыхъ библіотекаремъ избранъ П. Н. Рыбниковъ». Очевидно, это было продолженіе мысли фельетона. Иниціатива и руководительство Рыбникова здѣсь ярко сказались въ опубликованномъ спискѣ выписанныхъ въ библіотеку журналовъ и газетъ [2]);

---

[1]) Фельетонъ подписанъ „П—ъ“, что могло означать начало и конецъ имени или имени вмѣстѣ съ фамиліей; напомнимъ, что и свои былины, и другія вещи въ „Губ. Вѣд.“ Рыбниковъ обыкновенно подписывалъ одними иниціалами.

[2]) Вотъ этотъ любопытный списокъ (изъ № 5 „Губ. Вѣд“.): „Современникъ“ (2 экз.), „Отечественныя Записки“ (2 экз.), „Русскій Вѣстникъ“, „Библіотека для чтенія“, „Свѣточъ“, „Семейный кругъ“, „Разсвѣтъ“, „Художественный Листокъ Тимма“, „Искра“; газеты: „Русскій Міръ“ (Стоюнина), „Московскій Вѣстникъ“ (2 экз.), „Le Nord“, „Le Voleur“, „Augsburg. Allgem. Zeitung“, еще три иностранныхъ газеты и польскій иллюстрированный „Tygodnik“.

это былъ повидимому первый опытъ просвѣтительнаго учреждения въ Петрозаводскѣ; поставленная сразу на довольно широкую ногу, библіотека очевидно не могла быть поддержана небольшимъ кружкомъ лицъ, которыя умѣли оцѣнить пользованіе ею, и въ 1862 г. захирѣла. Но Рыбниковъ не бросилъ идеи. Въ 1864 г. вышли правила, по которымъ съ разрѣшенія попечителя округа въ библіотеки при учебныхъ заведеніяхъ могли получать доступъ частныя лица на правахъ подписчиковъ за плату; въ Петрозаводскомъ уѣздномъ училищѣ тотчасъ же воспользовались этими правилами и открыли пріемъ подписчиковъ, а вскорѣ и особое отдѣленіе для учащихся. Библіотека уѣзднаго училища въ 1865 г. объявляла, что въ ея дѣлахъ принимаетъ участіе П. Н. Рыбниковъ, помогаетъ въ выборѣ и выпискѣ книгъ, жертвуетъ туда свои газеты [1]); библіотека получала всѣ лучшіе журналы, очевидно, по его выбору [2]).

Такъ разнообразно отзывался Рыбниковъ на практическія и культурныя нужды края, съ которымъ связала его судьба; его широкій и свѣтлый взглядъ, солидная образованность и привлекательныя нравственныя свойства нерѣдко даютъ о себѣ знать на страницахъ офиціальной газеты, которой мы обязаны всѣми приведенными свѣдѣніями [3]). Особо заслуживаетъ быть отмѣченъ одинъ случай, относящійся къ послѣднему году пребыванія Рыбникова на сѣверѣ. Новыя судебныя учрежденія только что были введены въ Олонецкой губ. и въ мартѣ 1866 г.

---

[1]) „День“, „Петербургскія Вѣдомости“ и „Allgemeine Illustritre Zeitung“.

[2]) „Отеч. Записки“, „Современникъ“, „Русское Слово“, „Эпоху“, „Библіотеку для чтенія“, „Филологическія Записки“, „Учитель“.—Характерно отсутствіе „Русскаго Вѣстника“.

[3]) Приведемъ еще одинъ мелкій фактъ. 5 іюня 1863 г. въ губернаторскомъ домѣ былъ устроенъ первый въ Петрозаводскѣ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу бѣдныхъ учащихся; для характеристики времени интересно отмѣтить, что здѣсь читались вещи Некрасова и Шевченка. Рыбниковъ читалъ на этомъ вечерѣ былину изъ своего сборника и стихотвореніе Хомякова. Затѣмъ врядъ ли безъ его участія и помощи могъ быть выполненъ праздникъ лѣтомъ 1865 г., данный губернаторомъ въ Каргополѣ французскому послу графу Перигору, гдѣ „каргопольскіе мѣщане пѣли лучшія русскія пѣсни и представляли на лодкахъ (на р. Онегѣ) разныя сцены изъ стариннаго народнаго быта и изъ жизни русскихъ сказочныхъ богатырей“.

Петрозаводску предстояло впервые видѣть уголовный процессъ по новому закону. Была ограблена сельская церковь, при чемъ изъ двухъ сторожей одинъ оказался убитъ; по докладу состоялось Высочайшее распоряженіе вести дѣло военно-полевымъ судомъ. Обвинялся другой сторожъ. Процессъ велся при открытыхъ дверяхъ; когда предсѣдатель обратился къ публикѣ съ вызовомъ, не желаетъ ли кто принять на себя защиту подсудимаго, Рыбниковъ заявилъ о своемъ согласіи и произнесъ большую рѣчь, очевидно, изучивъ дѣло предварительно; онъ по пунктамъ доказалъ неосновательность уликъ, шагъ за шагомъ воспроизвелъ картину преступленія, объяснилъ сбивчивость показаній подсудимаго, при чемъ подробно вникъ въ душевное состояніе этого болѣзненнаго, забитаго старика, къ тому же корела, плохо понимавшаго русскій языкъ. Сторожъ, которому угрожала смертная казнь, былъ оправданъ.

Всего крупнѣе и нагляднѣе сказались результаты знакомства Рыбникова съ сѣвернымъ краемъ, разумѣется, въ области народной литературы и старины. Здѣсь, кромѣ собиранія былинъ, пѣсенъ и повѣрій, о чемъ будетъ сказано особо, мы должны отмѣтить еще, что онъ собралъ изрядное количество духовныхъ стиховъ, которые передалъ Безсонову, затѣмъ составилъ порядочный сборникъ мѣстныхъ словъ, не вошедшихъ въ Областной словарь [1]); и, наконецъ, въ послѣдній годъ петрозаводской жизни напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» небольшой словарикъ «билямскаго» языка (профессіональный языкъ стекольщиковъ Ладвинскаго погоста, Петрозав. уѣзда). Кромѣ того, Рыбниковъ доставляетъ въ Археологическое Общество и коллекцію каменныхъ орудій, и старинныя стеклянныя отливки-копіи съ античныхъониксовъ [2]), и монеты, и рукописи.

---

[1]) Этотъ сборникъ состоитъ почти изъ 500 словъ, часто сопровожденныхъ толкованіями; онъ не совпадаетъ съ словаремъ, приложеннымъ къ былинамъ и былъ напечатанъ въ VI выпускѣ Этнограф. Сборника Импер. Русск. Геогр. Общества.

[2]) Относительно этой коллекціи читаемъ въ „Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Общества" за 1862—63 гг., что Д. В. Полѣновъ передалъ въ Общество собраніе изъ 75 рѣзныхъ камней, найденныхъ въ Бережно-Дубровскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда, что это оказались не подлинные рѣзные камни (ониксы), а литые изъ стекла по античнымъ образцамъ. Въ числѣ сюжетовъ Полѣновъ на-

Относительно послѣднихъ надо сказать, что среди нихъ не было цѣнныхъ для науки пріобрѣтеній и часто интересъ ихъ—чисто мѣстный [1]). Мѣстную старину Рыбниковъ усердно разыскивалъ и по его вызову въ «Губ. Вѣдомостяхъ» кое-что было доставлено; въ 1866 г. онъ въ цѣломъ рядѣ №№ газеты печаталъ «Петрозаводскіе сѣверные вечера» нѣкоего Баландина, записавшаго разсказы своего дѣда, шихтмейстера при Петрѣ, о первоначальномъ заселеніи Петрозаводска.

Если мы прибавимъ, что въ томъ же году Рыбниковъ далъ интересное описаніе одной изъ своихъ послѣднихъ поѣздокъ по губерніи [2]), то мы исчерпаемъ все, что далъ онъ о сѣверномъ краѣ. Намъ предстоитъ теперь нѣсколько остановиться на исторіи собиранія былинъ и другихъ произведеній народной поэзіи.

зываетъ: Палладу со славой, сидящаго Меркурія, Гермафродита, Дискобола, Энея, несущаго отца, жертвоприношеніе Пріапу, Сократа, Тиверія и др. Мѣстность, гдѣ найдены вещи, входила въ составъ торговаго пути Европы съ древней Біарміей. Предположено, что если отливки привезены были на продажу, то это могло быть въ половинѣ XVI в. Общество постановило просить академика Стефани дать свое заключеніе. Намъ неизвѣстно, было ли это исполнено.

[1]) Въ имѣющемся у насъ письмѣ къ Рыбникову И. С. Аксакова 1862 г. говорится впрочемъ еще объ одной партіи рукописей, присланной Аксакову, и послѣдній пишетъ: „говорятъ, очень замѣчателенъ и рѣдокъ по полнотѣ своей Кіевскій Патерикъ". Но вотъ и все, что сказано о Патерикѣ, съ прибавкой указанія, что рукопись ветха и что она попала къ Безсонову.

[2]) Статья эта вошла изъ „Губ. Вѣд." въ Памятную книжку 1867 г. Въ ней интересны картины дикихъ красотъ природы (скалы, пороги Суны), описаніе глухихъ, едва доступныхъ мѣстъ, гдѣ чиновнымъ властямъ (поѣздка была служебная) приходилось пробираться лѣтомъ на саняхъ и на волокахъ, и въ носилкахъ, прикрѣпленныхъ между двумя лошадьми. Но самое интересное—это описаніе Данилова и Лексы—остатковъ огромнаго безпоповскаго центра, такъ называемыхъ Выгорѣцкихъ скитовъ. Разоренные въ 1855 г. по приказанію правительства, Даниловъ и Лекса по обширности, богатству и разнообразію формъ дѣятельности едва ли уступали Соловкамъ.

III.

Какія побужденія руководили Рыбниковымъ въ его упорномъ и нелегкомъ трудѣ собиранія народныхъ произведеній? На основаній цѣлаго ряда данныхъ можно утверждать, что тутъ прежде всего извѣстную роль игралъ непосредственный интересъ къ поэтическому творчеству народа, пробужденный еще въ дѣтствѣ и удовлетворявшій художественнымъ склонностямъ натуры, а затѣмъ общее чувство нѣкоторой близости и симпатіи къ народу, поддержанное въ сознательную пору извѣстными принципіальными соображеніями. Рыбниковъ рано попалъ въ атмосферу народной поэзіи, узналъ ее и полюбилъ; его петрозаводскій знакомецъ, академикъ Д. В. Полѣновъ, писалъ съ его разсказовъ Срезневскому: «Будучи происхожденія чисто русскаго, купеческаго, онъ еще въ малолѣтствѣ слышалъ многія былины отъ своей няни и счастливо удержалъ ихъ въ памяти, если не цѣликомъ, то въ главномъ содержаніи. Это послужило къ тому, что, начавши разспрашивать о своемъ предметѣ, самъ онъ первый показалъ знаніе и тѣмъ сразу внушилъ къ себѣ довѣріе» [1]). Это личное знакомство съ эпосомъ видно и въ разсказѣ самого Рыбникова о первой встрѣчѣ съ Т. Рябининымъ (въ «Замѣткѣ»), и въ словахъ его письма къ П. Безсонову: «Я самъ пѣлъ и разсказывалъ крестьянамъ, что зналъ»; во многихъ мѣстахъ «Замѣтки» сквозитъ также и чуткость его къ художественной сторонѣ былинъ. Выше указывалось уже на общую любовь Рыбникова къ народу, а также на тѣ вліянія, подъ которыми складывалось его умственное развитіе и которыя должны были сообщить особый, съ одной стороны,— общественный, въ духѣ 60-хъ гг., съ другой—славянофильскій оттѣнокъ его народолюбію. Этотъ стимулъ опредѣленно выраженъ В. Модестовымъ (въ отвѣтѣ на запросъ того же Срезневскаго), желавшимъ охарактеризовать общее отношеніе Рыбникова къ народу и къ его творчеству: «Съ одной стороны, твердое убѣжденіе, что соціальная наука въ Россіи, до сихъ поръ большей частью чуждая русской жизни, чувствуетъ крайнюю

---

[1]) Извѣстія 2-го Отдѣл. Академіи, т. X, стр. 249—250.

нужду въ ближайшемъ знакомствѣ съ міросозерцаніемъ, нравами и обычаями простого народа, составляющаго ядро нашей національности, съ другой—представленіе, что періодъ самостоятельнаго народнаго творчества доживаетъ послѣдніе дни: вотъ причины, побудившія г. Рыбникова, при горячей любви его къ народу, съ ревностью взяться за дѣло собиранія народныхъ сказаній, которому онъ и предался сряду по выходѣ изъ Московскаго университета» [1]). Въ этой нѣсколько тяжеловѣсной формулѣ прекрасно схвачены многія черты Рыбниковскаго отношенія къ вопросу. Слѣдуетъ только добавить, что выставленная здѣсь «общественная» окраска его научныхъ и иныхъ влеченій къ народу въ общемъ міросозерцаніи Рыбникова умѣрялась не менѣе явственной нотой индивидуализма. Отмѣчавшаяся бѣгло и раньше авторитарность личности была для него не менѣе законна, чѣмъ власть коллектива, и здѣсь лежитъ граница вліянія на него славянофильскихъ воззрѣній. Ниже мы увидимъ, какъ прилагалъ Рыбниковъ эту точку зрѣнія къ объясненію хода русской исторіи.

Изъ приведеннаго матеріала, а также изъ живого разсказа самой «Замѣтки» видна и общая манера Рыбникова обращаться съ народомъ; его открытый и свободный подходъ къ населенію, отсутствіе офиціальности, очевидная симпатія, интересъ и нѣкоторое знаніе условій крестьянской жизни быстро создавали довѣрчивыя и простыя отношенія съ пѣвцами. Припомнимъ, напр., случай, когда онъ верхомъ догоняетъ «сказителя», знавшаго за собой грѣшокъ (порубку) и при видѣ чиновника опрометью кинувшагося въ лѣсъ: дѣло кончилось тѣмъ, что едва «чиновникъ» успѣлъ придти въ себя отъ одышки и душившаго его смѣха, какъ тутъ же, присѣвъ на пенечкѣ, сталъ записывать, что уже пѣлъ ему успокоенный пѣвецъ. Все это необыкновенно содѣйствовало и количественному, и качественному успѣху собиранія.

Что касается внѣшней исторіи знакомства съ пѣвцами и обстоятельствъ, при которыхъ записывались былины, то мы не будетъ излагать всего этого въ связномъ видѣ, чтобы не повто-

---

[1]) Ibidem, стр. 251.

рять «Замѣтки», но попытаемся дать нѣчто вродѣ маршрута поѣздокъ Рыбникова и дневника его записей, насколько это оказывается возможнымъ на основаніи указаній его «Замѣтки», помѣтъ при былинахъ, писемъ II тома и «свѣдѣній о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ» въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ». Эти свѣдѣнія помогутъ полнѣе представить себѣ картину постепеннаго накопленія и провѣрки матеріала, а также разобраться въ разсказѣ «Замѣтки», не вездѣ хронологически ясномъ.

Въ письмѣ къ Безсонову 11 апрѣля 1861 г. Рыбниковъ насчитываетъ уже пять путешествій съ этнографическими результатами, при чемъ сообщаетъ такія подробности: «Въ первыя два путешествія выдалось у меня пять свободныхъ дней [1]): въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные стихи, собралъ разные рукописные матеріалы. Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ между тѣмъ возиться въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со становыми и исправниками. И, наконецъ, въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины». О пятой поѣздкѣ нѣтъ ничего. Эти пять поѣздокъ могутъ быть возстановлены, особенно точно—третья, самая важная, которая одна и изложена, собственно говоря, въ «Замѣткѣ»; дальнѣйшія поѣздки и записи не разсказаны авторомъ нигдѣ, но и тутъ многое устанавливается опредѣленно по помѣткамъ при отдѣльныхъ былинахъ и др. матеріаламъ. Итакъ, вотъ послѣдовательный ходъ поѣздокъ и записей.

1860 г.

I. Январь. На Шунгскую ярмарку, оттуда черезъ Онежское озеро въ Пудожскій уѣздъ (безплодные поиски пѣвца Бутылки).

II. Мартъ. На Шунгу.

Оба раза запись духовныхъ стиховъ, причитаній и пѣсенъ.

III. Май—іюнь. Кижи, Пудога, Кенозеро, Усть Моша, Каргополь. Слушалъ (и записывалъ) *въ Кижахъ*: Л. Богданова, Тр. Рябинина, К. Романова, В. Щеголенка, И. Юхову, молодицу

---

[1]) Извѣстно, что Рыбниковъ для собиранія пользовался разъѣздами по дѣламъ службы.

изъ Кижской губы, старуху изъ Великой губы. *На Пудоть*: крестьянина изъ дер. Большой Дворъ, Н. Прохорова (Утку), Шальскаго лодочника, А. Сорокина (лично записана только часть), 90-лѣтняго старика изъ Колодозера, М. Богданова (Тряпицина), калику Латышова, старушку на р. Онегѣ, Кенозерскаго цѣловальника (Лядкова-Кропачева), крестьянина съ варіантомъ о Чурилѣ.

Къ этому же году должна относиться успѣвшая попасть въ I томъ (подписанъ къ печати 18 марта 1861 г.) запись отъ Дмитріевой, кр. Святозерской вол. (на западъ отъ Петрозаводска).

1861 г.

IV. Январь. На Шунгу. Здѣсь отъ слѣпого Ивана (Ѳепонова) былина о Батыгѣ. Оттуда черезъ Онего искать Бутылку (снова напрасно). Затѣмъ былъ у К. Романова въ Сѣнной Губѣ.

V. Январь. Въ Каргополь (на ревизію съ губернаторомъ); здѣсь запись отъ калики изъ дер. Красныя Ляги [1]).

7 мая. Помѣчена запись изъ погоста Деревянскаго (западный берегъ Онего, южнѣе Петрозаводска).

Лѣто. Былъ между прочимъ въ Пудожск. у., гдѣ провѣрилъ чужую запись отъ Сорокина.

Сентябрь. Былъ въ дер. Середкѣ (на Кижахъ), слушалъ Т. Іевлева въ избѣ у Л. Богданова.

1862 г.

Январь. Былъ на Шунгѣ. Быть можетъ, въ этотъ разъ, или позднѣе, былъ снова на Кижахъ, слушалъ С. Корнилова (но записать поручилъ кому-то).

26 августа. Помѣта записи отъ кр. Н. Байнина Деревянскаго погоста.

12 декабря. Тоже относительно кр. Рѣзина Ладвинскаго погоста (на юго-западъ отъ Деревянск. пог.).

---

[1]) Далѣе не номеруемъ отдѣльныхъ поѣздокъ по трудности за ними услѣдить.

1863 г.

Іюнь. Запись въ Петрозаводскѣ отъ Г. Ѳедотова (Дутикова) и Бутылки (Чукова); кромѣ того слушалъ К. Романова (часто ѣздившаго въ Петрозаводскъ за пособіемъ).

Октябрь. Запись тамъ же отъ кр. А. Иванова.

1864 г.

Январь. На Шунгѣ.

Іюнь (2—15) былъ въ Каргопольскомъ у. (и вѣроятно, въ Повѣнецкомъ). Сюда повидимому слѣдуетъ пріурочить записи отъ Савинова (Пудожск. у.), Никитина и кореляка Лазарева (оба Повѣнецкаго у.), помѣщенныя въ IV томѣ (одна былина отъ Лазарева помѣчена 1864 годомъ.

1865 г.

Февраль—мартъ. Въ Лодейномъ Полѣ (здѣсь, повидимому, собраны обрядовыя пѣсни IV тома). Поѣздка повторена была и въ 1866 году.

Таблица помимо точныхъ пріуроченій ясно говоритъ и о повторныхъ посѣщеніяхъ одного и того же района, и о неоднократномъ выслушиваніи однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ для провѣрки прежнихъ своихъ записей и для полученія по возможности исчерпывающихъ репертуаровъ отдѣльныхъ сказителей.

Обращаясь теперь къ составу Рыбниковскаго сборника, находимъ, что изъ 230 приблизительно №№, отнесенныхъ въ первомъ изданіи къ былинамъ, мы должны скинуть со счета по крайнемъ мѣрѣ 5, списанныхъ съ рукописи, не принадлежащихъ совершенно къ былинамъ [1]); изъ остальныхъ послѣ всѣхъ попытокъ пріуроченія у насъ набралось 15—20 №№ съ общими и глухими обозначеніями, не идущими дальше уѣзда, и 200 слишкомъ могли быть отнесены сколько-нибудь опредѣленно къ селенію или лицу. Точныя указанія мѣста жительства и имени имѣются относительно 29 пѣвцовъ, изъ которыхъ отъ 21 Рыбниковъ записалъ лично (или по крайней мѣрѣ лично

---

[1]) Это—два сказанія о старцѣ, бой знаковъ зодіака, повѣсть о градѣ Іерусалимѣ и подпись подъ портретомъ Пугачева.

провѣрилъ чужую запись); а отъ 8 получилъ запись изъ вторыхъ рукъ [1]). Личная запись отъ точно обозначенныхъ пѣвцовъ дала Рыбникову около 140 былинъ, а чужая—около 40. За указанными 29 пѣвцами идетъ еще 9 лицъ, не носящихъ имени, но обозначенныхъ помимо мѣста какими-нибудь личными примѣтами, вродѣ: «Калика изъ д. Красныя Ляги», «90-лѣтній старикъ изъ Колодозера», «Шальскій лодочникъ»; отъ такихъ записано лично Рыбниковымъ около 30 былинъ (изъ нихъ только одна чужая). Такимъ образомъ устанавливается, что приблизительно три четверти всего былиннаго матеріала записано самимъ собирателемъ. Откуда было получено остальное?

Здѣсь прежде всего надо указать на собраніе начальника Олонецкихъ горныхъ заводовъ, Н. Ѳ. Бутенева, поступившее въ распоряженіе Рыбникова еще до его поѣздокъ; мы не знаемъ ни состава, ни объема этого собранія, но Рыбниковъ, начавъ печатать его въ 1859 г. въ «Олон. Губ. Вѣд.», называлъ его «значительнымъ»,—самъ онъ обозначилъ лишь 5 былинъ I тома полученными «отъ Н. Ѳ. Б.». Затѣмъ если упомянуть переданныя ему чиновникомъ Шкалинымъ изъ Лодейнопольскаго уѣзда три былины, Обручевымъ изъ Вытегорскаго уѣзда—четыре, Миролюбовымъ — двѣ и Прозоровскимъ — одну, то мы исчерпаемъ все, что было записано, быть можетъ, безъ иниціативы нашего собирателя; остальныя чужія записи были сдѣланы (большей частью волостными писарями) по его заказу, иногда при его личномъ знакомствѣ съ тѣмъ или инымъ пѣвцомъ, когда что-нибудь мѣшало Рыбникову записать самому.

Наличность Бутеневскаго собранія указываетъ на то, что въ Олонецкой губ. и до появленія Рыбникова былъ интересъ къ былинамъ; онъ самъ потверждаетъ это въ письмѣ къ Безсонову, говоря: «Возьмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ: всѣ

---

[1]) Личныя записи ясны изъ таблицы, чужія сдѣланы: *въ Кижахъ* отъ Корнилова, Сарафанова и Васильева; *въ Повѣнецкомъ уѣздѣ* отъ Лукина (Калинина); *въ Пудожскомъ уѣздѣ* отъ Проф. Романова, Амосова, Потахина (Антонова) и *въ Каргопольскомъ уѣздѣ* отъ поромскаго старика (Сивцева).—Вторыя фамиліи въ скобкахъ означаютъ поправки (по Гильфердингу) невѣрно переданныхъ у Рыбникова именъ сказителей.

они собирали, а что явилось въ свѣтъ? одна старина въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Эта «одна старина», которая была извѣстна Рыбникову (воспользовавшемуся ею въ III томѣ), напечатана въ 1857 г. (о Соловьѣ Гудиміровичѣ) безъ подписи доставившаго, но съ помѣтой: «изъ бумагъ А. П. Б.» [1]). Подъ этими иниціалами скрывался еще одинъ любитель, отчасти похожій своей судьбой на Рыбникова; это — А. П. Боласогло (или Болассоглу), одинъ изъ Петрашевцевъ, высланный въ Петрозаводскъ и бывшій въ 50-хъ гг. чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ [2]). К. Петровъ, статьѣ котораго (въ «Сѣв. Вѣстникѣ») мы обязаны указаніемъ, придаетъ большое значеніе собранію Боласогло и дѣятельности учителя гимназіи, Ѳ. И. Дозе, въ руки котораго оно попало послѣ сумасшествія владѣльца; сообщивъ, что Боласогло «записалъ и собралъ весьма многое», онъ пишетъ: «Очень жаль, что собраніе утратилось въ цѣломъ, но частями оно сохранилось въ трудахъ олонецкихъ гимназистовъ. Дозе былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ учениковъ своихъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». Далѣе г. Петровъ передаетъ, что Дозе раздавалъ гимназистамъ записанныя пѣсни, причитанія, обряды, поговорки и они писали на основаніи ихъ сочиненія, которыя послѣ «въ передѣланномъ видѣ» появились или въ «Губ. Вѣдомостяхъ» или въ «Русскомъ Дневникѣ» Мельникова. «Гимназисты начали записывать сами—явилось дополненіе къ «Областному Словарю» и впослѣдствіи много статей въ повременныхъ изданіяхъ. Самъ Дозе напечаталъ только былину о Соловьѣ Гудиміровичѣ съ объясненіями, но повторяю, что онъ принесъ неоцѣнимую пользу, натолкнувъ другихъ на трудъ». Разсказъ заканчивается словами: «Дозе, а не П. Н. Рыбниковъ, пробудилъ дремавшую

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ: мы нашли въ „Губ. Вѣд." 1856 г. еще былину о Василіи и Батыгѣ, безъ всякихъ поясненій; она очень близка къ Корниловской (нашъ № 81).

[2]) „Александръ Пантелеймоновичъ Болассоглу, надворный совѣтникъ, служитъ въ Азіатскомъ департаментѣ", какъ гласитъ донесеніе Липранди о лицахъ, посѣщавшихъ собранія Петрашевскаго. Противъ него не было серьезныхъ обвиненій и онъ не значится въ спискѣ преданныхъ суду, но, какъ видно, его совсѣмъ въ покоѣ не оставили. Передъ 1856 г. онъ сошелъ съ ума.

Олонецкую губернію». Сообщенныя свѣдѣнія интересны, но отъ гимназическихъ сочиненій пользы для науки мало, такъ что и послѣ нихъ приходится повторить слова Рыбникова: «А что явилось на свѣтъ? одна старина въ «Губ. Вѣд.». И онъ имѣлъ полное право прибавить вслѣдъ за этимъ: «Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости». Мы сказали бы кромѣ того, что не менѣе важно было обладать научной подготовкой и пониманіемъ роли собирателя. Это даетъ намъ поводъ перейти къ вопросу о пріемахъ работы Рыбникова.

Пыпинъ пишетъ, что появленіе I тома былинъ вызвало въ ученомъ мірѣ цѣлый переполохъ. «Передъ тѣмъ русская этнографія знала, въ отдѣлѣ былинъ, только Киршу Данилова, немногія пьесы въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія» [1]); думали, что былинъ должно искать гдѣ-нибудь въ Сибири,— и когда цѣлый огромный запасъ ихъ найденъ былъ въ недалекомъ сосѣдствѣ Петербурга, то первымъ впечатлѣніемъ ученаго міра было изумленіе, а потомъ у иныхъ недоумѣніе и даже недовѣріе» [2]). Извѣстно, что это недовѣріе, подкрѣпляемое отсутствіемъ объяснительной статьи собирателя, не только высказано было Срезневскимъ въ рецензіи на I томъ въ «Извѣстіяхъ втораго Отдѣленія Академіи» (т. X), но побудило автора ея навести справки на мѣстѣ. Срезневскому представлялось, что Рыбниковъ могъ и прикрасить и присочинить многое, и онъ обратился съ запросомъ къ двумъ солиднымъ въ его глазахъ олонецкимъ жителямъ—члену-корреспонденту Академіи, Д. В. Полѣнову и В. И. Модестову; отвѣты ихъ Срезневскій включилъ въ свою рецензію,—они совершенно успокоили сомнѣнія осторожнаго ученаго. Въ отвѣтномъ письмѣ Модестова, уже цитированномъ нами выше, есть цѣнныя указанія и на пріемы Рыбникова какъ собирателя. «Если небывалая до сихъ поръ въ сборникахъ такого рода свѣжесть народнаго слова и точность удержанія малѣйшихъ мѣстныхъ видоизмѣненій былины

[1]) Пыпинъ не считалъ разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ отдѣльныхъ текстовъ.

[2]) *А. Пыпинъ.* Ист. Русск. Этнографіи, II, 63.

по языку и содержанію недостаточно свидѣтельствуютъ о строгой добросовѣстности труда собирателя, то я считаю долгомъ свидѣтельствовать, какъ человѣкъ, имѣвшій случай повѣрить собственными глазами, убѣдиться изъ факта, что бо́льшая добросовѣстность, чѣмъ та, съ которой относился къ дѣлу Рыбниковъ, едва ли можетъ существовать»... Далѣе Модестовъ разсказываетъ, какъ онъ слушалъ въ квартирѣ Рыбникова пѣвца Кузьму Романова [1]). «Старикъ пѣлъ тогда про Дуная Ивановича, про Добрыню Никитича, про Вольгу Буслаевича и про Горе—злочастіе. Рыбниковъ сидѣлъ съ тетрадью, въ которой были прежде записаны эти сказанія отъ того же пѣвца... Старикъ пѣлъ долго и много. Иногда онъ забывалъ и останавливался, но тотчасъ же продолжалъ, какъ Рыбниковъ подсказывалъ ему слѣдующія слова... Въ одинъ изъ случаевъ, когда старикъ забылъ, что дальше слѣдуетъ, я невольно посмотрѣлъ въ тетрадь, находившуюся въ рукахъ Рыбникова, и когда старикъ снова запѣлъ, мнѣ показалось интереснымъ прослѣдить, не отступаетъ ли онъ въ иныхъ мѣстахъ отъ прежде пѣтаго имъ текста. Я слѣдилъ долго и тогда-то убѣдился, въ какой степени точно до малѣйшихъ подробностей записаны Рыбниковымъ пѣсни этого старика. Кузьма Ивановичъ не отступалъ отъ записаннаго текста ни на шагъ; но случалось, что онъ пропускалъ иногда по забывчивости стихъ или два, и это, сколько помнится, большею частью было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повторялся нѣсколько разъ уже пропѣтый стихъ [2])... Рыбниковъ говорилъ, что каждая былина тогда только считалась имъ годной къ печати, когда она была повторена однимъ и тѣмъ же лицомъ разъ или больше. При этомъ онъ считалъ нужнымъ удерживать всѣ особенности мѣстнаго выговора, чтобы быть какъ можно вѣрнѣе народному слову. Слушая одну и ту же былину отъ нѣсколькихъ лицъ, онъ не сводилъ слышанное къ одному знаменателю, не составлялъ изъ него одной былины, а оставлялъ каждую отдѣльно» [3]).

---

[1]) Это могло быть въ 1861 или 1862 году; „Извѣстія Академіи“ вышли въ августѣ 1863 г.

[2]) Повидимому Модестовъ говоритъ здѣсь о невыдержанности эпическихъ повтореній.

[3]) „Извѣстія второго Отд. Академіи“, т. X, стр. 251—253.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія, а также многія отдѣльныя мѣста «Замѣтки» позволяютъ съ достаточной убѣдительностью установить фактъ дѣйствительно большой тщательности и осторожности, какія проявлялъ Рыбниковъ въ пріемахъ записи и полученія точнаго текста. Безспорно, техника собиранія съ 60-хъ годовъ сдѣлала извѣстные успѣхи, но надо признать, что цѣнность результатовъ въ этомъ дѣлѣ, даже при пользованіи всѣми новѣйшими способами (не исключая фонографа), и сейчасъ очень сильно зависитъ отъ внутреннихъ свойствъ собирателя. Конечно, Гильфердинговскій способъ записывать съ медленнаго пѣнія въ огромномъ количествѣ случаевъ сохранилъ намъ подлинный стихъ былинъ, но не слѣдуетъ забывать, что и неторопливое вырабатываніе текста при помощи повторнаго исполненія, гдѣ только возможно, практиковавшееся Рыбниковымъ, въ извѣстной мѣрѣ сглаживало недостатки его первыхъ набросковъ съ пересказа, такъ что у лучшихъ его пѣвцовъ и сейчасъ на протяженіи цѣлыхъ страницъ къ тексту можетъ быть прямо подведенъ тотъ или другой мотивъ, извѣстный намъ теперь въ совершенно точномъ видѣ. Рыбниковъ проводилъ свои пріемы не ощупью или случайно, а вполнѣ сознательно; онъ не только отдавалъ себѣ отчетъ въ разницѣ текста спѣтаго и пересказаннаго, но опредѣленно разбирался въ мелкихъ варіантахъ, вносимыхъ пѣвцомъ при каждомъ новомъ исполненіи, и умѣлъ отличить личныя черты каждаго сказителя, его, такъ сказать, индивидуальный стиль, такъ же какъ и манеру исполненія. Въ своихъ наблюденіяхъ надъ особенностями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сказителей, въ настойчивомъ совѣтѣ перечитывать былины по пѣвцамъ [1]), онъ уже близко подходилъ къ выдвинутому послѣ вопросу о «школахъ», о которомъ Гильфердингъ далъ нѣсколько цѣнныхъ, но слишкомъ общихъ и неполныхъ указаній. Матеріалъ по этому вопросу найдется въ разбросанныхъ замѣчаніяхъ Рыбникова, а несравненно большее количество его должно быть извлечено изъ самого сборника путемъ сравнительнаго изученія его прежде всего съ Гильфердинговскимъ; эта работа, можно сказать, почти еще и не начата. Не гово-

---

1) См. въ „Замѣткѣ“ О. Миллера.

римъ уже о громадномъ запасѣ эпическаго содержанія сборника, такъ какъ съ этой стороны онъ оцѣненъ былъ прежде всего и до сихъ поръ больше всего.

Мы не касались теоретическихъ, научныхъ взглядовъ Рыбникова на устное творчество народа, на тотъ самый матеріалъ, который онъ въ такомъ неслыханномъ изобиліи впервые доставилъ наукѣ. Объ этомъ почти нечего и сказать: научный, спеціальный интересъ не былъ замѣтнымъ стимуломъ его собирательской работы. Онъ, конечно, воспринялъ изъ университета, на лекціяхъ Буслаева общія основы миѳологической теоріи, которыя сквозятъ кое-гдѣ въ его письмахъ къ К. Аксакову, Д. А. Хомякову и къ Безсонову въ началѣ собиранія; тамъ же видно намѣреніе предпослать I тому „обстоятельную статью о былинахъ", для которой Рыбниковъ желалъ имѣть подъ руками Гримма, Лахмана и Киршу Данилова, но планы эти быстро разбились о невозможность работать въ Петрозаводской дали, безъ книгъ, а еще болѣе о внутреннія препятствія, лежавшія въ самой личности Рыбникова. Элементовъ теоретика-ученаго было слишкомъ мало въ его натурѣ, даровитой и богатой, но обращенной больше всего къ жизни, къ дѣйствительности и ея живому синтезу. Безсоновъ справедливо писалъ ему по поводу плановъ о статьѣ: «Всѣ разсужденія и выводы о богатыряхъ и ихъ эпохѣ, объ ихъ личностяхъ, характерахъ и т. п., то-есть все, что можно сдѣлать, сидя въ кабинетѣ надъ готовымъ матеріаломъ, предоставьте намъ, тюремнымъ сидѣльцамъ. Вы соприкасаетесь съ народомъ непосредственно, съ глазу на глазъ, вы собиратель (пока), вы практикъ»[1]) и далѣе набрасываетъ планъ статьи, которую онъ желалъ бы получить отъ Рыбникова и которой никто другой не могъ бы написать.

Совѣтъ Безсонова не только подходилъ къ обстоятельствамъ, но и вообще былъ наилучшимъ для Рыбникова, и онъ послѣдовалъ ему, сразу и навсегда, ни разу послѣ не обнаруживъ желанія попасть въ «тюремные сидѣльцы» и, очевидно, не считая, что на него было произведено внѣшнее и чуждое давленіе. Собирательство Рыбникова было результатомъ его любви къ пѣснѣ,

---

[1]) Изъ неизданнаго письма, бывшаго въ нашемъ распоряженіи.

къ поэзіи, къ народу, плодомъ національнаго строя его души, нашедшаго себѣ выходъ въ этой области подъ замѣтнымъ вліяніемъ общественныхъ настроеній той поры, когда складывался онъ самъ. Весенній характеръ эпохи и молодость личности дѣйствовали дружно въ одномъ направленіи, и сдѣлано было большое дѣло, сдѣлано хорошо, вдумчиво и съ увлеченіемъ, съ жаромъ. Настал другой періодъ жизни, міровоззрѣніе отложилось, вошло въ берега; съ перваго поля жатва была снята и жнецъ оглянулся кругомъ себя: ему было уже 35 лѣтъ, онъ былъ человѣкъ съ служебнымъ опытомъ и профессіональной складкой, семьянинъ, съ думой объ упроченіи будущаго. Рыбниковъ оставилъ бы собираніе былинъ, если бы его и не перевели въ другой край съ повышеніемъ — это наше глубокое убѣжденіе; онъ нашелъ бы себѣ другіе интересы.

Въ чемъ же были эти его интересы за послѣдній періодъ жизни? Принято думать, что онъ весь ушелъ въ службу, что чиновникъ растворилъ въ немъ интеллигентную, культурную личность. Посмотримъ, такъ ли это.

IV.

Въ декабрѣ 1866 года Рыбниковъ простился съ Петрозаводскомъ, переведенный, какъ упомянуто было, вице-губернаторомъ въ Калишъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ онъ былъ обязанъ болѣе всего своимъ московскимъ славянофильскимъ связямъ: въ нашихъ рукахъ было письмо къ нему Ив. С. Аксакова отъ 10 мая 1866 г., гдѣ стоитъ: «Не удается вамъ выбраться оттуда! Самаринъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ Черкасскому и Милютину. Теперь, послѣ 4 апрѣля, все это стало опять затруднительнѣе и многимъ досталось въ чужомъ пиру похмелье». Но едва прошло три мѣсяца, какъ хлопоты друзей увѣнчались успѣхомъ; въ концѣ августа Рыбниковъ уѣзжаетъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, вызванный по этому поводу: кн. Черкасскій приглашалъ его къ себѣ на службу въ Варшаву. Работать при Милютинѣ и Черкасскомъ, конечно,

Рыбникову было пріятно, но, повидимому, ему сразу не очень улыбнулась перспектива смѣнить одну окраину на другую, отрѣзывавшую его совсѣмъ отъ русской жизни и русскаго народа, этнографическій интересъ еще не совсѣмъ умеръ въ немъ, и онъ искалъ другого исхода, компромисса. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится толковать сохранившееся въ его бумагахъ рекомендательное письмо А. Ѳ. Гильфердинга къ какому-то превосходительному Константину Петровичу [1]), относящееся какъ разъ ко времени пребыванія Рыбникова въ Петербургѣ. Здѣсь Гильфердингъ, указавъ на приглашеніе подателя кн. Черкасскимъ къ себѣ на службу, говоритъ: «Но по моему убѣжденію было бы жаль отрывать подобнаго дѣятеля отъ русской почвы, и его настоящее мѣсто было бы въ Западномъ краѣ, гдѣ вмѣстѣ съ пользою по службѣ онъ можетъ оказать неоцѣненныя услуги изученію тамошней народности русской.» Въ заключеніе Гильфердингъ горячо рекомендуетъ Рыбникова вмѣсто себя въ большую экспедицію Географ. Общества въ Западный край, которая снаряжалась въ 1862 г., но была остановлена событіями въ Польшѣ [2]). По какимъ-то причинамъ письмо осталось не переданнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рыбниковъ попалъ не въ Варшаву.

Перспективѣ работать подъ руководствомъ двухъ просвѣщенныхъ дѣятелей не суждено было осуществиться: въ декабрѣ 1866 г., когда Рыбниковъ поѣхалъ къ новому мѣсту службы, Милютина сразилъ нервный ударъ, вслѣдъ за нимъ ушелъ и кн. Черкасскій. Какія бы ошибки ни усматривать въ ихъ государственной дѣятельности въ Польшѣ, все же необходимо признать, что послѣ нихъ воцарились порядки неизмѣримо худшіе: исчезло проведеніе обдуманнаго плана, лучшія стороны ихъ системы были искажены, а недостатки выросли и подчеркнулись.

Рыбниковъ не былъ слѣпъ и къ ошибкамъ самихъ руководителей, которыхъ уважалъ и цѣнилъ, тѣмъ менѣе могъ онъ быть внутренно солидаренъ съ тѣмъ, что начало тогда твориться въ Польшѣ. Правда, онъ остался на службѣ, и мы, не

---

[1]) Побѣдоносцеву?

[2]) Повидимому, эта экспедиція и была проведена Чубинскимъ въ 1872—78 гг.

зная всѣхъ обстоятельствъ, затрудняемся объяснить причины, сдѣлавшія это для него возможнымъ, но какъ онъ понималъ задачи Россіи въ краѣ, намъ извѣстно положительно. Въ его бумагахъ уцѣлѣло нѣсколько листовъ, на которыхъ набросано нѣчто въ родѣ двухъ статей по польскому вопросу; связная форма ихъ и слѣды обработки даютъ право думать, что авторъ могъ имѣть въ виду оглашеніе ихъ какимъ-либо способомъ въ печати. Одна изъ этихъ статей даетъ бѣглый историческій обзоръ польскихъ «аспирацій» съ начала XIX вѣка, другая—анализируетъ всѣ возможныя комбинаціи политическихъ отношеній между русскими и поляками. Основныя мысли автора таковы.

Начиная съ послѣдняго раздѣла Польши до самой франко-прусской войны знаменемъ польской интеллигенціи было возстановленіе независимой Польши въ границахъ 1772 года; упорнымъ преслѣдованіемъ этой цѣли объясняется недовольство поляковъ и Наполеоновскимъ Варшавскимъ Герцогствомъ и Польскимъ Королевствомъ 1815 г., отсюда и 1830 и 1863 годы. Событія 1870 года окончательно разрушили мечты и надежды прежнихъ лѣтъ; образовалась несокрушимая Германская имперія, Франція, въ которой Польша до сихъ поръ видѣла или думала видѣть опору, отступила на задній планъ, и польскому обществу волей неволей пришлось замѣнить прежнее знамя другимъ. Новый лозунгъ поляковъ по взгляду Рыбникова гласитъ: «Сохранимъ польскій духъ. Оставаясь вѣрными подданными тѣхъ государствъ, которымъ насъ подчинила судьба, мы хотимъ сохранить нашу народность, нашъ языкъ, нашу религію, наши обычаи, нашу вѣру въ независимую личность, короче, тѣ особенности, благодаря которымъ поляки являются въ исторіи представителями западнаго славянства, какъ русскіе—представителями восточнаго». Ниже этихъ требованій не можетъ, не долженъ спускаться народъ, въ которомъ есть чувство національной личности. Между тѣмъ объединительная система, въ главѣ которой стояли Милютинъ и Черкасскій, послѣ нихъ постепенно и незамѣтно превратилась въ обрусѣніе, «т.-е. въ подведеніе польской народности подъ особенныя требованія великорусскаго племени, и именно московской его разновидности».

«Развѣ обрусѣніе имѣли цѣлью Александръ II и Милютинъ, давая самостоятельность крестьянскому сословію? Развѣ обрусѣніе имѣлъ въ виду безпощадный къ полякамъ кн. Черкасскій? Онъ хотѣлъ примѣнить къ Польшѣ старинный московскій пріемъ объединенія: снять верхній слой народа и замѣнить его заѣзжими русскими людьми. Предполагалось при этомъ, во-первыхъ, что освобожденное отъ гнета шляхетскихъ тенденцій крестьянство окажется въ состояніи возродить польскую національность на какихъ-то новыхъ началахъ, во-вторыхъ, предполагалось дать Польшѣ все, что дано Россіи. Но 17 лѣтъ минуло со времени печальныхъ событій 1863 года, а здѣсь еще нѣтъ ни городскихъ, ни земскихъ учрежденій, ни маломальской свободы прессы, ни суда присяжныхъ, ни свободы учрежденія промышленныхъ, торговыхъ, ссудо-сберегательныхъ, потребительныхъ ассоціацій. Чтобы дать крестьянству возродить народность, заѣзжіе люди должны были дать ему полнѣйшую самостоятельность и соблюдать строжайшую законность... Этого перваго условія правильнаго общежитія здѣсь не было. Какъ же могло возродиться крестьянское сословіе?». Сейчасъ [1]) край спокоенъ, онъ имѣетъ съ Россіей общіе интересы въ торгово-промышленномъ отношеніи, но связь его съ государствомъ чисто внѣшняя, механическая, «здѣсь живетъ населеніе подневольное и недовольное, оказывая лишь вынужденную и потому лицемѣрную покорность силѣ». Все это не только создаетъ въ настоящемъ внутреннія осложненія и непріятности для Россіи, но и грозитъ бѣдой въ будущемъ, при неизбѣжномъ (какъ думаетъ авторъ) столкновеніи ея съ Германіей и Австріей. Тогда наши польскія отношенія могутъ стать нашей ахиллесовой пятой. «Австрія, сложенная изъ разныхъ народностей, старается удовлетворить, насколько понимаетъ и можетъ, требованіямъ этихъ народовъ; не только Венгрія получила автономію, но и Галиція: за это галиційскіе поляки выражаютъ Францу Іосифу искреннюю и глубокую благодарность. Самый опасный врагъ Россіи и Польши—Пруссія, но и тамъ поляки могутъ въ рейхстагѣ и земскихъ собраніяхъ высказывать свои нужды,

---

[1]) Писано около 1880 г.

въ литературѣ и журналистикѣ проводить свои идеи и идеалы. Только въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ царствуетъ молчаніе гроба».

Приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что и послѣ двадцати лѣтъ «чиновничьей» службы передъ нами вовсе не человѣкъ, незамѣтно позволившій жизни подмѣнить свое живое, личное міровоззрѣніе на карьеризмъ или на тупое и бездушное мышленіе, не идущее дальше словъ и офиціальной бумаги. Жизнь, конечно, поломала цѣльность личности, загородила пути къ естественному, полному согласію стремленія и дѣйствія — исторія, у насъ весьма обыкновенная, — но человѣкъ сохранилъ свои убѣжденія, справляясь, какъ могъ, съ противорѣчіемъ, быть можетъ, страдая и испытывая по временамъ непреодолимую потребность исповѣдать свою внутреннюю личность. Самое возникновеніе нашихъ статей свидѣтельствуетъ объ этой потребности, и мы не станемъ утверждать, что Рыбниковъ не пытался ихъ напечатать, не напечаталъ... Во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что на своемъ посту онъ далеко не былъ усерднымъ слугой «русскихъ началъ» въ томъ видѣ, какъ они понимались тогда въ офиціальныхъ сферахъ; вѣроятно, этимъ и объясняется его въ сущности скромная и глухая чиновничья карьера, замершая и остановившаяся какъ-то сразу и навсегда.

Не находя въ службѣ внутренняго удовлетворенія, Рыбниковъ продолжалъ жить разнообразными духовными интересами. Прежде всего онъ удержалъ въ извѣстной мѣрѣ связи съ ученымъ міромъ, которыя были вызваны его сборникомъ былинъ. Послѣдній томъ печатался въ 1867 г., когда Рыбниковъ былъ уже въ Царствѣ Польскомъ; онъ поручилъ это дѣло О. Миллеру, горячо привѣтствовавшему первые томы и признавшему (въ письмѣ къ собирателю), что имъ онъ «обязанъ былъ поворотной точкой въ занятіяхъ и отчасти въ воззрѣніяхъ»; дружественныя отношенія съ О. Миллеромъ удержались. Затѣмъ Рыбниковъ посылалъ свой сборникъ по мѣрѣ выхода Авг. Шлейхеру, и на этой почвѣ они обмѣнивались письмами; изъ очень плохо уцѣлѣвшей переписки Рыбникова въ наши руки попало два письма Шлейхера. Въ первомъ (1865 г.) знаменитый уче-

ный, называя сборникъ «одной изъ самыхъ важнѣйшихъ книгъ новѣйшаго времени» [1]), относитъ его «къ очень рѣдкимъ книгамъ, которыя открываютъ читателю новый, до сихъ поръ незнакомый свѣтъ», и сообщаетъ, что для своихъ занятій выписываетъ «старинныя и вообще занимательныя формы, находящіяся въ этихъ пѣсняхъ». Онъ нашелъ также много важнаго для славянской грамматики въ статьѣ объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія: «Русскія нарѣчія до сихъ поръ мнѣ только извѣстны изъ статьи Даля въ I т. его словаря; подробное описаніе одного изъ нихъ я въ первый разъ узналъ изъ вашей статьи. Для славянскаго языкознанія эти нарѣчія необходимы». Во второмъ письмѣ (1868 г.) Шлейхеръ, благодаря за 4-й томъ, сообщаетъ, что занятъ составленіемъ возможно полной грамматики полабскаго нарѣчія, очень важнаго для славянскаго языкознанія; это—предварительная работа для обширной сравнительной грамматики славянскаго языка, которой ученый собирается посвятить послѣднюю часть своей жизни. «Самый лучшій изъ моихъ учениковъ, Др. Авг. Лескинъ... между тѣмъ докончитъ начатую мною грамматику языка собранныхъ вами памятниковъ словесности русскаго народа». Въ заключеніе Шлейхеръ сообщаетъ, что выпишетъ рекомендованную ему Рыбниковымъ книгу Некрасова о значеніи формъ русскаго глагола.

Изъ русскихъ ученыхъ Рыбниковъ повидимому долѣе всѣхъ сохранилъ отношенія съ Буслаевымъ; мы имѣли въ рукахъ письмо послѣдняго отъ 30 дек. 1875 г. [2]).

---

[1]) Письма писаны по-русски; цитируемъ буквально.

[2]) Изъ него видно, что Рыбниковъ послалъ Буслаеву въ подарокъ изд. Герберштейна: по этому поводу Буслаевъ пишетъ: „Приходило ли вамъ въ голову, что эта книга, можетъ быть, рѣшаетъ вопросъ о Вольгѣ Святославичѣ? Помните, что еще Безсоновъ сближалъ его съ древлянскимъ Олегомъ. Но въ этомъ сближеніи недоставало твердаго связующаго звена. Звено это далъ Герберштейнъ. Древняго Олега онъ называетъ *Olech*, св. Ольгу—*Olha*, но сына Святославова—именно *Olega* и склоняетъ: *Olegae*, *Olegam* (стр. 5), вѣроятно, съ такимъ удареніемъ: *Olegà*, что съ придыханіемъ и будетъ *Вольгà* (ê = ь). Слич. *Ольговичъ*, т.-е. *Олеговичъ*. Слѣд. Новгородскаго *Вòлха* (откуда *Волх—овъ* рѣка) приравнивать съ *Вольгòю* нельзя... Во всякомъ случаѣ Герберштейнъ въ этомъ историческомъ преданіи черпалъ изъ такого источника, въ которомъ значилось *Олегà* (*Ольгà*), а не *Олегъ*".—Затѣмъ Буслаевъ сообщаетъ о выходѣ новой работы Ягича и благодаритъ за присылку Рыбниковымъ своего портрета, который „красуется у меня въ альбомѣ вмѣстѣ съ моими лучшими друзьями".

Но эти сношенія вытекли изъ прошлыхъ интересовъ собирателя, теперь отодвинутыхъ, и не могли быть живы и содержательны,—Рыбниковъ не возвращался на покинутое поле древней русской поэзіи. Теперь его вниманіе было, повидимому, гораздо болѣе сосредоточено на новой русской литературѣ и ея текущихъ крупныхъ явленіяхъ. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ его сильно заинтересовалъ Левъ Толстой. Есть свѣдѣнія (идущія отъ семьи), что въ это время у него въ домѣ часто бывалъ молодой М. С. Громека (тогда учитель Калишской гимназіи), увлекавшійся Толстымъ и писавшій свою книгу объ Аннѣ Карениной; работа его по частямъ читалась у Рыбниковыхъ. Самъ Рыбниковъ добывалъ и читалъ появлявшіяся тогда за границей вещи Толстого, какъ «Исповѣдь» и «Изложеніе Евангелія». Слѣды этого интереса дошли до насъ въ видѣ черновика большого письма къ Толстому по поводу «Евангелія» и довольно обширной статьи, озаглавленной: «О послѣднихъ произведеніяхъ Толстого». Обѣ статьи Рыбникова даже въ незаконченномъ видѣ представляютъ интересъ по самой постановкѣ вопроса или по точкѣ зрѣнія и даютъ возможность (особенно вторая) еще полнѣе представить себѣ духовную физіономію нашего автора; въ виду этого мы позволимъ себѣ нѣсколько на нихъ остановиться.

Мы не знаемъ, было ли окончено и отправлено по адресу письмо къ Толстому, но оно носитъ слѣды долгой и серьезной предварительной работы: въ немъ много ссылокъ на евангельскій текстъ славянскій и греческій, цитатъ изъ еврейскихъ книгъ. Работа осталась далеко незаконченной, трудно даже сказать, какая ея часть передъ нами, и она интересна всего болѣе характернымъ для автора пониманіемъ вопроса и подступомъ къ нему. Приводимъ важнѣйшія мѣста письма. Оно начинается такъ:

«Недавно я прочелъ въ іюльскомъ номерѣ «La nouvelle Revue» вашу статью: Exposé de l' Evangile. Предметъ ея такъ серьезенъ, что долженъ глубоко заинтересовать каждаго мыслящаго человѣка, въ особенности русскаго. Вѣдь дѣло въ сущности идетъ о цѣломъ нашемъ міросозерцаніи, обсуждается развязка роковой борьбы, которая происходитъ или происходила въ

умахъ современнаго и нарастающаго поколѣнія между цѣльнымъ развитіемъ духа и раціоналистическою односторонностью. У кого изъ насъ при знакомствѣ съ наукою не падала съ глазъ повязка суевѣрія, и какъ у немногихъ уцѣлѣла вѣра въ свободно творящаго духа»... «Вы пришли къ непреложному для васъ выводу, что въ христіанствѣ до сихъ поръ на первомъ планѣ стояла личность Спасителя, его небесная и земная исторія, что его ученіе было отодвинуто назадъ съ первыхъ временъ христіанства и заслонено ученіемъ церкви или церквей, не имѣющихъ съ первоначальнымъ ученіемъ ничего общаго. Эту первоначальную «благую вѣсть» вы задумали передать намъ словами Евангелія.

«Какъ поклонникъ вашего дарованія, я предпочелъ бы, чтобы вы разсказали намъ жизнь Спасителя»... По мысли Рыбникова слѣдовало бы, вооружившись матеріаломъ современной науки, нарисовать историческій фонъ въ условіяхъ мѣста и историческаго момента и дать на немъ личность Христа. «Особенности вашего дарованія помогли бы вамъ, болѣе чѣмъ Штраусу и Ренану, соединить въ одно цѣлое историческія черты, уцѣлѣвшія о жизни Спасителя (напр., черты глубокаго личнаго милосердія къ пороку или черты минутнаго раздумья о своей судьбѣ) и возсоздать живой Его образъ со всею Его творческою дѣятельностью, какимъ Онъ явился въ началѣ нашей эры»... Отмѣтивъ основныя черты обаятельной личности Христа, Рыбниковъ переходитъ къ главной своей мысли. «Въ связи съ личностью вамъ пришлось бы угадать точныя черты Его первоначальнаго ученія, сравнить ихъ съ тогдашними вѣрованіями евреевъ и растолковать намъ, какимъ образомъ Его именно личность превратила сухую, расплывчатую *агоду* въ евангельскую проповѣдь, фарисейское ученіе о добродѣтельности страждущаго идеала въ ученіе о живомъ Искупителѣ, взявшемъ на себя грѣхи міра... Для всего этого вы несомнѣнно были бы вынуждены опредѣлить, въ чемъ состояло подлинное ученіе Спасителя;—но этого нельзя было бы сдѣлать механическимъ сводомъ стиховъ изъ синоптиковъ и Іоанна. Въ трудѣ вашемъ, какъ онъ по крайней мѣрѣ задуманъ и выполненъ, по вашему же объясненію, для читателя всегда будутъ цѣнны и инте-

ресны: ваша исповѣдь съ филіаціей идей, приведшею васъ къ убѣжденію въ истинѣ Христова ученія, и анализъ христіанскихъ доктринъ. Что касается анализа Христова ученія и изложенія истинной христіанской доктрины, то они основаны на сводѣ Четвероевангелія, и я недоумѣваю, какъ такой сводъ можетъ изображать собою первоначальное евангельское ученіе». Далѣе авторъ характеризуетъ особенности каждаго евангелія и приходитъ къ выводу, что ихъ соединеніе не можетъ вести къ цѣли. «Если не признать, что евангелія служили камеръ-обскурой, въ которой отражались перемѣны христіанскихъ воззрѣній, невозможно согласить противорѣчій между самими синоптиками, между ими и Іоанномъ, не только относительно историческихъ подробностей о жизни Христовой, но и (что для вашей цѣли особенно важно) о Его вѣроученіи».

Письмо обрывается при началѣ подробнаго вскрытія такихъ противорѣчій.

Въ довольно большой статьѣ о Толстомъ (свыше печ. листа) Рыбниковъ изъ анализа «Войны и Мира» и «Анны Карениной» старается вывести философію художника, находя, что онъ стремился здѣсь «угадать полускрытый доселѣ смыслъ жизни русскаго народа и общества, объяснить намъ, чѣмъ живутъ люди вообще и русскіе въ особенности». По мысли нашего автора, въ сочиненіяхъ Толстого царитъ міросозерцаніе, проникнутое убѣжденіемъ въ ничтожествѣ отдѣльной личности и въ могучей силѣ народа, направляемой не человѣческимъ усмотрѣніемъ, а высшей волей. Пьеръ Безуховъ не можетъ отыскать на землѣ какой-нибудь разумной причины всему, что совершается вокругъ него, и начинаетъ прислушиваться къ народному голосу, который ведетъ его къ идеѣ предопредѣленія; въ Аннѣ Карениной аналитически разъясняется вопросъ, отчего даже лучшіе русскіе люди, если вздумаютъ жить собственнымъ своимъ умомъ и отбросить традиціи, непремѣнно подвергаются раздумью, недовѣрію къ себѣ, унынію и преждевременной гибели, если не откажутся отъ личнаго пути и не сольются съ общимъ, съ народнымъ. Сжатый отвѣтъ на тотъ же вопросъ даетъ легенда «Чѣмъ люди живы». Авторъ находитъ, что воззрѣніе большей части русскаго народа на свои отношенія къ

міру и людямъ, воззрѣніе здоровой части русскаго общества несомнѣнно таково, какъ его понялъ и выразилъ Л. Толстой, но онъ ставитъ далѣе вопросъ на историческую почву и показываетъ, что философія эта не можетъ считаться исконной принадлежностью всего русскаго народа, а воспитана исторіей одной его части; это—философія великорусскаго племени, притомъ «московской его разновидности». Прослѣдивъ сжато исторію сложенія Московскаго государства, авторъ заключаетъ: «Весь строй русской жизни сталъ абсолютистскимъ, высшее сословіе превратилось въ служилыхъ людей, явилось проклятіе крѣпостного права. Куда было дѣться самостоятельной личности, что она могла значить передъ силой сложившихся вещей? Политическая и общественная жизнь замерла, умственная еще не народилась, оставалась открытой единственная сфера религіозная, въ ней и сосредоточило великорусское племя свои духовные помыслы, но вслѣдствіе паденія гражданской и общественной жизни понизило религію, съ одной стороны, до обрядности, съ другой, до фатализма» [1]).

Дальше читаемъ: «Вотъ почему образованной русской личности тяжко жить въ великорусской жизни. Если она выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ, ее гонитъ въ безплодное отрицаніе нигилизма; если она пріобщается своему племени, ей надобно наложить на себя печать смиренія, вступить въ казенную церковь, подчиниться безусловно всякой обрядности, начиная съ постнаго масла, и отказаться отъ всякой самостоятельной дѣятельности, отъ всякаго самостоятельнаго мышленія».

«Да, личности негдѣ развернуться въ великорусской жизни. Оттого гр. Толстой и выводитъ только приниженныя личности,

---

[1]) Своей мыслью о великорусско-московскомъ происхожденіи даннаго міровоззрѣнія авторъ видимо дорожитъ и въ дальнѣйшемъ не упускаетъ случаевъ отмѣтить, что въ сѣверно-русскомъ племени (новгородцахъ и ихъ потомкахъ-поморахъ), а до татаръ и на югѣ Россіи было живо чувство свободы личности и отсутствовало „приниженное подчиненіе“ року или обстоятельствамъ. Впечатлѣнія отъ Олонецкаго населенія, очевидно, придавали увѣренность его словамъ, что „предки нашего поморянина, когда плыли во флотѣ короля Свейна въ Англію, навѣрное понимали пѣсни викинговъ“; выдержки изъ былинъ неразъ подкрѣпляютъ его мысль. Припомнимъ, что аналогичное впечатлѣніе отъ крестьянской личности на сѣверѣ вынесъ и Гильфердингъ.

которыя покорны судьбѣ, и обходитъ въ своихъ романахъ маломальски самостоятельные и свободно развившіеся характеры: ихъ или не уложить въ готовыя рамки великорусской жизни, или надобно немедленно предать злой смерти. Возьмемъ «Войну и Миръ». Пьеръ Безуховъ—непокрытая вода: тараканъ налакалъ, муравей нализалъ, муха падала; онъ могъ застрять въ квіетизмѣ и семейномъ счастьи, а Болконскаго пришлось уморить. И будто въ эпоху 12-го года уже совсѣмъ не было даровитыхъ и самостоятельныхъ личностей, которыя не успокаивались въ обрядности. Былъ же Мордвиновъ, Ермоловъ, гр. Сиверсъ, Лунинъ, Чаадаевъ; но они не укладывались въ рамки романа».

Героевъ «Анны Карениной», не исключая Левина, Рыбниковъ тоже считаетъ за людей, лишенныхъ всякой внутренней силы характера и иниціативы, слегка подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что Левина «къ счастью спасъ встрѣчный мужикъ». «Но—говоритъ онъ—это вѣрно съ общимъ характеромъ жизни великорусскаго общества, оттого тамъ и жить такъ тошно».

Далѣе отмѣчается ничтожность вліянія на общество науки и искусства. «Вотъ почему перемѣна въ воззрѣніяхъ Безухова и Левина совершается не путемъ самостоятельнаго умственнаго развитія, не вліяніемъ высоко одаренной личности, а черезъ появленіе deus ex machina. Когда Фаустъ, послѣ долгихъ заблужденій, находитъ въ любви къ человѣчеству высшее наслажденіе, то «вѣдь это—мудрецъ, знающій, что добрый человѣкъ въ своемъ темномъ стремленіи все-таки сознаетъ, гдѣ настоящая дорога, а для обращенія Безухова и Левина понадобился солдатикъ Платоша и встрѣчный мужикъ». Въ заключеніе авторъ припоминаетъ, какъ и кѣмъ рѣшался вопросъ «чѣмъ люди живы» въ Платоновскомъ «Пирѣ». Послѣднія слова его такія: «Вотъ какъ древній философъ силою діалектическаго процесса, не въ избѣ сапожника, не въ разговорѣ съ аѳинскимъ солдатикомъ или мужикомъ, а въ бесѣдѣ съ величайшими талантами своего времени вывелъ христіанскую идею всеобнимающей любви».

Мы изложили главныя мысли статьи Рыбникова, воздерживаясь отъ всякой критики, которая была бы здѣсь неумѣстна.

Важенъ не взглядъ его на Толстого, вѣрный или ошибочный (въ извѣстной свѣжести и самостоятельности точки зрѣнія ему отказать нельзя),—важно то, что по поводу сочиненій Толстого Рыбниковъ развилъ здѣсь нѣкоторыя существенныя основы своего міровоззрѣнія полнѣе, чѣмъ мы могли это прослѣдить раньше, и вскрылъ итоги всѣхъ своихъ размышленій надъ русской жизнью. Здѣсь открывается, какой содержательной и сложной работой былъ занятъ духъ этого «бросившаго умственные интересы и ушедшаго въ службу вице-губернатора», какимъ принято было считать Рыбникова послѣдней поры. Его истинное, внутреннее отношеніе къ службѣ очень ясно видно въ словахъ, какими онъ рисуетъ здѣсь Карениныхъ: «Мы въ мірѣ бюрократовъ, которые въ петербургскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ составляютъ доклады о всевозможныхъ предметахъ по даннымъ европейской науки и рапортамъ губернаторовъ, архіереевъ и жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Надобно знать на дѣлѣ всю пошлость канцелярской жизни, всю тщету канцелярской переписки, чтобы оцѣнить изображеніе неустанной и ревностной дѣятельности Каренина на этомъ поприщѣ».

А какъ долженъ былъ временами чувствовать себя Рыбниковъ въ условіяхъ своей дѣятельности, легко вывести изъ другого мѣста статьи, гдѣ онъ объясняетъ теорію приниженія личности изъ матеріальной необходимости и противополагаетъ ей, какъ идеалъ, признаніе «свободно творящаго духа, который требуетъ свободной человѣческой личности: онъ не насилуетъ ея, а вызываетъ въ ея умѣ, чувствѣ и волѣ свободное съ собою духовное единеніе».

Широта умственныхъ интересовъ и здоровый, трезвый складъ натуры, конечно, сильно должны были помогать Рыбникову не терять равновѣсія, но недаромъ, конечно, вырвались у него слова: «въ великорусскомъ обществѣ тошно жить развитому человѣку».

А. Е. Грузинскій.

ЗАМѢТКА СОБИРАТЕЛЯ [1]).

Пошелъ Добрынюшка во почестный пиръ,
Садился Добрынюшка на упеченку,
Началъ въ гусли наигрывати,
Первый разъ игралъ отъ Царяграда,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденьице разсказывати.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому. Я понималъ всю справедливость этихъ требованій, но не могъ удовлетворить имъ тогда потому, что, по разнымъ причинамъ, мои свѣдѣнія

---

[1]) Начало статьи, пріуроченное къ III тому, при которомъ она напечатана, и содержащее краткую характеристику новаго тома, печатаемъ подъ строкой, выпустивъ лишь перечисленія былинъ, да утратившія свое значеніе ссылки на первые два тома.—*Ред.*

Третья часть этого сборника заключаетъ въ себѣ былевыя пѣсни, заплачки и бытовыя пѣсни.

Изъ варіантовъ былинъ многіе болѣе или менѣе извѣстны; но въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго эпоса еще такъ мало сдѣлано, что я считаю необходимымъ печатать цѣликомъ пересказы, лишь бы они были интересны въ какомъ-нибудь отношеніи. Изъ печатаемыхъ въ III ч. иные замѣчательны по своей художественности (напр. 10, 13. 14, 15, 16, 24, 27, 29 и др.), иные содержатъ извѣстные эпизоды или по крайней мѣрѣ передаютъ подробности, которыя даютъ средства къ опредѣленію первобытнаго вида былины и прибавляютъ новыя данныя къ содержанію ея и всего цикла, къ которому она относится. — Такъ въ пересказѣ о Хотенѣ (№ 28) поединокъ за Офимью Часовичну происходитъ между девятью Часовичами и паробкомъ Хотена, а самъ богатырь во время боя спитъ себѣ въ шатрѣ. Такое представленіе борьбы за Часовичну повело въ своемъ развитіи къ насмѣшливому вообще

о сказителяхъ были еще очень отрывочны и ограниченны, выводы изъ нихъ были бы преждевременны и односторонни, а между тѣмъ не представлялось возможности вскорѣ запастись матеріалами для разъясненія сомнѣній. Во-первыхъ, поѣздки мои были слишкомъ рѣдки и непродолжительны, а пѣвцы индѣ разсѣяны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Матеріалы для цѣлаго 1-го тома и части второго были собраны въ теченіе какихъ-нибудь 9 или 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ пришлось проѣхать болѣе 2000 верстъ отъ Петрозаводска черезъ Заонежье до границъ Архангельской губерніи на сѣверъ и Вологодской губерніи на востокъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскій человѣкъ не любитъ, чтобы на первыхъ порахъ знакомства слишкомъ интересовались его личностью; потому я довольствовался тѣмъ, что мнѣ сказывали былины, и не вдавался въ разспросы пѣвцовъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Въ-третьихъ, само собой бросалось въ глаза, что лучшіе изъ пѣвцовъ уже старые люди и дряхлѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Учителя ихъ, которые, по ихъ же разсказамъ, знали о богатырствѣ больше и лучше ихъ, почти всѣ перемерли, и та же участь каждую минуту грозитъ лучшимъ представителямъ теперешняго поколѣтія сказителей. Я понималъ, что драгоцѣнныя сказанія могутъ не нынче-

---

взгляду на Хотена: въ варіантѣ, напечатанномъ въ извѣстіяхъ II отд. Импер. Академіи наукъ, Хотенъ является не могучимъ героемъ, отъ одного удара котораго цѣлый теремъ слетѣлъ по окнамъ прочь, а трусоватымъ нѣженкой, за котораго въ минуту опасности вынужденъ дѣйствовать его наперсникъ. Два варіанта (№ 15 и 52) были уже напечатаны въ 1-й части; я ихъ перепечатываю снова, потому что на этотъ разъ успѣлъ записать ихъ съ живой рѣчи пѣвца, а вслѣдствіе этого объяснились иныя непонятныя выраженія, № 15 дополнился важными подробностями (ст. 175—245) и № 52 возстановился во всей своей художественности. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ варіантовъ, хотя и близки къ напечатаннымъ прежде, однако именно вслѣдствіе этого могутъ послужить пособіемъ къ разрѣшенію вопросовъ объ участіи личнаго творчества въ былевой поэзіи и о томъ, въ какой степени сохранился въ наше время первобытный видъ былинъ.

Второй и третій отдѣлы этой части, помимо своего значенія для этнографіи края, покажутся, быть можетъ, любопытными и для изслѣдователей вообще народнаго быта. Если былевая поэзія переноситъ насъ въ далекое прошедшее и открываетъ намъ народное земское представленіе о русской исторіи и о тѣхъ идеалахъ, которые созданы ея теченіемъ въ сознаніи на-

завтра навсегда погибнуть, и торопился записывать уцѣлѣвшее. Наконецъ признаюсь, я самъ былъ подавленъ богатствомъ собираемаго матеріала, мной завладѣли новые для меня народные образы, какъ будто спѣшившіе на смѣну одинъ другаго,—и памятники былевой поэзіи заслонили отъ меня тогда ихъ хранителей и передатчиковъ. Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и о ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собиралъ и записывалъ былины, разскажу со всей подробностью [1]) о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся.

Въ теченіе 1859 г. изъ разговоровъ съ Петрозаводскими старожилами я узналъ, что въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи сохранилось много любопытнѣйшихъ и древнихъ обычаевъ, повѣрій, преданій, былинъ и пѣсенъ. Въ подтвержденіе этимъ разсказамъ указывали на историческія и этнографическія данныя, напечатанныя въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, между прочимъ на двѣ былины о богатыряхъ Соловьѣ Будиміровичѣ и Васильѣ пьяницѣ. Въ томъ же году мнѣ самому довелось прочесть въ рукописи нѣсколько ста-

---

рода, то заплачки и бытовыя пѣсни знакомятъ со взглядомъ русскаго человѣка на явленія его семейной и обыденной жизни. Въ пѣсни исчерпанъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать крестьянину, какъ члену семьи и общины. Начиная отъ колыбели, пѣсня провожаетъ русскаго человѣка до дѣтскихъ игръ, къ забавамъ молодыхъ лѣтъ, къ первому пробужденію любовнаго чувства; она въ трогательныхъ образахъ представляетъ дѣвушкѣ горькій переходъ отъ дѣвичьей воли къ замужнему безволью; но она же подсказываетъ мужу и женѣ задушевныя рѣчи любви и учитъ ихъ убаюкивать и утѣшать будущаго ребенка; пѣсня оживляетъ тяжелую будничную работу на страдахъ въ непогоду и зной, и въ душной избѣ при свѣтѣ лучины, и праздничный отдыхъ въ хороводѣ или на бесѣдахъ. Подростутъ у крестьянъ дѣти, и та же пѣсня проводитъ сына на службу государеву и дочь на чужую сторону, и старика отца со старухою матерью, съ которыми дѣти разстанутся навсегда въ этомъ свѣтѣ.

Въ концѣ части я счелъ нужнымъ помѣстить, кромѣ дополненій и поправокъ къ первымъ двумъ частямъ, объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ.

[1]) Этотъ эпизодъ поѣздокъ моихъ былъ напечатанъ отчасти въ губ. Олонец. вѣдомостяхъ и въ „Днѣ“.

ринъ, записанныхъ (какъ я узналъ впослѣдствіи) со словъ крестьянскаго портного Бутылки, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда.

Съ зимы 59—60 года я принялся самъ собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовыя пѣсни, заплачки и духовные стихи. Къ записыванію этихъ матеріаловъ представила удобный случай первая поѣздка моя на Шунгскую ярмарку, Повѣнецкаго уѣзда (въ декабрѣ 59-го и въ январѣ 60-го года), куда я отправился для собранія статистическихъ свѣдѣній. Здѣсь мнѣ разсказали, что въ старое время на эту ярмарку постоянно приходило много каликъ: они садились, бывало, у погоста и пѣли духовные стихи, а толпы проѣзжихъ собирались ихъ слушать и подавали имъ посильную милостыню. Но съ 50-хъ годовъ, неизвѣстно почему, земская полиція стала гонять убогихъ пѣвцовъ съ погоста и не позволяла имъ больше пѣть на улицахъ. Только по особенному моему настоянію сотскій съ великимъ трудомъ отыскалъ двухъ каликъ (одинъ изъ нихъ, слѣпой Иванъ, былъ родомъ изъ Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, другой изъ Кузаранды, Петрозаводскаго уѣзда) и привелъ ихъ на мою квартиру. Когда они пообогрѣлись и поразговорились, я началъ просить ихъ спѣть, что умѣютъ. Они сперва было все отнѣкивались; но, когда я самъ прочелъ имъ по памяти изъ «книги Голубиной», то и они завели сперва одинъ стихъ, потомъ другой, и спѣли все, что знали. Въ эту поѣздку, въ мартѣ 60 года и частью въ январѣ 61 года записалъ я отъ нихъ Алексія Божія человѣка, Агрикова сына Василья, книгу Голубиную, Осипа Прекраснаго, Егорія Храбраго и т. п. [1]). Разспрашивалъ я своихъ каликъ про былины, но они не умѣли ихъ пѣть. Впрочемъ, Иванъ изъ Купецкой волости пообѣщался выучиться старинѣ о Васильюшкѣ Игнатьевичѣ и передать мнѣ ее, и дѣйствительно сдержалъ свое слово впослѣдствіи, уже въ январѣ 61 года. Исполняя просьбу каликъ, я упросилъ

---

[1]) Все это помѣщено въ „Каликахъ перехожихъ“ г. Безсонова. Впослѣдствіи въ Петрозаводскѣ, со словъ жены монастырскаго служителя изъ г. Пудожа, я составилъ небольшой сборникъ духовныхъ стиховъ, отличающихся аскетическимъ складомъ рѣчи.

еще въ 60 году земскаго исправника прекратить на нихъ гоненіе: съ тѣхъ поръ они опять показались на ярмаркѣ, на своемъ мѣстѣ у погоста, и снова стали пѣніемъ стиховъ испрашивать мірское подаяніе.

Въ ту же поѣздку я познакомился съ Шунгской «вопленицей» или плакальщицей. Вопленица—это въ Повѣнецкомъ Заонежьѣ [1]) такое же официальное общественное лицо въ бытовой сферѣ, какъ «уставщикъ» въ религіозной. Уставщикъ наблюдаетъ за чистотою религіознаго обряда и порядкомъ, а вопленица блюдетъ чистоту бытового обряда, обычая и порядка: она руководитъ ходомъ свадебъ, похоронъ, поминокъ. Когда невѣсту въ день порученья подводятъ «ко столу», плакальщица идетъ сзади ея и поетъ жалобныя заплачки, въ которыхъ высказываетъ всю горесть разставанья молодой дѣвушки съ родителями, родомъ-племенемъ, и весь страхъ неизвѣстности при переходѣ къ «чужимъ чужанинамъ», «на остудушку чужую на сторонушку». Плакальщица провожаетъ невѣсту къ ея роднымъ, у которыхъ она тоже должна выплакать свое горе; плакальщица слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ подробностей вѣковѣчнаго обычая на свадьбѣ, оберегаетъ невѣсту отъ глаза, наговора, и окончивъ свое дѣло, оборонивъ насколько слѣдовало красную дѣвицу «отъ полоненья», какъ бы по необходимости продаетъ ее «измѣнѣ-разсказу, большему свату-тысяцкому». Въ дни похоронъ и поминокъ, она же подсказываетъ вдовамъ и сиротамъ жалобныя заплачки и высказываетъ «жалкимъ голосомъ» тяжесть разлуки съ милою «семеюшкою», «яснымъ соколомъ-брателкомъ» и другими дорогими «покойничками».

Моя знакомка была извѣстна по всему околотку подъ именемъ «правителя свадебъ». Заплачки ея имѣли такую славу, что ее приглашали даже въ Толвую, т.-е. въ Петрозаводское Заонежье, гдѣ населеніе живое, воспріимчивое и съ поэтическимъ даромъ слова, гдѣ поэтому обыкновенно плакальщицы не играютъ важной роли: тамъ всякая почти женщина можетъ

---

[1]) Въ Повѣнецкомъ Заонежьѣ уваженіе къ обрядности доведено до крайней степени, вслѣдствіе сильнаго развитія старообрядчества и близости Выгорѣцкихъ общежительствъ.

выплакивать свое горе въ импровизаціи ли, подъ вліяніемъ собственнаго настроенія, или въ передѣлкахъ заплачекъ, переходящихъ изъ роду въ родъ и извѣстныхъ почти каждой большухѣ и старухѣ. Отъ этой Шунгской вопленицы записалъ я въ январѣ и мартѣ 60 года и въ январѣ 61 г. превосходныя свадебныя и похоронныя заплачки. Въ той же мѣстности на бесѣдахъ или вечеринкахъ мной были записаны пѣсни бесѣдныя.

Но о былинахъ покамѣстъ до меня доходили только слухи. Я слышалъ на ярмаркѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ пріѣзжихъ торговцевъ, что въ Олонецкой губерніи есть дѣйствительно люди, умѣющіе пѣть и сказывать былины; но мои Шунгскіе знакомые мало интересовались этимъ родомъ народной поэзіи. Чиновникамъ мое любопытство казалось празднымъ, торговцы знать ничего не знали, кромѣ своего дѣла, а Шунгскіе туземцы смотрѣли на старины даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка.

Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся съ тѣмъ же настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ ни пѣти и мірскихъ людей не соблажняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей. Если въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украйнѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Кіевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ. Впрочемъ, въ ту же поѣздку я слышалъ про отличнаго Повѣнецкаго перехожаго пѣвца Бутылку, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста, ремесломъ крестьянскаго портного. Мнѣ сказывали, что Бутылка ходитъ

по всему Заонежью, занимаясь портняжествомъ то въ той деревнѣ, то въ другой, и во время работы постоянно поетъ былины. Въ ту пору ему должно было бы находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Страстно желая отыскать этого пѣвца, я бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ чрез Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути я завертывалъ и въ Великую губу, и въ Сѣнную губу; но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ слышалъ, что Бутылка уже ушелъ. Три раза впослѣдствіи я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ-за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 60 года переплывать въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 63 г. я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него же было записано прежде другими лицами.

Лѣтомъ 60 года я получилъ отъ мѣстнаго начальства офиціальное порученіе—собрать данныя объ источникахъ, изъ которыхъ составляются вѣдомости статистическаго отчета. Командировка эта представляла мнѣ возможность не только побывать въ уѣздныхъ городахъ Олонецкой губерніи, но и заглянуть въ деревенскій бытъ. Рѣшившись воспользоваться ею для собранія этнографическихъ матеріаловъ, я разсудилъ оставить почтовый трактъ и ѣхать по губерніи проселочными дорогами и водою. Это давало мнѣ средства всмотрѣться въ бытъ крестьянъ и отчасти избавляло отъ офиціальности. Извѣстно, какъ трудно добиться какихъ-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину», и тѣмъ болѣе чиновнику. Его званіе, подорожная, вся обстановка его ѣзды какъ-то не внушаютъ къ нему народнаго довѣрія; крестьянинъ всегда склоненъ къ подозрѣнію, что у чиновника есть, пожалуй, какое-нибудь «касательное» до него дѣло, а если касательнаго дѣла и нѣтъ, то самая личность чиновника, его понятія, его привычки дѣлаютъ его чужимъ для крестьянина. Неужели же, скажутъ иные, послѣ этого для собранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживанье и подражанье, разумѣется,

ни куда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это небезполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства. Но главное дѣло не въ платьѣ: надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника, и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе, и охотно разскажетъ ему, что нужно.

Итакъ, въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ пріискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполнѣ потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ пріѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются въ Петрозаводску за мукою, и съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ сосѣдей, которые за свою работу переѣзжаютъ даромъ до города или до дому. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль налаженъ кое-какъ, весла самодѣльныя. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣянно множество «лудъ» (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ «Пестьянъ» (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостію, и я скоро уговорилъ его перевезти меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую

ничтожную (3 р. с.), да и та предназначалась имъ для гребцовъ. Долго-долго дожидался я «повѣтери»: нѣсколько дней, какъ нарочно, дулъ стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ шелоникъ, западъ, или полденъ [1]). На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились пуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ баженымъ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ чрезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоитъ закопченная «фатера», домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кострюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ,

---

[1]) Вотъ названіе главныхъ вѣтровъ въ Онежскомъ краѣ:

Сиверикъ

Подсиверный — Меженецъ

Западъ — + — Стокъ

Шелоникъ — Зимнякъ

Полденъ

что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Потому я напечаталъ впослѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варіанты, или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чуствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуй-наволокѣ.

На разсвѣтѣ около костра собралось много проѣзжихъ, большею частію изъ-за Онеги: народъ все былъ привѣтливый, радушный, велъ веселую бесѣду, держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ и, по врожденной вѣжливости, при первомъ свиданіи не разспрашивалъ о цѣли моей поѣздки. Я имъ самъ объяснилъ, что вотъ де ѣду по губерніи по ученому дѣлу: — для правительства нужны вѣрныя свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, о его прибыли и убыли, о его здоровьѣ и долговѣчности, наконецъ о его благосостояніи, и вотъ я за тѣмъ ѣду, чтобъ повѣрить, какъ эти свѣдѣнія собираются въ нашей губерніи. Кре-

стьяне не только поняли мои слова, но даже одинъ изъ нихъ, грамотный крестьянинъ съ Пудожскаго берега, тутъ же объяснилъ мнѣ, что этихъ дѣловъ у нихъ изъ волости ежегодно требуютъ и становой, и окружной. «Ну, говоритъ, нашъ писарь (старшина-то нашъ неграмотенъ) сейчасъ и отпишетъ имъ, что слѣдуетъ».—Да откуда же онъ знаетъ?—«Нашему да писарю не знать: у него есть тоже подначальные писаря. Вотъ онъ съ ними посовѣтуетъ, да и отпишетъ, какъ ему надобно.»—Ну, а какъ ты полагаешь: пишетъ-то онъ правду?—«А кто его вѣдаетъ: по другимъ то дѣламъ онъ рѣдко пишетъ правду» [1]). Когда крестьяне убѣдились, что у меня до нихъ никакого касательнаго» дѣла нѣтъ и что я совсѣмъ не полицейскій чиновникъ, то сдѣлались еще разговорчивѣе и сами повели рѣчь о разныхъ народныхъ повѣрьяхъ: въ короткое время можно было составить себѣ понятіе о цѣлой Заонежской демонологіи [2]). Имъ совсѣмъ не казалось страннымъ, отчего я ихъ разспрашиваю про ихъ бытъ и повѣрья, потому что они убѣдились, что мнѣ хорошо извѣстны многіе ихъ обычаи и сказанія.

Пока мы бесѣдовали у костра, совсѣмъ развѣло, а попутнаго вѣтра все не было. Мои новые знакомцы стали меня уговаривать—проѣхать съ ними въ Заонежье [3]) и оттуда уже переправиться къ Пудожъ-горѣ. «Сойма у насъ славная,—ласково говорили они мнѣ,—насъ цѣлыя три перемѣны гребцовъ, и мы тебя къ вечеру же представимъ въ Кижи». Такой радушный,

---

[1]) Впослѣдствіи, разсматривая статистическіе отчеты сельскихъ и волостныхъ правленій, я убѣдился, что многія цифры вѣдомостей дутыя, и что составленіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если полѣнится волостной писарь, то вѣдомости сочиняются сельскими писарями, а волостной ихъ передѣлываетъ по-своему въ одно цѣлое; или же первоначально сочинитъ волостной писарь, а сельскіе станутъ его произведеніе расписывать между собою. Чѣмъ выше административная уѣздная единица, тѣмъ больше безцеремонности въ обработкѣ этихъ самодѣльныхъ статистическихъ данныхъ. О дальнѣйшихъ результатахъ этого объяснено въ статистическомъ отчетѣ за 1862 годъ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

[2]) Напечатано въ декабрьскихъ номерахъ „Олонец. губ. вѣд". 1862 года.

[3]) Заонежьемъ называются расположенные за озеромъ Онегомъ, Петрозаводскаго уѣзда, погосты: Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Типиницкій, Яндомозерскій, Кузарандскій, Космозерскій, Толвуйскій, Вырозерскій, Фоймогубскій, Карасозерскій, Мелогубскій и Повѣнецкаго уѣзда Шунгскій и Челмужскій.

откровенный народъ были эти Кижане, что меня такъ и потянуло побывать у нихъ въ Заонежьѣ. Сама собою у меня сложилась твердая увѣренность, что я найду тамъ много интересныхъ памятниковъ народной поэзіи, и явилась непремѣнная рѣшимость ихъ разыскивать. Не думая долго, я разсчитался съ прежнимъ хозяиномъ и сѣлъ въ сойму къ Ошевневу (такъ звали владѣльца новой соймы). Его лодка была поменьше старой, безъ палубы и вся завалена кулями съ мукою. Гребцы были всѣ изъ сосѣдей или однодеревенцевъ Ошевнева. Одни изъ нихъ работали веслами, другіе закусывали и весело перекидывались съ ними прибаутками, а третьи опочивали на куляхъ. Самъ хозяинъ все хлопоталъ объ угощеніи работниковъ и бабъ. Леонтій Богдановичъ то присосѣдится къ гребцамъ и подзадориваетъ ихъ спѣть пѣсенку, то перейдетъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ заведетъ какую-нибудь старину, то примется болтать съ бабами [1]). Ему ужъ лѣтъ семьдесятъ съ

---

[1]) Въ № 45 „Олонец. Вѣдомостей“ дальше стоитъ слѣдующее мѣсто: Напримѣръ, они пѣли:

а) Леонтій.

Теща ты, теща моя,
Богоданная моя матушка,
У тебя дочь повыучена,
Девятая весна пришла,
Ставъ въ углу,
Устала челнокъ рыщучись,
По деревнѣ утка̂ ищучись,
Сквозь прошести трава растетъ,
На хвостѣ цвѣты цвѣтутъ.

б) Бабы отвѣчали.

Зятюшко, зятюшко,
Богоданное мое дитятко,
А ты траву выкоси косой,
На печкѣ траву высуши,
На полатину заколину смечи,
Подъ полатиной коня корми.
Зятюшко, зятюшко,
Богоданное мое дитятко,
У тебя нѣту хлѣвушечки,
Ни хлѣвушечки, да ни телушечки,
У тебя нѣту конюшенки,
Въ конюшенкѣ нѣту лошадушки и т. д. — *Ред.*

хвостикомъ, а онъ все еще здоровый, крѣпкій мужикъ. Сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т.-е. бывалымъ и работящимъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные промыслы на Ладожское озеро, живалъ и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживалъ „со щетью" [1]) по деревнямъ. Хорошихъ дней въ жизни у него было немного. «Я голъ какъ соколъ, — говорилъ онъ мнѣ, — а семья-то у меня не малая: съ сыниной семьей десять ртовъ, десять животовъ». Но при постоянныхъ неудачахъ никогда не покидала его веселость. И теперь онъ пѣлъ и заигрывалъ съ бабами, а у другого бы кошки на сердцѣ скребли. Поѣхалъ онъ въ Петрозаводскъ за мукою, и подвернулся ему на грѣхъ «хорошій человѣкъ», и деньги на муку у него пошли «во царевъ кабакъ». Несмотря на это, онъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости, и взялъ слово, что я ни у кого, кромѣ его, не остановлюсь. «Ты только заверни ко мнѣ, П. Н.,—говорилъ онъ,—такъ я и самъ тебѣ былинокъ напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежьѣ. Повезу тебя по всѣмъ Кижамъ, по всѣмъ губамъ и по всѣмъ островамъ. Хошь мѣдную руду покажу, гдѣ она добывается, а захошь, такъ свезу на Святой наволокъ. Тамъ, П. Н., растутъ всякія полезныя травы, въ старое время ихъ и въ Питеръ брали». При дружной греблѣ лодка живо подвигалась по водамъ озера [2]), и къ полудню мы дошли къ лудѣ «Монаху», гдѣ считается половина пути отъ Петрозаводска. «Монахъ»—это длинная и узкая мель, едва-едва она поднимается надъ поверхностью воды; посрединѣ она разорвана большою трещиною. Съ девятымъ валомъ волны шумно вливаются въ пропасть и съ шумомъ выливаются обратно въ озеро. Въ бурную погоду много лодокъ погибаетъ у этой мели.

Дорогой мы приставали еще къ островку Ярь-наволокъ и Гарницкой лудѣ, а къ вечеру въѣхали въ Кижскую губу. Онегомъ все дули холодные вѣтры, мѣстами еще плавали льдины: было холодно, и мы всѣ кутались. Кромѣ воды и неба ничего

---

[1]) Со щетками для льна. *Ред.*

[2]) Прошу замѣтить, что Онего вѣдь это цѣлое море.

не было видно: по крайней мѣрѣ, я, по близорукости своей, ничего не могъ разсмотрѣть въ дали, кромѣ длинной полосы берега, который то приближался, то исчезалъ. Но какъ только мы въѣхали въ Кижскую губу, и воздухъ, и окружающая мѣстность измѣнились, какъ будто бы по щучьему велѣнью. Стало тепло, гребцы распоясались и поскидали кафтаны. Узкая полоса залива или, лучше сказать, пролива тянулась въ неизмѣримую даль. По обѣимъ сторонамъ его выступали гористые берега самыхъ причудливыхъ очертаній, они были изрѣзаны небольшими заливами, наполнены островками. Тутъ вдавалась глубоко въ берегъ заберега, тамъ мы плыли «по тихой по заводи», а гдѣ тихая заводь, тамъ есть и «затресье», только въ маѣ мѣсяцѣ затресья были покрыты не зеленою «трестою», а бѣлою, высохшею отъ мороза и ломавшеюся отъ удара веселъ. По берегамъ виднѣлись деревни, выселки и починки. Избы въ иныхъ мѣстахъ надвинулись къ самой водѣ, и отъ нихъ идутъ въ озеро длинныя «мостовища», куда пристаютъ лодки. И надъ всѣмъ этимъ господствовала угрюмая, величественная сѣверная природа, синева сосенъ, суровое очертаніе скалъ, да извилины озера. Такъ плыли мы къ Кижскому погосту, а Леонтій Богдановичъ пѣлъ въ хорѣ:

Не кукушечка въ сыромъ бору скуковала,
Ай, не соловьюшко въ зеленомъ садочку жалко свищетъ,
Охъ, добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно плачетъ.
Разстоскуйся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
Ужъ я самъ, ахъ, пошелъ, моя сударушка, да сгоревался,
Ужъ пошелъ я, сгоревался-стосковался,
Охъ, малешенекъ сынъ у батюшки пріостался.
Я родной-то своей матушки не воспомню,
А кто меня, сиротинушку, воспоилъ-воскормилъ?
Воспоилъ-воскормилъ сиротинушку православный міръ,
Воспоила добра молодца Волга матушка-рѣка,
Завила желты кудри красна дѣвица-душа.

Къ ночи мы подъѣхали къ деревнѣ Середкѣ. Ошевневъ высадилъ меня тутъ, а самъ поѣхалъ домой. Выходъ на сушу не обошелся безъ приключенія. Спутники разобрали мои вещи,

чтобы перенести ихъ къ Леонтію Богдановичу. Дорожную сумку, гдѣ была записная книжка, немного чаю и нѣсколько пачекъ съ сигарами взяла ветхая старушка; а я ей наказывалъ лучше не брать: «ты, молъ, уронишь». И дѣйствительно, только вступила она на мостовище, какъ сумка вылетѣла у ней изъ рукъ и пала въ воду. Невольно у меня сорвалось съ языка: «Говорилъ тебѣ, бабушка, не брать. Эхъ, унеси тя!» Старуха чуть не взвыла и стала мнѣ выговаривать. «Ахъ ты, мой жадобненькой, красное солнышко! ты зачѣмъ это выговорилъ? Дорожному человѣку неличе кликать лембоя» [1]). Пришлось ее успокоивать, а Леонтій Богдановъ дорогой мнѣ объяснилъ, что заклятіе дорожнаго человѣка дѣйствительно великое дѣло; что вотъ ряпушка въ заливѣ около Кижей лѣтъ 25 не ловится и совсѣмъ нейдетъ въ проливъ, а заклялъ ее тоже дорожный человѣкъ. «Сидятъ это наши старики около костра,—говорилъ онъ,—и хлебаютъ уху. И подходитъ къ нимъ проѣзжій: вотъ они мѣстечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчевали. Сидятъ они и глотаютъ «вологу» ложка за ложкой, а онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, да и говоритъ: «Видно рыбки-то у васъ мало ставится, такъ и будетъ». И съ той поры за ряпушкой ѣздимъ въ большое Онего [2])».

«Есть у насъ два такихъ сказителя,—говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Л. Богдановъ,—что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонегѣ. Одинъ—Козьма Ивановъ Романовъ, живетъ въ деревнѣ Лонгасы, съ Сѣнногубскомъ погостѣ, а ѣзды къ нему отселева на полчаса времени; другой—Трофимъ Григорьевъ Рябининъ изъ нашей же деревни Середки».—Свези-ка меня завтра же къ этому Рябинину.—«Нѣтъ, П. Н., мнѣ по утру не слободно, да и надо сначала мнѣ къ нему навѣдаться: мужикъ онъ гордый и упрямый. Коли его напередъ не уломать, такъ ты ничего отъ него не добьешься».

Леонтій ушелъ рано изъ дому и, воротившись домой къ пабѣдью, объявилъ, что Рябининъ придетъ сегодня же къ нему въ избу. Днемъ я бродилъ по деревнѣ и перезнакомился съ многими однодеревенцами Леонтія, а вечеромъ они цѣлою гурь-

---

[1]) Неличе—неприлично, лембой—чортъ (корельское слово).

[2]) Здѣсь оканчивается напечатанное въ „Олонец. Губ. Вѣдом.“. *Ред.*

бою пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстныя преданія о панахъ, о Петрѣ Первомъ, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшой сѣдѣющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. «Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ», сказалъ мнѣ Леонтій.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я разсказалъ Рябинину про любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомъ-нибудь богатырѣ. «Негоже нонь сказывать мірскія пѣсни,—отвѣчалъ онъ,—нонѣ постъ: набъ стихи пѣть». Тутъ, какъ сумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. «Въ стихахъ, Т. Г.,—говорилъ я,—поютъ, въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказывается о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: «Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье». — Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣнье передъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно я записывалъ наречно, а когда онъ кончилъ я попросилъ его спѣть, и по пѣтому поправилъ свою запись. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиною десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, затѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, бояринѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣ-

дующіе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда разсказывалъ вкратцѣ подвиги богатыря, а Рябининъ тутъ же припоминалъ былину, или же предлагалъ вмѣсто нея спѣть другую: «Этой я, П. Н., не знаю, а вотъ спою тебѣ про Вольгу Святославича». Бывало и такъ, что онъ подолгу отказывался завести иную былину, потому-де что всея не помнилъ. Напр. изъ старины о Садкѣ и одного варіанта о Потыкѣ (№ 35, I ч.) онъ зналъ только начало.

По хозяйству Рябининъ «полномочный крестьянинъ»: у него хорошій участокъ земли; но главный его промыселъ рыболовство, доходами отъ котораго онъ уплачиваетъ подати и кормитъ большую семью, которой на годъ недостало бы своего хлѣба при скудныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей у Рябинина было нѣсколько: инымъ былинамъ онъ научился отъ великаго сказителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напр., было записано, какъ Добрынюшкѣ покрутъ понадобился для князя Владиміра, и какъ этотъ богатырь ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ того же Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ—Ѳедорѣ Ивановѣ и сынѣ Владиміровомъ [1]). Но главный наставникъ Рябинина былъ Илья Елустаѳьевъ, память о которомъ и теперь

[1]) Гальякъ наѣхалъ на славенъ Кіевъ градъ, грозилъ пожечь его и вызывалъ къ себѣ поединщика. Богатырей въ Кіевѣ не случилось, и вызвался на бой незнаемый молодецъ. А былъ онъ младшій сынъ Владиміровъ, отъ отца онъ скрывался почему-то и не показывалъ ему патрета (т.-е. не поднималъ забрало у шелома). И говоритъ онъ отцу: „Владиміръ князь стольно-Кіевскій! избери-ка мнѣ добра коня богатырскаго, дай доспѣхи крѣпкіе, палицу воинскую, копье мурзамецкое и ножище-кинжалище“. Срядился тутъ богатырь къ бою, выѣхалъ во славное раздольице — чисто поле, съѣхался съ Гальякомъ невѣрнымъ, и начали они между собой драку великую. У нихъ палицы приломалися, востры копья притупилися, и бились они боемъ рукопашечнымъ, и упали оба наземь. Какъ Владиміровъ сынъ былъ посуровѣе, то первый скочилъ на ноги, наступилъ Гальяку на бѣлую грудь и закололъ его ножищемъ. Тутъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, заходилъ въ палаты княженецкія къ отцу, своротилъ наконецъ шеломъ и показалъ отцу патретъ.

сохранилась въ Кижской волости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежьѣ и во всей Олонецкой губерніи. Зналъ онъ несчетное множество былинъ и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: «А ну, Илья Елустаѳьевичъ! спой-ко намъ былину». А онъ на мѣсто отвѣтитъ: — Положи-тко полтину, я и спою былину.—Тутъ кто-нибудь изъ богатыхъ выложитъ ему полтину, и станетъ Илья Елустаѳьевичъ сказывать [1]). Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знаніе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Іеву. Отъ этого Іева Ильина нѣсколько былинъ перешли въ наслѣдство внуку Ильи, Терентію Іевлеву [2]).

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженіе и удивленіе къ своему знанію былевой поэзіи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто-нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣлъ и сказывалъ былины безъ умолку. «Если бъ ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы,—мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали». У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смышленый старикъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, по содержанію помнитъ одну-двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елустаѳьева и иныхъ

---

[1]) Это обыкновеніе полнѣе было передано Р—вымъ Ив. Аксакову, который изложилъ его въ газ. „День", 1863 г. (Цитату беремъ изъ перепечатки въ „Олонец. Вѣдом."). „Одинъ изъ сказителей былинъ, записанныхъ Р—вымъ, крестьянинъ лѣтъ 80 говорилъ ему: не такіе еще, какъ онъ, бывали сказители въ прежнее время; еще онъ помнитъ, какъ бывало цѣлая волость въ нѣсколько тысячъ душъ призывала къ себѣ такого, древняго лѣтами, сказителя и заставляла его сказывать старины, былины и побывальщины и заслушивалась вся отъ мала до велика, по нѣскольку дней сряду, забывъ и работы въ полѣ и хозяйство въ дому".

[2]) Это неточно: см. Гильферд. II, 208, или нашу замѣтку при этомъ пѣвцѣ. *Ред.*

знаменитыхъ сказителей. Оттого Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.— Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашеніе Леонтія сказывать передъ пріѣзжимъ и впослѣдствіи, несмотря на мои усиленныя просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я, на разставаньи, подарилъ его большухѣ платокъ, то онъ сейчасъ же отдарилъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить какъ пріемъ подарка, такъ и свое отдаренье: «Когда, П. Н., пріятели разстаются надолго, то у насъ въ обычаѣ дарить другъ другу на память даровья» [1]).

На третій или четвертый день пріѣзда своего въ Кижи я съѣздилъ съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскалъ Козьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передалъ ему, какъ много былинъ я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже разсказать мнѣ что-нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былину за былиною; началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостного писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и трехлѣтній сталъ теменъ глазами. Старикъ онъ добраго нрава, изрѣдка только

---

[1]) Слово гордость не исчерпываетъ характера Рябинина: къ ней присоединяется деликатность, такъ что это свойство въ немъ слѣдуетъ назвать уваженіемъ къ самому себѣ и къ другимъ. Для характеристики этого самоуваженія разскажу здѣсь случай изъ его жизни: одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ прежняго времени попросилъ съ него взятку за какое-то дѣло; Рябининъ не далъ. И случилось чиновнику этому проѣзжать чрезъ деревню Середку. Какъ онъ завидѣлъ Рябинина, такъ и бросился къ нему съ поднятыми кулаками; Т. Г. спокойно отстранилъ его прочь отъ себя и замѣтилъ ему суровымъ голосомъ: „Ты, ваше благородіе, это оставь: я по этымъ дѣламъ никому еще должонъ не оставался“.

капризничаетъ, какъ малое дитя; лѣта свои онъ немного утаиваетъ и, по разговорамъ его, не прочь даже отъ женитьбы: ему-де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябинину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подаяніемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. [1]. Участокъ у него нанимаютъ и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбережоная копейка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственныя его руки давали по четыре, по пяти руб. сер., а онъ, въ слѣдующій пріѣздъ, увѣрялъ меня же, что ему «былъ даденъ въ тѣ поры одинъ только рубликъ».

Пѣть научился Романовъ отъ рыболова Ѳедора Яковлевича и Ильи Елустаѳьевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе сѣрое, Хотена, Дуная, Упава добра молодца и Добрынюшку. Въ старину, по разсказамъ его, соберутся бывало старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустаѳьевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повыучился старинамъ.

Къ Рябинину Козьма Ивановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. «Въ прежнее-то время онъ-де зналъ самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинокъ. А нонь люди, поди, толкуютъ, Рябининъ-молъ сталъ первымъ сказителемъ». Старикъ совсѣмъ забылъ, что Илья Елустаѳьевичъ пѣлъ не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

Знакомство мое съ Козьмою Романовымъ и Рябининымъ не кончилось этимъ разомъ. Хотя въ слѣдующія поѣздки мнѣ удавалось быть въ Заонежьѣ рѣдко и только проѣздомъ, однако я всегда успѣвалъ видѣться съ старыми моими знакомцами, и

---

[1]) Пособіе это было назначено по ходатайству Рыбникова. *Ред.*

не безъ пользы для своего сборника. Такъ въ январѣ 1861 г. я записалъ отъ Романова 5 былинъ (№№ 75 I ч., 18, 22, 42, и 54 II ч.). Сверхъ того, оба пѣвца пріѣзжали въ Петрозаводскъ: Рябининъ очень рѣдко для покупки хлѣба, а Романовъ раза два въ годъ и болѣе для получки изъ думы пособія. Всякій разъ оба они заходили ко мнѣ и всегда почти пѣли свои былины «на послушанье» моимъ знакомымъ; а я между тѣмъ провѣрялъ свою запись, пополнялъ пропуски и окончательно устанавливалъ текстъ пѣтыхъ ими варіантовъ.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнятъ Романовъ и Рябининъ. По крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ свиданій, какъ ни старался я навести пѣвцовъ на слѣдъ какой-нибудь еще неизвѣстной мнѣ былины или побывальщины, уже не могъ отъ нихъ добиться ничего новаго. Въ 1862 году Романовъ припомнилъ только, что разъ онъ слышалъ отъ Ильи Елустаѳьевича старину о томъ, какъ дѣвица Кайдаевна (т.-е. Маринка) вынуждала—взять себя замужъ — Добрынюшку, который загулялъ на ея подворье и заглянулъ въ ея окошечко: «Ежели не возьмешь замужъ за себя, спущу тебя въ чисто поле туромъ-золотыя рога». Припомнилъ онъ еще смутно о борьбѣ Ильи и Идолища. Спрашиваетъ Идолище: «А каковъ у васъ Илейко на святой Руси, по многу ль Илейка хлѣба ѣстъ, по многу ль пьетъ зелена вина?» Отвѣтъ держитъ калика перехожая: — А ѣстъ хлѣба *во славу Божію,* а пьетъ чару *честную:*—И возрадовалось Идолище поганое: «Нѣтъ сильнаго могучаго богатыря!»

Кромѣ этихъ двухъ сказителей, я видѣлся въ первую же поѣздку съ нѣкоторыми другими и разузналъ про многихъ какъ изъ Заонежья, такъ и изъ иныхъ мѣстностей. Записать былины въ ту пору привелось только отъ четырехъ лицъ: Щеголенкова и его племянницы, отъ одной молодицы и отъ старухи изъ Великогубскаго погоста. Къ первому сказителю, въ дер. Боярщину, меня свезъ Л. Богдановъ. Щеголенковъ, бродячій крестьянскій портной [1]), шилъ въ ту пору платье для Кижа-

---

[1]) Онъ сталъ заниматься портняжествомъ, потому что слабъ здоровьемъ для земледѣльческой крестьянской работы.

нина въ его избѣ и за работой распѣвалъ былевыя пѣсни. Онъ охотно согласился передать мнѣ, что знаетъ, и первый познакомилъ меня съ превосходною былиною: «Каково жить птицамъ на Руси и за моремъ». Онъ же уговорилъ свою племянницу, такъ называемую «монастырку» изъ Данилова, которая пришла въ гости въ ту же избу, спѣть мнѣ о царѣ Саламанѣ, о Васильѣ Буслаевѣ (Иванѣ Гудиновѣ) и о Кощеѣ Трипетовѣ. Изъ Боярщины я поѣхалъ кататься на сѣверъ, между Кижскимъ островомъ и «горою» [1]), и здѣсь Леонтій завезъ меня къ своему знакомому, «у котораго-де невѣстка коечто малтаетъ». Мы пристали къ берегу и зашли въ избу. И большакъ-свекоръ и мужъ, его сынъ, предложили, по просьбѣ моего путеводителя, молодой женщинѣ спѣть старину. Пѣвица какъ будто застыдилась и сначала отнѣкивалась отъ пѣнія; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, разсказала мнѣ о Домнѣ Александровнѣ, Гришкѣ Растрижкѣ и Чурилѣ (№№ 46, 79, 69 I части). Тутъ я въ первый разъ узналъ, что у женщинъ есть свои *«бабьи старины»*, которыя поются ими съ особенною любовію, а мужчинами не такъ-то охотно; по крайней мѣрѣ, Никифоръ Прохоровъ изъ Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, обозвавъ приключенія Ивана Годинова бабьей стариною, началъ мнѣ сказывать про этого богатыря не иначе, какъ послѣ особеннаго упрашиванія. Къ числу такихъ бабьихъ старинъ принадлежатъ былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ, о Дмитріѣ Васильевичѣ и Домнѣ Александровнѣ, о князѣ Михайлѣ, о Хотенѣ, Иванушкѣ Годиновѣ и Кострюкѣ. Варіантъ о послѣднемъ [2]) былъ мнѣ переданъ старухой Великогубскаго погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ постояннымъ моимъ спутникомъ Леонтіемъ, она объявила мнѣ, что знаетъ одну старину, и спѣла мнѣ ее, уговорившись напередъ, что получитъ за это пятіалтынный.

Пѣвицы знали по двѣ, по три былины, больше ихъ былъ свѣдущъ Щеголенковъ, но многіе изъ его варіантовъ не пред-

---

[1]) Материкомъ.

[2]) Вѣроятно, это—I, № 68.—*Ред.*

ставляли ничего интереснаго; поэтому я ихъ не напечаталъ. Въ ту же первую поѣздку я узналъ о хорошихъ пѣвцахъ: Терентіи Іевлевѣ, Андреѣ Сарафановѣ, П. И. Корниловѣ, Прохорѣ съ Волкострова и Ѳедотовѣ. Очень мнѣ было интересно повидаться съ Терентіемъ Іевлевымъ, внукомъ Ильи Елустафьева, но на этотъ разъ никакъ не удалось: человѣкъ онъ не очень старый, можетъ быть, лѣтъ 50, но угрюмый и своенравный, а незнакомыхъ просто избѣгаетъ. Такая нелюдимость отчасти объясняется тѣмъ, что онъ живетъ гдѣ-то въ Яндомозерѣ или Космозерѣ въ *заживкахъ*, т.-е. въ выселкѣ, устроенномъ имъ самимъ на распаханной подсѣкѣ. Уже въ сентябрѣ 1861 года довелось мнѣ записать отъ него въ избѣ Леонтія отрывки былинъ о Вольгѣ (II, 1), Васильѣ Буслаевѣ (II, 32) и начало о Дунаѣ (II, 12); всѣ эти варіанты чрезвычайно любопытны, но изъ Вольги онъ зналъ только нѣсколько стиховъ, Василій Буслаевъ у него какъ-то не ладился, а Дуная онъ не досказалъ, потому-де что усталъ, и пообѣщался выучить концу Л. Богданова. Дѣйствительно, я записалъ конецъ этой былины отъ Леонтія, которому Терентій натвердилъ эту старину въ лодкѣ, на дорогѣ изъ Петрозаводска въ Кижи, и который, вѣроятно, старался въ точности передать слова сосѣда. Но Леонтій старъ, забывчивъ, не договариваетъ рѣчи, и все это, вмѣстѣ съ личной его манерой, отразилось въ его пересказѣ. Какая разница въ стилѣ и пошибѣ между началомъ № 12 до 133 стиха и концомъ! Изъ сравненія этихъ первыхъ 132 стиховъ съ № 13 I части оказывается, что Козьма Ивановъ Романовъ [1]) перенялъ Дуная отъ Ильи Елустаѳьева, такъ что намъ сохранилась въ двухъ пересказахъ былина почти въ томъ же видѣ, какъ ее пѣлъ Елустафьевъ въ XVIII столѣтіи.

Отъ Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успѣлъ ни разу видѣться съ нимъ, и принужденъ былъ удовольствоваться записью отъ него писаремъ Лысановымъ интересныхъ варіантовъ о Чурилѣ и Хотенѣ (III, 25 и 28) и №№ 4 и 21 III части. О личности этого пѣвца знаю только, что

---

[1]) Варіантъ Рябинина (№ 31 I части), близкій по содержанію своему съ № 21 III части, вѣроятно, перенятъ Трофимомъ Григорьевичемъ отъ дяди его, Игнатія Андреева.

онъ человѣкъ уже немолодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ и живетъ въ деревнѣ Гарницахъ. Петра [1]) Иванова Корнилова изъ деревни Курганицъ я узналъ уже въ 1862 году. Это слѣпой старикъ лѣтъ пятидесяти, живетъ въ своей избѣ съ родными и кормится доходами съ участка, который отдаетъ въ наемъ: участокъ у него очень хорошій и приноситъ ему порядочный доходъ. Пересказы пѣтыхъ имъ былинъ очень интересны; къ сожалѣнію, усталость съ дороги заставила меня замѣниться грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который наобѣщалъ Леонтію списать все, а прислалъ только три отрывка (№ 60, 61 II ч. и прим. къ № 59 III части) и былины о Сокольникѣ и Василье Игнатьевичѣ (№ 64 и 65 II ч.). Отъ родственника Л. Богданова, Ѳедотова, въ 1863 г. въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, я записалъ все, что зналъ этотъ пѣвецъ, т.-е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился онъ былинамъ у какого-то Конона съ Зяблыхъ Нивъ. До Прохора съ Волкострова я не могъ добраться до сего дня.

Внѣ Заонежья, на Пудожскомъ берегу, три пѣвца были на первый разъ цѣлью моихъ поисковъ: Бутылка изъ Пудожгорскаго погоста, Гаврила Амосовъ изъ дер. Уной губы Уножскаго погоста и старикъ изъ дер. Марнаволока, про котораго мнѣ разсказывали, будто бы онъ знаетъ былину о попыткѣ Рогнѣды отмстить Владиміру за смерть отца ея [2]). Поэтому изъ Заонежья я переплылъ въ лодкѣ Леонтія Богданова черезъ Онего на Пудожское побережье и проѣхалъ водою вдоль послѣдняго до Пудожгорскаго погоста; но не захватилъ ни одного изъ сказителей на мѣстѣ: Марнаволокскій старикъ уже умеръ, Бутылка и Амо́совъ были въ отлучкѣ. Хотя поиски мои были и напрасны, за то во время ихъ я успѣлъ нѣсколько узнать Пудожское побережье и придти къ убѣжденію, что населеніе его одного происхожденія съ Заонежанами и, подобно имъ, сохранило въ своей памяти множество преданій и сказаній, и что слѣдовательно здѣсь можно разсчитывать на интересныя находки по былевой

---

[1]) Петра или Семена, не упомню хорошенько. (Семена. *Ред.*)

[2]) Безъ сомнѣнія, чиновникъ, передавшій мнѣ объ этомъ, подъ вліяніемъ школьныхъ воспоминаній думалъ видѣть Рогнѣдину месть въ какой-нибудь выходкѣ княгини Апраксіи.

поэзіи. И дѣйствительно, уже въ Песчанскомъ погостѣ, въ дер. Большомъ дворѣ, мнѣ назвали одного крестьянина, какъ бойкаго пѣвца. Я послалъ было его звать къ себѣ; но посланецъ воротился съ извѣстіемъ, что пѣвецъ боленъ и не можетъ выйти изъ дому. Заподозривъ тутъ какое-то недоразумѣніе, я отправился верхомъ къ дому больного и спрашиваю встрѣчнаго мужичка, не тутъ ли живетъ имярекъ; тотъ мнѣ отвѣчаетъ, что имярекъ живетъ здѣсь, но что дома я его не захвачу, потому что, молъ, вонъ онъ утекаетъ въ лѣсъ. Я вдогонку за бѣглецомъ, пересѣкъ ему дорогу, соскочилъ съ лошади и, помирая со смѣху, сталъ разспрашивать, по какому это недоразумѣнію вздумалъ онъ бѣжать отъ меня изъ дому въ лѣсъ. Пѣвецъ мой [1]) повинился, что боялся касательнаго дѣла; «было у него пожгано лѣсу»; за это его судили, и во мнѣ онъ боялся найти исполнителя надъ собою приговора суда. Разумѣется, при первомъ объясненіи, страхъ крестьянина сейчасъ же разсѣялся; я усѣлся на пень, онъ расположился подлѣ меня и пропѣлъ мнѣ тутъ же былину о Васильѣ Игнатьевичѣ [2]), другіе варіанты, имъ пѣтые, не представляли ничего особенно интереснаго.

Въ Купецкомъ погостѣ, въ дер. Бураковой, я нашелъ хорошаго пѣвца Никифора Прохорова и записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т.-е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины, и все время изба была полнехонька народа. Старики слушали молча, молодежь тоже сидѣла смирно и изрѣдка развѣ прерывала разсказъ своими восклицаніями: «Ишь ты, на, поди!» и т. п. За то слушатели зашевелились и съ напряженнымъ вниманіемъ подвинулись къ разсказчику, когда Соловниковъ, уже признавъ въ Ильѣ отца, скоро натягиваетъ свой тугой лукъ, вкладываетъ стрѣлочку каленую и стрѣляетъ во Илью скрозь бѣлый шатеръ. Одинъ изъ стариковъ тутъ же счелъ долгомъ разъяснить присутствующимъ «брателкамъ» давно извѣстный всѣмъ имъ фактъ, что Ильѣ-де смерть на бою не писана. Никифоръ Прохоровъ вообще пѣлъ хорошо, только

[1]) Имени его я тогда не записалъ, а впослѣдствіи никакъ не могъ припомнить.

[2]) Разумѣется, очевидно, I, № 29.—*Ред.*

путалъ иногда имена и смѣшивалъ роли: Микулу онъ называлъ Вольгою, а Вольгу Микулою; Соловникова раза два обозвалъ Соловьемъ Будимировичемъ; но, когда я ему замѣтилъ, что самъ же Соловниковъ говоритъ про себя, что батюшки не знаетъ, то Прохоровъ просилъ меня вмѣсто Соловья вездѣ прописать Соловникова. — По занятію Никифоръ землепашецъ, недавно построилъ избу и попалъ при этомъ подъ слѣдствіе, за то, что перерубилъ 39 деревъ.

Были, по слухамъ, и другіе пѣвцы въ обоихъ погостахъ, но имъ было несвободно покинуть домъ въ рабочую пору; мнѣ для свиданья съ ними пришлось бы ѣхать въ сторону верстъ пятнадцать и болѣе, а я принужденъ былъ между тѣмъ спѣшить въ Шалу, а отсюда въ Пудожъ, потому что расшибъ себѣ руку и необходимо было полѣчить ее въ городѣ. Пробираясь верхомъ по камнямъ и по мосткамъ [1]) черезъ болота, я добрался кое-какъ до Шалъ и тутъ пересѣлъ въ лодку. На мое счастье, лодочникъ оказался хорошимъ сказителемъ и спѣлъ мнѣ отличныя былины о двухъ Ливикахъ, о Сухмантіи, о Васильѣ Буслаевѣ и Соловьѣ Будиміровичѣ. По словамъ моего кормчаго, въ Шалахъ были пѣвцы и кромѣ него; и дѣйствительно, въ 1863 г. я получилъ изъ этого прихода 5 пѣсенъ, записанныхъ по моей просьбѣ, со словъ крестьянина дер. Гагарской Потапа Трофимова Потахина: — былины эти, по складу и стилю, довольно близки къ записаннымъ мною отъ лодочника, и, вѣроятно, оба пѣвца учились у одного и того же учителя.

Еще въ Петрозаводскѣ тамошніе старожилы разсказывали мнѣ, что въ старое время былевыя пѣсни были въ большомъ ходу и большой чести у всего Пудожскаго городского населенія. Лѣтъ 50 тому назадъ не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣды, чтобы слушать былины. Но въ настоящее время старины уже вышли изъ моды въ г. Пу-

---

[1]) Мостки—это бревна или, лучше сказать, колья, наброшенныя на грязь; если они положены поперекъ дороги, такъ еще можно кое-какъ по нимъ ѣхать; но если они постланы вдоль дороги, то нужно быть ѣздокомъ получше меня, сильно полагаться на сноровку лошади, чтобы рискнуть пробираться верхомъ по узенькимъ мостовинамъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга добрымъ полуаршиномъ.

дожѣ, о сказителяхъ почти никто не зналъ, за исключеніемъ г. Буторина, который сообщилъ мнѣ, что въ Сумозерскомъ погостѣ, верстахъ въ 15 отъ города, живетъ хорошій пѣвецъ, Андрей Сорокинъ.—Самому мнѣ, по болѣзни, нельзя было съѣздить въ Сумозерскій погостъ, потому я послалъ звать Сорокина въ Пудожъ. На слѣдующій же день онъ пришелъ ко мнѣ и охотно сталъ пѣть былины. Сорокинъ еще молодой парень, перенялъ свое знаніе отъ отца, содержитъ постоялый дворъ и своимъ умѣньемъ сказывать привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей. Заѣдутъ къ нему проѣзжіе съ вечера и часто всю ночь на пролетъ слушаютъ долгіе разсказы Андрея о разныхъ богатыряхъ. Былины его отличаются особенною полнотою, древностью нѣкоторыхъ выраженій и интересными эпизодами. Несносная боль въ рукѣ позволила мнѣ въ то время записать отъ него только 2 былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ [1]) и принудила меня просить г. Шиша найти какого-нибудь писца для записки остального. Впрочемъ въ 1861 г., проѣзжая по Пудожскому уѣзду, я провѣрилъ чужую запись, и она оказалась очень вѣрною.

Отъ Сорокина я развѣдалъ про замѣчательныхъ пѣвцовъ въ Водлозерѣ, на Кенозерѣ и другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда и могъ бы надѣяться отыскать любопытныя вещи; но мнѣ нужно было торопиться для исполненія офиціальнаго порученія въ Устьмошу, а оттуда въ Каргополь; такимъ образомъ не оставалось времени объѣздить разныя захолустья, какъ бы мнѣ хотѣлось. При томъ, какъ на грѣхъ, рука моя долго не заживала, и это обстоятельство много мѣшало мнѣ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, потому что самъ я могъ записывать съ большимъ трудомъ. Такъ, въ Колодозерѣ я отыскалъ первостепеннаго сказителя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а тутъ пришлось записать 5 былинъ, и некого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать

---

[1]) Это—I. № 47.—*Ред.*

всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ 1863 г. я, черезъ г. Шиша, получилъ изъ той мѣстности 7 былинъ, но отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской; впрочемъ онѣ по складу близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика.

Въ Петрозаводскѣ я полагалъ, что именно въ Каргопольской сторонѣ слѣдуетъ искать пѣвцовъ; по крайней мѣрѣ, крестьяне, пѣвшіе былины г. Верещагину и другимъ собирателямъ въ Архангельской губерніи, сказывались Каргополами; но по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ рѣкѣ Онегѣ и къ Каргопольскому уѣзду, пѣвцы встрѣчались все рѣже и рѣже, о сказителяхъ не было и слуха, а говорили только о каликахъ, которые, *кромѣ стиховъ*, умѣютъ пѣть и былины. Впослѣдствіи я разузналъ, что самые калики съ р. Онеги, которые ходятъ въ Архангельскую губернію, одолжены своимъ былевымъ матеріаломъ Пудожскимъ сказителямъ; впрочемъ при этомъ слѣдуетъ оговорить, что калики съ Краснолядскаго погоста и съ Мошинской стороны научились былинамъ у мѣстныхъ учителей.—На Кенѣ я слышалъ про знаменитаго сказителя съ Поромскаго острова, знающаго будто бы болѣе 20 старинъ [1]); но чтобы послушать его, пришлось бы вернуться далеко назадъ, а это было для меня невозможно; такимъ образомъ въ этой мѣстности удалось только записать варіанты о Добрынѣ и Маринкѣ и о птицахъ отъ крестьянина Михайлы Богданова, простоватаго мужичка изъ Кенозера. Когда я далъ ему нѣсколько денегъ за пѣніе, онъ захотѣлъ получить еще, и для этого принялся припоминать разные обрывки сказокъ, преданій и легендъ, и всячески усиливался сложить изъ нихъ былину; разумѣется, выходила дичь, и я уличалъ его. Самъ понимая, что дѣло неладно, Богдановъ съ обиженнымъ видомъ уходилъ отъ меня въ кабакъ и, подкрѣпившись тамъ зеленымъ виномъ, возвращался ко мнѣ съ увѣреніями, что онъ теперь припомнилъ *настояще* и запѣвалъ прежнюю же нескладицу. На другой день онъ, вѣроятно, зашелъ

---

[1]) Когда этотъ томъ уже былъ въ печати, я получилъ 9 превосходныхъ былинъ, записанныхъ отъ этого пѣвца.

къ кому-нибудь изъ стариковъ-однодеревенцевъ, и тотъ, повидимому, натвердилъ ему старину о Васильѣ Буслаевѣ; къ вечеру онъ явился ко мнѣ и объяснилъ, что знаетъ хорошую пѣсню; дѣйствительно, завелъ было ее, какъ слѣдуетъ, но стиховъ послѣ 10 сталъ путаться, окончательно сбился и ушелъ домой. Этимъ дѣло еще не кончилось: раза два приходилъ онъ послѣ того ко мнѣ съ прежнею путаницей, такъ что я наконецъ прогналъ его совсѣмъ отъ себя.

До сихъ поръ я самъ предлагалъ деньги [1]) за пѣніе, особенно когда отрывалъ крестьянина отъ работы; иные пѣвцы не брали совсѣмъ денегъ, другіе принимали ихъ, какъ подарокъ или какъ вознагражденіе за прогулъ рабочаго времени; но въ Каргопольскомъ уѣздѣ калики стали просить и брать съ меня *плату*, *зарабочее*; на свое пѣніе они смотрѣли, какъ на ремесло.

Пока я ѣхалъ по рѣкѣ Кенѣ, мнѣ все говорили, что вотъ на рѣкѣ Онегѣ много хорошихъ каликъ; пріѣхалъ я на рѣку Онѣгу и услыхалъ, что здѣсь, напротивъ, былины заносныя изъ Краснолядскаго погоста, съ рѣкъ Моши и Кены. Пѣвцы всѣ были въ отлучкѣ; наконецъ въ Бережнодубровскомъ погостѣ, въ дер. Кузнецовой, отыскалъ я калику Латышова. У него хоть и былъ свой домишко, однако онъ жилъ въ немъ рѣдко, и съ другими товарищами по ремеслу скитался по ярмаркамъ и торжкамъ, гдѣ за пѣніе духовныхъ стиховъ собиралъ подаяніе. По рѣкѣ Онегѣ живетъ много раскольниковъ, и мірскихъ пѣсенъ они не любятъ, а божественное слушаютъ охотно. Потому Латышеву рѣдко приходилось сказывать былины въ Каргопольскомъ уѣздѣ; онъ ихъ пѣлъ только въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ. Старинамъ Латышовъ научился частію на Кенѣ, а болѣе всего отъ столѣтняго калики Гергуши съ Мошинской стороны. Отъ этого послѣдняго напр. онъ перенялъ побывальщину о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и увѣрялъ меня, что самъ-то Гергуша поетъ ее былиною.

---

[1]) Одна только старуха изъ Великогубскаго погоста сама запросила пятіалтынный за былину; но и тое, вѣроятно, подбилъ на это Л. Богдановъ: „Ты де, сватья, спой только ему, а онъ тебѣ за это денегъ надаетъ“.

Уѣхавъ изъ Устьмоши, я странствовалъ по рѣкамъ Лепшѣ и Вералѣ, по такимъ мѣстамъ, которыя у самихъ жителей зовутся задвенными [1]). Кажется, тутъ-то бы и слѣдовало ожидать находокъ; а между тѣмъ каликъ я здѣсь не нашелъ, а слышалъ только про двухъ крестьянъ, *знающихъ* былины, да и тѣхъ не случилось дома. Помня о Гергушѣ, я хотѣлъ было прямо изъ Верала проѣхать въ Мошинскую сторону, въ Лимской приходъ, волокомъ въ 35 верстъ; но сами крестьяне, привыкшіе къ ужаснымъ мѣстнымъ дорогамъ, стали отговаривать меня отъ этой поѣздки. По ихъ словамъ, тутъ приходилось переѣзжать рѣчку, черезъ которую не было ни моста, ни переброда, а вода была отъ дождей большая; за рѣчкой начинались красныя янги [2]), т.-е. топкія обнаженныя грязи, на которыхъ не растетъ даже кустарника; черезъ эти янги кое-гдѣ положены въ незапамятное время продольные мостки, а гдѣ и мостковъ нѣтъ. Изъ проѣзжихъ этимъ путемъ ѣхалъ будто бы только одинъ исправникъ стараго времени; ѣхалъ онъ лѣтомъ въ саняхъ, а въ сани были запряжены мужики. Когда убѣжденія крестьянъ на меня не подѣйствовали, они позвали къ себѣ священника, а тотъ, вмѣсто довода, привелъ съ собой хромоногаго дьячка, который попробовалъ было въ 59 г. проѣхать черезъ янги, да и сломалъ себѣ ногу. Разумѣется, пришлось отказаться отъ поѣздки и воротиться въ Устьмошу ни съ чѣмъ.

На верховьѣ Онеги, послѣ многихъ поисковъ, мнѣ удалось записать только пѣсню о хмѣлѣ отъ старушки, жившей въ

---

[1]) Забвенными, т.-е. забытыми: проѣзжіе бываютъ тамъ очень рѣдко, а чиновники по необходимости. Тутъ сохранились еще въ полной свѣжести преданія о Чуди. На Лепшѣ самая церковь будто бы складена еще язычниками и прежде была капищемъ; потомъ христіанамъ принадлежала правая сторона, а язычникамъ лѣвая. На Вералѣ цѣла еще часовня, поправленная въ послѣдній разъ въ 7190 г.; въ ней хранится Евангеліе письма XIV столѣтія, а можетъ быть и древнѣйшее, по крайней мѣрѣ изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что какая-то Богданова давала Московскую гривну вклада еще въ 7118 г. Сторона эта не знаетъ никакихъ новыхъ порядковъ и крайне бѣдная, такъ что здѣсь въ ходу пословица: „то не бѣда, какъ во ржи лебеда,—то мнѣ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“, между тѣмъ какъ во всей остальной Каргопольщинѣ говорятъ: „то мнѣ бѣда, какъ во ржи лебеда“.

[2]) На болотахъ-пенусахъ растетъ, по крайности, трава и березнякъ, даже райды покрыты мохомъ и обросли хвойными деревьями.

услуженіи у богатыхъ крестьянъ Скорухиныхъ [1]). Она тоже увѣрила меня, что былины нынѣ здѣсь рѣдки, а пѣвались въ прежнее время: она часто слыхала ихъ у покойнаго хозяина, который былъ охотникъ до старинныхъ пѣсенъ. Подвигаясь къ Каргополю, на одной станціи, въ Полуборскомъ погостѣ [2]), я разговорился о любимомъ предметѣ съ проѣзжимъ; онъ оказался цѣловальникомъ съ Кенозера и подтвердилъ мнѣ, что въ ихъ сторонѣ много сказителей. Отъ него я услыхалъ пѣсню о Горѣ, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ. Онъ же отыскалъ мнѣ крестьянина, который спѣлъ варіантъ о Чурилѣ [3]).

Въ эту поѣздку я больше не записывалъ былинъ, потому что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, принужденъ былъ немедленно вернуться въ Петрозаводскъ. Въ 1861 году, бывши на ревизіи въ Каргополѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ, я упросилъ его послать за каликою въ Краснолядскій погостъ. Явился дряхлый старичекъ, нѣсколько испуганный нежданнымъ приглашеніемъ начальства, но, когда онъ узналъ, зачѣмъ его звали, то успокоился и пропѣлъ мнѣ 9 былинъ, напечатанныхъ впослѣдствіи во II части. Какъ всѣ калики, онъ странствовалъ, пока былъ помоложе, изъ деревни въ деревню и промышлялъ пѣніемъ стиховъ, а теперь живетъ на покоѣ у своихъ родныхъ. Былинамъ онъ научился отъ досюльныхъ каликъ, урожденцевъ того же погоста. Нынѣ, по словамъ его, мало кто знаетъ старины, а больше поютъ стихи.

Изъ пѣвцовъ, пересказы которыхъ напечатаны въ этой части, Гаврилы Амосова изъ Уной губы я лично не знаю, Кореляка Василья Лазарева видѣлъ мелькомъ, и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Бутылкѣ, настоящее имя котораго Абрамъ Евтиѳѣевъ (Евтихіевъ) Чуккоевъ. Долго мнѣ доставались одни чужія записи отъ него былинъ, и лично я познакомился съ нимъ въ Петрозаводскѣ уже въ 1863 г. У него есть хорошій участокъ земли въ дер. Горкахъ Пудожгорскаго погоста и все хозяйственное обзаведеніе, но онъ больше промышляетъ порт-

---

1) Это—I, № 88. *Ред.*

2) Въ 1-й части онъ по ошибкѣ названъ Тихвиноборскимъ.

3) Пѣсня о горѣ I, № 84, о Дюкѣ—II, № 27, о Чурилѣ—II, № 24. *Ред.*

няжествомъ и, по этому ремеслу, всю почти зиму обходитъ Заонежскія деревни. Пѣть онъ выучился отъ отца своего, который былъ великимъ сказителемъ. Кромѣ Бутылки въ погостѣ есть еще нѣсколько крестьянъ (напр., Петръ Лукинъ), знающихъ былины и перенявшихъ ихъ отъ своихъ стариковъ. Самъ Бутылка, по собственному его признанію, прежде зналъ гораздо больше, а теперь, подъ старость, сталъ многое забывать. Въ Петрозаводскѣ Бутылка пришелъ ко мнѣ, по моему зову и по собственному желанію; пришелъ, зная напередъ, что будетъ пѣть былины, и, такимъ образомъ, не нужно было никакихъ уговоровъ, чтобы понудить его сказывать.—Въ августѣ мѣсяцѣ 63 г., когда текстъ былинъ былъ уже переписанъ и приготовленъ къ печати, Бутылка припомнилъ 2 старины о царствѣ подъ солнышкомъ и о неразсказанномъ снѣ. Я записалъ ихъ, но, записывая, испытывалъ то же недоумѣніе, которое было возбуждено во мнѣ побывальщиною о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и которое разсѣялось послѣ статьи П. А. Безсонова, доказавшей мнѣ, что о дворянинѣ этомъ непремѣнно должны были существовать былины. И на этотъ разъ недоумѣніе обусловлено было тѣмъ, что я не зналъ, какъ рѣшить вопросъ: отзвукъ ли это древнихъ до-Владиміровыхъ старинъ, у которыхъ складъ разрушился или разрушается въ побывальщину, или же это послѣдняя, можетъ быть, попытка народнаго творчества построить новыя былины изъ сказокъ, въ основаніи которыхъ лежатъ преданія, общія всему индо-европейскому племени. Если оказалось бы послѣднее, то пришлось бы допустить, что періодъ эпическаго творчества только еще заканчивается; если принять первое, то у насъ окажется особый циклъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ не только восходитъ къ доисторическому времени, но и переноситъ прямо къ эпохѣ, когда славянскія племена не были еще отдѣлены отъ другихъ родственныхъ. Я скорѣе готовъ принять послѣднее, чѣмъ первое, потому что имѣлъ случай неоднократно замѣтить напрасныя усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былину, когда они ее забыли. Если возстановить былину трудно, то сложить ее вновь въ пору ослабленія эпическаго настроенія почти невозможно.

Напѣвы былинъ довольно однообразны: напр., у Рябинина ихъ собственно два; но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинѣ особый характеръ. Одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ [1]). Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Паленицѣ». У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напѣва, и все его пѣніе на какихъ-нибудь трехъ нотахъ но вибраціи голоса удивительно помогаютъ ему разнообразить напѣвы. Повидимому, ни съ того, ни съ сего, старикъ вдругъ ускоритъ пѣніе и точно расколетъ голосъ, а выйдетъ отлично и совершенно подъ ладъ содержанію. Напр., въ «Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой» начало заводится протяжно:

Жилъ былъ у батюшки, у матушки единый сынъ,
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки!
Ѣлъ сладко, носилъ красно,
Работалъ легко-о...

Еще чувствуешь, бывало, въ ухѣ отголосокъ послѣдняго длиннаго о, какъ Романовъ перехватитъ напѣвъ и какъ-то жалобно скоро станетъ пѣть съ дрожащими переливами:

Похотѣла меня матушка,
Поневолилъ роденъ батюшка
Пожениться удалому дородню добру молодцу;
Поженили отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, во богатоемъ, и т. д.

У Бутылки напѣвъ одинъ для всѣхъ былинъ. Напѣвъ Дюка Степановича, слышанный мною въ Каргопольскомъ уѣздѣ (27 II части), очень близко подходилъ къ подблюдному, только на третьемъ отъ конца слогѣ каждаго стиха голосъ возвышался и послѣдующіе слоги соединялись съ слѣдующимъ стихомъ. Вообще теперь я пришелъ къ убѣжденію, что напѣвъ для былинъ

---

[1]) По выраженію Рябинина, въ Ставрѣ надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше.

почти одинъ и тотъ же въ настоящее время; чѣмъ искуснѣе пѣвецъ, тѣмъ больше умѣетъ онъ его разнообразить; усвоить же голосъ какой-нибудь старины со всѣми оттѣнками очень трудно, потому что пѣніе ея составляетъ постоянную *импровизацію* на одинъ ладъ. Еще я замѣтилъ вотъ какой пріемъ: передъ тѣмъ, какъ завести былину о Васильѣ Игнатьевичѣ, Песчанскій имярекъ навелъ себя на голосъ такой интродукціей:

Ай тени, тени, тени, спотетени...
Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастенькія и т. д.

Выводя *тени*, онъ словно пробовалъ, какой тонъ лучше подойдетъ къ старинѣ.

Пользуясь присутствіемъ въ Петрозаводскѣ Романова, Рябинина и другихъ пѣвцовъ, много разъ я пробовалъ положить на музыку нѣкоторые напѣвы былинъ, но дѣло какъ-то не ладилось. Брались за это дѣло знакомые, которые, казалось, хорошо знали музыку, а никакъ имъ не удавалось перенять бѣгучіе напѣвы былинъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Это происходитъ отъ разныхъ причинъ. Сказители не сразу вспоминаютъ иную былину, а старики иногда многое забываютъ: такъ напр., Козьма Романовъ дряхлѣетъ со дня на день и все меньше и меньше помнитъ стиховъ. Далѣе, сказители знаютъ часто одну и ту же былину отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаютъ варіанты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другого; когда же варіанты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былину по одному варіанту, а другой разъ по другому. Напр., въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былину о Вольгѣ (№ 3 части I) и такъ завелъ ее:

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало, быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варіанту о Вольгѣ. Наконецъ, у каждаго истиннаго сказителя замѣтно его личное вліяніе на складъ былины: онъ вноситъ въ нее свой характеръ, любимыя слова, поговорки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить пересказы Рябинина, Романова и Іевлева. Возьмемъ, напр., былину о Дунаѣ, перенятую обоими послѣдними пѣвцами отъ Ильи Елустафьева. Чему иному, какъ не характеру Романова, слѣдуетъ приписать, что онъ упомнилъ или внесъ отъ себя столько ласковыхъ выраженій и особенныхъ подробностей, опущенныхъ Іевлевымъ. Почестный пиръ у него *пированьице*, солнышко *красное*, онъ предпочитаетъ форму «*вѣки долгіе коротати*» [1]), припоминаетъ, что обѣ дочери у короля на *выдаваньи*, что Дунаю поручаютъ свататься *добрымъ словомъ*, что Добрыня Никитичъ для другихъ *любимый товарищъ*, что Дунай для короля *прежняя слуга*, *слуга вѣрная*. Самые распросы короля принимаютъ у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою.» Даже, когда король сажаетъ Дуная въ погребъ, то въ королевскомъ наказѣ нѣтъ ничего грознаго или злобнаго: «Пусть-ка во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ, можетъ, Дунай *догадается*». Между тѣмъ какъ у Іевлева король тутъ же выказываетъ замашки неумильныя: «*Возьму-то я тебя за желты кудри*, посажу я тебя въ глубокъ погребъ: пусть-ка Дунай въ хоробры погоститъ, тошто Дунай *обдумыется*». Въ свою очередь Іевлевъ, какъ зрячій, припомнилъ подробности, которыя были неинтересны для слѣпца отъ рожденія. На пиру «всѣ были за столы посажены, и всѣмъ были кушанья налажены». Послѣ вызова Владиміра, «всѣ за столомъ призамолкнули, всѣ за столомъ пріутихнули, никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ: большій туляется за средняго, середній туляется за меньшаго, а отъ меньшаго и отговору нѣтъ». Когда Дунай выпросилъ у Владиміра товарища, то проситъ еще: «двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ, да и два сѣделышка недержаныхъ, и двѣ узды обѣ недержаныя, и двѣ плеточки обѣ не хлыстаны». Наконецъ, Дунай

---

[1]) У Іевлева—„долгой вѣкъ коротати.“

разсердился: «здынулъ-то онъ руки выше головы, допустилъ онъ до того стола до дубоваго, питья на столахъ проливаются, альни столъ въ щепья приломается, альни мать-земля да сколыбается» [1]). Если личное вообще вліяніе пѣвца на былину неоспоримо, то, какъ бы ни установился у него пересказъ, какъ бы ни закончились формы, все порою скажется и вліяніе личнаго *настроенія* минуты: иногда пѣвецъ употребитъ одни изъ своихъ обычныхъ выраженій и формъ, иногда другія. Наприм., Романовъ сколько разъ пѣлъ у меня одну и ту же былину и всякій разъ пѣлъ съ небольшими варіаціями: то коечего не доскажетъ, то сократитъ нѣсколько стиховъ въ одинъ, то вставитъ новый стихъ [2]).

Послѣ этого подробнаго разсказа о сказителяхъ считаю нелишнимъ перейти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ о народной поэзіи.

Въ развитіи народной поэзіи слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ. Бываетъ такая пора въ народной жизни, когда поэтическое настроеніе и поэтическій матеріалъ составляютъ достояніе цѣлаго народа, и всякая живая, воспріимчивая личность, при первомъ возбужденіи извнѣ, выдѣляетъ свое чувство или представленіе въ поэтическій образъ и облекаетъ его сейчасъ

---

[1]) Приведемъ нѣсколько любимыхъ словъ и оборотовъ другихъ пѣвцовъ. У Рябинина: одинакій и одиный [у Романова—единый], одежица, художество [вмѣсто богачество], пословечно выговаривать [у Романова—изъ словъ], славное раздольице чисто поле, охвочь упиваться въ зелено вино, славный богатырь святорусьскій, силушки чернымъ черно, какъ черна ворона, силушка великая, противность великая, припустилъ онъ коня богатырскаго, къ тымъ рѣчамъ Владиміръ не примется, поотвѣдать силы у поганаго, пріужахнуться, бить нежалухою, загодки отгадывать [вм. задавать загадки]; у Колодозерскаго старика: у тя есть ли охота, горитъ ли душа, зрѣть-смотрѣть, не довлѣетъ ти, завелся у князя почестенъ пиръ; у Никифора Прохорова: не дойдетъ сидѣть, сидѣть-высиживать, отдать-повыдать, охаживать, залога великая [вм. закладъ], обрядиться; у Андрея Сорокина: столованье почестенъ пиръ, золото не мѣдѣетъ, серебро не желѣзѣетъ, вязать крѣпки поводы на бедро свое, птица граючая, халуина дворянская [у Рябинина—холопина], маломошица [у Романова—несомношечко], стадмы стадомъ, рядмы рядомъ.

[2]) Дальше пропускаемъ поправки къ текстамъ первыхъ двухъ томовъ, сдѣланныя Рыбниковымъ при повторномъ выслушиваніи у себя на дому К. Романова, Т. Рябинина и Бутылки (Чукова). Мы ввели всѣ эти поправки прямо въ текстъ. *Ред.*

же въ поэтическую форму, которая въ ту пору подъ рукою у каждаго. Таково, говорятъ, и теперь еще эпическое настроеніе Сербіи. У насъ на Руси, сколько я ее видѣлъ, подобное настроеніе бываетъ только у *женщинъ*, *лирическое*, и въ *минуты сильнаго горя*. Выраженіе его—*заплачки*, въ которыя чувство выливается само собой на свадьбахъ, при похоронахъ, при отдачѣ дѣтей или родныхъ въ рекруты. Въ Петрозаводскомъ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ каждая почти женщина умѣетъ высказать ощущеніе своей скорби, или слагая новую заплачку, или примѣняя къ обстоятельствамъ старую. Въ III части помѣщена заплачка, записанная отъ молодой дѣвушки изъ Пудожскаго уѣзда: умеръ ея двоюродный братъ,—вся семья горько оплакивала его потерю, но скорбь его двоюродной сестры выразилась въ лирической формѣ съ такою силою и свѣжестью, что заплачка эта тотчасъ же получила извѣстность; теперь она уже перенята другими женщинами и поется ими, когда ихъ постигаетъ такое же горе. Въ Повѣнецкой части того же Заонежья, какъ я уже говорилъ выше, заплачки слагаются не всѣми; онѣ образовали уже нѣчто законченное и сохраняются особыми, почти официіальными лицами, плакальщицами или вопленицами.

Второй моментъ развитія народной поэзіи представляетъ у насъ пѣсня. Она захватываетъ болѣе или менѣе весь кругъ ощущеній, свойственныхъ и дорогихъ русскому человѣку. Оттого почти въ каждой личности изъ народа хранится такой запасъ этихъ пѣснопѣній, что посредствомъ ихъ крестьяне могутъ отозваться на каждое событіе въ жизни, на каждое движеніе въ сердцѣ. Но народнаго творчества тутъ уже нѣтъ, пора его прошла. Безконечный запасъ пѣсенъ большею частью своею принадлежитъ прошедшему и потому только доступенъ каждому крестьянину, что прошедшее это въ главныхъ чертахъ сходно съ настоящимъ. Если замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ пѣсняхъ вслѣдствіе условій мѣстности и времени, то новыхъ пѣсенъ уже не слагается; я, по крайней мѣрѣ, не знаю такихъ. Слыхивалъ я *новомодныя* пѣсни; но онѣ лишены были всякаго художественнаго достоинства и отзывались харчевнею, кабакомъ и передней, или же составляли явное подражаніе произведеніямъ личнаго творчества.

Переходя къ нашимъ былинамъ, припомнимъ исторію развитія былевой поэзіи у другихъ народовъ индо-европейскаго племени. Вообще образованіе первоначальнаго эпоса происходитъ еще въ то время, когда письмена не изобрѣтены или не въ большомъ употребленіи, когда человѣкъ, желая сохранить прошедшее въ памяти, прибѣгаетъ къ размѣру и напѣву, и когда въ стихотворную форму облекаются не одни преданія и историческія воспоминанія, но и законы, пророчества, предзнаменованія [1]). Сначала подвиги героевъ и событія національной жизни передаются потомству въ коротенькихъ, отдѣльныхъ героическихъ пѣсняхъ. Эти пѣсни мало-по-малу группируются около любимыхъ народныхъ героевъ и образуютъ цѣлые циклы разнаго времени и происхожденія; циклы въ свою очередь, подъ вліяніемъ какого-либо господствующаго миѳа или преобладающей нравственной идеи, сближаются между собою и при участіи личнаго творчества сплочиваются въ эпопею.—Затѣмъ народныя былевыя пѣсни мало-по-малу теряютъ свой поэтическій характеръ, частью уступаютъ мѣсто поэмамъ, рыцарскимъ романсамъ, частью переходятъ въ сказки и лирическія пѣсни. На украинахъ цивилизаціи, въ захолустьяхъ, онѣ держатся дольше и, по слухамъ, напр., пѣсни о Сигурдѣ, Брунгильдѣ

---

[1]) Въ Индіи первобытныя пѣсни, отрывки которыхъ сохранились въ Ригведѣ, возникли еще во время поселенія Аріевъ въ области Инда и пяти рѣкъ. По мнѣнію Дункера, начало эпической поэзіи въ Греціи относится къ періоду 800—1000 лѣтъ до Р. Х.; въ Одиссеѣ Демодокъ поетъ уже передъ Одиссеемъ о Троянской войнѣ подъ аккомпаниментъ формикса (большой цитары). Амміянъ Марцеллинъ (XV, 9) приписываетъ въ Галліи начало цивилизаціи, наравнѣ съ эвбагами и друидами, бардамъ, которые подъ звуки лиры воспѣвали подвиги героевъ въ героическихъ пѣсняхъ. У германцевъ, по свидѣтельству Тацита, были древнія пѣсни, которыя замѣняли имъ исторію и лѣтописи: такъ, Готѳскія пѣсни, судя по словамъ Іорнанда (IV, V, XIV), восходили отъ событій V в. до событій древнѣйшаго времени. Въ одной изъ нихъ описывалось, какъ Гунны попали въ плѣнъ въ Британію или на другой какой-то островъ, и выкупились изъ неволи цѣною лошади; въ другихъ прославлялись подвиги древнихъ героевъ: Этеспамары, Ганалы, Фридигерна, Видикулы и иныхъ. Пѣсни эти пѣлись подъ аккомпаниментъ цитары. Единственный образецъ этой древнѣйшей формы германскаго эпоса сохранился въ отрывкѣ о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ. О народномъ творчествѣ у германцевъ и франкогалловъ, послѣ принятія ими христіанства, свидѣтельствуютъ народныя пѣсни о Гаэлѣ, графѣ Нантскомъ, о Роландѣ, которыя существовали во время Турпина.— Латинскій переводъ пѣсни о побѣдѣ Клотара II надъ саксами.

и Гегни сохранились на Фероерскихъ островахъ даже до нашего времени.

Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія, былинахъ, и не успѣла перейти въ эпопею. За то многія былины, смотря по тожеству изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою сгруппировались въ циклы: старшихъ богатырей, Владиміровъ, Новгородскій, Московскій и Казацкій. Если взять всѣ варіанты послѣднихъ четырехъ цикловъ вмѣстѣ и отдѣлить позднѣйшія вставки, то получится несомнѣнно древняя основа, которая современна или близка по времени воспѣваемымъ былинами событіямъ [1]). Нѣкоторые варіанты такъ мало пострадали отъ времени, что пересказы, записанные въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ существенномъ не отличаются отъ тѣхъ, которые поются современными намъ пѣвцами [2]). Но такъ какъ былины сохранились въ памяти народа исключительно посредствомъ устнаго пересказа, то, естественно, иныя въ формѣ своей и мелочахъ, другія въ самомъ содержаніи подвергались въ теченіе вѣковъ постояннымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти разнаго рода. На одни изъ нихъ можно смотрѣть какъ на естественное развитіе былины. Такъ, многія старины дошли до насъ и въ первоначальномъ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ предметы отдѣльныхъ пѣсенъ стали эпизодами [3]). Нѣкоторые варіанты о Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и обнимаютъ почти всѣ подвиги воспѣтыхъ ими богатырей. Другого рода измѣненія составляютъ анахронизмы, которые неизбѣжно вкрадываются во всякое устное преданіе. Сюда относятся древнія и позднѣйшія вставки въ текстъ новыхъ обычаевъ, учрежденій, названій оружія, чиновъ и проч.—Сюда же принадлежитъ пріуроченье къ времени Вла-

[1]) Таково мнѣніе и г. Майкова относительно происхожденія былинъ Владимірова цикла.

[2]) Сказаніе о семи богатыряхъ, напечатанное въ „Памятникахъ Русской Литературы“ съ рукописи, если даже оставить въ сторонѣ признаки книжной передѣлки, носитъ гораздо больше слѣдовъ вліянія Московскаго періода, чѣмъ былины о Ильѣ и Идолищѣ, содержаніе которыхъ почти одинаково со сказаніемъ.

[3]) Бой Ильи съ Идолищемъ введенъ какъ эпизодъ въ нѣкоторые варіанты о Дюкѣ, женидьба князя Владиміра въ варіанты о Дунаѣ.

диміра такихъ событій, которыя случились до него или гораздо позже него [1]), и вообще замѣна богатырей старшаго поколѣнія младшими [2]). Третьяго рода измѣненіе состоитъ въ томъ, что подвиги богатыря стушевываются и обобщаются до того, что былина дѣлается безыменною, а образъ богатыря общимъ типомъ. Еще шагъ, и старина теряетъ напѣвъ и разрушается. Такое разрушеніе иногда замѣняется переходомъ въ побывальщину, сказку или лирическую пѣсню [3]).

Итакъ, наше поколѣніе застало былевую поэзію вполнѣ сложившеюся.—Послѣ Московскаго періода появляются вновь однѣ историческія пѣсни, былины же не слагаются [4]) вновь, а только сохраняются въ народѣ посредствомъ устнаго пересказа [5]). Въ сохраненіи народнаго эпоса сначала принимаютъ участіе и городскіе обыватели [6]), но съ нынѣшняго столѣтія былевая

---

[1]) Такъ Владиміръ и его богатыри являются дѣйствующими лицами въ татарскомъ нашествіи, и, наоборотъ, къ его времени примѣнены порядки Московскаго царства. Эти анахронизмы, а также пріуроченье къ циклу Владимірову старшихъ богатырей Самсона, Сухмантія, Вольги, могли произойти еще въ тотъ періодъ, когда иныя былины слагались.

[2]) Такъ Ермакъ, въ старинѣ о царѣ Калинѣ, просто подставленъ вмѣсто Ильи, который тутъ занимаетъ мѣсто или Самсона, или Святогора, и прежде самъ исполнялъ роль младшаго богатыря; Добрыня (въ варіантѣ № 14 III части) въ извѣстномъ роковомъ боѣ между отцомъ и сыномъ тоже подставленъ вм. Ильи, Касьянъ или Ѳома Ивановичъ, въ сорока каликахъ съ каликою, вм. Потыка.

[3]) Таковы побывальщины о Святогорѣ, Ильѣ и Юнкѣ Степановичѣ въ I части, о Саламанѣ, о дворянинѣ безчастномъ молодцѣ во II, сказки о Микулѣ, Иванѣ русскомъ молодцѣ и проч., пѣсни о Ванюшѣ Ключникѣ (I часть и Сборн. Кир.); о убійствѣ жены княземъ (№ 64 III части и Сборн. Кир.), о горѣ (I часть), о гульбѣ молодца за рѣками Невагою и Перебрагою (III часть).

[4]) Слагаются послѣ этого однѣ историческія пѣсни, и тѣ въ пріемахъ, языкѣ, цѣлыхъ частяхъ своихъ, представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ или даже явную передѣлку ихъ, напр., пѣсня о графѣ Чернышевѣ (въ I части) просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.

[5]) Эту законченность народнаго былевого творчества понимаютъ сами хранители ея, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдается изъ слѣдующаго полувопроса-полуотвѣта Рябинина: „Скажи мнѣ, П. Н.,—говорилъ онъ, отчего о прежнихъ князьяхъ поютъ на былинахъ, и слава имъ вѣкъ не минуетъ? Какой малецъ мой Ванюха (сынъ Р.), а въѣдетъ въ околицу, запоетъ про ратая, по деревнѣ стонъ стоитъ. А о нынѣшнихъ царяхъ поютъ на пѣсняхъ?“—

[6]) Я говорилъ выше, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія городское населеніе города Пудожа очень любило старины и слушало ихъ на вечеринкахъ.

поэзія передается отъ поколѣнія къ поколѣнію исключительно памятью сельскаго населенія и притомъ не по цѣлой Руси, а преимущественно на *украинахъ*, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской.

Въ Олонецкомъ краѣ былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго [1]). Въ послѣднихъ двухъ онѣ извѣстны немногимъ, а потому явно забываются и переходятъ въ побывальщины [2]). Но въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью, старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народомъ.—Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ,—однако, при случаѣ, вдругъ припомнитъ какую-нибудь былевую пѣсню [3]). Главные хранители былинъ здѣсь *сказители* [4]), а въ Каргопольской сторонѣ *калики*. Сказители

[1]) Прежде я полагалъ, что корелы совсѣмъ не знаютъ былинъ; но послѣ убѣдился, что они, растерявъ и позабывъ свою лирическія и эпическія пѣсни, переняли отъ русскихъ первыя и отчасти послѣднія. Въ настоящее время я лично знаю кореляка и корелку, которымъ извѣстны старины: Василья Лазарева изъ дер. Кяменицъ Повѣнецкаго уѣзда и Дмитріеву изъ дер. Прятокъ Петрозаводскаго уѣзда. Кромѣ того я слышалъ объ одномъ старикѣ кореляке, изъ Святозера, который будто бы помнитъ много былинъ.

[2]) См. № 51, часть I.

[3]) Такъ мнѣ иногда приходилось записывать варіанты отъ такихъ крестьянъ, отъ которыхъ трудно было и ожидать этого.—Сидѣлъ я въ 61 году въ избѣ у Л. Богданова и записывалъ слова Кузьмы Романова. Одинъ изъ родственниковъ Леонтія слушалъ-слушалъ слѣпого пѣвца, и вдругъ заявилъ мнѣ, что и онъ вспомнилъ былину о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (№ 50 II части), и дѣйствительно, прекрасно пропѣлъ ее мнѣ. Сталъ я его спрашивать: „Гдѣ онъ ей научился?"—У стариковъ, говоритъ.—„Помнишь ли еще какую-нибудь?"—Нѣтъ, больше не помню.—Другой разъ, въ 1863 году, давно знакомый мнѣ крестьянинъ Андрей Ивановъ нежданно негаданно припомнилъ превосходную старину о Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

[4]) Мы видѣли выше, что отъ себя лично они вносятъ только извѣстные обороты и любимыя слова и тѣ еще измѣненія, которыя происходятъ отъ ихъ

поютъ по охотѣ, изъ любви къ искусству, а калики по ремеслу. Первые научились своему знанію отъ знаменитыхъ «досюльныхъ» сказителей: Ильи Елустафьева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳедора Яковлева и другихъ стариковъ, вторые отъ такихъ же стариковъ и каликъ. Сказитель обыкновенно зажиточный крестьянинъ, земледѣлецъ, рыболовъ, содержатель почтоваго двора. Какъ бы переходъ къ каликамъ составляютъ перехожіе пѣвцы, большею частью портные, но и тѣ имѣютъ осѣдлость и не нуждаются въ деньгахъ, между тѣмъ какъ калики живутъ милостынею. Научившись былинамъ отъ предковъ, пѣвцы въ свою очередь передаютъ знаніе свое дѣтямъ. Такъ Андрей Сорокинъ еще молодой парень, а сказываетъ превосходно и выучился этому отъ отца. Сыновья Рябинина, въ особенности младшій Иванъ, тоже многое переняли отъ Т. Г. Но у большинства сказителей врядъ ли найдутся наслѣдники, и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія.

забывчивости; остальныя же перемѣны въ варіантахъ слѣдуетъ приписать прежнему естественному развитію былевой поэзіи и духу времени.—

I.

КИЖИ.

КИЖИ.

I.

РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Середки, Кижской волости, родился въ дер. Гарницахъ сосѣдняго Сѣнногубскаго погоста въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII в., умеръ въ 1885 г. Изъ всѣхъ Олонецкихъ сказителей далъ наибольшее количество былинъ въ сборники Рыбникова (23 №№) и Гильфердинга (18 №№). Сравненіе Рябининскаго репертуара въ обоихъ сборникахъ показываетъ, что пѣвецъ въ 1871 г. уже не могъ припомнить для Гильфердинга слѣдующихъ былинъ, пѣтыхъ имъ Рыбникову въ 1860—62 гг.: Самсонъ (Святогоръ), Илья и Идолище, Ставеръ, Вас. Буслаевъ, Садко, Грозный, Соломонъ. Съ другой стороны Рябининъ далъ Гильфердингу пять новыхъ сюжетовъ, оставшихся неизвѣстными Рыбникову, а именно: Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, Добрыня и Маринка, Добрыня и Змѣй, Скопинъ, Молодецъ и худая жена. Кромѣ того былина объ Ильѣ и Калинѣ царѣ, имѣющаяся въ обоихъ сборникахъ, представляетъ тамъ и здѣсь два совершенно самостоятельные варіанта, очень мало схожіе между собою. Такъ какъ Рыбниковъ дважды (въ Замѣткѣ и въ письмѣ 3 ноября 1861 г. къ Д. А. Хомякову) опредѣленно говоритъ о своихъ стараніяхъ исчерпать весь репертуаръ Рябинина и выражаетъ увѣренность, что достигъ цѣли, то можно было бы думать, не увеличился ли запасъ пѣвца за десять лѣтъ. Но предположеніе это приходится отвергнуть: три изъ этихъ пяти сюжетовъ по указанію самого Рябинина принадлежали къ его старому запасу: Добрыня и Змѣй идетъ отъ Ивана

Завьялова, Скопинъ отъ Игнатія Андреева, Молодецъ и худая жена отъ Ильи Елустафьева [1]). Это доказываетъ, что исчерпать съ несомнѣнностью репертуаръ народнаго пѣвца—задача не легко достижимая даже при длительныхъ сношеніяхъ. О всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ Рябининымъ Рыбниковъ подробно говоритъ въ Замѣткѣ; свѣдѣнія о біографіи пѣвца пополняются вводной статейкой къ его былинамъ у Гильфердинга.

1.

САМСОНЪ БОГАТЫРЬ.

Славный Самсонъ, богатырь свято-руськіій,
Ѣхалъ на добромъ конѣ богатырскоемъ
По славному раздольицу чисту полю
И усмотрѣлъ идучись по чисту полю
Дородня добра молодца пѣхотою.
Какъ припуститъ скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,
Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется;
Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,
Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ.
Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
Оны съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались,
Говорили разговоръ промежду собой:
« Что же ты, удаленькой дороднiй добрый молодецъ!
« Ходишь по чисту полю пѣхотою:

---

1) См. Гильфердингъ II, 4. Прибавимъ, что былина Молодецъ и худая жена (Гильф. № 89) очень близка по тексту къ одной изъ Рыбниковскихъ (стар. изд. II, № 50), почему-то не носящей имени сказителя, но записанной въ той же дер. Середкѣ, гдѣ жилъ Рябининъ. Быть можетъ, это случайная недомолвка, и Рыбниковъ записалъ былину изъ устъ Рябинина, но мы не рѣшились причислить ее прямо къ репертуару послѣдняго.

« Какъ принуцу на добромъ конѣ богатырскоемъ
« Ѣхать во всю силу лошадиную,
« Ты отъ меня не оставаешься;
« Когда ѣду тихою вольготою,
« Тогда ты на меня не наступываешь? »
Тутъ по Божью повелѣньицу
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой дороднiй добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечъ со могучiихъ
На эту плиту на зеленую
И говоритъ Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь свято-русьскiй!
— Отвѣдай взять мою ношицу
— На свои на плечи на могучiи
— И побѣжать по славному раздольицу чисту полю.
Тутъ славный богатырь свято-русьскiй
Опущался со своего добра коня,
Принимался онъ за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой,
Никакъ этыя сумочки малыя
На камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ обѣма ручкамы бѣлыма,
Сумочки на камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
И припалъ своей грудью бѣлою
Ко этымъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,
И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ угрязнулъ во зеленъ камень,
Столько могъ подпустить малый духъ
Подъ эты подъ сумочки подъ малыя.
И говорилъ Самсонъ таковы слова:
« Отъ роду я эдакой ношицы не здымывалъ!
« Кто ты есть какой человѣкъ,
« Какого ты рода-племени,
« Откуда идешь, куда путь держишь? »

— Ай же ты, славный богатырь свято-руській!
— Посланъ я ангелъ отъ Господа
— Поотвѣдать твоей силы великія:
— Погружена вся тягота во эты во сумочки.
Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:
« Аще въ небеси было бы кольцо,
« И притянута оттуда цѣпь желѣзная,
« Притянулъ бы я небо ко сырой земли
« И своей бы силой богатырскою
« Смѣшалъ бы земныхъ со небесныма;
« И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
« Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
« Повернулъ бы краемъ къ верху
« И опять перемѣшалъ бы земныхъ съ небесныма ».

Тутъ ангелъ Божій утаился отъ Самсона отъ богатыря, а богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю. Затѣмъ Рябининъ побывальщиной разсказывалъ, какъ Самсонъ, подобно Святогору, наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ—жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала на гноищѣ. Самсонъ богатырь послѣ свадьбы долженъ былъ признать, что

« Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати ».
И то поговорье впередъ пошло.

Когда жена Самсона изъ мужняго разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ было разрубить ее на-полы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Съ той поры стала вывѣдывати:
« Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
« Всѣ земли боятся и всѣ орды.
« Отчего жъ силенъ и славенъ,
« Силенъ, и славенъ, и громокъ? »
— Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,
— Что имѣю на головѣ семь волосовъ ангельскихъ.—
И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,
И сталъ править имянины своему ангелу,

И заводилъ пированьице почестенъ пиръ:
Всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру напивалися,
Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.
И стали наливать ему хмельныхъ напиточковъ;
Собирала друзей любимыихъ
И стригла ему голову до-нага,
И связали ему ручки бѣлыя,
И выкопали очи ясныя.
Онъ какъ пробудился отъ крѣпкаго сна,
Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
« Ай же ты, жена, змѣя лютая!
« Погубила ты меня на вѣки вѣчные ».
Дала ему крѣпостную служаночку,
И выгнала скитаться между дворамы
Со этой крѣпостной служаночкой;
И ходилъ онъ скитаться между дворамы.
Проходилъ поры времени ровно три годы,
Пріотростилъ на голову желты кудри,
Сталъ во плечахъ имѣть силушку великую,
А столько не имѣлъ во ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:
« Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
« Веди ко во свой [1]) великой градъ,
« Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
« У меня ли были палаты построены
« На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ ».
Этая дѣвица служаночка
Приводила его во великой градъ,
Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Славный Самсонъ богатырь свято-руськіій
Не видитъ онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
А имѣетъ во плечахъ силу великую.
И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:

[1]) Т.-е. мой.

Сидитъ его жена любимая,
Забавляется, тѣшится съ друзьями любимымы.
Славный богатырь свято-руськiй
Подошелъ къ столбу ко каменному
Подъ самый подъ большой уголъ,
Схватилъ ручкамы бѣлыма,
Порозсыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поютъ.

2.

СВЯТОГОРЪ.

Когда я разсказалъ Рябинину побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ, пѣлъ былиною про все знакомство Ильи и Святогора, и припомнилъ тутъ же слѣдующiе отрывки изъ этой пѣсни:

Прочитавъ надпись на великомъ гробу,
Говорилъ Илья таковы слова:
« Не наше мѣсто, не намъ и спать! »
А Святогоръ богатырь улегся въ гробъ и говоритъ Ильѣ:
— Окутай меня каменной накрышечкой!—
Онъ какъ накуталъ накрышечкой,
Гробъ и сросся въ одно мѣсто.

Изъ той же былины Рябининъ припомнилъ наставленiе каликъ перехожихъ Ильѣ:

« Приходи ко мостику калинову,
« Услышишь заржучись жеребчика
« Во тоя конюшенкѣ стоялыя.
« И что крестьянинъ запроситъ за жеребчика,
« Запроситъ за жеребчика пять сотъ рублей,
« Давай ему пять сотъ рублей;

« А веди жеребчика молодаго,
« И станови во срубъ рубленый,
« И корми пшеной бѣлояровой,
« И пой свѣжей ключевой водой;
« Положи на него золотну узду
« Со тыма поводамы со шелковыма,
« И води-тко по конюшенкѣ стоялыя.
« Когда-то онъ станетъ черезъ тынъ поскакивать,
« Когда станетъ черезъ тынъ поплясывать,
« Станетъ конь головушкой повертывать,
« Станетъ въ лошадиныя въ ноздри онъ пофурскивать;
« И тогда ты сѣдлай-ко добра коня,
« И полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
« Поѣзжай-ко ты въ раздольице чисто поле,
« Ѣзди ты по матушкѣ по святой Руси,
« Тогда, добрый молодецъ, прославишься
« И будешь сильный богатырь свято-руськіій ».

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца къ себѣ въ гости на Святыя горы и на поѣздкѣ Ильѣ наказывалъ: «Когда пріѣдемъ въ мое посельице и приведу тебя къ батюшкѣ, ты моги нагрѣть кусокъ желѣза, а руки не подавай». Какъ пріѣхали на Святыя горы къ Святогорову посельицу и зашли въ палаты бѣлокаменныя, говоритъ старикъ, отецъ Святогоровъ:— Ай же ты, мое чадо милое! Далече ль былъ?—«А былъ я, батюшка, на святой Руси!»—Что же видѣлъ и что слышалъ, сынъ мой возлюбленный, на святой Руси?—«Я что не видѣлъ, что не слышалъ, а столько привезъ богатыря со святой Руси». Отецъ-отъ Святогоровъ былъ темный [1]), то говоритъ сыну: «А приведи ко ко мнѣ русскаго богатыря поздоровкаться». Илья тымъ временемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и даваетъ старику въ руки кусокъ желѣза. Когда захватилъ старикъ желѣзо, сдавилъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!»

[1]) Слѣпой.

3.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(Гильферд. № 73.)

Когда возсіяло солнце красное
На это небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ о̀болока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о̀болока,
Убѣгали всѣ звѣри въ темны лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ ощѐ Вольга̀ во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городамы со крестьянамы:
Первыимъ городомъ—Гу̀рчевцомъ,
Дру̀гіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ—Крестья̀новцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ [1]).

---

[1]) Совершенно мѣстный образъ: въ Заонежьѣ и Пудожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усѣяны камнями.

Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга̀ ощѐ дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ ощѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобылка у ратая соловая [1],
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
« Божья ти помочь, ора̀таюшко!
« Орать, да пахать, да крестьяновати,
« Съ края въ край бороздки пометывати,
« Коренья, каменья вывертывати! »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати!
— Далече ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
« Ай же ты, ра̀таю, ратаюшко!
« Ѣду къ городамъ за получкою:
« Ко первому городу ко Гу́рчевцу,

---

[1]) По разсказу другого пѣвца, кобылу ратая звали: „*Обнеси голова*“.

Ко дру́гому ко городу къ Орѣховцу,
« Ко третьему городу ко Крестьяновцу ».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городѣ, третьёво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Оны просятъ грошѐвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой [1]) подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ,
— А кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ.—
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
« Ай же, оратай, оратаюшко,
« Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!
« А ко славному городу ко Гу́рчевцу
« И къ тымъ городамъ за получкою ».
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ [2]),
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Снялъ онъ хомутики съ кобылушки.
Сѣли на добры́хъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля-ради мужика деревенщины.
— Сколнутъ [3]) омѣшики булатніи,
— А и не чимъ мнѣ буде крестьяновати.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути

[1]) То же, что *шелепуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень. *Б.*
[2]) *Повыстегнулъ*: *г* здѣсь не произносится.
[3]) Сколотятъ (снимутъ).

— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Говорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— То немудрая дружинушка хоробрая.—
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,

Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
  Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
« Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
« Этая кобылка конькомъ бы была,—
« За эту кобылку пятьсотъ бы дали ».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
« Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
« Какъ-то тобя именéмъ зовутъ,
« Какъ звеличаютъ по отечеству? »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дóма вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.
— Станутъ мужички меня покликивати:
— « Молодой Микулушка Селяниновичъ » [1])!

---

[1]) Въ другомъ разнорѣчіи роль Микулы приписана Вольгѣ; зато побывальщина, записанная мною въ Шалахъ, совершенно сходна съ этою. Микула Селяниновичъ уже оказался сильнѣе Вольги; а изъ продолженія былины, которой, къ сожалѣнію, пѣвецъ не могъ припомнить вполнѣ, видно, что онъ мудрѣе Вольги. Въ городѣ, куда они поѣхали, имъ готовили засаду: разобрали мостъ

4.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Гильфердинг. № 74.)

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки черным черно̀,
Черным черно̀, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
« Ай же вы, мужики Черниговцы!
« Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою:
« А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
« Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Славный бога̀тырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодѣла,

и Вольга погибъ бы тутъ со всей своею дружиною, если бы его не спасъ Микула Селяниновичъ. [Рябининъ въ другой разъ продолжалъ Рыбникову былину такъ: „Поѣхали къ городамъ за получкою, Пріѣхали къ рѣчкѣ Смородинкѣ: Подѣланы мосточки поддѣльные, Сдѣланы подкопы великіе, И поставлены ножи все булатніе...“ *Ред.*] Потомъ Микула угощалъ Вольгу у себя и послѣ угощенія отпустилъ въ Кіевъ. Было у того Микулы три дочери-поленицы: Василиса, Настасья и Марья: всѣ онѣ наслѣдовали и силу, и мудрость отцовскую. См. другія былины.

— Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Сидитъ Соловей во сыромъ дубу,
— Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Всѣ травы-муравы уклетаютъ [1]),
— Лазуревы цвѣточки отсыхаютъ,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—
Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедры,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую.
Пошелъ его добрый конь богатырскиій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерка межу ногъ спущать;
Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людюшекъ, мертвы лежатъ,
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедры,

[1]) Поблекнутъ.

Билъ коня, самъ выговаривалъ:
« Ай же ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Ты итти не хошь, али нести не мошь [1])?
« Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,
« И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
« И не видалъ, видно, ударовъ богатырскіихъ,
« Что ты, собака, на корзнѣ потыкаешься! »
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремечка булатняго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спущалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею [2]),
Палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристенулъ [3]) его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремечку булатнему.
Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И со этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ [4]),
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
— И везетъ онъ мужичища деревенщину,
— Ко стремени булатнему прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
Говоритъ Ненила таковы слова:
« Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ,
« И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ.

---

[1]) Хошь вм. хочешь, мошь вм. можешь.

[2]) Вискомъ.

[3]) Пристегнулъ.

[4]) Стихъ, конечно, таковъ:

Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ,
Раздольицемъ—чистымъ полемъ. *Б.*

И везетъ онъ мужичища деревенщину,
« Ко стремени булатнему прикована ».
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говорила Пелька таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище деревенщина
— Раздольицемъ чистымъ полемъ,
— И везетъ-то государя батюшку
— Къ стремени булатнему прикована:
— Ему выбито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
— Бѣжите-ка въ раздольице чисто поле,
— Побейте мужичища деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольице чисто поле,
Оны хочутъ бить мужичища деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
« Ай же, зятевья мои любимые!
« Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
« Вы ведите-тко богàтыря свято-русскаго
« Во мое во гнѣздышко Соловьее,
« Кормите ѣствушкой сахарнею,
« Пойте его питьицемъ медвяныимъ,
« Дарите ему дары драгоцѣнные» [1]).
. . . .
Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьее,

---

[1]) Побывальщина такъ замѣщаетъ этотъ пропускъ:

Какъ поѣхалъ онъ ко зятю ко большему,
Старшая сестра была догадлива,
Поднимала въ верёхъ подворотенку,
Подворотня вѣсомъ-то ста пудовъ,
Хочетъ спустить на буйную головушку,
Хочетъ убить Илью Муромца.
Ильѣ-то было не къ суду пришло,
Увидалъ онъ надъ собою подворотенку,
Отбивалъ ю ручкой правою,
Убивалъ-то сестрицу большую.

А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
Становилъ онъ коня посередъ двора,
Шелъ онъ въ палату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церквы,
Отъ той отъ обѣденьки Христосьскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарніихъ,
Пити питьицевъ медвяныихъ.
Илья Муромецъ шелъ въ палату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ-то ведетъ по-ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дороднiй добрый молодецъ,
— Тобя какъ молодца именéмъ назвать,
— Звеличать удалаго по отечеству?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Есть я изъ города изъ Муромля,
« Со славнаго съ села Карачарова,

|Самъ Рябининъ позднѣе пѣлъ собирателю это мѣсто въ такомъ видѣ:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Подъѣхалъ ко гнѣздышку Соловьеву.
Его добрый конь богатырскій
Перескочилъ въ ворота Соловьевыя
И ударилъ головушкой въ задній тынъ.
Тутъ его большая дочь Невѣюшка
Отдернула каточки надъ воротамы,
И спустила желѣзный брусъ въ девяносто пудъ,
И не могла угодить въ буйну голову.
Тутъ Илья сходилъ съ добра коня,
Порастрепалъ гнѣздо Соловьевое,
Пораздернулъ дочерей Соловьевыихъ,
Показнилъ зятей Соловьевыихъ,
Соловья повезъ въ столенъ Кіевъ градъ.| *Ред.*

« Именемъ меня Ильей зовутъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ ».
Сталъ Владиміръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ? —
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Стоялъ-то я заутрену во Муромлѣ,
« Поспѣвалъ-то къ обѣденькѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
« Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
« Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
« Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
« Мимо славную рѣченьку Смородинку ».
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Свищетъ-то Соловей по-соловьему,
— Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному. —
Говорилъ Илья таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ
« И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатнему » [1].
Тутъ Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
Подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
Говорилъ онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,

---

[1]) Стихъ опять таковъ:

И прикованъ онъ ко правому ко стремячку,
Ко стремячку ко булатнему. *Б.*

— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
Говорилъ Соловей князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
« Не васъ я хочу и слушати,
« А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
« И его хочу я слушати».
Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
— Прикажи-тко воскричать по-звѣриному!—
Говоритъ Илья Соловью разбойнику:
« Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
« Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!»
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Мои раночки кровавы запечатались,
« И не ходятъ уста мои сахарнія:
« Не могу я засвистать по-соловьему
« И не могу я воскричать по-звѣриному».
Говорилъ Илья князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Наливай-ка ты чару зелена вина,
« Не малую стопу—полтора ведра,
« И разводи-тко медамы стоялыма,
« Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
« Тутъ уста его сахарнія расходятся,
« И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
« Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному».
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Скорешенько шелъ въ палату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ-то медамы стоялыма,
Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,

Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
« Засвищи-тко ты, Соловей, столько въ полсвиста соловьяго,
« Закричи-тко столько въ полкрика звѣринаго » [1].
Какъ засвисталъ Соловей по соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Очень великъ шумъ пошелъ:
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались,
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Стоитъ—куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
« Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
« Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
« Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ! »
Тутъ Соловью и славу поютъ [2]).

---

[1]) Стихи слѣдуетъ раздѣлить и дополнить по вышеприведеннымъ образцамъ. *Б.*

[2]) То-есть, тутъ Соловью и конецъ. *Б.*

5.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ.

(Гильферд. № 77).

На славной на Московской на заставы
Стояло двѣнадцать богáтырей безъ единаго.
По нихъ, по славной Москóвской заставы,
Пѣхотою никто не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ.
Проѣхала паленичища удалая,
Конь подъ нею какъ сильна гора,
Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
И падѣта на головушку у ней шапочка пушистая.
Пушистая шапочка и завѣсистая:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзаду не видно шеи бѣлыя.
Она ѣхала, собака, насмѣялася,
Не сказала Божьей помочи богáтырямъ,
Проѣхала въ раздольце въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
« Ежели Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
« Не дастъ онъ мнѣ поединщика,
« Супротивъ меня да супротивника,
« Самого-то я Владимiра подъ мячъ [1]) склоню,
« Подъ мячъ склоню, да голову срублю,
« Церныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
« Божьи церквы всѣ на дымъ спущу ».
Стоятъ богатыри, пораздумались.

[1]) Мечъ.

Говоритъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же вы, братьица мои крестовые,
« Дружинушка добрая, хоробрая!
« Стоимъ мы на славной Московской на заставы [1]);
« По той ли по славной Московской заставы
« Пѣхотою никто не прохаживалъ,
« На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
« Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
« Птица черный воронъ не пролетывалъ:
« Проѣхала паленичища удалая,
« Ѣхала, собака, въ глазахъ насмѣялася,
« Не сказала Божьей помочи богáтырямъ.
« На головкѣ у ней шапочка пушистая,
« Пушистая у ней шапочка и завѣсистая:
« Спереду-то не видать лица румянаго
« И сзаду не видно шеи бѣлыя.
« Ѣздитъ-то она по раздольицу чисту полю,
« Посвистываетъ она по соловьему,
« Покрикиваетъ она во всю голову,
« Выкликаетъ она поединщика,
« Супротивъ себя да супротивника.
« Кого же намъ послать въ раздольице въ чистó поле
« Поотвѣдати-то силы у поганаго? »
— Послать молода Алешеньку Поповича.—
Повыѣхалъ Алеша во чисто поле,
Посмотрѣлъ на паленицу за [2]) сыра дуба,
То не смѣй онъ къ паленицы и подъѣхати;
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Говорилъ-то Алеша таковы слова:
« Ай же, братьица мои крестовые!

---

[1]) Дополнено тѣмъ же пѣвцомъ въ другой разъ:

« Думаемъ думушку крѣпкую:
Какъ бы намъ сохранить стольно-Кіевъ градъ,
И какъ бы намъ оберечь каменна Москва,
И какъ бы намъ сохранить святая Русь,
Чтобъ не ѣздили татары на святой Руси,
Не побивали бъ мужичковъ святорусьскіихъ. *Ред.*

[2]) Изъ-за.

« Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
« Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба,
« И не смѣй я къ паленицы и подъѣхати,
« И не смѣлъ-то ея силушки отвѣдати ».
— Послать молода Добрынюшку Никитинца.—
Повыѣхалъ Добрыня во чисто поле,
Подъѣхалъ къ паленицы ко удалыя,
То не смѣй у ней онъ силушки отвѣдати,
Поскорешеньку Добрыня поворотъ держалъ,
И пріѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
И говорилъ-то Добрыня таковы слова:
« Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
« Посмотрѣлъ на паленицу на удалую:
« На правой-то рукѣ сидитъ соловей,
« На лѣвой-то рукѣ жавроленочекъ.
« Не смѣлъ я къ паленичищѣ подъѣхати,
« Не смѣлъ я у ней силушки отвѣдати ». [1]).
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« А на бою-то мнѣ-ка смерть не писана:
« Поѣду я въ раздольице чисто поле,
« Поотвѣдаю я силы у поганаго ».
Садится-то Илья на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ со Скатъ-горы высокія.
Говорилъ ему Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Поѣзжаешь ты въ раздольице чисто поле,

[1]) Стихи 53—77 имѣли въ другой разъ у Рябинина такой варіантъ:

« Намъ кого послать въ раздольицо чисто поле?
« Послать молода Алешеньку Поповича:
« Такъ Алеша силой не силенъ,
« Силой не силенъ, напускомъ смѣлъ;
« Убьетъ его паленичище удалое,
« Не будетъ богатыря на Святой Руси.
« Послать молода Добрынюшку Никитинца:
« Силушка въ Добрынюшкѣ великая,
« И собой Добрыня очень обворотистый,
« Столько Добрыня напускомъ застойсливый,
« Застойсливый и задумсливый“. *Ред.*

— На этыи побои на смертные,
— На этыи удары на тяжелые:
— Намъ куда велишь итти, да куда ѣхати?—
Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые!
« Поѣзжайте-тко на гору Сорочинскую,
« Посмотрите-тко на драку богатырскую:
« Когда надо мною будетъ безвремяньице,
« Поспѣшайте-то, братьица, ко мнѣ на выруку ».
Онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
И подъѣхалъ онъ подъ гору Сорочинскую,
Сходилъ тамъ съ добра коня богатырскаго,
И вшелъ-то онъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ на паленичище удалое:
Ѣздитъ паленица по чисту полю,
Ѣздитъ паленица въ полѣ, тѣшится,
Шутитъ она шуточку не малую,—
Кидаетъ она палицу булатнюю
Подъ эвтую подъ облаку ходячую,
Подъѣзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
Подхватитъ эту паличку одной рукой,
То какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ;
И не велика эта палица булатняя,
Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
У стараго казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское прiужахнулось.
Сходилъ онъ со горы Сорочинскiя,
Приходилъ онъ къ доброму коню богатырскому,
Палъ-то онъ на бедра лошадиныя,
И говорилъ-то онъ таковы слова:
« Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
« Послужи-тко ты мнѣ вѣрою и правдою,
« Послужи по старому и по прежнему,
« Чтобъ не побилъ бы насъ поганый во чистымъ полѣ,
« Не срубилъ бы онъ моей буйной головушки,
« Не распласталъ бы моей онъ груди бѣлыя.
« Хоть на бою мнѣ смерть не писана,

«Переступитъ сила черезъ великъ законъ».
Садился-то Илья на добра коня,
Онъ ѣхалъ раздольицемъ чистымъ полемъ
И наѣхалъ паленичищу удалую,
Онъ подъѣхалъ къ паленицы со бѣла лица.
Становили оны коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударити во палицы булатнія.
Разъѣхались съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палицы булатнія,
Оны другъ друга били нежалухою
И со всея силы богатырскія,
И били оны другъ друга по бѣлымъ грудямъ,
Какъ подъ нима были доспѣхи очень крѣпкіе:
У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
По макомкамъ [1]) отломилися;
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья Муржамецкія.
Какъ разъѣхались съ раздольица чиста поля,
Пріударили во копья Муржамецкія,
Оны другъ друга били по бѣлой труди,
По бѣлой груди били нежалухою
И со всея силы богатырскія;
Подъ нима доспѣхи были очень крѣпкіе:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ копья отломилися;

[1]) По маковки *Б.*

Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ
И сходили со добрыхъ коней на матушку сыру землю:
Надо биться молодчамъ имъ боемъ-рукопашкою
И отвѣдать надо силушки великоей.
Эта паленичища удалая
Она была зла-догадлива,
Подходила ко бога́тырю могучему,
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то его на косу бодру [1])
И здынула выше го́ловы,
И ступила на бѣлую грудь,
И беретъ свою рогатину звѣриную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотѣла ниже пояса.
Тутъ по Божьему повелѣнію
Рука правая въ плечи́ застоялася,
Въ очахъ у ней свѣтъ помущается;
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
« Ты скажи-то мнѣ, богатырь свято-русскій:
« Какъ-то молодца по имени зовутъ,
« Звеличаютъ удалаго по отечеству? » [2])
На бою-то Ильѣ смерть не написана.
Разгорѣлось его сердце богатырское:
Какъ отмахнетъ свою руку правую,
И сшибъ онъ паленицу со бѣло̀й груди.
Онъ скорешенько скочилъ да на рѣзвы ноги,
Схватилъ-то паленицу за желты кудри,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ-то на матушку сыру землю,
Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,

[1]) Бедру.

[2]) Изъ послѣдующихъ словъ паленицы видно, что она, въ случаѣ побѣды, никакъ не стала бы спрашивать объ имени и отчествѣ побѣжденнаго; поэтому я эти четыре стиха почитаю вставными.

Беретъ свой ножъ булатній во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка [1]),
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга [2]) ново-древняя!
« Тобѣ просто [3]) надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
« Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
« Пластала бы я твои груди бѣлыя,
« Доставала бы твое сердце со печенью,
« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
« Ни твоего роду и ни племени ».
Беретъ свой ножъ булатній во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы,
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга ново-древная!
« Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,

[1]) Проповѣдай, повѣдай. *Б.*
[2]) Хрычъ. *Б.*
[3]) Легко. *Б.*

« Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,
« Пластала бы я твои груди бѣлыя,
« Доставала бы твое сердце со печенью,
« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
« Ни твоего роду и ни племени ».
Беретъ свой ножъ булатнiй во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
— Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила паленица и заплакала:
« Ай же, удаленькiй дородный добрый молодецъ!
« Есть-то я изъ темнои̂ орды, хороброи̂ Литвы,
« Есть-то я вдовина дочь [1]);
« У меня была матушка калачница,
« Калачи пекла, поторговывала,
« Тымъ меня и воспитывала;
« И я возрасла до полнаго до возраста,
« Имѣю силу великую въ могучихъ плечахъ;
« Избирала я коня богатырскаго,
« И послала меня матушка
« На славну на святую Русь
« Проповѣдати про батюшка ».
Старый казакъ Илья Муромецъ
Скорешенько соскочитъ со бѣлыхъ со грудей,
Беретъ ю за ручушки за бѣлыя
И за нея за перстни за злаченые,
Становилъ-то ю да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ онъ ю во уста во сахарнiя

¹) И Ванька—«Удовкинъ», т.-е. вдовинъ сынъ.

И говорилъ онъ съ ней таковы слова:
— Жилъ я въ хороброй Литвы
— По три году поры-времени,
— Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
— И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
— Спалъ я на кроватки на тесовыя,
— На той на перинкѣ на пуховоей,
— У нея у самой на правой ручкѣ. —
И называлъ ю дочерью себѣ любимою.
Оны сѣли на добрыхъ коней богатырскіихъ
И поѣхали по славну по раздольицу чисту полю,
И въ раздольицѣ чистомъ полѣ разъѣхались.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Послѣ бою, послѣ драки великія
Пораздернулъ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ онъ спать да прохлождатися.
А паленица-то удалая,
Она ѣздитъ во чистомъ полѣ,
Сама она да и пораздумалась:
« Хоть я ѣздила на матушку святую Русь,
« То я сдѣлала насмѣшку на Святой Руси:
« Онъ назвалъ мою-то матку б......
« А меня-то назвалъ вы......й.
« А поѣду я ко городу ко Кіеву
« И наѣду я богатыря въ чистомъ полѣ,
« Убью-то я богатыря въ чистомъ полѣ,
« Не спущу этой насмѣшки на святой Руси ».
Подъѣзжаетъ къ шатру бѣленькому полотняну,
Бьетъ она рогатиной звѣриной по бѣлу шатру
Со всея со силы богатырскія.
Отлетѣлъ-то шатеръ бѣленькой въ чисто поле:
Спитъ Илья Муромецъ, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырскаго.
Реветъ-то его добрый конь, бурушко косматенькій,
Бьетъ во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сыра земля продрыгиваетъ,

Илья Муромецъ онъ спитъ, не прохватится,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Эта паленичища удалая
Бьетъ рогатиной звѣриною по его бѣлой груди:
У Ильи-то чуденъ крестъ на воротѣ,
Не малый крестъ—полтора пуда́.
Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
Скинулъ [1]) свои очи ясныя:
Стоитъ паленичища на добромъ конѣ
На́дъ верхомъ, какъ сильна гора,
И бьетъ его рогатиной звѣриной по бѣло́й груди.
Отмахнулъ свою онъ руку правую,
Онъ отшибъ коня-то отъ бѣло́й груди;
Скорешенько скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ паленицу за желты́ кудри,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ онъ паленицу о сыру землю,
Спустилъ онъ паленицу, выговаривалъ:
— Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть
— И не тобѣ убить Илью Муромца!—
Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу
И подернулъ паленицу за праву ногу
Онъ ю на двое поро́зорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелкіи куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку сѣры́мъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мелкіи куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ онъ частиночку чернымъ воронамъ.
Тутъ паленицы и славу поютъ.

---

[1]) Вскинулъ.

6.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ИДОЛИЩЕ.

Пріѣзжалъ Одолище [1]) поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
« Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
« Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
« Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться. »
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
« Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
« На бою мнѣ-ка смерть не написана,
« Поѣду я въ раздольице чисто поле
« И убью-то я Идолища поганаго ».
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
« Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
« Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,

[1]) Идолище.

« И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться? »
На тую пору на то времячко,
Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
« Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому? »
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
« Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
« Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется ».
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище,—заворыдалъ.
Илья Муромецъ одва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—
Говоритъ ему Илья таковы слова:
« Толь великъ Илья, какъ и я ».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?—
Говоритъ Илья таковы слова:
« По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
« По стольку пьетъ Илья, какъ и я ».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья:
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
« У ёго была корова ѣдучая:
« Она много пила-ѣла и лопнула.—
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатнее
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

7.

ИЛЬЯ, ЕРМАКЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Отсылалъ Татаринъ Турицъ на святую Русь,
Отсылалъ онъ Турицъ и наказывалъ:
« Поѣзжайте-ка, Турицы, на святую Русь,
« И ко славному ко городу ко Кіеву,
« Что ни будь вы тамъ да попровѣдайте,
« Что дѣется на матушкѣ святой Руси ».
И съѣхались Турицы на святую Русь,
И пріѣхали Турицы въ стольно-Кіевъ-градъ:
Хоть отдалй-то Турицы поганые
Посмотрѣли на князя на Владиміра,
И пріѣхали къ Татарину поганому.
Сталъ Татаринъ у нихъ спрашивать:
« Гдѣ же вы, мои Турицы, были-пóбыли,

« Что же вы, мои Турицы, видѣли? »
Говорятъ ему Турицы таковы слова:
— То мы побыли на матушкѣ святой Руси,
— Во славноемъ во городѣ во Кіевѣ,
— То мы видѣли во городѣ во Кіевѣ,
— Какъ со матушки съ Божьей церквы
— Шла дѣвица душа красная,
— На рукахъ книгу несла во-евангелье.
— Причитаючись она да слезно плакала.—
Говорилъ Татаринъ таковы слова:
« Ай вы глупые Турицы, неразумные!
« Не дѣвица тутъ шла душа красная,
« А тутъ шла мать пресвятая Богородица,
« На рукахъ книгу несла во-евангелье:
« Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
« Ту она и слезно плакала ».
Снаряжается царь Калинъ со своею силушкой великою,
Посылаетъ онъ посла въ стольно-Кіевъ-градъ,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру;
Посылалъ посла, ему наказывалъ:
« Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-Кіевъ-градъ
« Ко ласкову князю ко Владиміру на широкій дворъ,
« И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,
« Самъ поди въ палату бѣлокаменну,
« Креста не клади по писаному,
« Поклоновъ не веди по ученому
« И не бей челомъ на всѣ стороны,
« Ни самому-то князю Владиміру,
« Ни его князьямъ подколѣнныимъ [1]),
« И полагай-то ты грамоту посыльную на золотъ стулъ,
« И пословесно князю выговаривай:
« Очистилъ бы онъ улицы стрѣлецкія
« И всѣ большіе дворы княженецкіе,
« Чтобы было гдѣ стоять царю Калину

---

[1]) *Колѣно* значитъ старшій въ семьѣ; слѣдовательно *подколѣнные князья*— младшіе, удѣльные князья.

« Со своею силушкой великою ».
Пріѣзжалъ посолъ въ стольно-Кіевъ градъ,
Ко князю Владиміру на широкій дворъ,
Спущаетъ коня на посыльный дворъ,
Самъ идетъ въ палату бѣлокаменну;
На пяту онъ дверь поразмахивалъ,
Креста онъ не клалъ по писаному
И не велъ поклоновъ по ученому,
Ни самому-то князю Владиміру
И не его князьямъ подколѣннымъ,
Полагалъ онъ грамоту посыльную на золотъ стулъ,
И пословечно онъ, собака, выговаривалъ:
« Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Пріочисти-тко улицы стрѣлецкія
« И всѣ дворы княженецкіе,
« Чтобы было гдѣ жить царю Калину
« Со своею силушкой великою ».
Поскорешенько посолъ поворотъ держалъ,
Садился онъ скорехонько на добра коня
И онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
А Владиміръ князь въ палатахъ княженецкіихъ
Онъ сидитъ, да пріужахнулся;
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Какъ на почестный пиръ-пированьице
— Съѣзжаются многіе русскіе могучіе богатыри
— Ко славному ко князю ко Владиміру;
— Какъ теперь вѣдаютъ на Кіевѣ невзгодушку,
— Такъ не ѣдутъ оны ко князю ко Владиміру,
— Сидятъ въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— Во комнатахъ во богатырскіихъ!—
На пяту тутъ двери растворилися,
Приходитъ молодецъ въ палату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.

Самъ онъ пословечно выговариватъ:
« Ласковый Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« Посланъ я изъ заставы Московскоей!
« У русскихъ у могучiихъ богатырей
« Есть подогнано Литвы много поганыя
« Ко славному ко городу ко Кiеву.
« Такъ ты накладывай первы мисы чиста серебра,
« Другiя мисы красна золота,
« Третьи мисы скатна жемчуга,
« Отошли-тко эты мисы во чисто поле
« Ко тому Татарину поганому,
« Чтобы далъ намъ поры-времени на три мѣсяца
« Очистить улицы стрѣлецкiя
« И всѣ великiе дворы княженецкiе ».
Тутъ Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Шелъ скорешенько на погреба глубокiе,
Накладывалъ первы мисы чиста серебра,
А другiя мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга;
И повезъ тихiй Дунаюшка Ивановичъ
Эты мисы ко Татарину поганому.
Далъ-то имъ Татаринъ поры-времени,
Поры-времени далъ на три мѣсяца
Прiочистить улицы стрѣлецкiя
И всѣ великiе дворы княженецкiе.
    Въ тую порушку въ то времячко
Ко славному ко князю ко Владимiру
Приходитъ ощё молодецъ въ палату бѣлокаменну,
На пяту онъ двери поразмахиватъ,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимiру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Самъ онъ пословечно выговариватъ:
« Дядюшка Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« Дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице

« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго ».
Говорилъ ему Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, любимый мой племничекъ,
— Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Не дамъ тобѣ прощеньица-благословленьица
— Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
— Поотвѣдать силушки поганаго:
— Ты, Ермакъ, младешенекъ,
— Младешенекъ, Ермакъ, глупешенекъ.
— Молодой Ермакъ, ты лѣтъ двѣнадцати,
— На добромъ конѣ-то ты не ѣзживалъ,
— Въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживалъ,
— Да и палицы въ рукахъ не держивалъ:
— Ты не знаешь спонаровки богатырскія:
— Тобя побьетъ Литва поганая;
— И не будетъ-то у насъ богатыря,
— То намъ нé на кого будетъ понадѣяться.—
Говоритъ Ермакъ, поклоняется:
« Ай же ты, дядюшка мой рȯдныій,
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Когда не дашь мнѣ прощеньица-благословленьица
« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Поотовѣдать силушки поганаго,
« Такъ дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице
« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
« Посмотрѣть столько на силушку поганую. »
Далъ ему дядюшка прощеньице-благословленьице
Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣть на силушку поганую.
Шелъ онъ во свою палату бѣлокаменну,
Одѣвалъ-то одежицу забранную;
И шелъ онъ Ермакъ на широкій дворъ,
Сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
Засѣдлывалъ коня, улаживалъ,
Подкладалъ онъ потничекъ шелковенькій,
Покладалъ на потничекъ сѣдельшко Черкасское,

Подтянулъ подпружики шелковыя,
Полагалъ стремяночки желѣза булатняго.
Пряжечки полагалъ чиста золота,
Не для красы, Ермакъ, для угожества,
А для-ради укрѣпы богатырскія:
Подпруги шелковыя тянутся,—они нѐ рвутся,
Стремяночки желѣза булатняго гнутся,—они не ломятся,
Пряжечки красна золота они мокнутъ,—не ржавѣютъ.
Садился Ермакъ на добра коня,
Беретъ съ собой палицу булатнюю,
Беретъ вострое копье онъ Муржамецкое;
Онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганаго:
Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадиныимъ и человѣческимъ;
Вёшніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Меженныимъ [1]) долгіимъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обграяти [2]),
Осенніимъ долгіимъ денечкомъ
Сѣрой птицы вокругъ не ȯблетѣть.
Посмотрѣлъ Ермакъ на силушку великую:
Его сердце богатырско не ужахнулось.
Онъ зоветъ себѣ Бога нȧ помочь,
Въѣхалъ-то онъ въ силушку великую,
Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
Конемъ топтать, копьемъ колоть.
Бьетъ онъ эту силушку, какъ траву коситъ,
И бился цѣлыя суточки,
Не ѣдаючись и не пиваючись,
И добру коню отдўху не даваючись;
А въ немъ силушка велика не умѐньшилась,

---

[1]) *Межень*—жаркая лѣтняя пора.
[2]) *Граять*—каркать.

И въ немъ сердце богатырско не ужахнулось;
Въ двадцать четыре часика положеныихъ
Побилъ онъ эту силушку великую:
Этой силы стало въ полѣ мало ставиться.
    На той Московской на заставы,
На славной на Скатъ-горы на высокія,
Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
Говорилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые,
« Славные богатыри святорусскіе!
« Мы стоимъ на славной Московской на заставы,
« Думаемъ мы думушку великую,
« Какъ намъ приступить къ эвтой силушкѣ поганаго;
« А молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ
« Бьется онъ цѣлыя суточки,
« Не ѣдаючись и не пиваючись,
« И добру коню отдуху не даваючись.
« Поѣзжай-ка ты, Алешенька Поповичъ, во чисто поле,
« Наложи-тко храпы крѣпкіе
« На него на плечики могучія,
« Окрѣпи-тко его силушку великую,
« Говори-тко ты ему таковы слова:
« Ты, Ермакъ позавтракалъ,
« Оставь-ка намъ пообѣдати ».
Выѣхалъ Алеша Поповичъ въ чисто поле
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія:
Онъ первые храпы пооборвалъ;
Налагалъ Алешенька Поповичъ храпы другіе:
Онъ другіе храпы пооборвалъ;
Налагалъ Алеша храпы третьии:
Онъ и третьи храпы пооборвалъ.
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
Говорилъ Алеша таковы слова:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!

— Хоть-то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— То я не могъ пріунять богатыря святорусскаго
— И не могъ укротить его силушки великія:
— Онъ трой храпы мои пооборвалъ.—
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
« Поѣзжай-ка ты, Добрынюшка Микитинецъ,
« Поскорешенько въ раздольице чисто поле,
« Наложи-тко храпы крѣпкіе
« На него на плечики могучія,
« Окрѣпи-тко его силушку великую,
« Говори-тка ему таковы слова:
« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
« Оставь-ка намъ пообѣдати ».
Выѣзжалъ Добрыня во чисто̀ поле
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія:
Онъ первые храпы пооборвалъ;
Налагалъ Добрыня храпы другіе:
Онъ другіе храпы пооборвалъ;
И налагалъ Добрыня храпы третьи:
Онъ и третьи храпы пооборвалъ.
Поскорешенько Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
Говорилъ Добрыня таковы слова:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Хоть то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— То не могъ я пріунять богатыря святорусскаго
— И не могъ укротить его силушки великія:
— Онъ трои храпы мои пооборвалъ.—
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Самъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ ѣхалъ скоро на скоро въ раздольице чисто поле,
Подъѣхалъ къ бога̀тырю святорусскому,
« Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
Прижималъ его къ свому ретивому сердечушку,

Говорилъ онъ ему таковы слова:
« Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!
« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
« Оставь-ка намъ пообѣдати,
« Прикроти-тки свою силушку великую ».
Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,
Со этыихъ побоевъ со великіихъ,
Со этыихъ съ ударовъ со тяжелыихъ,
Кровь-то въ немъ была очень млáдая,
Тутъ молодой Ермакъ онъ преставился.
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
Бралъ свою дружинушку хоробрую,
Двѣнадцать богатырей безъ единаго,
Самъ-то Илья во двѣнадцатыхъ.
Поѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ:
Отъ нихъ Литва поганая въ побѣгъ пошла.
Тутъ они скрятали [1]) Татарина поганаго.
Этотъ-то Татаринъ поганыій
Даваетъ имъ заповѣдь великую
И пишетъ съ ними заповѣдь онъ крѣпкую:
Будетъ платить дани-выходы
Князю Владиміру исконъ до вѣку.

8.

ДОБРЫНЯ и ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВЪ.

(Гильферд. № 80).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ—пированьице
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.

[1]) Скрутили, захватили въ полонъ, по объясненію пѣвца.

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Богатырь хвастатъ силушкой великою,
Иный хвастатъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Самъ Владиміръ князь по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно государинъ выговариватъ:
«Красное солнышко на вечерѣ,
« Хорошъ честенъ пиръ идетъ на веселѣ,
« И всѣ добры молодцы порасхвастались;
« А мнѣ, князю Владиміру, чѣмъ будетъ похвастати?
« Кого послать, братцы, изъ васъ повыѣхать
« Во дальнія во земли въ Сорочинскія
« Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
« Отнести-то надоть дани-выходы
« За старые годы и за нынѣшни,
« И за всѣ времена за досюлешны,
« Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
« Двѣнадцать лебедей и двѣнадцать креченей,
« И отвезти още грамоту повинную?»
Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
Пріутихнули да пріумолкнули,
Пріумолкнули всѣ, затулялися,
Большая тулица за середнюю,
А середняя тулица за меньшую,
А отъ меньшей тулицы отвѣтовъ нѣтъ.
Изъ за этыхъ за столичковъ дубовыихъ,
Изъ за этыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
Понизешенько онъ князю поклоняется:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Бласлови мнѣ-ка, государинъ, словцо вымолвитъ!
— Знаю я, кого послать повыѣхать
— Во этыя во земли во дальныя,

— Во этыя во земли Сорочинскія
— Къ королю-то Бутеяну Бутеянову
— Отнести дани и выходы
— За старые годы и за нынѣшни,
— И за всѣ времена за досюлешны,
— Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
— И още отвезти грамоту повинную:
— Послать молода Васильюшка Казимірова.—
Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Беретъ онъ чару во бѣлы руки,
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.
Молодой Васильюшка Казиміровичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужа̀хнется:
Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько самъ князю поклоняется:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Везу я дани-выходы:
— Столько дай-ка мнѣ во товарищахъ
— Моего-то братца крестоваго,
— Молода Добрынюшку Микитинца.—
Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ къ Добрынюшку Никитинцу.
Молодой Добрынюшка Никитинецъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,

Понизешенько самъ князю поклоняется:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ Казиміровымъ
« И везу я дани-выходы:
« Столько дай-ка намъ още ты во товарищахъ
« Моего-то братца крестоваго,
« Молода Иванушка Дубровиця,—
« Ему Иванушку коней сѣдлать,
« Ему Иванушку разсѣдлывать,
« Ему плети подавать и плети принимать ».
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ Иванушку Дубровицю.
Молодой Иванушка Дубровичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько онъ князю поклоняется:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
« И къ молоду Добрынюшку Микитинцу ».
Становились оны на рѣзвы ноги,
И говорилъ Васильюшка Казиміровъ:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Поди-тко ты на погреба глубокіе,
— Неси-тко ты дары драгоцѣнные:
— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
— И още неси ты грамоту повинную.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Скорешенько пошелъ на погреба глубокіе,
Принесъ онъ дары драгоцѣнные:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
И още принесъ онъ грамоту повинную.
Бралъ-то дары Васильюшко подъ пазушку.

И оны Господу Богу помолилися,
На всѣ стороны низко поклонилися,
Самому Владиміру въ особину,
И выходили изъ палаты бѣлокаменной
На славный стольно-Кіевъ градъ;
И оны думали думушку съ общая:
Надо итти въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлать-то коней богатырскіихъ
И одѣвать собѣ одёжицы дорожнія,
Хоть дорожнія одёжицы, драгоцѣнныя.
Оны сдѣлали сговоръ промежду собой,
Гдѣ съѣхаться въ раздольицѣ чистомъ полѣ.—
На тыхъ на дороженькахъ крестовыихъ
У славнаго у сыра дуба у Невина,
У того у каменя у Латыря.
Пошли они въ палаты бѣлокаменны.
  Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Какъ вшелъ въ свои палаты бѣлокаменны
Ко своей родителю ко матушкѣ,
Къ честной вдовы Офимьѣ Александровны,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
« Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка.
« Ты честна вдова Офимья Александровна!
« Ты безсчастнаго спородила Добрынюшку!
« Лучше бы ты спородила Добрынюшку
« Бѣлымъ камешкомъ горючіимъ,
« Ты бы выстала на Скатъ-гору высокую,
« Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое:
« Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
« Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку
« На гору Сарачинскую деревинкою,
« Не для красы, не для угожества,
А для ради пріѣзда богатырскаго:
« Ко этому бы ко деревцу
« Съѣзжалися русскіе могучіе богатыри,
« И стояло бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,

« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
« Още нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила
« Во славную во матушку Нѣпру рѣку,
« Во Нѣпру рѣку да гоголинкою:
« Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости ».
Говорила честна вдова и заплакала:
— Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Никитинецъ!
— Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,
— Тобя возрастомъ бы Добрынюшку спородила
— Во стараго казака въ Илью Муромца;
— А силушкой Добрынюшку спородила
— Во славнаго Самсона во богатыря:
— Тобя бы смѣлостью Добрынюшку спородила
— Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
— Красотою бы спородила Добрынюшку
— Во славнаго во князя во Владиміра.—
Стоитъ Добрынюшка и покланяется:
« Свѣтъ ты государыня, родная моя матушка,
« Честная вдова Офимья Александровна!
« Дай-ка мнѣ прощеньице съ благословеньицемъ
« На тые на вѣки нерушимые ».
Сидитъ она—горько заплакала,
И дала ему прощеньице съ благословеньицемъ
На тые на вѣки нерушимые.
Пошелъ Добрынюшка Никитинецъ,
Одѣлъ собѣ одежицу дорожную,
Хоть дорожную одежицу, драгоцѣнную,
И бралъ съ собой одежицы запасныя,
Не малешенько одежицы онъ бралъ—на двѣнадцать лѣтъ;
Сшелъ-то Добрынюшка на широкій дворъ,
Сталъ добра коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать да сталъ улаживать.
Подъ сѣделышко Черкасское
Полагалъ потничекъ онъ шелковенькій,
И полагалъ-то онъ сѣделышко Черкасское,

Черкасское сѣделышко не держаное:
Обсажено тое сѣделышко есть камешкомъ,
Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтныимъ,
Самоцвѣтныимъ камешкомъ обзолоченымъ;
Онъ подпруженки подтягивалъ шелковеньки,
Стремяночки полагалъ железа онъ булатняго,
Пряжечки-то полагалъ красна золота,
Все не для красы, для угожества,
А для-ради крѣпости богатырскія:
Подпруженки шелковеньки тянутся, такъ они не рвутся,
Булатъ-желѣзо гнется-то, не ломится,
Пряжечки красна золота они мокнутъ, не ржавѣютъ.
Садится тутъ Добрыня на добра коня,
Хотитъ ѣхати Добрыня съ широка двора.
Говоритъ его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, моя любезная семеюшка,
— Молода Настасья дочь Микулична!
— Ты чего сидишь во теремѣ, въ златомъ верху?
— Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Закатается-то наше красное солнышко
— За эты за лѣсушки за темные
— И за тыя за горы за высокія:
— Съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора.
— Поди-ка ты скоренько на широкій дворъ,
— Зайди-ка ты къ Добрынѣ съ бѣла личика,
— Подойди къ нему ко правому ко стремячку булатнему.
— Говори-ка ты Добрынѣ не съ упадкою:
— « Куда, Добрыня, ѣдешь, куда путь держишь,
— « Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
— « Когда велишь въ окошечко посматривать? » —
Молода Настасья Микулична
Скорешенько бѣжала на широкій дворъ
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одныхъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Зашла она къ Добрынюшкѣ съ бѣла личика,
Подошла къ него ко правому ко стремячку булатнему.

И говорила-то ему да не съ упадкою:
— Свѣтъ ты моя любимая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Далече ли ѣдешь, куда путь держишь?
— Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
— Ты когда велишь въ окошечко посматривать?—
Говоритъ-то ей Добрыня таковы слова:
« Ай же ты, любимая семеюшка,
« Молода Настасья Микулична!
« Когда ты стала у меня выспрашивать,
« Я стану про то тебѣ высказывать:
« Перво шесть годовъ поры-времени — то жди за меня,
« Друго шесть годовъ поры-времени—пожди за собя;
« Исполнится того времени двѣнадцать лѣтъ,
« Тогда прибѣжитъ мой богатырскій конь
« На вашъ ли на вдовиный дворъ,
« Ты въ тую пору-времячко
« Сходи-тко въ мой зеленый садъ,
« Посмотри на мое сахарнее на деревцо:
« Налетитъ тогда голубь со голубушкою,
« И будутъ голубь со голубушкою погуркивать:
« Побитъ-то Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
« Поотрублена его буйна головушка
« И пораспластаны Добрынины груди бѣлыя.
« Такъ въ тую пору-времячко
« Хоть вдовой живи, а хоть за мужъ поди,
« Не ходи-тко только за мужъ за богатыря,
« За смѣлаго Олешеньку Поповича,
« За того за бабьяго насмѣшника:
« Олешенька Поповичъ мнѣ названый братъ ».

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
А не видѣли со двора его поѣдучись.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротамы,
То онъ съ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ черезъ стѣны городовыя.
Какъ онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,

Похотѣлъ онъ испытать добра коня богатырскаго,
Поотвѣдать его силушки великія:
Бралъ онъ плеточку шелкову во праву руку,
Билъ-то онъ плеткою по тучной бедры
Изо всея силушки великія,
Давалъ ему удары онъ тяжелые,—
Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
Сталъ онъ по раздольицу поскакивать,
Съ горы на гору онъ перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелкія озерка-рѣченьки промежъ ногъ спущалъ.
Такъ не молвія [1]) тутъ по чисту полю промолвила,
Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
Подъѣхалъ онъ къ сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю,
Наѣхалъ-то своихъ братьицевъ крестовыихъ,
Дружинушку хоробрую.
Оны съѣхались молодцы, поздоровкались,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Сходили молодцы съ добрыхъ коней,
Погуляли оны по полю пѣхотою,
Оны думушку-то думали за общая,
Оны звали собѣ Бога на помочь
И во вторыхъ още Пречисту Богородицу.
Садились молодцы-то на добрыхъ коней,
Брали оны вѣрный планъ во ясны очи
И поѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ.

Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день,
День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,
Прошло-то поры-времячка по три году.
Съѣхали во орды-то во дальныя,

---

[1]) Вмѣсто „молнія“.

Во этую во землю въ Сорочинскую,
Во тыя мѣста во невѣрныя.
Пріѣхали къ королю Бутеяну на широкъ дворъ,
Соскочили молодцы оны съ добрыхъ коней.
Молодой Васильюшка Казиміровъ
Отстенулъ [1]) свое копье мурзамецкое
Отъ праваго отъ стремени булатняго,
Спустилъ копье во матушку сыру землю вострымъ концемъ,
Онъ пристегивалъ добрыхъ коней и привязывалъ,
А никого онъ къ конямъ не приказывалъ,
Да и не спущалъ онъ коней на посыленъ дворъ.
Бралъ онъ даровья подъ пазушку,
Самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменны
Со своей дружинушкой хороброю;
Пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну,
На пяту онъ двери поразмахивалъ,
Ступилъ онъ своей ножкой правою во эту палату бѣлокаменну,
Ступилъ онъ со всея со силы богатырскія:
Всѣ столики въ палатѣ сворохнулися,
Всѣ околенки хрустальны поразсыпались,
Всѣ Татаровья другъ на друга оглянулися.
Какъ вошли оны въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися.
Крестъ-отъ клали по писаному,
Вели оны поклоны по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланялися,
Самому-то королю въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Полагали оны дани-выходы на золотъ столъ
Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречеией,
И положили още грамоту повинную.
Король Бутеянъ Бутеяновичъ

[1]) Отстегнулъ.

Принимаетъ эты дани за двѣнадцать лѣтъ
И принимаетъ грамоту повинную,
И относитъ на погреба глубокіе;
И садитъ онъ богатырей съ собою за единый столъ,
То не ѣствушкой кормитъ ихъ сохарнею,
Да и не питьицемъ поитъ онъ ихъ медвяныимъ,
Говорилъ имъ король таковы слова:
— Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
— Богатыри вы святорусскіе!
— Кто изъ васъ гораздъ играть въ шашки-шахматы,
— Во славны во велеи [1]) во нѣмецкія?—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ игроки дома оставлены;
« Столько мы надѣемся на Спаса и Пресвятую Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшку Микитинца ».
Приносили къ нимъ доску шашечну.
Молодой Добрынюшка садился за золотъ столъ,
Сталъ играть съ королемъ въ шашки-шахматы,
Во славны во велеи во нѣмецкія.
Со тоя онъ великія горячности
На той дощечкѣ на шашечной
Просмотрѣлъ ступень шашечный,—
Король обыгралъ Добрынюшка Микитинца первый разъ,
И говоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
« Ай же, братьица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
« Не бывать-то намъ на святой Руси,
« Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
« Проигралъ я свои головушки молодецкія
« Во славныя во шашки во шахматы
« И во эты во велеи во нѣмецкія! »
Сыгралъ Добрынюшка-то другой разъ,
Другой-то разъ короля пообыгралъ,

[1]) Тавлеи—Б.

Сыграли оны и третій разъ,
Третій разъ онъ короля пообыгралъ.
Это дѣло королю не слюбилося,
Не слюбилося это дѣло, не въ люби пришло.
Говорилъ ему король таковы слова:
— Вы удаленьки дородни добры молодцы,
— Богатыри вы святорусскіе!
— Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,
— Прострѣлить бы стрѣлочка каленая
— По тому острею по ножовому,
— Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
— На двѣ стороны вѣсомъ равна
— И попала бы въ колечико серебряно.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ стрѣлки дома оставлены;
« Столько есть надѣюшка на Спаса и на Пресвяту Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца ».
Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичъ:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные, богатыри могучіе!
— Подите-ка на погреба глубокіе,
— Несите-тко мой тугій лукъ разрывчатый.—
Идутъ туда три богатыря могучіихъ
И несутъ тугій лукъ разрывчатый,
Подносятъ къ Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать,
Сталъ тугій лукъ разрывчатый покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,

И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
« Дрянное лученышко пометное:
« Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить! »
Этотъ король Бутеянъ Бутеяновичъ
Послалъ дружинушку хоробрую на погреба глубокіе,
Десять сильныхъ богатырей,
Принести самолучшій тугій лукъ,
Что было съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить.
Идутъ десять могучіихъ богатырей на погреба глубокіе,
На носилочкахъ несутъ королевскій лукъ,
Подошли къ молоду Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать,
Сталъ королевскій тугій лукъ покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,
И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
« Дрянное лученышко пометное:
« Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить!
« Ай же, мой братецъ крестовый,
« Молодой Иванушка Дубровичъ!
« Поди-тко скоренько на широкъ дворъ
« Къ моему коню ко богатырскому,
« Подойди ко правому ко стремячку къ булатнему,
« Отстени-ка [1]) мой тугій лукъ разрывчатый
« Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
« Завозное лученышко, дорозное [2]) ».
Шелъ Иванушка на широкій дворъ.
Подошелъ къ доброму коню богатырскому

[1]) Отстегни.
[2]) Дорожное.

И ко правому ко стремячку къ булатнему,
Отстенулъ онъ тугій лукъ разрывчатый,
Положилъ его подъ правую подъ пазушку,
Пошелъ онъ во палату бѣлокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца
Въ тотъ тугій лукъ разрывчатый въ тупой конецъ
Введены были гуселышка яровчаты.
Какъ зыгралъ Иванушка Дубровичъ въ гуселышка яровчаты,
Вси тутъ игроки пріумолкнули,
Вси скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Приносилъ-то тугій лукъ разрывчатый,
Подавалъ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Бралъ свой тугій лукъ разрывчатый,
И скорешенько становился на рѣзвы ноги,
И становился супротивъ ножа булатняго,
И наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
И спустилъ онъ тетивочку шелковеньку
Во эвтую во стрѣлочку каленую;
Прокатилась эта стрѣлочка каленая по острею по ножовому
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
Пролетѣла прямо въ колечико серебряно.
И сдѣлалъ онъ три выстрѣла,
И не сдѣлалъ ни великой, ни малой ошибочки:
И во всѣ три выстрѣла
Пропустилъ онъ стрѣлочку каленую
По тому острею по ножовому въ колечико серебряно.
Сталъ стрѣлять король Бутеянъ Бутеяновичъ
Въ тое колечико серебряно
И по тому острею по ножовому:
Первый разъ стрѣлилъ, черезъ перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,

А третій разъ стрѣлилъ и попасть не могъ.
Королю это дѣло не слюбилося,
Не слюбилося это дѣло, не въ люби идетъ.
Говоритъ король таковы слова:
— Ай же вы, богатыри святорусскіе!
— Кто изъ васъ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
— Подите-ка на мой широкій дворъ
— Съ моима могучима богатырмы поборотися.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ борцы дома оставлены;
« Столько есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца ».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пошелъ онъ на широкій дворъ
Съ Татарыми поганыма боротися;
А король Бутеянъ-то Бутеяновичъ,
Да Васильюшка Казиміровъ съ Иванушкомъ Дубровичемъ
Пошли на балконы королевскіе
Смотрѣть на борьбу богатырскую.
Вышелъ Добрыня на широкій дворъ,
Посмотрѣлъ какъ на Татаровей поганыихъ,—
Стоятъ Татаровья престрашные,
Престрашные Татаровья, преужасные:
Во плечахъ у нихъ такъ велика сажень,
Межу глазамы велика пядень,
На плечахъ головушки какъ пивной котелъ.
У Добрыни сердечушко ужахнулось,
Сталъ Добрыня онъ по двору похаживать,
Сталъ онъ ручушекъ къ сердечушку пошибывать.
Говорилъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ онъ, во всю голову:
« Ай же, братьица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
« Не бывать-то намъ на святой Руси,

« Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
« Побьютъ-то насъ Татаровья поганые! »
Пошли къ Добрынюшкѣ Татаровья,
Сталъ Добрынюшка Татаровей отпихивать,
Сталъ онъ Татаровей оттолыкивать:
По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
Пошло къ Добрынюшкѣ цѣлыма десяткамы,
Добрынюшка видитъ,—есть дѣло не малое,—
Схватилъ онъ Татарина за ноги,
Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
Сталъ онъ Татаровей поколачивать:
Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ онъ, во всю голову:
« Ай же, братьица мои крестовые!
« Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку! »
Молодой Иванушка Дубровичъ
Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
Во тоя въ великой во горячности
Схватилъ онъ въ руки желѣзну ось,
Сталъ онъ желѣзной осью помахивати
И сталъ онъ Татаровей поколачивать.
Вышли они на темну орду,
Силушки стали бить, какъ трава косить,
Бились молодцы цѣлы суточки
И не ѣдаючись оны, не пиваючись.
Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
Силушки видь въ нихъ не уменьшилось,
Сердце богатырское не утихнуло,
А въ орды стало силы мало ставиться.
Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичъ:
— Ай же ты, богатырь святорусскій,
— Молодой Васильюшка Казиміровичъ!
— Уйми своихъ богатырей святорусскіихъ,
— Оставь мнѣ-ка силы на посѣмена,

— И возьми-ка дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречеией,
— И возьми-тко още грамоту повинную.
— А буду платить дани князю Владиміру ископъ до вѣку.—
Молодой Васильюшка Казиміровичъ
Скорешенько онъ шелъ на широкій дворъ,
Садился на коня на богатырскаго,
Проѣхалъ онъ по этой по темной орды,
Наѣхалъ богатыря святорусскаго
Молода Добрынюшка Микитинца,
Налагалъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:
« Остановись-ка, Добрынюшка Микитинецъ!
« Ужѐ вѣдь ты позавтракалъ:
« Оставь мнѣ-ка пообѣдати! »
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Послушаетъ Васильюшка Казиміровa,
Остановилъ свою силушку могучую,
Покинулъ Татарина въ сторону.
Тутъ Васильюшка Казиміровичъ
Подъѣхалъ къ Иванушку Дубровичу,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
Становилъ Иванушка Дубровича,
И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:
« Ты, Иванушка, позавтракалъ:
« Оставь-ка мнѣ пообѣдати,
« Укроти свою силушку великую,
« Установи свое сердце богатырское,
« Оставь поганому силы на посѣмена!»
Иванушка Дубровичъ Васильюшка послушаетъ,
Бросилъ онъ ось желѣзную въ сторону.
И идутъ оны къ королю въ палату бѣлокаменну,
И берутъ оны дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать кречeнeй

И взяли грамоту повинную,
Что платить князю-то Владиміру
Дани-выходы отнынѣ и до вѣку.
Говорилъ король таковы слова:
— Садитесь-ка со мною за единый столъ,
— Станемъ мы ѣсть ѣствушки сахарнія,
— Испивать мы питьицевъ медвяныихъ.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ты глупый король, Бутеянъ Бутеяновичъ!
« Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
« А не ужаловать ти молодцевъ поѣдучись! »
Взяли оны дани подъ пазушки,
Выходили молодцы на широкъ дворъ,
И садились на добрыхъ коней богатырскіихъ,
И поѣхали по славному раздольицу чисту полю.
Оны ѣдутъ-то на матушку святую Русь,
Брали оны вѣрный (планъ) во ясны очи:
Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день:
День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,—
Прошло-то поры-времячка по три году.
И пріѣхали къ дорожкамъ ко крестовымъ,
Ко славному сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко каменю ко Латырю.
Тутъ молодцы оны разъѣхались:
Васильюшка Казиміровъ поѣхалъ ко Царю-граду,
Иванушка Дубровичъ къ Іеросалиму,
А Добрынюшка Микитинецъ къ стольну Кіеву.
И молодой Добрынюшка Микитинецъ
Со дальнія пути со дороженьки
Похотѣлъ онъ раздернуть шатеръ бѣленькій полотняный
И лецѝ [1]) онъ спать да проклаждатися.
Онъ насыпалъ пшены лишь бѣлояровой

[1]) Лечь.

Добру коню богатырскому,
Легъ въ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ спать, да не поспѣлъ уснуть;
А на тую пору-времячко
На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубь со голубушкой,
И голубь со голубушкой стали оны прогуркивать:
« Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
« Спишь ты да проклаждаешься,
« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
« Твоя-то молода жена Настасья Микулична
« За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
« За того Олешеньку Поповича. »
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги.
Отъ добра коня отъ богатырскаго
Стряхнулъ тутъ пшену бѣлоярову,
Сдернулъ свой шатеръ бѣленькій полотняный,
Онъ скорешенько сѣдлалъ добра коня,
Садился тутъ Добрыня на добра коня,
Ѣхалъ по чисту полю по раздольицу широкому,
Ѣхалъ на добромъ конѣ не жалухою,
Не жалѣлъ онъ добра коня богатырскаго:
Скакалъ его-то конь богатырскиій
Во всю-то пору лошадиную.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пріѣхалъ онъ на свой на широкій дворъ,
Онъ скорешенько сходилъ со добра коня,
Онъ оставилъ коня по двору похаживать,
Самъ онъ шелъ въ палату бѣлокаменну
Во свою во комнату во богатырскую.
Пришелъ къ своей ко родителю-матушкѣ,
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровны,
Понизешенько онъ ей поклоняется:
« Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
« Я пріѣхалъ со раздольица чиста поля;
« Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разъѣхались:

« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву;
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
« Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,
« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
« И къ молоды Настасьи Микуличной ».
Говорила честна вдова, сама заплакала:
— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
— Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
— И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
— Есть бы была эта славушка на святой Руси,
— Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
— Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,
— Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
— Надъ моимъ дворомъ надъ вдовинымъ,
— Во глазахъ собакѣ подлыгатися.—
Онъ опять говоритъ ей, поклоняется:
« Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разъѣхались:
« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву;
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
« Сходить велѣлъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,
« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
« И къ молоды Настасьи Микуличной ».

Говорила честна вдова таковы слова:
— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
— Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
— И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
— Есть бы была эта славушка на святой Руси,
— Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
— Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,
— Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
— Надъ моимъ дворомъ надъ вдовинымъ,
— Во глазахъ собакѣ подлыгатися.—
Третій разъ говоритъ онъ, поклоняется:
« Честная вдова Офимья Александровна!
« Мы вмѣстѣ съ Добрынюшкой грамоты училися,
« Платьица носили съ одного плеча,
« И хлѣба мы съ Добрынюшкой кушали по однакому.
« Вчерась мы съ Добрынюшкой разъѣхались:
« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
« Меня послалъ ко стольну Кіеву,
« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
« Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
« Подать велѣлъ лапотики шелковые,
« Подать велѣлъ платьице скоморовчато,
« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
« Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
« Ко славному ко князю ко Владиміру,
« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
« И къ молоды Настасьи Микуличной ».
Сидитъ она и пораздумалась:
— Не прозналъ мужикъ-деревенщина
— Святымъ духомъ, самъ собой, про лапотики шелковые,
— И про платьице скоморовчато, и про гуселышка яровчаты!—
Брала она золоты ключики,
Шла-то на погреба глубокіе,
Принесла ему лапотики шелковые,
И платьице скоморовчато, и гуселышка яровчаты.

Какъ обулъ Добрынюшка лапотики шелковые,
Какъ и тутъ было;
Какъ надѣлъ на себя платьице скоморовчато,
Какъ и тутъ было.
Тутъ пошелъ Добрынюшка Микитинецъ
Къ князю ко Владиміру на почестенъ пиръ,
Пошелъ въ палату бѣлокаменну,
Не спрашивалъ ни придверниковъ, ни приворотниковъ,
И никакихъ сторожевъ строгіихъ могучіихъ,
И вшелъ прямо въ палату бѣлокаменну на почестенъ пиръ,
И садился близко печку близъ кирпичную,
И зыгралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іеросалима,
Изъ Іеросалима ко той земли Сорочинскія.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано
И на бѣлоемъ игры не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
Ставалъ Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
И разводилъ онъ медамы стоялыма,
Подносилъ къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Бралъ онъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Выпивалъ онъ эту чарочку однимъ духомъ,
И садился близко печку кирпичную;
И выигралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іеросалима,
А изъ Іеросалима ко той земли Сорочинской.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,

На бѣлоемъ не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
И говоритъ онъ князю Олешенькѣ Поповичу:
— Олешенька Поповичъ! Ставай-ка на рѣзвы ноги,
— Наливай-ка чару зелена вина,
— Подноси-тко къ молодой скоморошины.—
Олешенька Поповичъ ставалъ на рѣзвы ноги,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы стоялыма,
Подносилъ къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,
Беретъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
И садился онъ близко печку кирпичную;
И выигралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царя-града до Іеросалима,
Изъ Іеросалима ко той землѣ Сорочинскоей.
На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослухались:
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
И говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же, Настасьюшка Микулична!
— Наливай-ка чару зелена вина
— И подноси-тко къ молодой скоморошины.—
Молода Настасья Микулична
Скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Наливала она чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводила медамы стоялыма,
Подносила къ молодой скоморошины.
Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,
Беретъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,—

На ногахъ стоитъ скоморохъ, не пошатнется,
И говоритъ скоморохъ, не мѣшается.
Видитъ князь Владиміръ, что дѣло есть не малое,
Подходитъ къ молодой скоморошины,
И зоветъ его онъ за единый столъ:
— Садись-ка съ нама ты за единый столъ:
— Перво тебѣ мѣстечко подлѣ меня,
— А другое мѣстечко подлѣ князя Олешеньки Поповича,
— А третье мѣстечко избирай-ка себѣ по люби.—
Говорилъ молодой скоморошина:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Мѣсто не по люби мнѣ подлѣ тобя,
« И не любо мнѣ мѣсто подлѣ князя Олешеньки Поповича,
« А любо мнѣ мѣсто напротивъ молодой княгины
« Настасьи Микуличной ».
Засадился скоморошина за единый столъ,
Напротивъ молодой княгины Настасьи Микуличной,
И говорилъ онъ князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Выпилъ я чарочку отъ князя отъ Владиміра;
« Позволь мнѣ-ка налить чарочку зелена вина
« И поднести князю Владиміру?»
Позволилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ-то князю Владиміру;
Принималъ Владиміръ чарочку одной рукой,
Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
« И выпилъ я чарочку отъ князя [1]) Олешеньки Поповича,
« Позволь мнѣ-ка налить еще чарочку зелена вина
« И поднести князю Олешенькѣ Поповичу.»
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ князю Олешенькѣ Поповичу;
Принималъ Олешенька чарочку одной рукой,

[1]) Жениха. *Б.*

Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
« Поднесъ я чарочку князю Владиміру,
« И поднесъ я чарочку князю Олешенькѣ Поповичу;
« А позволь-ка мнѣ налить чарочку зелена вина,
« Поднести молодой княгины Настасьѣ Микуличной? »
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина,
Разводилъ медамы стоялыма,
И подносилъ Настасьѣ Микуличной,
И въ тую чарочку спустилъ обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ оны обручалися
Съ молодой Настасьею Микуличной.
Настасья Микулична скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Принимала эту чарочку одной рукой
И стала пить эта чарочка зелена вина.
Говорилъ тутъ молодой скоморошина:
« Если хошь добра, такъ пей до дна,
« А не хошь добра, такъ не пей до дна! »
Настасья Микулична, она была женщина не глупая,
Испила эту чарочку до донышка,—
Къ нея [1]) ко устамъ ко сахарніимъ
Прикатился ея злаченъ перстень.
Какъ возьметъ она на правую на ручушку,
Со тыя со чарочки злаченъ перстень повытряхнетъ,
И усмотрѣла свой обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ обручалася
Съ молодымъ Добрынюшкомъ Микитинцемъ.
Какъ она тяпнула чарочкой о золотъ столъ,
Оперлася въ него плечика могучія,
И скочила-то она черезъ золотъ столъ,
И беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,

[1]) Здѣсь, какъ и ниже (ст. 859 и 862), и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по особенности Олонецкаго говора встрѣчаемъ въ мѣстоименіи вставное *н*. См. статью Рыбникова «Объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія», глава *Произношеніе*, II, 2. *Ред.*

И цѣловала его во уста сахарнія,
И называла-то любимою сдержавушкой,
Говорила она рѣчь ему умильную:
— Ай же, свѣтъ моя любимая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
— У бабъ волосъ дологъ, а умъ коротенькій:
— Я не послушала твого наказу богатырскаго,
— Сдѣлала я дѣло не повелѣно,
— Побоялась я князя Владиміра.
— Сталъ ко мнѣ Владиміръ похаживать,
— Сталъ меня замужъ за Олешеньку посватывать,
— И сталъ мнѣ-ка Владиміръ князь пограживать:
— « Ежели не пойдешь замужъ за Олешеньку Поповича,
— « Такъ не столько во городѣ во Кіевѣ,
— « Не будетъ тебѣ мѣста и за Кіевомъ ».
— Побоялась я угрозы княженецкія,
— Пошла замужъ за богатыря Олешеньку Поповича.—
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ Олешеньку за желты кудри,
Стукнулъ Олешу о кирпиченъ мостъ:
Сталъ Олешенька по мосту погалзывать [1]).
Говорилъ Добрыня князю Владиміру:
« Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Свою жену-то ...., ...,
« А чужую жену замужъ даешь?
« Мужъ въ лѣсъ по дрова, а жена замужъ пошла! »
Сталъ Владиміръ князь Добрыню уговаривать,
Сталъ Добрынюшка униматися.

Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Съ молодой Настасьюшкой Микуличной
Пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны,
Ко своей родителю ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Офимьѣ Александровны.

---

[1]) Елозить.

Пришелъ, матушкѣ поклонъ принесъ:
« Прости меня, родитель-матушка,
« Что не признался я тобѣ, пріѣдучись съ раздольица чиста поля,
« Ушелъ-то я безъ толку на почестенъ пиръ ».
Тутъ честная вдова Офимья Александровна
Скорешенько ставала на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И цѣловала его во уста его во сахарнія,
Прижимала его къ ретивому сердечушку
И прикладывала ко бѣлому ко личушку.
Молода Настасья дочь Микулична
Скорешенько снимала съ него одежицы дорожныя
И одѣвала-то одежицу драгоцѣнную, что налучшую.
Честная вдова Офимья Александровна
Посылала скоро конюховъ любимыихъ на широкій дворъ
Убрать добра коня Добрынина,
Насыпать-то ему пшены бѣлояровой,
Наливать-то ему свѣжей ключевой воды.
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Съ тоя съ пути со дороженьки
На спокой улегся съ молодой Настасьей Никуличной.

Честная вдова Офимья Александровна
Завела она хорошъ почестенъ пиръ
Своему сыну любимому,
Молоду Добрынюшкѣ Микитинцу:
Стали править за шесть годовъ годинъ да именинъ,
Стали оны ѣсть ѣствушку сахарнюю,
Испивать стали питьицевъ медвяныихъ,
Стали оны жить да быть, долго здравствовать.

9.

ДУНАЙ-СВАТЪ.

(Гильферд. № 81).

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучіихъ богатырей.
Сталъ по горницы Владиміръ князь похаживать,
Пословечно сталъ онъ выговаривать:
« Всѣ есть добры молодцы поженены,
« Всѣ-то красны дѣвушки замужъ даны,
« Столько я одинъ хожу холостъ, не жененый.
« То вы знаете ль мнѣ, братцы, супротивницу,
« Чтобы лицюшкомъ-то была супротивъ меня [1]),
« Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
« Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
« Походочка была бы лани бѣлыя,
« Бѣлыя лани напольскія,
« Напольскія лани златорогія,
« Чтобы было мнѣ съ кѣмъ жить да быть,
« Жить да быть, вѣкъ коротати,
« И вамъ, молодцамъ, было бы кому поклонятися».
Всѣ молодцы за столомъ умолкнули,
Пріумолкнули всѣ, затулялися [2]),
Бо̀льшая тулица за середнюю,
Середняя тулица за меньшую,
Отъ меньшей тулицы отвѣту нѣтъ.
За тыхъ за столиковъ дубовыихъ,
Изъ за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
Понизешенько онъ князю поклоняется:

---

[1]) Владиміръ славился красотою и въ помѣщенныхъ выше былинахъ Добрыня желаетъ „спородаться красотою во князя во Владиміра“.

[2]) Туляться—уклоняться, хорониться.

— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Знаю я тебѣ княгину супротивницу:
— Лицюшкомъ-то она супротивъ тебя,
— Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
— Брозушки-то у ней черныхъ соболей,
— Походочка у ней лани бѣлыя,
— Бѣлыя лани напольскія,
— Напольскія лани златорогія:
— Будетъ съ кѣмъ тебѣ князю жить да быть,
— Жить да быть, вѣкъ коротати,
— И намъ молодцамъ будетъ кому покланятися.
— Во той есть во славной Литвы,
— У того есть у короля Литовскаго
— Дочь прекрасная Опракса королевична;
— Сидитъ она во теремѣ въ златомъ верху,
— На ню красное солнышко не оппекетъ,
— Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
— Многіе люди не обгалятся [1]).—
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Пермилъ сынъ Ивановичъ!
« Кого мнѣ-ка послать посвататься
« За меня за князя за Владиміра
« На прекрасной на Опраксы королевичны? »
Говорилъ Пермилъ таковы слова:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Я про то знаю, кого послать посвататься
— За тобя за князя за Владиміра
— На прекрасной на Опраксы королевичны:
— Послать тихія [2]) Дунаюшка Ивановича;
— Онъ Дунаюшка во послахъ бывалъ,
— Онъ Дунай много земель знавалъ,
— Онъ Дунаюшка говорить гораздъ:
— Ему Дунаюшку и посвататься.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій

---

[1]) Не обзарятся, не глазѣютъ. *Б.*

[2]) Дунай здѣсь называется *тихимъ*, потому что таково (*тихій* и *бѣлый*) постоянное прозвище рѣки Дуная у Славянъ. *Б.*

Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ-то онъ ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ,
« Посвататься за тобя за князя за Владиміра
« На прекрасной на Опраксы королевичны.
« Столько дай мнѣ во товарищахъ
« Моего-то братца крестоваго,
« Молода Васильюшка Казимірова».
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.
Молодой Васильюшка Казиміровъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ съ Дунаюшкой,
« Только дай намъ още въ товарищахъ
« Василья паробка Заморскаго:
« Ему Васильюшку коней сѣдлать,
« Ему Васильюшку разсѣдлывать,
« Плети подавать, плети принимать.»
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ къ Василью паробку Заморскому.
Васильюшка паробка Заморскій
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,

Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ѣду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
« И къ тихія Дунаюшку Ивановичу. »
Оны шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлали добрыхъ коней богатырскіихъ,
Садились на добрыхъ коней, поѣхали
Во славную во эту въ хоробру Литву.

Пріѣхали къ королю на широкій дворъ,
Становили коней посередь двора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Со своей дружинушкой хороброей
Шелъ онъ во палату бѣлокаменну,
На пяту онъ дверь-то поразмахивалъ,
Крестъ онъ клалъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Самому-то королю въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ король у нихъ выспрашивать:
— Вы отколешны, удаленьки дородни добры молодцы?—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Есть мы со славной матушки со святой Руси
« Отъ ласкова князя отъ Владиміра ».
Король садитъ-то ихъ за столики дубовые,
За тыя за скамейки за окольныя,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Поднесъ къ тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Беретъ онъ эту чарочку одной рукой,

Онъ за этой чарочкой посватался
За того за князя за Владиміра
На прекрасной на Опраксы королевичны.
Говорилъ ему король таковы слова:
— Глупый Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Онъ не знай [1]) кого послать ко мнѣ посвататься,
— Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
— Изъ бояръ мнѣ-ка боярина хорошаго,
— Изъ богатырей богатыря могучаго:
— Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
— Ай же вы, мои слуги вѣрные!
— Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за бѣлыя,
— За него за перстни за злаченые,
— Ведите-тко на погреба глубокіе
— За него за рѣчи неумильныя.—
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Видитъ онъ: дѣло есть не малое,
Скорешенько онъ скочитъ черезъ золотъ стулъ,
Схватилъ онъ Татарина за ноги,
Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
Сталъ онъ Татаръ поколачивать.
Король по застолью бѣгаетъ,
Куньей шубой укрывается:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— Садись-ка со мной за единый столъ,
— Сдѣлаемъ съ тобой мы сватовство
— За того за князя за Владиміра
— На моей-то дочери любимыя,
— На прекрасныя Опраксы королевичны.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Не учествовалъ молодцевъ пріѣдучись,
« То не ужаловать ти молодцевъ уѣдучись:
« Я въ честь возьму Опраксу за князя за Владиміра,
« А не въ честь Опраксу за товарища,
« За того возьму за паробка любимаго.»

[1]) Сокращеніе изъ *знае*—знаетъ.

Пошелъ тихій Дунаюшка по терему,
Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливать,
Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
Прекрасная Опракса королевична
Ходитъ по терему, злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.
Говорилъ ей Дунай таковы слова:
« Ай же ты, Опракса королевична!
« Идешь ли ты замужъ за князя за Владиміра? »
Говорила она таковы слова:
— Три года я Господу молилася,
— Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.—
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Беретъ ю за ручушки за бѣлыя,
За нея за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ ю въ уста во сахарнія
За нея за рѣчи за умильныя.
Приводилъ ю на широкій дворъ;
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славну по раздольицу чисту полю.

Говоритъ ему Опракса королевична:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— Есть у меня сестрица родимая,
— Молода Настасья королевична:
— Она ѣздитъ въ чистомъ полѣ паленицею,
— Имѣетъ въ плечахъ силушку великую;
— Ежели наѣдетъ васъ въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
— Съ ней не дѣлайте противности великія.—
Раздернули шатры бѣлые въ чистомъ полѣ,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Насыпали имъ пшены бѣлояровой.
Наѣхала Настасья королевична

Изъ того раздольица чиста поля,
Накатилася за нима, какъ сильна гора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Поздравствовалъ Настасью королевичну
И говорилъ ёй таковы слова:
« Ай же ты, Настасья королевична!
« Идетъ твоя сестрица родимая,
« Прекрасная Опракса королевична,
« За славнаго за князя за Владиміра;
« А ты поди-тко замужъ за меня,
« За тихія Дунаюшка Ивановича ».
Пошла она за тихія Дунаюшка Ивановича.

Пріѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
Ко князю ко Владиміру на широкъ дворъ,
Ихъ срѣтаетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
И ведетъ ихъ во палаты бѣлокаменны;
Накормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Напоилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Сходилъ съ нима во матушку въ Божью церкву,
Принимали-то оны златы вѣнцы,
Выходили со матушки съ Божьей церквы,
Пришли оны въ палаты бѣлокаменны;
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей, на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Стали испивать хмѣльныихъ напиточекъ.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Пьетъ напиточки, да похваляется:
« Досталъ-то я княгину про князя про Владиміра,
« Досталъ княгину про тихія Дунаюшка Ивановича ».
Говоритъ ему Настасья королевична:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— Не хвастай своею храбростью великою:
— На твою-то молодецкую головушку

— Я кладу свое колечико серебряно,
— Три разъ изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
— Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
— И не сроню-то я колечика съ головушки.—
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
И выходилъ съ ней Дунай въ чисто поле,
Полагалъ себѣ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.
Молода Настасья королевична
Три разъ она прострѣлила въ колечико серебряно,
Пропустила стрѣлочку каленую
И не сбила колечика съ головушки.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Становилъ Настасью королевичну,
Полагалъ ей колечико серебряно на головушку,
Беретъ свой тугій лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,
Налагалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку.
Тутъ ему Настасья королевична молилася:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
— Принесу тобѣ я сына любимаго:
— По колѣнца ножки въ серебрѣ,
— По локоточки рученьки въ золотѣ,
— На головушкѣ по косицамъ будутъ звѣзды частыя.
— За глупыя слова мои за женскія
— Копай ты въ матушку сыру землю меня по поясъ,
— Бей-ко ты меня по нагу тѣлу
— За мои за рѣчи неумильныя.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Все это отвертки есть женскія! »
Спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую
Да во самое во темячко,
Убилъ онъ Настасью королевичну,
Убилъ онъ, самъ пораздумался:
« Пораспластать мнѣ было ей чрево женское,—

« Есть ли у меня что съ ней посѣяно? »
Какъ распласталъ ёй чрево женское,
Такъ съ ней во чревѣ чадо посѣяно:
По колѣнца ножки въ серебрѣ,
По локоточки рученьки въ золотѣ,
На головушкѣ по косицамъ звѣзды частыя.
Тутъ Дунаюшка и раздумался:
« Что я сдѣлалъ двѣ головки безповинныихъ! »
Бралъ въ руки саблю вострую,
И палъ-то онъ на саблю вострую,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Гдѣ пала Настасьина головушка
« И гдѣ протекла Настасья рѣка,
« И тутъ протеки-тко Дунай рѣка ».

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки оны расходилися,
И още оны въ мѣсто сходилися.

10.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Гильферд. № 83).

Молодой Иванушка Годиновичъ
Поѣзжалъ жениться въ Золоту орду
На прекрасной Настасьѣ Митріевичной.
Говорилъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Ай же ты, Иванушко Годиновичъ,
« Крестничекъ мой любимыій!
« Поѣзжаешь ты жениться въ Золоту орду
« На прекрасноей Настасьѣ Митріевичной:
« Что же будешь брать съ собой?—
« Силу [армію] великую,

« Али будешь брать безсчетну золоту казну,
« Али будешь брать одежи драгоцѣнныя? »
Говорилъ ему Иванушка Годиновичъ:
— Ай же ты, крестовый мой батюшка!
— Намъ не войскомъ брать Настасью Митріевичну,
— И не дракой брать Настасью Митріевичну,
— Не купить-то намъ безсчетной золотой казной,
— Да и не надоть мнѣ одежи драгоцѣнныя:
— А столько дай-ка мнѣ въ товарищахъ
— Паробкя любимаго Васильюшка Заморскаго,
— Чтобъ ему Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему Васильюшку разсѣдлывать,
— Ему плеть подавать, да и плеть принимать.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Даетъ паробкя Васильюшка Заморскаго.
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,

День за день, какъ трава растетъ,
Годъ за годъ, какъ вода текетъ,
Пріѣхалъ въ Золоту орду Иванушка Годиновичъ,
Сталъ посватывать Настасью Митріевичну.
А съ другой стороны, съ хороброй Литвы
Наѣзжаетъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
И сталъ сватать Настасью Митріевичну.
Не пошла она за сына царскаго,
А пошла за Иванушка Годиновича.
Иванушко Годиновъ сынъ
Взялъ въ люби Настасью Митріевичну.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Со своимъ со паробкомъ любимыимъ
И со своей Настасьей Митріевичной.
Оны ѣхали раздольицемъ-чистымъ полемъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Ускоряли-то дорожкой скоро на скоро:
Оны день ѣдутъ по красному по солнышку,
А ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Отпускалъ Иванушка Годиновичъ

Паробкя любимаго Васильюшка Заморскаго
Къ своему крестовому ко батюшку,
Ко славному ко князю ко Владиміру,
Отпускалъ Васильюшку, наказывалъ:
« Ты скажи, Васильюшка Заморскій,
« Что въ люби везу Настасью Митріевичну ».
Изъ того раздольица чиста поля
Наѣхалъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Говорилъ Настасьѣ Митріевичной:
— Прекрасная Настасья Митріевична!
— Пошла ты за мужъ за Ивана Годиновича,
— За того работника князя Владиміра:
— А поди ты за мужъ за меня, за сына царскаго,
— И такъ будешь ты царицей, не работницей.—
Какъ сталъ ю сватать путемъ дорогою
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ,
И пошла она за сына за царскаго.
И взяли оны двое—обневолили
Молода Иванушка Годиновича,
Привязали его ко сыру дубу,
Самы пораздернули шатеръ бѣлополотняный,
Спать оны легли, да проклаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.
Какъ оны спали-проклаждалися,
Выходили оны изъ бѣла шатра;
По Божьему по повелѣнію
Полетѣло черезъ ихъ три бѣлыихъ три лебеди.
Говорила прекрасная Настасья Митріевична:
— Ай же ты, Ѳедоръ Ивановичъ!
— Захотѣлось на понóсѣ мнѣ мяса лебединаго:
— Застрѣли-ка бѣлую лебедушку.—
Онъ беретъ скорешенько каленый лукъ разрывчатый,
Натянулъ тетивочки шелковеньки,
Наложилъ онъ стрѣлочки каленыя:
Этая стрѣлочка каленая,
Къ верху стрѣлочка поднималася,
И въ верхý она свивалася,

И пала прямо въ темя Өедору Ивановичу,
И убила до смерти Өедора Ивановича.
Тутъ стоитъ Настасья Митріевична,
Закручинилась и запечалилась:
Отъ бережка она откачнулася,
А къ другому не прикачнулася.
Говоритъ Настасья Митріевична:
— Ай же ты, Иванушка Годиновичъ!
— Прости меня во женскія во глупости,
— Возьми меня опять за собя.—
Говорилъ ей Иванушка Годиновичъ:
« Исполню я три заповѣди женскіихъ,
« Тогда возьму тобя за собя ».
Отвязала она его отъ сыра дуба.
Бралъ-то онъ свою саблю вострую,
Отрубилъ-то ей ножки рѣзвыя,
Рубилъ-то ей ножки, выговаривалъ:
« Зачѣмъ эти ноженьки рѣзвыя
«Оплетали Татарина поганаго! »
И отрубилъ ей ручки бѣлыя,
Рубилъ-то ей ручки, выговаривалъ:
« Зачѣмъ эти рученьки бѣлыя
« Обнимали Татарина поганаго! »
И отрубилъ ей уста сахарнія,
Рубилъ-то ей уста, выговаривалъ:
«Зачѣмъ эти уста сахарнія
« Цѣловали Татарина поганаго,
« Того ли Өедора Ивановича! »
Садился Иванушка на добра коня
И ѣхалъ Иванушка въ стольный Кіевъ градъ.
Тамъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Ждетъ его съ прекрасною Настасьей Митріевичной,
А пріѣхалъ Иванушка самъ собой.
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Отводилъ его въ покои во особые:
Сталъ у его онъ выспрашивати:
— Какъ же, Иванушка Годиновичъ,

— Гдѣ жъ ты дѣлъ прекрасную Настасью Митріевичну?—
Отвѣчалъ ему Иванушка Годиновичъ:
« Ай же ты, крестовый мой батюшка,
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Всякій молодецъ на вѣку́ женится,
« А не всякому женитьба удается! »

11.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 82.)

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Король молодца любитъ-жалуетъ,
Королевна молодца во люби держитъ.
Загулялъ добрый молодецъ, порасхвастался,
Что ходилъ молодецъ изъ орды въ орду [1]...
Ходилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ко славныя ко матушкѣ ко Пучай рѣкѣ,
Стрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ утушекъ.
И по славныя по матушкѣ Пучай рѣкѣ
Пловетъ-то колода бѣлодубовая:
На этой колоды бѣлодубовой
Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ онъ свой тугій лукъ разрывчатый,
Накладывалъ онъ стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелко̀вую,
Хотѝтъ подстрѣлить бѣлую лебедушку.
Бѣлая лебедушка поднималася

[1]) Пропускъ.

И становилася на матушку сыру землю
Супротивъ Михайлы Потыка сына Иванова,
Проязычила она языкомъ человѣческимъ...

(*Не кончено.*)

12.

ТОЖЕ.

(Гильферд. № 82.)

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ѣздилъ онъ во славну во темну орду,
Относилъ-то дани-выходы
За старые года и за нынѣшніе,
И за всѣ времена за досюлешны,
Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крѐченей,
Отвозилъ-то грамоту повинную
Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву.
Воротилъ назадъ онъ дани-выходы:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Жаловалъ его царь Лиходѣй Лиходѣевичъ
Трема кораблямы со Татарамы.
И поѣхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По славному по синему по морюшку.
Увидѣлъ онъ лебедку на синѐмъ морѣ,
Говорилъ-то Татаровьямъ поганыимъ:
« Ай же вы, Татаровья поганые!
« Можете ли злучить [1]) эту лебедку на синѐмъ морѣ,
« Чтобъ не ранену лебедку, не кровавлену? »
Говорятъ ему Татаровья поганые:
— Ай же, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Долиною море долинешенько,

[1]) Залучить, захватить.

— Шириною море широкошенько:
— Не излучить-то намъ лебедки на синемъ морѣ,
— Чтобъ не раненой лебедки, не кровавленой.
— Если бъ плавала лебедка по быстрой рѣкѣ,
— Излучили бы лебедушку не ранену и не кровавлену.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Беретъ-то свой тугій лукъ разрывчатый,
Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Хотѝтъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.
Этая бѣлая лебедушка
Поднималася отъ синя моря
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Садилась она на черленъ корабль,
Обвернулась красной дѣвицей.
Подходилъ-то къ ней Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыя
И за ней [1]) за перстни за злаченые,
Цѣловать хотѝтъ въ уста ю во сахарнія.
Говоритъ-то ему красна дѣвица:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не цѣлуй меня, красну дѣвушку:
— Есть я роду невѣрнаго,
— Есть я роду некрещенаго.
— Когда свезешь на славную святую Русь,
— И будемъ во славномъ стольно-Кіевѣ,
— И сходимъ во матушку Божью церкву,
— И достàвлишь во вѣрушку крещòную,
— Тогда мы съ тобой примемъ золоты вѣнцы,
— Тогда меня цѣлуй красную дѣвушку.—
Пріѣхали оны во стольно-Кіевъ градъ,
Сходили во славную во матушку Божью церкву,
Доставлялъ онъ ю во вѣрушку крещоную,
Принимали оны золоты вѣнцы;
Стали жить да быть, долго здравствовать.

---

[1]) За ней=за нея=за ея. *Ред.*

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сталъ ѣздить во раздольице чисто поле
На добромъ конѣ на богатырскоемъ.
И наѣхалъ онъ станъ разбойницкій въ чистомъ полѣ;
Во тоёмъ стану во разбойницкомъ
Сидитъ красная дѣвушка подъ окошечкомъ,
Плачетъ она причитаючись,
Русую косу прижимаючись:
— Вчерась моя косынька была призаплетена,
— Сегодня моя косынька порастреплена,
— Порастреплена въ полону сидитъ,
— Въ полону сидитъ подъ неволею,
— Во томъ стану во разбойницкомъ.—
Услыхалъ то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Повыломилъ онъ дверцы дубовыя,
Бралъ эту дѣвушку подъ правую подъ пазушку,
Садился на добра коня богатырскаго,
Пріѣхалъ Михайла въ стольно-Кіевъ градъ,
Привозилъ-то эту красну дѣвушку.
Усмотрѣла его молода жена,
Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая,
Стала она да усомлятися:
« Что ѣздитъ мой мужъ по Кіеву за б......ы [1]. »

---

[1]) Пропѣвши эту старину, пѣвецъ припомнилъ пропуски, которые по его словамъ нужно размѣстить такъ: послѣ 57-го стиха —

Принимали оны золоты вѣнцы,
Оны заповѣдь великую покладали между собой:
« Который, де, изъ насъ впереди помретъ,
« Живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ леци
« На трое сутокъ на времени.»
Стали жить да быть, долго здравствовать.

Послѣ стиха 81-го—

И сдѣлалась она нездоровая,
И тутъ она скоро преставилась.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сковалъ три прута мѣдныихъ и три желѣзныихъ,
Сковалъ клещи желѣзные
И приказалъ сколотить домовище великое,
Чтобы въ одно домовище двоимъ леци.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Уходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зеленò вино.
На тую пору на времячко
Изъ той изъ Литвы изъ поганоей
Пріѣхалъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичъ,
Сталъ онъ звать за собя Марью Лебедь Бѣлую;
И пошла за него за мужъ Марья Лебедь Бѣлая.
Оны сѣли на добрыхъ коней, уѣхали,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сидитъ—пьетъ да проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ во царевъ кабакъ
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Говорилъ Илья таковы слова:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты пьешь зелено вино, проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Твоя же молода жена,
— Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Зачѣмъ берешь съ собой три прутика мѣдныихъ,
— Три желѣзныихъ и клещи желѣзные?—
Отвѣтъ держалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
« Ради того беру съ собой прутья мѣдные и желѣзные,
« И клещи беру желѣзные,
« Чтобы къ моему ко гробу не плавала змѣя подземельная
« И не точила бы мого тѣла бѣлаго. »
Положили ихъ въ одно домовище
И спускали въ могилу глубокую.
И ко тоему гробу приплываетъ змѣя подземельная.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Беретъ клещи онъ желѣзные,
Прихватилъ тую змѣю подземельную,
И билъ ю прутьями мѣдныма,
И билъ ю прутьями желѣзныма.
И обвернулась она Марьей Бѣлой Лебедью,
И давала заповѣдь великую
Не дѣлать впредь никаковыхъ пакостей.

— За мужъ ушла за Татарина поганаго,
— За царскаго сына Өедора Иванова.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Обулъ себѣ лапотики шелковенькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На головку шляпку земли греческой,
И пошелъ онъ въ эту во темну́ орду.
Приходилъ онъ къ Татарину поганому
Къ тому Өедору Иванову на широкъ дворъ,
Становился подъ окошечко косявчето,
Воскричалъ-то онъ во всю голову:
« Ай же ты, царскій сынъ Өедоръ Ивановичъ!
« Сотвори-тко ты мнѣ милостинку,
« Да не рублямы я беру, не полтинкамы,
« А беру я цѣлыма тысячмы ».
Какъ посмотрѣла въ окошечко
Его-то молода жена, Марья Лебедь Бѣлая,
И говоритъ она таковы слова:
— Ай же, мой любимый мужъ, Өедоръ Ивановичъ!
— Пришелъ ко мнѣ прежній мужъ:
— Веди его въ палаты бѣлокаменны,
— Садись-ка съ нимъ за единый столъ,
— Корми-тко его ѣствушкой сахарнею,
— Пой-ка его питьицемъ медвяныимъ
— И дари-тко ему дары драгоцѣнные.—
И выходилъ-то царскій сынъ на широкій дворъ,
И просилъ къ собѣ въ палаты бѣлокаменны.
И заходили въ палаты бѣлокаменны,
Садилися за столики дубовые,
И ѣли они ѣствушки сахарнія,
Пили они питьица медвяныя.
Этотъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичъ
Во эты во хмѣльны во напиточки
Спущалъ да зелья спящаго,
Спящаго зѣлья, забудущаго.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

Гдѣ ѣлъ да пилъ, тутъ и спать уснулъ.
Взяли Михайла Потыка сына Ивановича,
Стащили его во глубокъ погребъ,
Приковали къ стѣны на гвоздики.
У этого у сына у царскаго была сестра родная,
Сестра родная, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична:
Она въ Михаилу Потыка влюбилася
И взяла—отняла его отъ стѣны прикована,
Стала его раночекъ кровавыихъ заращивать,
Стала его добра молодца удабривать,
И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Поѣхалъ съ молодой женой
Съ Марьею Лебедью Бѣлою
По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична
Говоритъ Михайлы Потыку сыну Иванову:
— Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Поди-тко по нашему по городу:
— Гдѣ сустигнешь сына царскаго
— Со своей со прежней молодой женой,
— Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай.—
И сама за нимъ въ слѣдъ пошла засматривать.
Какъ онъ насмотрѣлъ ихъ по царству ѣдучись,
Такъ и увидѣла его Марья Лебедь Бѣлая,
И говоритъ свому мужу Ѳедору Иванову:
— Мой прежній мужъ опять живъ идетъ:
— Наливай-ка чару зелена вина
— Да спусти ему зелья спящаго.—
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Наливалъ ему чару зелена вина
И спущалъ ему зелья спящаго;
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Хотитъ эту взять чару зелена вина;

И говоритъ ему дочи царская:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
— Не пей-ка этой чары зелена вина:
— Если выпьешь, и самъ погинешь, и меня сгубишь.—
Не пошелъ онъ за чарой зелена вина,
Вынималъ-то саблю булатнюю,
Убивалъ онъ сына царскаго
И убилъ Марью Лебедь Бѣлую.
А взялъ за собя дочи царскую
Прекрасную Анну королевичну.
И тутъ-то они стали жить да быть,
Добра наживать, отъ лиха избывать.

13.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(Гильферд. № 86).

Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки шиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбьея,
На головушкахъ были шляпки земли греческой.
Приходили оны въ хоробру Литву,
Ко тому королю Литовскому на широкій дворъ,
Становились подъ косявчето окошечко
И попросили-то они милостины:
« Ай же ты, король Литовскій!
« Сотвори-тко намъ милостину, каликамъ перехожіимъ:
« Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,
« Беремъ-то мы цѣлыма тысячмы ».
Отъ ихъ отъ покриковъ богатырскіихъ
Околенки во теремахъ поразсыпались,

Маковки во теремахъ покривились.
Король вводилъ ихъ во палаты бѣлокаменны,
Кормилъ онъ ихъ ѣствушкой сахарнею
И поилъ ихъ питьицемъ медвяныимъ,
И дарилъ имъ дары драгоцѣнные.
Говорилъ король таковы слова:
« Не калики есте перехожіи,
« Есть вы русскіе могучіе богатыри...—

(Не кончено; Рябининъ не помнилъ далѣе.)

14.

СТАВЕРЪ.

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богàтырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались,
А только сидитъ одинъ Ставёръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣстъ не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы настоялыма,
Подносилъ ко Ставру̀ сыну Годиновичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
« Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
« Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,
« Самъ ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь?
« Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати? »

Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ощё есть у Ставра чимъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тощится;
— Да още есть у Ставра чимъ похвастати,—
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей-бояръ пріобманетъ,
— Самого тебя Владиміра съ ума сведетъ.—
Говорилъ Владиміръ таковы слава:
« Ай же, мои слуги вѣрные!
« Берите-тко Ставра сына Годиновича
« За него за ручушки за бѣлыя,
« За него за перстни за злаченые,
« И ведите-ка на погреба холодные
« За него за рѣчи неумильныя».
Взяли Ставра сына Годиновича
За него за ручушки за бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,
И свели его на погреба холодные.

Провѣдала его молода жена,
Молода Василиста Микулична,
Что ей любимый мужъ, Ставеръ сынъ Годиновичъ
Въ полону сидитъ на погребѣ холодноемъ.
Въ тотъ часъ Василиста Микулична
Пошла по палаты бѣлокаменной,
По своей по комнаты по богатырскоей,
Воскричала-то она во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
« Ай же вы, служанки мои вѣрныя!
« Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро на скоро,
« Рубите-тко мои косы русыя,
« Несите-ка мнѣ платьица посыльныя
« Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго. »

Подбѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
Скорешенько отрубили ёй ты косыньки русыя,
Одѣли ёй одежицы посыльныя
И засѣдлали ёй добра коня богатырскаго.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырскаго,
Поѣхала она посломъ въ стольно-Кіевъ градъ.
Пріѣхала ко князю Владиміру на широкъ дворъ,
Шла она во палату бѣлокаменну,
На пяту дверь поразмахиватъ.
Ступила своёй ножкой правою
Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гриднѣ постряхнулися,
Околенки хрустальны поразсыпались.
Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
Называлася посломъ со славной земли Гленскія.
Тутъ она у князя у Владиміра
Посваталась на прекрасной дочери любимоей.
Говоритъ дочи̂ князя Владиміра:
« Батюшка, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Не выдай дѣвчины за женщину:
« Походочка у посла-то частенькая,
« На мѣсто сядетъ, ноги жметъ, вещины бережетъ,
« А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!
— Истопите-тка парную баенку,
— Умыться и попариться послу во парной во баенкѣ;
— Я самъ схожу съ посломъ во парную во баенку.—
Истопили парную баенку,
Приходилъ посолъ во парную во баенку,
Скоро на скоро умылся и упарился,
И на стрѣту идетъ ко князю ко Владиміру.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что же ты, посолъ земли Гленскія,
— Скоро умылся во парной во баенкѣ?—
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!

« Мое дѣло есть дорожное
« И мое дѣло есть посыльное:
« Мнѣ не долго проклаждатися во баенкѣ».
Пришли они въ палату бѣлокаменну,
И проситъ она борца-поединщичка,
Побороться ей надо объ одной ручкѣ [1])...
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
— А не отдать Ставра, разгнѣвить посла.—
Приводили Ставра на широкъ дворъ
Со славнымъ посланникомъ боротися.
Середи двора они становилися,
На борьбу-рукопашку сходилися.
Тотъ посолъ земли Гленскія
Поборолъ Ставра сына Годиновича.
Здынула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Называла его любимою семеюшкой,
Семеюшкой, законною сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:
« Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
« Не учись-ка впредь женою хвастати:
« Самъ ты погинешь и меня сгубишь! »
Тутъ они садились на добрыхъ коней,
Поѣхали во свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, да долго здравствовать.

---

[1]) Здѣсь очевидно пропускъ: я обратилъ на это вниманіе пѣвца, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Василиста поборола всѣхъ борцовъ поединщиковъ. Илья Муромца еще не было при князѣ Владимірѣ, а Добрынюшка Никитичъ былъ слабѣе и меньшой дочери Микулы Селяниновича, Настасьи. Тогда Василиста потребовала Ставра.

15.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

(Гильфердъ. № 84.)

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На всѣхъ могучіихъ русскихъ богàтырей.
Было на томъ пиру двѣ вдовы:
Первая вдова честна Блудова жена,
А дру̀гая вдова была купецъ-жена.
Ко честной вдовы честно-Блудовой жены
Подносили къ ёй чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра.
Честная вдова честно-Блудова жена
Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
Брала эту чарочку во бѣлы руки,
За этой за чарочкой посваталась
За своего за сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блудовича,
У честной вдовы у купецъ-жены
На прекрасной купецъ-вдовы дочери.
Честная вдова купецъ-жена
Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
Брала отъ ёй чарочку въ бѣлы руки,
Назадъ-то ёй чарочку повыплеснула,
Кунью шубоньку всю о̀блила,
К...., б.... оклескивала [1]),
Говорила-то она таковы слова:
« Глупая ты вдова, честно-Блудова жена:
« Дойдетъ ли Офимьюшку взять за собя,
« Да за свого Хотинушку за Блудовича?
« Сидитъ-то моя Офимьюшка во теремѣ,
« Во славноемъ во теремѣ, въ златомъ верху:

---

[1]) *Оклескивать*, давать кличку, обзывать.

« На ню красное солнышко не оппекётъ,
« На ню буйные вѣтры не оввѣютъ,
« Многіе люди не обгалятся.
« Какъ твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
« Ѣздитъ Хотинка по городу,
« Уродуетъ [1]) со своимъ со паробкомъ любимымъ,
« Ищетъ бобоваго зерненка,
« А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить».
Честная вдова честно-Блудова жена,
Со честна пира пошла она не весела,
Прикручинивши пошла, припечаливши,
Приклонила буйну голову къ сырой земли,
Очи ясные втопила во сыру землю.
Подходитъ-то ко своему ко терему высокому.
Со того со терема высокаго,
Со того окошечка косявчета,
Скрозь это хрустальное стеколышко,
Усмотрѣлъ-то Хотинушка Блудовичъ,
Что идетъ его матушка съ честна пира,
Со честна пира идетъ она не весела;
Выскочитъ Хотинушка на крутой крылецъ,
Говорилъ Хотинушка таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
« Что же ты идешь съ честна пира не весела?
« Али мѣсто было въ пиру не по люби,
« Али чарою тобя пообнесли,
« Али пьяница-дуракъ пріобгалился?»
Говоритъ вдова таковы слова:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
— Молодой Хотинушка Блудовичъ!
— Мѣсто въ пиру мнѣ было по люби,
— Чарою меня не пообнесли,
— Да и пьяница-дуракъ не пріобгалился;
— Насмѣялась надо мною честная вдова,
— Честная вдова купецъ-жена.

[1]) *Уродовать*, юродствовать.

— Подносили ко мнѣ чару зелена вина,
— И не малую стопу—полтора ведра;
— Я за этой чарочкой посваталась
— За тобя Хотинушку за Блудовича
— У честной вдовы у купецъ-жены
— На прекрасной Офимьѣ купецъ-дочери.
— Честная вдова купецъ-жена
— Брала мою чарочку въ бѣлы руки,
— Назадъ чарочку повыплеснула,
— Мою кунью шубоньку облила,
— Меня к....., б.... оклёскивала,
— Говорила она мнѣ таковы слова:
— « Глупая ты вдова, честно-Блудова жена!
— « Дойдетъ ли Офимьюшку взять за себя,
— « Да за своего Хотинушку за Блудова?
— « Сидитъ-то моя Офимьюшка во теремѣ,
— « Во славноемъ во теремѣ, въ златомъ верху:
— « На ню красное солнышко не о̀ппекётъ,
— « На ню буйные вѣтры не о̀ввѣютъ,
— « Многіе люди не обгалятся.
— « А твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
— « Ѣздитъ Хотинушка по городу,
— « Уродуетъ со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
— « Ищетъ бобовьяго зерненка,
— « А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить. » —
Говорилъ Хотина таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
« Въ честь я Офимью за себя возьму,
« А не въ честь Офимью за товарища,
« За своего ли за паробка любимаго».
Повернется Хотина на одной ножкѣ,
Скоро шелъ въ палаты бѣлокаменныя,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватилъ паличку булатнюю подъ пазушку.
Скоро шелъ Хотина на широкъ дворъ,
Садился на добра коня на сѣдлана;

Повыѣхалъ Хотина во чисто поле,
Сталъ онъ по чисту полю поѣзживати:
Сердце въ немъ разгорается,
Кровь-то въ немъ распылалася,—
Бралъ-то онъ плеточку шелковую,
Билъ-то коня по тучнóй бедры́,
Давалъ ёнъ удары великіе,
Да со всея силы богатырскія.
Такъ онъ ѣздилъ по раздольицу чисту полю,
Шуточки шутилъ онъ не малыя:
Кидалъ палицу булатнюю подъ облаку,
Подъѣзжалъ-то Хотина на добрóмъ конѣ,
Подхватывалъ-то паличку одной рукой,
Какъ лебѐдинымъ перышкомъ поигрывалъ:
Не малая та паличка булатняя:
Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
Онъ разъѣхался съ раздолья изъ чиста поля
Ко славному ко терему, злату верху,
Билъ-то онъ палицей булатнеей
По славному по терему, злату верху,
Билъ-то онъ палицей нежалухою
Со всея со силы богатырскія:
Палица въ рукахъ погибалася,
По маковкамъ она отломилася,
Во теремѣ околенки разсыпались,
На теремѣ всѣ маковки покри́вились.
Соскочитъ Хотина со добра коня,
Подходитъ онъ ко терему, злату верху,
Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталъ онъ дверцы выставливати;
Приходитъ онъ во теремъ, во златой верёхъ:
Ходитъ Офимьюшка купецъ-дочи̂
По славному по терему, по злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
У ней русая коса-то пораспущена.
Говорилъ Хотина ёй Блудовичъ:

« Ай же ты, Офимьюшка, купецъ-дочи!
« Идешь ли ты за мужъ за Хотинушка,
« За того Хотину за Блудовича? »
Говоритъ Офимья таковы слова:
— Три года я Господу молилася,
— Чтобъ попасть мнѣ за мужъ за Хотинушка
— За того Хотину за Блудовича. —
Бралъ то онъ за ручушки за бѣлыя,
За нея за перстни за злаченые,
Цѣловалъ ю во уста во сахарнія
За нея за рѣчи за умильныя,
Вывелъ ю со терема, злата верха.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному по городу по Кіеву.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Пріѣхалъ во свои въ палаты бѣлокаменны
Ко своёй ко родимой ко матушкѣ,
Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родимая матушка,
« Честна вдова, честно-Блудова жена!
« Въ люби-то я Офимьюшку взялъ за собя ».
Сходили-то во матушку Божью церкву̀,
Оны Господу Богу помолилися,
Ко Господнему кресту приложилися,
Приняли собѣ оны чудны вѣнцы,
Стали жить да быть, много здравствовать.

16.

ДЮКЪ.

(Гильфердъ. № 85.)

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго Волынъ-города,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя;

Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хотитъ на князя на Владиміра
И на русскихъ на могучихъ на богатырей.
Говоритъ ему родна матушка,
Честна вдова Настасья Васильевна:
« Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ!
« Хоть ты сряжаешься во стольно-Кіевъ градъ,
« Посмотрѣть хотишь на князя на Владиміра
« И на русскихъ на могучихъ на богатырей,
« А охвочь ты упиваться въ зелено вино:
« Такъ ты не хвастай-ка своимъ художествомъ [1])
« Супротивъ русскихъ могучіихъ богатырей ».
Садился Дюкъ на добра коня,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Кіеву.
И пріѣхалъ къ князю ко Владиміру на широкій дворъ,
Вшелъ-то онъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ-отъ онъ клалъ по писаному,
Поклоны велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
И спросилъ-то онъ про князя про Владиміра.
Владиміра-то въ домѣ не случилося:
Ушелъ-то князь Владиміръ во Божью церкву,
Господу Богу помолитися,
Ко Господнему кресту приложитися.
Идетъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
По славному по городу по Кіеву.
И заходилъ онъ во матушку во Божію церкву,
Крестъ-отъ онъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
По праву руку Владиміра

[1]) Отъ *худоба*, небольшое хозяйство, имѣніе; *художество* здѣсь то же самое, что въ другихъ былинахъ „*животишки* сиротскіе“.

Стоитъ молодой Добрынюшка Никитинецъ,
По лѣву руку Владиміра
Стоитъ Чурилушка Пленковичъ.
Владиміръ князь сталъ у молодца выспрашивать:
« Ты скажи-тко, молодецъ, провѣдай-ка,
« Ты коей орды, да изъ коей земли,
« Тобя какъ-то молодца именемъ зовутъ,
« Звеличать намъ удалого по отечеству? »
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ:
— Есть я изъ Галицы проклятыя,
— Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
— Со славнаго съ богата Волынъ-города,
— Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ.—
Говоритъ Чурила таковы слова:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Во глазахъ мужикъ-то усмѣхается,
« Во глазахъ-то онъ да подлыгается:
« Походочка-то есть въ немъ не Дюкова,
« Поговорюшка не Дюкова,
« Должѐнъ быть холопина дворянская ».
Это слово Дюку не слюбилося,
Не слюбилося то слово, не къ люби пришло.
Оны Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да приложилися,
Выходили-то со матушки со Божьей церквы,
То пошли оны по городу по Кіеву,—
Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Сталъ загадочки Владиміру отгадывать [1].
Говорилъ-то Дюкъ да таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ощѐ въ Кіевѣ у васъ все не по нашему:
« У васъ настланы мосточики кирпичные
« И порученки [2]) положены калиновы;
« Пойдешь по мосточикамъ кирпичныимъ,

---

[1]) *Загадки отгадывать*—задавать загадки.
[2]) *Порученки*—перила.

« Мѣдное гвоздье-то пріущиплется,
« Цвѣтное-то платье призабрызжется.
« Какъ во нашей во славной Индѣюшки въ богатыя
« И во славномъ богатомъ Волынъ-городѣ,
« У моей у родителя-матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны
« Настланы у нёй мосточики калиновы,
« Порученки положены серебряны,
« И настланы-то у ней сукна кармузинныя:
« И пойдешь по мосточикамъ калиновымъ,
« По этыимъ по сукнамъ кармузинныимъ,
« Мѣдное гвоздье не ущиплется,
« Цвѣтно платьице на насъ да не забрызжется».
Къ тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
Какъ вошли оны въ палаты бѣлокаменны
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
И во этыя во гредни во столовыя,
И садилися за столики дубовые
И за тыя за скамеечки окольныя,
Стали исть-то ѣствушку сахарнюю,
Подносили калачиковъ имъ пшенныихъ.
Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Беретъ калачикъ въ руки пшенныій,
Корочку кругомъ кусалъ,
А середочку-то онъ кобелямъ бросалъ.
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« У васъ все въ Кіевѣ не по нашему:
« Сдѣланы-то бочечки дубовыя,
« И набиваны обручики еловые,
« И положено-то свѣжей ключевой воды,—
« Тутъ у васъ и калачики мѣсятъ;
« Покладены-то печечки кирпичныя,
« Топлены-то дровца еловыя,
« Подѣланы помялышки сосновыя,—
« Тутъ у васъ и калачики пекутъ.
« Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя

« И во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
« У моей у родителя у матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
« Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
« И обручики набиты золоченые,
« И положено медовъ туды стоялыихъ,—
« И тутъ у ней калачики мѣсятъ;
« Подѣланы-то печечки кирпичныя,
« И топятся дровца дубовыя,
« И сдѣланы помялышки шелковыя,
« И тутъ у насъ калачики пекутъ».
Владимiръ князь ко этымъ рѣчамъ не приметсл.
Подносили имъ хмельные напиточки,
Наливали чару зелена вина,
Подносили-то къ Дюку Степановичу;
Дюкъ Степановичъ, княженецкiй сынъ,
Беретъ-то эту чарочку во бѣлы руки,
Подносилъ онъ ко устамъ сахарнiимъ;
Эта водочка ему не понравилась,
Черезъ золотъ стулъ всю повыплескалъ
По той по славноей по горенкѣ,
Самъ онъ говорилъ да таковы слова:
« Ты Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« У васъ въ Кiевѣ все не по нашему:
« У васъ бочечки подѣланы дубовыя,
« Набиваны обручики еловые,
« Туды водочкой винцё у васъ положено,
« И во этыихъ во погребахъ глубокiихъ
« Водочкой винцё-то призадохнулось.
« Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя
« И во славноемъ богатомъ Волынъ-городѣ,
« У моей родителя у матушки,
« У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
« Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
« И обручики набиты золоченые,
« Туды водочкой винцё у ней положено,
« И на цѣпи на мѣдныя повѣшено,

« Туды подведены вѣтры буйные:
« Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
« Пойдутъ воздуха по погребамъ,—
« Никогда тамъ водочкой винцё не задохнется:
« Какъ чарочку-то выпьешь,
« По другой душа горитъ ».
Владиміръ князь ко этымъ рѣчамъ онъ не приметсяя.
Ко этымъ ко столикамъ дубовымъ
Подходитъ Чурилушка Пленковичъ
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Говорилъ ему Чурила таковы слова:
« Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался
« Своимъ имѣньемъ и богачествомъ?
« Ударимъ-ка со мною о великъ закладъ
« На три году поры-времени,
« Чтобъ проѣздить намъ по городу по Кіеву
« На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ,
« На собѣ носить одежицу бы смѣнную,
« Смѣнную одежицу-то каждый день,
« Каждый день носить одежа снова на́ ново,
« Снова на́ ново да что ни лучшая ».
Говоритъ ему Дюкъ таковы слова:
« Просишь ты, Чурила Пленковичъ,
« Бить со мною о великъ закладъ:
« Какъ живешь ты въ своемъ стольно-Кіевѣ,
« Кладовыя-то полны одежицы наполнены;
« А мое вѣдь дѣло есть дорожное,
« Мое платье, стало, здѣсь завозное ».
И ударилъ съ нимъ Дюкъ Степановичь о великъ закладъ
На три году поры-времени,
Чтобъ проѣздить имъ по городу по Кіеву
На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ,
На себѣ носить одежицу бы смѣнную,
Смѣнную одежицу-то каждый день,
Каждый день носить одежа снова на́ ново,
Снова на́ ново одежа драгоцѣнная.

Тутъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Скорешенько садился на черленый стулъ,
Скоро онъ писалъ письма скорописчаты,
Писалъ-то онъ эты письма, запечатывалъ,
Полагалъ во сумки переметныя,
И выходилъ-то Дюкъ на широкій дворъ
Къ своему коню ко богатырскому,
Полагалъ онъ эты сумки переметныя
Подъ славное сѣделышко Черкасское
И отпущалъ добра коня да во чисто поле.
Пошелъ-то его добрый конь чистымъ полемъ
Во славную Индѣюшку въ богатую.
Прибѣгаетъ добрый конь на широкій дворъ,
На широкій дворъ на княженецкиій.
Усмотрѣли его Дюковы конюхи любимые,
Что прибѣжалъ-то добрый конь отъ Дюка Степановича,
И сказали его родителю-матушки,
Честной вдовы Настасьи Васильевной:
« Видно, нѣтъ жива Дюка Степановича ».
Тутъ она скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
Подходила ко добру коню,
Сама горько она заплакала,
И говорила-то она таковы слова:
— Мой любимый сынъ Дюкъ Степановичъ
— Положилъ буйну головушку
— На матушкѣ на святой Руси! —
И подходятъ къ ему конюхи любимые,
И стали какъ добра коня разсѣдлывать,
И подъ этыимъ сѣделышкомъ Черкасскіимъ,
На томъ на потницькѣ семишолковомъ
Нашли оны сумки за печатямы,
Подаютъ оны честной вдовы Настасьи Васильевной.
Беретъ она скорѐнько во бѣлы руки,
Скоро на скоро сумочки распечатала,
Она вскорѣ-то смотрѣла эти письма скорописчаты,
Весьма-то она дѣло взрадовалася,
Что живъ-то ея любимый сынъ,

Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ.
Приказала своимъ конюхамъ любимыимъ
Насыпать коню пшены бѣлояровой,
Подносить велитъ свѣжей ключевой воды;
Сама скоренько шла въ палаты бѣлокаменны,
Брала-то она золоты ключи,
Шла она во погреба глубокіе,
Съ собою брала-то оцѣнщичковъ,
Оцѣнщичковъ брала и разцѣнщичковъ.
И складали, и укладали одежицу драгоцѣнную
И дали смѣты на три году поры-времени,
Всякой день носить одежда снова на ново,
Снова на ново одежда драгоцѣнная.
Приказала своимъ конюхамъ любимыимъ
Сѣдлать коня да богатырскаго:
Подъ сѣделышко Черкасское
Полагали потничекъ оны шелковенькій,
Шелковенькій потничекъ не дёржаный,
И подъ этотъ потничекъ полагали письма скорописчаты,
И ко этому сѣделышку Черкасскому
Привязали-то одежи драгоцѣнныя,
И отпущали коня въ стольно-Кіевъ градъ.
Шелъ-то добрый конь чистымъ полемъ,—не замѣшкался,
Онъ скорешенько прибѣжалъ въ стольно-Кіевъ градъ
Ко князю ко Владиміру на широкій дворъ.
Выходилъ Дюкъ Степановичъ на широкъ дворъ.
Отъ эвтого сѣделышка Черкасскаго
Онъ снимаетъ одежицу драгоцѣнную,
Изъ-подъ потничка шелковенькаго
Вынимаетъ онъ письма скорописчаты
Отъ своей родителя отъ матушки,
Отъ честной вдовы Настасьи Васильевны.
Пришелъ въ палату бѣлокаменну
И одѣлъ одежи драгоцѣнныя.
И поѣхали по городу по Кіеву
Съ молодымъ Чурилушкой Опленковымъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ.

Стали оны ѣздить-то день за день,
День за день и още годъ за годъ,
Проѣздили поры-времени по три году,
Послѣднiй день поѣхали къ заутрени Христосьскiя [1]),
Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистыимъ серебромъ,
Другая строчена красныимъ золотомъ;
Въ пуговки воплетано по доброму по молодцу,
Въ петельки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застенутся, такъ обоймутся,
А разстенутся [2]), и поцѣлуются.
Поглянулъ Владимiръ на праву руку
На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорилъ-то Владимiръ таковы слова:
— Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкiй сынъ,
— Прозакладалъ все свое имѣнiе-богачество!—
А молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкiй сынъ,
Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка строчена въ одежицѣ чистыимъ серебромъ,
Другая строчена красныимъ золотомъ;
Въ пуговки воплетано по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застёнутся, такъ обоймутся,
А разстёнутся, и поцѣлуются;
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька:
Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзаду введёнъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
А на верховьицѣ шляпы быдто жаръ горитъ.
Говорилъ ему тихiй Дунаюшка Ивановичъ:
« Ты Владимiръ, князь стольно-Кiевскiй!
« Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
« Молодой Чурилушко Опленковичъ
« Прозакладалъ свою буйную головушку ».

[1]) Заутреня въ 1-й день Пасхи у Заонежанъ называется Христосьскою, а у Пудожанъ Воскресенскою.

[2]) Застегнутся, разстегнутся.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному по городу по Кіеву
И ко ласкову князю ко Владиміру.
Пріѣхали оны на широкій дворъ,
И садилися за столики дубовые,
За этыя скамеечки окольныя,
Ѣсть-то оны ѣствушки сахарнія,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныихъ.
Подходитъ-то Чурилушка Пленковичъ,
Подходитъ онъ ко столикамъ дубовыимъ
Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одниxъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Говорилъ Чурилушка таковы слова:
— Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
— Своимъ великіимъ имѣніемъ-богачествомъ?
— Ударимъ-ка со мною ты въ великъ закладъ,
— Чтобы на своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ
— Намъ разъѣхаться съ раздольица чиста поля
— И скочить намъ черезъ матушку славную Нѣпру рѣку.—
Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Говоритъ ему вѣдь таковы слова:
« Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
« Тобѣ просто бить со мною въ великъ закладъ:
« Какъ твой-етъ богатырскій конь
« Стоитъ у своихъ у конюховъ любимыихъ,
« Ѣсть-то онъ пшену бѣлоярову,
« Испиваетъ свѣжу ключеву воду,
« А мое-то есть конишечко дорожное,
« Дорожное конишечко заѣзжено ».
Тутъ его сердце пріужахнулось,
Скоренько онъ бѣжалъ да на широкій дворъ,
Палъ-то онъ на стену [1]) на лошадиную,
Самъ-отъ онъ лежалъ, да выговаривалъ:
« Ай же ты, мой добрый конь богатырскиій!
« Не смѣю бить въ великъ закладъ, закладаться,

[1]) На стегну.

«Чтобы намъ съ Чурилушкой Опленковымъ
«Скочить черезъ матушку Нѣпру рѣку
«На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ».
Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
— Не убойся-тко страха, Дюкъ Степановичъ,
— Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
— Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
— На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныихъ,
— Не уступлю я братьямъ большіимъ,
— А не столько что братцу меньшему:
— Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
— А средній братъ у Добрыни Микитинца,
— А я третій братъ у Дюка Степановича,
— А четвертый ужъ братъ у Чурилы Опленкова.—
Тутъ онъ сшелъ въ палату бѣлокаменну,
И ударили оны во великъ закладъ,
И стали добрыхъ коней засѣдлывать.
Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Самъ выходилъ на широкій дворъ
И своими рукамы добра коня засѣдлывалъ,
Засѣдлывалъ онъ и улаживалъ.
И садился Дюкъ на добра коня
И поѣхали оны съ молодымъ Чурилушкою Опленковымъ
По славному раздольицу чисту полю,
И поразъѣхались съ раздольица чиста поля
Во всю-то оны пору лошадиную,
И скочили черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ:
Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добромъ конѣ на богатырскоемъ
За цѣлый за помахъ лошадиныій
И за цѣлую за версту онъ за мѣрную;
И зглянулъ онъ на правую на ручушку,
Какъ нѣтъ подлѣ него товарища
Молода Чурилушки Опленкова:
Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры пріогрюшился

Со добрымъ конемъ со богатырскіимъ.
Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку повыскочилъ
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащилъ
Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:
« Ай же, Чурилушка Пленковичъ!
« Не твое-то дѣло есть охвастати,
« Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,
« А твое дѣло столько ходить тобѣ по Кіеву,
« По Кіеву ходить тобѣ за бабамы».
И пріѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его Дюково имѣніе описывать и общѣнивать.
Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку Иванова,
Во вторыхъ още Василья Казимірова,
А во третьихъ смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича.
Сѣли оны на добрыхъ коней, поѣхали
И пріѣхали въ Индѣюшку богатую,
Ко Дюку Степановичу на широкій дворъ.
Не спущали оны коней на посыльный дворъ,
Ставили оны коней середи двора,
Пошли оны въ палату бѣлокаменну,
На пяту оны двери поразмахиваютъ,
Вошли-то въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ оны клали по писаному,
Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонялися.
Честной вдовы Настасьи Васильевной въ особину:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка! »
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,

— А есть я Дюковая рукомойница.—
Вошли оны во другой покой,
Опять низенько поклоняются:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка! »
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая портомойница.—
Вошли оны во третій покой,
Опять низенько поклоняются:
« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка! »
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая стольница.—
Проводили ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушки;
Поклоняются оны и удивляются:
« Здравствуешь честна вдова Настасья Васильевна,
« Дюкова Степанова матушка! »
Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:
— Вы удаленькіе дородни добры молодцы!
— Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
— Знать, сиротскаго имѣньица описывать?—
Говорятъ оны таковы слова:
« Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Степановичъ
« Описать свое имѣніе-богачество. »
Кормила ихъ ѣствушками сахарними,
Поила ихъ питьицами медвяными:
Чарочку выпьютъ, губы слипаются,
А другую выпьютъ, по третьей душа горитъ,
А четверта чарочка съ ума вонъ нейдетъ.
Повела ихъ она во погреба глубокіе,
Посадила ко сбруи лошадиной описывать и общѣнивать.
Описывали оны, общѣнивали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
По три года общѣнивали и по три дни,—

Не могли оцѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела ихъ она на погреба глубокіе
Описывать-оцѣнивать имѣніе-богачество.
Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Эты мужики оцѣнщики
Не могутъ оны смѣты дать,
Описать того имѣнія-богачества.
Тутъ писалы оны въ стольно-Кіевъ градъ
Ко славному ко князю ко Владиміру:
« Ты славный Владиміръ, стольно-Кіевскій!
« Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
На эты на бумаги (на гербовыя)
« Да на чернила-перья продай още Черниговъ градъ,
« Тогда можешь Дюково имѣніе описывать ».

17.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Жилъ Васильюшка Буслаевичъ.
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
« Есть бы у меня была дружинушка хоробрая,
« Тридцать молодцовъ безъ единаго,
« Самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыихъ,
« Такъ ѣхалъ бы я биться со всимъ Новымъ-градомъ »
Молодой Васильюшка Буслаевичъ
Садился-то онъ на черленый стулъ,
Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
Шелъ-то Василій на широкій дворъ,
Садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣхалъ по дорожкамъ по крестовыимъ,

Рылъ[1]) эти письма скорописчаты:
« Кто хочетъ сладко ѣсть, да красно носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
Молодой Васильюшка Буслаевичъ
Въ ноченьку спитъ на кроваткѣ тесовоей,
На перинкѣ на пуховоей;
Его ро̀дная матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
По утрышку ранешенько по терему похаживаетъ,
На свой на широкій дворъ посматриваетъ:
Нашло-то къ нимъ силушки на дворъ чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чёрна во̀рона;
Подходитъ къ своему сыну любимому
Ко тому Васильюшкѣ Буслаеву,
Говоритъ она таковы слова:
— Спишь ты, Васильюшка, проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Набралось къ тоби на дворъ силушки чернымъ черно,
— Чернымъ черно, какъ чёрна во̀рона.—
Молодой Васильюшка Буслаевичъ
Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
Бралъ-то черленый вязъ въ бѣлы руки,
Выходилъ Василій на широкій дворъ,
Говорилъ Василій таковы слова:
« Кто можетъ мой черленый вязъ повытерпѣть,
« Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ
« Сладко ѣсть и красно̀ носить ».
Пошли мужички со двора, заохкали:
— А будь ты проклятъ, Василій Буслаевичъ!
— Сладко мы не ѣли и красно не носили,
— А нажили усовы[2]) собѣ вѣчныя.—
Тутъ опять Васильюшка Буслаевичъ
Пришелъ въ свои палаты бѣлокаменны
И садился Василій на черленый стулъ,

---

[1]) Рыть—бросать.
[2]) *Усова*—усобица.

Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
И садился Василій на добра коня,
Ѣхалъ по дорожкамъ по крестовыимъ,
Рылъ тыя письма скорописчаты.
Въ этыхъ письмахъ у него было написано:
« Кто хочетъ сладко ѣсть, да красно носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
Пріѣзжали къ Василью на широкій дворъ,
Ко его палатамъ бѣлокаменнымъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ-то Васильюшка въ тридцатыихъ.
Свелъ онъ ихъ во теремъ, во златой верёхъ,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Дарилъ-то имъ дары драгоцѣнные.
Тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Идетъ къ нимъ силушки на стрѣту чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Напередъ этой силушки великія
Идетъ старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ колоколъ девяноста пудъ.
Говоритъ ему Васильюшка Буслаевичъ:
« Ай же ты, крестовый мой батюшка!
« Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
« А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни! »
Билъ его палицей булатней по головушкѣ
И расколоъ ему колоколъ девяноста пудъ.
. . . .

Изъ другихъ разнорѣчій извѣстно, что Василій побилъ мужиковъ Новгородскихъ. За это Мамелфу Тимоѳеевну позвали въ судъ и крѣпко тамъ разобидѣли. Къ сожалѣнію этого мѣста Рябининъ не помнилъ, а изъ поѣздки Василья въ Іерусалимъ въ памяти у него уцѣлѣлъ только слѣдующій отрывокъ:

. . . .
Пріѣзжалъ Васильюшка Буслаевичъ
Ко бѣлу горючу ко камешку.

На этомъ на камешкѣ подписано:
«Кто на эту гору захаживалъ,
«Тотъ оттуль живъ не выхаживалъ;
«Кто скочитъ черезъ этотъ бѣлъ горючъ камень,
«Тотъ буде живъ,
«А не скочитъ, не бывать живу».
Вся его дружинушка хоробрая
Перескочила черезъ бѣлъ горючъ камень.
Славный Васильюшка Буслаевичъ
Онъ скорешенько скочилъ черезъ бѣлъ горючъ камень
Похотѣлось ему Васильюшкѣ
Скочить назадъ черезъ горючъ камень:
И задѣлъ каблучкомъ за горючъ камень,
Тутъ ему Василью и славу поютъ.

18.

САДКО.

Жилъ-былъ Садкȯ, богатый гость.
Все-то у Садкȧ по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ,—
Все-то у Садка по небесному.
Говоритъ Садко, богатый гость:
«Ай же, слуги мои вѣрные!
«Возьмите безсчетной золотой казны по надобью,
«Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
Тутъ-то его слуги вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На другой день товару большѐ того.
Говорилъ Садко, богатый гость:
«Ай же, слуги мои вѣрные!

« Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На третій день товару больше того.
Опять говорилъ Садко, богатый гость:
« Ай же, слуги мои вѣрные!
« Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Строилъ онъ себѣ черленъ корабль:
Корму въ ёмъ строилъ по гусиному,
А носъ въ ёмъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному по камешку по яхонту;
Нагрузилъ-то онъ товару на черленъ корабль,
Поѣхалъ онъ по славну по синю морю:
Всѣ-то корабли вверхъ идутъ,
А Садковъ-то корабль остается...

(Не кончено: дальше Рябининъ не могъ припомнить.)

19.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то боръ разгорается,
Воспылалъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что надоть казнить Новгородъ да Опсково.
По горенкѣ на честномъ пиру похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговариватъ:

« Досталъ я перфилушку изъ Царя-града,
« Повывелъ я туманъ изъ синя моря,
« И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы:
« Хочу вывести измѣнушку со Опскова ».
Говоритъ его большій сынъ Иванушка Ивановичъ:
— Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Досталъ ты перфилушку изъ Царя-града,
— Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы;
— А не вывелъ ты тумана изъ синя моря,
— Да и не повывести измѣнушки со Опскова:
— У тебя измѣнщикъ за столомъ сидитъ,
— Онъ ѣстъ да пьетъ съ одной чашечки.—
Говоритъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Мнѣ скажи-тко про измѣнщика великаго ».
Молодой Иванушка Ивановичъ закручинился,
Закручинился онъ и запечалился:
— На братца мнѣ-ка сказать, братца не видать;
— На себя сказать, мнѣ живу не бывать.—
Говорилъ Иванушка Ивановичъ:
— Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какъ мы шли-то съ Новгорода до Опскова,
— Мы-то шли по правую руку Волхова,
— А по лѣвую руку Волхова шелъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Такъ онъ дѣлалъ измѣнушку великую:
— Казнилъ онъ только стараго да малаго,
— А что ни лучшій онъ народъ садилъ во погреба,
— Опосля онъ выпущаетъ ихъ на бѣлый свѣтъ.—
Говоритъ тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Громкимъ голосомъ, да во всю голову:
« Ай же вы, мои слуги вѣрные,
« Палачи мои немилосливые!
« Берите-ка моего сына царскаго,
« Того ли Ѳедора Иванова,
« За него за ручушки за бѣлыя,
« За него за перстни за злаченые,
« Ведите-тко на поле на Куликово,
« На это-то на мѣсто на торговое,

« Срубите-тко ему буйную головушку
« За него измѣнушку великую ».

Всѣ тутъ палачи затулялися,
Не смѣютъ подойти ко сыну ко царскому
И не смѣютъ казнить сына царскаго.
Молодой Иванушка Скурлатовъ сынъ,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то онъ ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Ѳедору Ивановичу,
Беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Повелъ его на поле на Куликово,
На этое на мѣсто на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.—
Этая царица Московская,
Молода Настасьюшка Романовна,
Видитъ: дѣло есть не малое,
Не стало у ней сына любимаго;
Бѣжитъ она по славной каменной Москвы
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одніихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушкѣ Романовичу,
На пяту она дверь поразмахиваетъ.
Поглянулъ туда Микитушка Романовичъ,
Говорилъ-то Микита таковы слова:
« Подошла-то ко мнѣ гостейка незваная,
« Незваная гостейка и нежданая! »
Говоритъ ему Настасья Романовна:
— Ай же ты, мой братецъ родимый,
— Молодой Микитушка Романовичъ!
— Сидишь-то ты во теремѣ, златомъ верху,
— Видно, надо мной незгодушки не вѣдаешь:
— Не стало моего сына любимаго,
— Того ли Ѳедора Ивановича,—

— Повелъ его Иванушка Скурлатовъ сынъ
— На тое на поле на Куликово,
— На мѣсто на торговое,
— Срубить-то ему буйная головушка.—

Молодой Микитушка Романовичъ
Онъ скорешенько скочилъ какъ на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватилъ паличку булатнюю подъ пазушку.
Бѣжитъ-то Микита на широкій дворъ,
Онъ садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣхалъ онъ по славной каменной Москвы,
Ѣхалъ Микитушка онъ улицмы,
Перемахивалъ Микита переулкамы,
И кричалъ Микитушка во всю голову,
Во всю голову кричалъ громкимъ голосомъ:
« Если кто показнитъ сына царскаго,
« Того я разжалую;
« Кто не показнитъ сына царскаго,
« Того я пожалую ».
Скурлатовъ сынъ Иванушка разслухался,
Поразслухался и пораздумался:
« Царскій сынъ-то не простой мужикъ,
« Чѣмъ нибудь меня, можетъ, и пожалуетъ! »
Молодой Микитушка Романовичъ,
Онъ скорешенько наѣхалъ на добромъ конѣ,
Соскочилъ-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимаго:
Стоитъ дѣтинушка Скурлатовъ сынъ,
Во рукѣ онъ держитъ ножъ булатній;—
Молодой-то Ѳедоръ Ивановичъ
Положенъ на плаху на дубовую;—
Хочетъ онъ срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романовичъ
Беретъ онъ крестничка за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,

Становилъ-то онъ его на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ его во уста во сахарнія,
Называлъ его крестничкомъ собѣ любимымъ.
И схватилъ-то онъ дѣтинушку Скурлатова,
Положилъ его на плашку на дубовую,
Срубилъ ему буйную головушку,
Срубилъ головушку, выговаривалъ:
« Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть,
« И не тобѣ собакѣ насмѣхатися,
« И не тобѣ казнить сына царскаго! »
Говорилъ-то Өедоръ Ивановичъ:
— Ай же ты, мой крестовый батюшка,
— Молодой Микитушка Романовичъ!
— Самъ-то погинешь, и меня сгубишь:
— Нашъ батюшка—Грозный царь Иванъ Васильевичъ.—
Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
« Не убойся-тко ты, крестничекъ любимый:
« Ты живъ,—и я буду живъ ».
Охватилъ его шубонькой куньею,
Садился на добра коня
И поѣхали по славной каменной Москвы;
Пріѣхалъ въ свои палаты бѣлокаменны,
Ко своей сестрицы ко родимыя,
Къ молодой Настасьюшкѣ Романовны.
Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимаго:
Тутъ ей сердце взрадовалося,
Тутъ ей слезушки-то пріутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
Во свои палаты бѣлокаменны.
   Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Схватился за своего за сына за любимаго:
Не стало своего сына любимаго.
Онъ дѣлалъ повелѣніе въ каменной Москвы
И во всемъ царствѣ Московскоемъ,
Чтобы народъ-люди постилися,
И ходили бы во матушку Божью церкву,

Господу Богу молилися,
И носили бы одежицы опальныя.
Идетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во матушку Божью церкву
Со своей царицею Московскою,
Настасьею Романовной,
И со своимъ сыномъ любимыимъ
Иванушкой Ивановичемъ.
Приходитъ онъ во Божью церкву
Въ одежицы опальныя.
Молодой Микитушка Романовичъ
Приходитъ во матушку Божью церкву
Что ни лучшія въ одежицы драгоцѣнныя,
Пришелъ къ царю, да и проздравствовалъ:
— Здравствуй, батюшка, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своей любимою семеюшкой, моей сестрицей любимою,
— Царицей Московскою Настасьей Романовной,
— Со своима любимыма со дѣтушкамы:
— Съ Иванушкой Ивановичемъ и Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Что ты въ глазахъ насмѣхаешься,
« Надо мною ты подлыгаешься?
« Али надо мной незгодушки не вѣдаешь,
« Что не стало у меня сына любимаго,
« Того ли Ѳедора Ивановича?
« Уведенъ онъ на поле на Куликово
« У того Иванушки Скурлатова,
« Положенъ на плашку на дубову,
« Срублена ему буйна головушка
« За него измѣнушку великую. »
Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
— Есть бы кто тебѣ сына жива привелъ,
— Того чѣмъ бы ты пожаловалъ?—

Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Есть бы кто ко мнѣ сына жива привелъ,
« Дарилъ бы я города съ пригородкамы,
« Села дарилъ бы со приселкамы,
« Бояръ дарилъ бы со крестьянамы,
« И дарилъ бы я безсчетну золоту казну,
« Силу (армію) дарилъ бы великую
« И дарилъ бы я одежицы драгоцѣнныя ».
Молодой Микитушка Романовичъ
Выпустилъ сына царскаго изъ подъ правыя съ-подъ пазушки.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Не цѣлуетъ онъ сына любимаго,
А цѣлуетъ онъ Микитушка Романовича,
И говоритъ онъ Микиты таковы слова:
« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Чимъ тобя теперь пожаловать?
« Города ли ты берешь съ пригородкамы,
« Али села берешь со приселкамы,
« Бояръ ли ты берешь со крестьянамы,
« Али силушку (армію) великую,
« Али безсчетную золоту казну,
« Али одежицы берешь драгоцѣнныя? »
Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
— Не беру я городовъ съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селъ со приселкамы,
— Не надо мнѣ бояръ со крестьянамы,
— Не надо мнѣ силы (арміи) великія,
— Не надо мнѣ безсчетной золотой казны,
— Да и не надо мнѣ одежицы драгоцѣнныя:
— У меня силушка велика въ могучихъ плечахъ,
— Есть безсчетной золотой казны по надобью,
— Одежица драгоцѣнная на мнѣ-то не держится,
— Есть подъ Микитой богатырскій конь.
— А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
— Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
— Да ушелъ въ Микитину вотчину,

— Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.—
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.

20.

СКОПИНЪ.

(Гильферд. № 88.)

Когда владѣлъ Москву Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Въ тую порушку, въ тое времячко
Обошла Москву Литва поганая.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ Скопинъ онъ въ Новгородъ,
Служилъ заутрену Пречистой Богородицы,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу.
Собиралъ онъ мужиковъ Новогородскіихъ,
Говорилъ-то таковы слова:
« Ай же, мужики Новогородскіе!
« Собирайте-ка мнѣ силы сорокъ тысячей
« Повыгнать изъ Москвы Литва поганая. »
Эти мужики Новогородскіе
Ему силушки собрали сорокъ тысячей.
Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
Ѣхалъ съ силушкой великой къ каменной Москвы;
Становилъ онъ эту силушку въ чистомъ полѣ,
Самъ проѣхалъ по славной каменной Москвы
Ко тому Микитушкѣ Романову,
Приходилъ къ нему въ палату бѣлокаменну,
Говорилъ-то онъ Микиты таковы слова:

« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Обошла Москву Литва поганая,
«Обовладѣла всѣ дворы княженецкіе
« И всѣ улицы стрѣлецкія.
« Привелъ-то я силушки сорокъ тысячей.
« Какъ бы намъ повыгнать изъ Москвы Литва поганая? »
Садился Микитушка на черленый стулъ,
Приклонилъ свою головушку къ сырой землѣ,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ,
Говорилъ Микита таковы слова:
— Ай же, молодость ты, моя молодость!
— Улетѣла отъ меня да во чисто поле,
— Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
— Ай же, старость моя, старость глубокая!
— Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
— Изъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ,
— Садилась на плечика могучія!—
Становился Микита на рѣзвы ноги,
Палъ-то Микита о кирпиченъ мостъ,
Обернулся тонкіимъ бѣлымъ горносталемъ
И бѣжалъ-то онъ по славной каменной Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружій онъ замочки прочь выщалкивалъ.
Обвернулся Микита сѣрымъ волкомъ,
Бѣжалъ онъ на конюшни лошадиныя,
У коней всѣ глоточки повыторкалъ.
Тутъ Никитушка Романовичъ
Обвернулся тонкіимъ бѣлыимъ горносталемъ,
И бѣжалъ онъ тонкіимъ бѣлыимъ горносталемъ
По матушкѣ по славной каменной Москвы;
Прибѣжалъ въ свои палаты бѣлокаменны,
Палъ Никита о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся Микита добрымъ молодцемъ [1]),

[1]) Въ другой разъ Рябининъ вставилъ здѣсь такіе девять стиховъ:

Говорилъ Микита таковы слова:
« Поѣзжай-ко, Скопинъ, во чисто поле

Вшелъ-то Микита на широкій дворъ,
Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
Бралъ коня да онъ засѣдлывалъ,
И садился Микита на добра коня,
Бралъ онъ въ руки палицу булатнюю,
И повыѣхалъ за славну каменну Москву,
Биться онъ съ Литвою со поганою......

(Не кончено.)

21.

ДВА КОРОЛЕВИЧА ИЗЪ КРЯКОВА.

(Гильферд. № 87.)

Изъ того изъ города изъ Крякова,
Изъ того села ли изъ Березова,
Изъ того подворья богатырскаго
Охвочь ѣздить молодецъ былъ за охвотою
Во славное раздольице чисто поле,
Охвочь-то былъ стрѣлять гусей, лебедей,
Малыихъ перелетныихъ сѣрыихъ утушекъ.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Онъ проѣздилъ день съ утра до вечера
По славному по раздольицу чисту полю,
Не наѣхалъ ни гуся, ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утеныша.
Ощё ѣздилъ другой день съ утра до пабѣдья.

« Ко своей силушкѣ великія;
« Со своей силушкой великоей
« Подъѣзжай ко славной каменной Москвы.
« А я выѣду на своемъ добромъ конѣ,
« Повыведемъ поганцевъ съ каменной Москвы,
« Очистимъ дворы княженецкіе
« И всѣ улицы стрѣлецкія ». — *Ред.*

Подъѣхалъ онъ ко синему ко морюшку
И насмотрѣлъ-то онъ на синёмъ морѣ,
На той на тихоей зáбереги,
На зеленоемъ на зáтресьи [1])
Плаваютъ двѣ бѣлыя лебедушки, колыблются.
Становилъ-то онъ коня богатырскаго,
Отъ прáваго отъ стремячка булатняго
Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ,
То онъ стрѣлочки каленыя накладывалъ,
Тетивочки шелковеньки натягивалъ,
Хотитъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушекъ.
Эты бѣлыя лебедушки
Проязычили языкомъ человѣческимъ:
« Ты удаленькій дороднiй добрый молодецъ,
« Славный богáтырь свято-русскиій!
« Хоть ты подстрѣлишь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
« Не укрятуешь [2]) плеча ты могучаго
« И не утѣшишь сердца богатырскаго.
« Не двѣ бѣлыя мы есть-то не лебеди,
« Есть-то мы двѣ дѣвушки двѣ красныихъ,
« Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митрiёвичны,
« Со тоя мы со славной съ Золотой орды,
« Летаемъ мы отъ пана [3]) поганаго по три году,
« Улетѣли мы за синее морюшко.
« Поѣзжай-ко ты раздольицемъ чистымъ полемъ,
« Ко славному ко городу ко Кіеву;
« И подъѣзжай къ сыру дубу крякновисту,
« Насмотри-ка ты птицу во сыромъ дубу:
« Сидитъ-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
« Перьице у ворона чернымъ черно,
« Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,

---

[1]) *Забереги* — та часть водъ, которая захвачена берегомъ; *затресье* — та часть водъ, которая покрыта *трестою* (carex flava).

[2]) Укрятуешь—укротишь.

[3]) Въ каждомъ почти уѣздѣ Олонецкой губерніи есть преданія о набѣгахъ иноземцевъ; иноземцевъ этихъ вообще называютъ панами, потому что самыя жестокія опустошенія здѣсь были сдѣланы Литовцами.

« Перьица распущены до матушки сырой земли.
« Эдакой птицы на свѣтѣ не видано,
« На бѣлоемъ не слыхано ».
Стоитъ богатырь, пораздумался:
— Хоть я подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
— Такъ не укрятую плеча могучаго
— И не утѣшу сердца богатырскаго. —
Снимаетъ эты стрѣлочки каленыя,
Отпущаетъ онъ тетивочки шелковеньки,
Свой тугій лукъ разрывчатый пристегивалъ
Ко правому ко стремену къ булатнему,
Беретъ въ руки онъ плеточку шелковеньку,
Бьетъ-то онъ коня да по тучной бедры,
То онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко славному ко городу ко Кіеву.
И подъѣхалъ ко сыру дубу крякновисту,
И насмотрѣлъ онъ птицу черна ворона:
Сидитъ-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьице у ворона чернымъ черно,
Крыльице ў ворона бѣлымъ бѣло,
Перьице распущено до матушки сырой земли.
Эдакой птицы на свѣтѣ не видывалъ,
На бѣлоемъ не слыхивалъ.
Становилъ онъ коня богатырскаго,
Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
Налагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
И говорилъ-то онъ таковы слова:
— Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
— Расточу его я кровь-то по сыру дубу,
— Тушицу его спущу я на сыру землю,
— Перьицо распущу я по чисту полю,
— По славному раздольицу широкому.—
Проязычитъ птица языкомъ человѣческимъ:
« Ты удаленькій дороднiй добрый молодецъ,
« Славный богàтырь святорусскiй!

« Ты слыхалъ ли поговорье на святой Руси:
« — Въ кельѣ старца убить, то-есть не спасенье,
« — Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить?—
« Хоть ты подстрѣлишь птицу черна ворона
« И расточишь мою кровь-то по сыру дубу,
« Тушу мою спустишь на сыру землю
« И перьицо распустишь по славной по долинушкѣ,
« По раздольицу широкому чисту полю,—
« Не укрятуешь плеча ты могучаго,
« Не утѣшишь сердца богатырскаго.
« Поѣзжай-ка раздольицемъ чистымъ полемъ
« Ко славному ко городу ко Кіеву,
« Ко ласковому князю ко Владиміру.
« У ласкова князя у Владиміра
« Хорошъ честёнъ пиръ-пированьице;
« Надъ собой онъ князь незгодушки не вѣдаетъ:
« Ѣздитъ паленичища въ чистомъ полѣ
« На добромъ конѣ на богатырскоемъ;
« Она кличетъ-выкликаетъ поединщика,
« Супротивъ себя да супротивника.
« Говоритъ-то паленица таковы слова:
« — Ежели Владиміръ стольно-Кіевскій
« — Не пошлетъ ко мнѣ онъ поединщика,
« — Супротивъ меня да супротивника,
« — Самого Владиміра подъ мечъ склоню,
« — Подъ мечъ склоню, голову срублю,
« — Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
« — Божьи церкви я всѣ на дымъ спущу ».—
Стоитъ молодецъ, онъ пораздумался:
— Слыхалъ я поговорье на святой Руси:
— Въ кельѣ старца убить, то-есть не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.—
— Хоть подстрѣлю я птицу черна ворона,
— И расточу его я кровь-то по сыру дубу,
— Тушицу его спущу я на сыру землю,
— Перьицо-то распущу я по чисту полю,
— По славному раздольицу широкому,

— То не укрятую плеча я могучаго
— И не утѣшу сердца богатырскаго.—
Снимаетъ онъ стрѣлочку каленую
И отпустилъ тетивочку шелковую,
Свой тугій лукъ разрывчатый пристегивалъ
Ко правому ко стремячку булатнему
И поѣхалъ по раздольицу чисту полю.
Поѣхалъ молодецъ, самъ пораздумался:
« Прямоѣзжею дорогою поѣхать въ стольно-Кіевъ градъ,
« То не честь мнѣ-ка хвала отъ богатырей
« И не выслуга отъ князя отъ Владиміра.
« Если бы поѣхать во раздольице чисто поле,
« Поотвѣдать мнѣ-ка силы у Татарина,
« То побьетъ меня Татаринъ во чистомъ полѣ,
« Не бывать-то молодцу на святой Руси,
« Не видать мнѣ молодцу-то свѣта бѣлаго ».
Іонъ зоветъ себѣ да Бога на̀ помочь,
Спустилъ-то добра коня раздольицемъ чистымъ полемъ,
Іонъ наѣхалъ паленичищу въ чистомъ полѣ.
Оны съѣхались, да поздоровкались,
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палицы булатнія.
Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палицы булатнія,
Оны другъ-то друга били нежалухою,
Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ,
Со всея били со силы богатырскія;
Подъ нима доспѣхи были крѣпкіе:
У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
По маковкамъ отломилися,
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били и не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.

Становили добрыхъ коней богатырскiихъ,
Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскiихъ,
Прiударить надо въ копья Муржамецкiя.
Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскiихъ,
Прiударили во копья Муржамецкiя;
Оны другъ-то друга били нежалухою,
Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ
И со всея били силы богатырскiя;
Подъ нима доспѣхи были крѣпкiе:
У нихъ копья въ рукахъ-то погибалися,
По маковкамъ копья отломилися,
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били и не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскiихъ,
Выходили добры молодцы съ добрыхъ коней:
Надо биться боемъ-рукопашкою,
Поотвѣдать другъ у друга силушки великiя.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскiй сынъ,
Онъ весьма обученъ былъ бороться объ одной ручкѣ;
Онъ подходитъ къ паленицы ко удалыя,
То онъ схватитъ паленицу на косу бедру,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ онъ паленицу на сыру землю,
Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы,
Спустить хотѝтъ онъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
То онъ сталъ у паленицы выспрашивать:
« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,

«Звеличаютъ удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
— Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
— Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
— Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
— Во рукахъ держишь кинжалище булатнее:
— Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Доставалъ бы твое сердце со печенью
— И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
— Ни твоего роду и ни племени. —
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у паленицы выспрашивать:
« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
« Удалую звеличаютъ по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
— Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
— Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
— Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
— Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
— Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Доставалъ бы твое сердце со печенью
— И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
— Ни твоего роду и ни племени. —
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Беретъ свое кинжалище булатнее,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,

Сталъ у паленицы выспрашивать:
« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
« Удалую величаютъ по отечеству? »
Говорила паленица и заплакала:
— Ты удаленькій, дородній добрый молодецъ,
— Славный богатырь святорусскій!
— Когда ты у меня сталъ выспрашивати,
— Я стану тебѣ про то высказывать.
— Есть я со тоя со темной Литвы,
— Отъ тыхъ Татаровей поганыихъ;
— А увезенъ былъ маленькимъ робеночкомъ
— Изъ того изъ города изъ Крякова,
— Изъ того села да изъ Березова,
— Со тоя со улицы съ Рогатицы,
— Со того подворья богатырскаго,
— Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ.
— Увезли меня Татаровья поганые
— Маленькимъ робеночкомъ во эту во темну орду,
— И возросъ я тамъ до полнаго до возраста,
— И имѣю въ плечахъ силушку великую.
— Избиралъ собѣ коня я богатырскаго
— И поѣхалъ я на матушку святую Русь
— Поискать себѣ-то роду-племени
— Поотвѣдати собѣ-то отца-матери. —
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Онъ скорешенько соскочитъ со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Становилъ его да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ его во уста въ сахарнія,
Называлъ-то братцемъ собѣ роднымъ.
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному раздольицу чисту полю,
Ко славному ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,

Ко той улицы ко Рогатицы
И къ тому подворью богатырскому.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Пріѣхалъ онъ на свой на широкъ дворъ,
И онъ скорешенько соскочитъ со добра коня
И бѣжитъ въ свою палату бѣлокаменну.
Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ,
Какъ онъ соскочитъ со добра коня,
Сталъ онъ по двору похаживать,
Сталъ добра̀ коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Пришелъ въ свою палату бѣлокаменну
Ко своей къ родителю ко матушкѣ,
Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
« Свѣтъ ты, государыня ро̀дная матушка,
« Честная вдова Настасья Васильевна!
« Былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
« Наѣхалъ въ чистомъ полѣ Татарина,
« Кормилъ-то его ѣствушкой сахарнею,
« Поилъ его питьицемъ медвяныимъ.»
Говоритъ ему родная матушка,
Честная вдова Настасья Васильевна,
Сама слезно заплакала:
— Свѣтъ ты, мое чадо милое,
— Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ!
— Какъ былъ ты во раздольицѣ чистомъ полѣ,
— Да наѣхалъ во чистомъ полѣ Татарина,
— Ты бъ не ѣствушкой кормилъ его сахарнею
— И не питьицемъ поилъ его медвяныимъ:
— Билъ бы его палицей булатнею,
— Да кололъ бы его копьемъ вострыимъ.
— Этые Татаровья поганые
— Увезли братца у тя роднаго маленькимъ робеночкомъ,
— Молода Луку Петровича. —
Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова:
« Свѣтъ ты, моя родная матушка!
« Не Татарина наѣхалъ я въ чистомъ полѣ,

«А наѣхалъ братца собѣ роднаго,
«Молода Луку Петровича.»
Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ.
Онъ по двору похаживаетъ,
Добра коня поваживаетъ
И нейдетъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ честна вдова Настасья Васильевна
Скорешенько бѣжала на широкъ дворъ,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста его сахарнія,
Называла она сыномъ собѣ роднымъ
И вела въ палаты бѣлокаменны;
Кормила-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поила-то питьицемъ медвянымъ.
Тутъ оны стали жить да быть,
Долго здравствовать [1]).

22.

ГОРЮШКО.

(Гильферд. № 90.)

У батюшки у матушки жилъ молодецъ,
Одинàкій сынъ во дрокушкѣ;
Ѣлъ сладкò, и носилъ краснò, работàлъ легко.
Похотѣлося дороднію добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку
Людей посмотрѣть и собя показать.
Унимали молодца отецъ-матушка:

[1]) Можно полагать, что эти „два брата Петровича“ суть лица, извѣстныя въ нашихъ пѣсняхъ подъ именемъ „братьевъ Сбродовичей“, о которыхъ см. 2-й выпускъ Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. *Б.*

Онъ отца-матушки не слушаетъ,
Снаряжается во путь во дороженьку;
Шубоньку сшилъ онъ собѣ кунью,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскiихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишолковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицо̀ кати,
Подъ пяту̀ подъ пя̀ту воробей лети;
Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтиною.
Онъ пошелъ на чужу дальню на сторонушку,
Приходитъ-то онъ ко городу ко чу̀жему:
Городъ чужъ, люди не зна̀емы,
Не знаетъ онъ, куда бы прiютитися.
Подошелъ-то ко царѐвому ко ка̀баку,
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царѐва изъ ка̀бака
Выходила бабища курвя̀жища,
Турыжная бабища, ярыжная [1]):
Станомъ ровна̀ и лицомъ бѣла̀,
У ней кровь въ лицы быдто у заяцы,
Въ лицы ягодицы [2]) цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?

---

[1]) *Турыжная*—потаскушка; *ярыжная*—развратная.

[2]) Ягодица—щека.

« Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ-то, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
Онъ послушалъ этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още дру̀гую,
Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли тутъ къ нему голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишолковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношенный тотъ, брошеный.
Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
Пораскинулъ свои очи ясныя:
Съ него снята одежица драгоцѣнная,
Надѣта одежица липова,
Поношена, да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,

Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дороднїй добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься.»
Подносила ему чару зелена вина,
Подносила она дру̀гую,
Подносила она третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера.
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ, да годъ за годъ,
Прожилъ онъ поры-времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ нажилъ со полтиною;
Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ кунью̀ю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше го̀ловы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицо̀ кати,
Подъ пяту̀ подъ пя̀ту воробей лети.
Пошелъ молодецъ по городу похаживать,

Онъ пошелъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко кàбаку.
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ кàбака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ будто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
« Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься ».
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още другую,
Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,

Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дороднiй добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, разскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься ».
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.

Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскiя.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ, да годъ за годъ:
Прожилъ онъ поры времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку красныимъ золотомъ;

Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ:
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ:
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицо̀ кати,
Подъ пяту̀ подъ пяту воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко ка̀баку,
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ.
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царскаго изъ ка̀бака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
« Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься. »
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още дру̀гую,

Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ:
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься ».
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.
   Встаетъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Палъ молодецъ о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю:

А Горюшко за нимъ въ слѣдъ собакою.
Палъ онъ о матушку сыру землю,
Обвернулся молодецъ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ по подоболочью:
А Горюшко за нимъ въ слѣдъ чернымъ ворономъ.
Тутъ молодецъ онъ преставился:
Свезли-то на могилу на родительску,
Положили во матушку сыру землю;
Горюшко сидитъ, само заплакало:
« Ты хорошъ-то былъ, дороднiй добрый молодецъ!
« А я още пойду на чужую сторонушку,
« Найду-то я много лучше тобя! »

II.

ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихiевъ Чуковъ (у Рыбникова *Чуккоевъ*), по прозванiю Бутылка, крестьянинъ дер. Горка, Пудожгорскаго погоста Римской волости Повѣнецкаго уѣзда. Свѣдѣнiя о немъ см. въ «Замѣткѣ» Рыбникова и у Гильфердинга II, 442—443, а также во вступительной статьѣ послѣдняго (I, 13, 36, 40). Мы сочли возможнымъ зачислить за этимъ сказателемъ 19 былинъ, тогда какъ Рыбниковъ напечаталъ прямо съ его именемъ лишь 9 (всѣ въ III томѣ, настоящ. изд. №№ 23, 24, 25, 27, 32, 33, 35, 36, 37), да косвенно далъ понять въ «Замѣткѣ», что двѣ былины I тома (24 и 77, настоящ. изд. №№ 25 bis и 33 bis) записаны кѣмъ-то другимъ у того же пѣвца и составляютъ дублеты къ записаннымъ позднѣе самимъ собирателемъ отъ Чукова текстамъ (№№ 15 и 52 III тома). Къ этимъ 11 былинамъ 6 [1]) присоединены по прямому указанiю Гиль-

[1]) Стар. изд. I, 25, 38, 49, 65; II. 16, 20. Настоящ. изд. №№ 26, 28 bis, 29, 31, 28, 30. При этомъ одно указанiе (I, 38 = 28 bis) извлекается изъ вступит. статьи Гильферд., стр. 40.

ферлинга, а двѣ [1]) лично нами, по соображеніямъ, изложеннымъ ниже въ примѣчаніяхъ къ нимъ. 4 изъ этихъ 19 представляютъ дублеты, записанные не Рыбниковымъ, и потому напечатаны петитомъ при подлинныхъ Рыбниковскихъ записяхъ.

23.

ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМІРА.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Жилъ былъ славный Владиміръ князь.
Похотѣлъ тутъ князь поженитися
За славнымъ за синемъ моремъ,
У того короля у Литовскаго,
На той Настасьѣ королевичной.
Вызываетъ онъ сватовъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыихъ,
Родимыихъ братьевъ, любимыихъ:
Однаго звали Ѳедоромъ Ивановичемъ,
А другаго Васильемъ Ивановичемъ.
Приходили они ко князю Владиміру,
Брали они молодыхъ коней,
Брали сѣделышка черкасскія,
И сѣдлали они молодыхъ коней;
Брали они плеточки шелковыя,
И бросали они плеточки шелковыя;
Брали въ руки тросточки дубовыя,
Садились они на добрыхъ коней.
Видѣли молодцевъ сядучи,
А не видли удалыхъ поѣдучи:
Далече они ѣдутъ въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ одна пыль стоитъ;
Куда махнутъ тросточкой дубовоей,

[1]) Стар. изд. II, 40, 55. Настоящ. изд. №№ 32 bis и 34.

Туда станутъ улицы съ проулками,
Туда станетъ чистая дороженька.
Прiѣхали за славно за сине море
Ко тому королю ко Литовскому;
Становились они середи двора,
Выходили они со добрыхъ коней,
Брали коней за повода шелковые,
Вязали ко столбичкамъ точенымъ,
Ко тымъ колечкамъ золоченымъ.
Говоритъ тутъ Ѳедоръ Ивановичъ:
« Ай же ты, братецъ родимый мой!
« Ай же, товарищъ любимый мой,
« На дворѣ ты постой, жеребцевъ погляди;
« Пойду я въ терема высокiе,
« Въ его палаты красовитыя ».
Пошелъ онъ въ терема высокiе,
Во тыя палаты красовитыя,
Отворяетъ онъ двери кленовыя,
Снимаетъ онъ шляпу пуховую,
Полагаетъ на стопку золоченую;
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется онъ на двѣ стороны,
Говоритъ королю таковы слова:
« Здравствуй, король Литовскiй! »
Говоритъ тутъ король по-Литовскiiй:
— Ты зачѣмъ зашелъ, удалый добрый молодецъ,
— Во мои палаты красовитыя?—
Говоритъ тутъ Ѳедоръ Ивановичъ:
« Я не пѣша пришелъ, на конѣ прiѣхалъ,
« Со своимъ со любезнымъ товарищемъ,
« Со любезнѣйшимъ братцемъ родимымъ:
« Первое дѣло—себя показать,
« Другое дѣло—тебя посмотрѣть,
« Третье дѣло—есть сватовство
« На твоей любимыя на дочери,
« На той Настасьѣ королевичной,

« За славнаго князя за Владиміра. »
Закручинился король тутъ, запечалился,
Не хочетъ дать Настасьи королевичной
За этого князя за Владиміра.
Отъ этого князя отъ Владиміра
Пріѣзжали лакеи молодые,
Привозили писемечко строгое,
Отдавали удалымъ добрымъ молодцамъ,
Говорили они таковы слова:
« Ай же ты, Өедоръ Ивановичъ,
Ай же ты, Василій Ивановичъ!
« Буде честью отдастъ, то честью везите;
« Буде честью не отдастъ,—возьмите безъ чести ».
Выходила тутъ Настасья королевична
На свое переное крылечушко
Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ,
Въ своемъ нарядѣ господскоемъ,
Говорила она таковы слова:
« Ай же ты, Василій Ивановичъ,
« Ай же ты, Өедоръ Ивановичъ!
« Буде есть ума разума въ головушкахъ,
« Возьмите-ко вы батюшка родимаго,
« Моего короля любимаго,
« Стащите его вы во чисто поле,
« Закопайте-ко вы во сыру землю,
« Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
« Можетъ, въ ту пору король объумѣется,
« Можетъ въ ту пору король образумится,
« Можетъ быть, меня Настасью королевичну
« Отдастъ за князя за Владиміра.
« Хоть я не была во городѣ во Кіевѣ,
« Но знаю все имѣнье и богачество.
« У этого у князя у Владиміра
« Стоятъ палаты красовитыя,
« Стоятъ луга гряновитые;
« У моего батюшка родимаго,
« У моего короля любимаго,

« Палатишки стоятъ пустешеньки,
« Лужишка посѣяны низешеньки,
« Низешеньки лужишка, нелюбешеньки! »
Въ это время король по-Литовскіій
Стоялъ за дверями дубовыми,
За этими порогами сѣчеными,
Повыслушалъ ея таковы слова,
У своей Настасьи королевичной,
Говорилъ онъ сватамъ таковы слова:
« Возьмите вы Настасью королевичну,
Посадите на молодаго жеребчика ».
Тутъ видли Настасью справляючи,
Видли Настасью и сядучи,
А не видли королевичной поѣдучи.
Далече ѣдетъ она въ чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ одна пыль стоитъ.
Пріѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Выходитъ тутъ Владиміръ князь
Во своемъ уборѣ господскоемъ,
Во своемъ снарядѣ молодецкоемъ,
Со великою со радостью
Стрѣчаетъ онъ Настасью королевичну.
Бралъ онъ Настасью королевичну
За ручки бѣлыя, за ея перстни злаченые,
Опускаетъ онъ съ молодаго жеребца;
Бралъ онъ ее за груди нѣжныя,
Цѣловалъ въ уста печальныя,
Проводилъ въ палаты бѣлокаменны,
Въ тѣ палаты красовитыя.
Пиръ онъ провелъ по честному,
И людей накормилъ до сытешенька,
А сватовъ напоилъ до пьянешенька.
Всѣ люди идутъ да похваляются:
« Вотъ у насъ есть солнышко Владиміръ князь,
« Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Нѣтъ таковаго во всей Руси,

« И нѣтъ таковаго въ каменной Москвы ».
Тутъ вѣкъ о Владимірѣ старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

24.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ.

Ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Наѣхалъ-то старчища Пилигримища.
И самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, старчище Пилигримище!
« Дай-ко ты мнѣ своихъ платьевъ старческихъ,
« Дай-ко мнѣ клюху сорока пудовъ;
« Добромъ буде не дашь, силомъ возьму ».
Сокрутился онъ старчищемъ Пилигримищемъ
И пошелъ по полю по чистому.
Во ту ли пору, во то время
Ѣздило Идолище подъ облакой,
Шибало свою палицу стопудовую,
На конѣ гоняло и само подхватывало.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ты дай-ко мнѣ, Господи, дожжичка
« Частенькаго и то меленькаго,
« Чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго:
« Опустилось бы Идолище на сыру землю,
« Поѣхало бъ Идолище по чисту полю. »
Далъ тутъ Господь дожжичка
Частенькаго и то меленькаго,
Подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
Опустилось Идолище на сыру землю
И поѣхало по чисту полю,
И увидѣло старчища Пилигримища:

Шляпа у него тридцати пудовъ,
Клюха у него сорока пудовъ.
И говоритъ Идолище таковы слова:
— Какъ по платьицу, старчище Пилигримище,
— А по походочкѣ быть старому казаку Илью Муромцу:
— Хоть кто хошь тутъ быдь, а жива не спущу.—
Какъ змахнулъ своей палицей булатноей
Во того старчища Пилигримища,
А Илья на ножку былъ повертокъ,
Увернется подъ гриву лошадиную:
Пролетѣла палица во сыру землю.
Какъ скочитъ изъ-подъ гривы лошадиныя,
Змахнулъ клюхой сорока пудовъ,
Ударилъ Идолище въ буйну голову
И убилъ Идолище проклятое.
Тутъ по три дня было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ Идолище поганое.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Запис. въ Петрозаводскѣ, 29 іюня 1863 г.).

25.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(Гильферд., № 148.)

Добрынюшкѣ матушка говорила:
« Что молодъ сталъ ѣздить во чисто поле,
« На ту гору Сорочинскую,
« Топтать-то молодыхъ змѣнышей,
« Выручать-то полоновъ русскіихъ.
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;

« Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середня струйка какъ огонь сѣчетъ. »
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка въ сѣделышко черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сѣделышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцату клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ [1]).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки [2]) у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыхъ змѣнышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце нажадѣлося [3]),
Нажадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай рѣкѣ,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,

[1]) Не выбросилъ.
[2]) Пряжечныя шпильки.
[3]) Возжаждало, пожелало, отъ жадати, чувствовать жажду, желать.

« Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
« Что не ѣзди далече во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Не топчи-ко младыихъ змѣенышевъ,
« Не выручай полоновъ русскiихъ,
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
« Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
« Середня струйка какъ огонь сѣчетъ.
« А Пучай рѣка есть кротка, смирна:
« Она будто лужа дожжевая ».
Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,
Какъ въ тую пору, въ то время,
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дождь дожжитъ,
Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвiя,
Молвiи нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ змѣище-Горынчище,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперечь Добрыня во моихъ рукахъ;
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и въ нору снесу,
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.
Добрынюшка плавать горазд̀ъ онъ былъ,
Нырнетъ на бережекъ на тамошнiй,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшнiй;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой,
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Какъ припадаетъ змѣя къ быстрой рѣкѣ,
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Шибнетъ во змѣю во проклятую,

Ошибъ змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змѣя во ковыль траву.
На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змѣинины груди бѣлыя,
А змѣя Добрынѣ ему змолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
— А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,
— Не топтать ти младыихъ змѣенышевъ,
— Не выручать полоновъ русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Какъ спустилъ змѣю сподъ колѣнъ своихъ,
Тая змѣя она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку;
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкія,
Припадала змѣя ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По три дня онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ докликатися,
Кто бы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.
Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
« Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Накинь-ко эту службу великую
« На того Добрыню на Никитича:
« У того Добрыни у Никитича
« Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
« Онъ съѣздитъ во далече во чисто поле,

« Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
« Безъ бою, безъ драки-кроволитія. »
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился.
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
— Что же ты, Добрынюшка Никитиничъ,
— Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя пріобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де? —
Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
« Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
« Чарой на пиру меня не обнесли,
« И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
« А накинулъ службу де великую
« Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздить во далече во чисто поле,
« Сходить на ту гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну. »
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ ставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощеньице плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую.
— Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
— На тоя горы на Сорочинскія,

— Потопчешь младыхъ змѣенышевъ,
— Тыи младые змѣеныши
— Подточатъ они у коня щеточки [1],—
— И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змѣенышевъ отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единаго.—
Какъ будетъ онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
На тыя горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ младыихъ змѣенышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же младые змѣеныши
Подточили у бурка они щеточки,
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги заднія:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змѣя тутъ проклятая
Изъ тоя норы изъ глубокія,
Говорила змѣя ему проклятая:
« Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
« Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ? »
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты, змѣя проклятая!
— Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,
— Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Путятичну?

[1]) Мѣсто надъ копытомъ.

— Отдай ее безъ драки, кроволитія!—
Говоритъ ему змѣя проклятая:
« Не отдамъ я князевой племянницы
« Безъ драки, безъ бою-кроволитія. »
Заводила она бой-драку великую.
Дрался со змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня змѣи перебить;
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласитъ:
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Дрался ты съ змѣей трои сутки,
— Подерись съ змѣей еще три часу:
— Ты побьешь змѣю проклятую.—
Дрался онъ съ змѣей еще три часу,
Онъ убилъ змѣю-то проклятую:
Тая змѣя кровью пошла.
Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,
Не могъ онъ крови той переждать,
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласитъ:
— Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Стоялъ ты у змѣи трои сутки,
— Постой еще у змѣи три часу;
— Возьми ты копье бурзамецкое,
— Ты бей копьемъ о сыру землю,
— Самъ къ копью приговаривай:
— « Разступись-ко, матушка сыра земля!
— « На четыре разступись на четверти,
— « Пожри-ко всю кровь змѣиную. »—
Стоялъ онъ у змѣи еще три часу,
Бралъ копье бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копью приговаривалъ:
« Разступись-ко, матушка сыра земля!
« На четыре разступись на четверти,
« Пожри-ко всю кровь змѣиную. »
Разступилась матушка сыра земля,

На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« Ай же ты, Забава дочь Путятична!
« За тебя я эдакъ странствую.
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
У тоя змѣи у проклятыя
Наношено силы сорокъ тысячей,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
« Всѣ короли, всѣ королевичи!
« А вамъ всѣмъ воля вольная,
« Куда вздумаете, туда пойдете. »
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
Наѣхалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто [1]).
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
« Возьми-ка Забаву дочь Путятичну,
« Отвези-ка ю во Кіевъ городъ,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:

---

[1]) Лошадиный бродъ — слѣдъ, онъ былъ глубокъ: по колѣна вдавливалася грязь.

Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня къ сыру дубу,
Толщиною дубъ былъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ [1]),
Самъ говоритъ таково слово:
« Силы у Добрыни есть по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ саженъ двѣнадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Силы у Добрыни есть по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову;
Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, комарики покусываютъ,
— Ажно [2]) русскій могучій богатырь пощалкиваетъ. —
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
Испровѣщится какъ ей добрый конь,

---

[1]) На тонкую драмь.
[2]) Анъ, а между тѣмъ.

Ей добрый конь голосомъ человѣческимъ:
« Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
« А сила у богатыря супротивъ тебя. »
Говорила Настасья дочь Никулична:
— Я повыздыну богатыря изъ карманчика.
— Ежели богатырь онъ старыій,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младыій,
— Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперь за богатыря замужъ пойду.—
Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,
Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру,
Приняли они по злату вѣнцу.
Тутъ по три дня было пированьице,
Про молода про Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

25 bis.

Добрынюшки матушка говорила:
« Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
« На ту гору Сорочинскую,
« Топтать-то молодыхъ змиенышей,
« Выручать-то полоновъ русскіихъ.
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки.
« Пучай рѣка есть свирипая:
« Середняя струйка какъ огонь сичетъ. »
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сидѣлышко Черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,

А на войлочки кладетъ Черкасское сидѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двинадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпенки у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавиетъ,
Молодецъ на кони сидитъ—не стариетъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучаӣ рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
« Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
« Что не изди далече во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Не топчи-ко младыихъ змиенышей,
« Не выручай полоновъ русскіихъ,
« Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки,
« Что Пучай рѣка есть свирипая:
« Средня струйка какъ огонь сичетъ,—
« А Пучай рѣка есть кротка, смирна;
« Она будто лужа дожжевая. »
Какъ въ тую пору, въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище,
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и на Русь возьму,
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—

Добрынюшка плавать горазд онъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на земли пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой, [1])
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Махнулъ во змию во проклятую,
Ошибъ змиѣ двинадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змия во ковыль траву.
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змиинины груди бѣлыя,
А змия Добрынѣ ему взмолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичъ!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ,
— А тебѣ не ѣздить далече во чисто поле,
— Не топтать ти младыихъ змиенышей,
— Не выручать полоновъ русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
  Тая змия она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку,
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Припадала змия ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По три дня онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ докликатися,
Кто бы могъ съѣздить далече во чисто поле.
Говоритъ Алешенька Леонтьевичъ:
« Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Накинь-ко эту службу великую
« На того Добрыню на Никитича:
« У того Добрыни у Никитича
« Со змией вѣдь заповѣдь положена;

[1]) У Добрыни былъ „колпакъ земли Греческой“, πέτασος, т.-е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой куль; Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ „насыпанъ земли греческой“. — Б.

« Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
« Безъ бою, безъ драки-кровопролитія. »
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
— Что же ты, Добрынюшка Никитичъ,
— Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
— Знать, мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя пріобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитичъ:
« Что мѣсто мнѣ было по чину,
« Чарой на пиру меня не обносили,
« И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
« А накинулъ службу, де, великую
« Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздить далече во чисто поле,
« Сходить на тую гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну. »
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оное мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсидлалъ онъ дѣдушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньицѣ плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую,
— И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единаго.—

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
На тыя горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же младые змиеныши
Подточили у бурка они щеточки,

Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ, де, плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между заднія:
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змия тутъ проклятая
Изъ тыя изъ норы изъ глубокія,
Говорила змия ему проклятая:
— Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
— Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Ай же ты, змия да проклятая!
« Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
« Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну?
« Отдай ее безъ драки-кровопролитія! »
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдамъ я князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.—
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией онъ трои сутки,
Онъ убилъ змию-то проклятую,
Спустился во нору во глубокую,
Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячъ.
Говоритъ онъ князевой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« За тебя я этакъ странствую!
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру;
« А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная! »
Повезъ онъ князеву племянницу,
По той-то пути по дороженьки;
Увидалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней въ землю угрязнуто.
Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
Вручилъ ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву дочь Путятичну,
Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,
Къ ласкову князю ко Владиміру.
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ.

Догналъ паленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двинадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову,—
Паленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ!
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки;
Испровѣщится какъ ей добрый конь:
« Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
« А сила у богатыря супротивъ тебя. »
Говорила Настасья дочь Никулична:
— Ежели богатырь онъ старой,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младой,
— Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за богатыря замужъ пойду.—

Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика:
Добрыня ей тутъ понравился.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Тутъ за три дня было пированьице
Про млада Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послу́шанье.

26.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

(Гильферд. № 149.)

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ
Своей государынѣ родной матушкѣ:
« Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
« Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
« Спородила бы, государыня родна матушка,
« Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
« Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
« Спустила бы меня во сине море:
« Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
« Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
« Я не убивалъ бы Добрыня неповинныихъ душъ,
« Не пролилъ бы крови я напрасныя,
« Не слезилъ Добрыня отцовъ-матерей,
« Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
« Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ. »
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,

— Я походкою бы тебя щепливою [1])
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
— Сколько тыя статьи есть [2]), а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ.
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья [3]),
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
« Когда у меня ты стала спрашивать,
« Тогда я стану тебѣ сказывать:
« Сожидай Добрынюшку по три году;
« Если въ три году не буду, жди друго три;
« А какъ сполнится времени шесть годовъ,
« Да не буду я домой изъ чиста поля,
« Поминай меня Добрынюшку убитаго,
« А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
« Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
« А хоть за русскаго могучаго богатыря,
« А только не ходи за моего брата за названнаго,
« За смѣлаго за Алешу за Поповича.»

---

[1]) Мелкою, щегольскою.—*Б.*

[2]) Сколько есть въ тебѣ статьи (качества)—вѣжливости, тѣмъ и будь доволенъ.—*Б.*

[3]) Супруга.—*Б.*

Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три,
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору, въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыни родна его матушка
Желешенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое
По своемъ рожономъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.
Сталъ солнышко Владимiръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой вѣкъ свой коротати?
« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
« Хоть за русскаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;
— Такъ сполнится времени двинадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти.—

Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой свой вѣкъ коротати?
« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
« А хоть за русскаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день.
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается:
« Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
« Зачѣмъ сегодня потыкаешься? »
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не вйдаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія.

Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
« Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна! »
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
« Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
« Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
« Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
« Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ. »
Испроговоритъ имъ честна вдова:
— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
— Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
— Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные [1]).—

---

[1]) Невѣжливые.—*Б.*

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
« Не напрасно ли вы согрѣшаете?
« А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
« Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
« А я поѣхалъ ко Кіеву.
« Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
« Спросить про (н)его милу семью,
« Про молоду Настасью Никуличну:
« Гдѣ же есть она, Настасья Никулична? »
— Добрынина родима семья замужъ пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ [1]) кустъ.
— Я жалешенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
« Наказывалъ братецъ мнѣ названый:
« Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
« Ты возьми мое платье скоморошское,
« И гуселки возьми мои яровчеты [2]),
« Въ новой горенки всѣ на столики. »
Принесли они [3]) платье скоморошское
И гуселки ему яровчеты.
Накрутился [4]) молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ на княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;

---

[1]) Ракитовъ.—*Б.*
[2]) Изъ явора, яворчатые.—*Б.*
[3]) Принесла она?—*Б.*
[4]) Одѣлся (собств. накутался).—*Б.*

Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
— Со своей княгиной со Апраксіей! —
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
« Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
« И тепереча идетъ скоморошиной:
« Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
« Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
« Скоро проходилъ въ палаты княженецкія. »
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не приметея,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется [1]):
« Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское? »
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой,
— На муравленой печки—на запечки.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;

---

[1]) Не обращаетъ на рѣчи вниманія и не вслушивается.—*Б.*

Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Училъ по стрункамъ похаживать,
Училъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то въ Цари-гради,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ [1]),
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
« Что не быть это удалой скоморошины,
« А кому ни надо быть русскому,
« Быть удалому доброму молодцу! »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки изъ запечки,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Перво мѣсто, сядь подли меня,
— Друго мѣсто, супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамиечку
Супротивъ княжны порученыя [2]).
Говоритъ удала скоморошина:
« Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Бласлови мни налить чару зелена вина,
« Поднесть эту чару, кому я знаю,
« Кому я знаю, еще пожалую. »
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,

---

[1]) Пѣвецъ нѣсколько осмыслилъ по-своему. По сравненію съ другими былинами видимъ: Добрыня *съигрышъ*, напѣвъ, голосъ игралъ Цареградскій, а *наигрышъ*, содержаніе, бралъ въ Кіевѣ.—*Б.*

[2]) Обрученной.—*Б.*

Онъ опустить въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Прими сію чару единой рукой.
« Да выпей-ка чару единыимъ духомъ:
« Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
« А не пьешь до дна, не видаешь добра. »
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единыимъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подли меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечки,
— Подноситъ мни чару зелена вина.—
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
« Что не дивую я разуму-то женскому,
« Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
« Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
« Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
« А дивую я солнышку Владиміру
« Съ молодой княгиной со Апраксіей:
« Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
« А княгини Апраксія свахою,
« Они у живого мужа жену просватали! »
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названый,

— Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной.—
« Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
« Что ты посидѣлъ подли моей любимой семьи,
« Подли молодой Настасьи Никуличной;
« А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
« Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
« Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
« Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
« Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
« Буйна голова испроломана,
« Могучи плечи испрострѣлены,
« Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ.
« Такъ тогда государыни родна матушка
« Желешенько съ-по мнѣ плакала,
« Слезила свои очи ясныя,
« Скорбила свое лице бѣлое:
« Съ этой вины тебѣ не прощу! »
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу поддорожную,
Училъ шалыжищемъ [1]) ухаживать:
Что хлопанье и что оханье, не слышно видь [2]).
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
А не дай Богъ женидьбы той Алешиной:
Только-то Алешенька женатъ бывалъ,
Женатъ бывалъ, съ женой сыпалъ.
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровьице [3]).

---

[1]) Ручкою шалыги.
[2]) Не разберешь хлопанья отъ оханья.
[3]) Тутъ они поздоровались.—

Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

27.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ.

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
Полагали ему ѣства сахарныя.
Садился Тугаринъ за дубовый столъ,
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Какъ у моего государя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было псище-то старое,
« Старое псище-то сѣдатое,
« Хватило костище великое,
« Гдѣ оно хватило, подавилося:
« Подавиться Тугарину Змѣевичу
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
Говоритъ Алеша таковы слова:
« Какъ у моего родителя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было коровище великое,

« Выпило питьица лоханище,
« Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
« И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столѣ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
Налету онъ ножъ подхватывалъ,
Самъ къ ножу приговаривалъ:
« Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
« Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
« Съ Тугариномъ супротивиться?»
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Не куда уйдетъ гагара безногая.—
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Къ тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
И убилъ Тугарина Змѣевича.
Тутъ вѣкъ про Алешу старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня 1863 года.)

28.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(Гильфердъ. № 150.)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимера,
Было пированіе—почестный пиръ

На многи князи да на бояра,
На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ-браныихъ,
Званыхъ-браныхъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Иной хвалится—есть—добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ шолковымъ портомъ [1]),
Иной хвалится—села со приселками,
Иной хвалитъ города съ пригородками,
Умный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ того стола изъ-за дубова
Не золота-звонка труба вострубила,
Испроговорилъ Владимеръ стольно-Кіевскій:
« Не чѣмъ мнѣ, Владимеру, похвастати,
« Нѣту у меня золотой казны.
« Первой русскій славный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой русскій славный богатырь,
« Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Съѣзди-ко ты во Турецію,
« Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій русскій славный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Съѣзди-ко ты да во Швецію,
« Выправь-ко тамъ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною.»

---

[1]) Платьемъ, одежей.—*Б.*

Собиралися три русскихъ три могучихъ три богатыря
Ко тому кресту къ Леванидову.
Тутъ они крестами побраталися;
Который же изъ нихъ былъ большей братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ большей братъ;
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средней братъ;
Молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшей братъ.
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай вы ей, мои братьица крестовые!
« Который пораньше да повыѣдетъ
« Ко стольному городу ко Кіеву,
« Ко другому ѣхать на выручку. »
Отправился перво старый казакъ
Илья Муромецъ въ Золоту Орду,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ въ Турецію.
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ во Швецію.

Какъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Взыскалъ свои дани-выходы,
Привезъ ко солнушку Владимеру.
Говорилъ Владимеръ стольно-Кіевскій:
« Что пишетъ мнѣ Бухарь царь заморскиій:
« Пришли ты ко мнѣ дани-выходы,
« Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
« За тринадцать лѣтъ съ половиною;
« Если не пришлешь даней-выходовъ,
« Разорю я весь вашъ Кіевъ градъ.
« Такъ отвезти надо ему дани-выходы. »
Говорилъ Михаила Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Солнышко Владимеръ стольно-Кіевскій!
— Напиши-ко скорописчетые ѐрлыки,
— Что отпущены дани-выходы
— За Михайлой Потыкомъ сыномъ Ивановымъ;
— А я поѣду безъ выходовъ.—

Пріѣхалъ ко Бухарю ко царю ко заморскому.
Спрашивалъ Бухарь царь заморскиій:

« Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
« Ты коей орды, ты коей земли,
« Какъ тебя именёмъ зовутъ,
« Нарекаютъ по отечеству? »
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
— Что я есть изъ града изъ Кіева,
— Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ;
— Привезъ тебѣ дани-выходы
— Отъ того отъ солнышка Владимера.—
« Такъ гдѣ жъ у тебя дани-выходы? »
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что были у меня дани-выходы
— Навалены монетою мѣдною;
— Вси телѣжачки поразсыпались,
— Колесочка разломалися;
— Такъ остались мужики тамъ починивать.—
Такъ говорилъ Бухарь царь заморскиій:
« Съ эдакихъ съ великихъ со радостей
« У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются? »
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что у насъ въ Россіи забавляются,—
— [Играютъ въ карты беліартовы]
— Играютъ въ шашачки кленовыя
— На тыихъ дощечкахъ на дубовыихъ.—
Такъ говорилъ Бухарь царь заморскиій:
« Что станемъ играть въ шашачки кленовыя. »
Оны стали играть въ шашки кленовыя.
Тотъ Бухарь царь заморскиій
Положилъ на дощечки [1]) дани-выходы,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку добра коня:
Повыигралъ Бухарь царь заморскиій
Со Михайлы Потыка сына Иванова.
Наставили дощечку оны другую;
Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

---

[1]) Т.-е. поставилъ на конъ.—*Б.*

Положилъ на дощечку буйну голову,
А тотъ Бухарь царь заморскиій
Положилъ свои дани-выходы
Да и положилъ Михайлина добра коня;
Сыграли дощечку оны другую:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Раззадорился Бухарь царь заморскиій,
Наставили дощечку оны третьюю;
Положилъ полъ-царства полъ-имянства [1]), де,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани-выходы;
Сыграли дощечку оны третьюю:
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Тутъ дубова дверь да отворяласи,
Появился старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты ей же, братецъ мой крестовыій!
« Сидишь—играешь-забавляешься,
« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
« Твоя что Марья, Лебедь Бѣлая,
« Подоленка королевична
« Уѣхала во землю Политовскую
« Со тыимъ королемъ Политовскіимъ ».
Разсердился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
Тяпнетъ дощечку дубовую,
Броситъ въ дверь во кленовую,—
Что повылетятъ вонъ двери съ ободвериньями;
Отправился во землю Политовскую,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ай же, ей же, братецъ ты крестовыій!
— Получай полъ-царства, полъ-имянства ихъ
— Со Бухаря царя со заморскаго,
— А я уѣду во землю Политовскую.—
Онъ уѣхалъ во землю Политовскую.

[1]) Половину всего имущества. — *Б.*

Пріѣзжаетъ къ королю Политовскому.
Заѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ,
Что всѣ терема пошатилися,
Всѣ околенки стали сыпаться,
Что самъ король пріужахнулся.
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевична,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Выносила чару питьевъ забудущіихъ [1]),
Сама говоритъ таково слово:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
« Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
« Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко сію чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владимеру ».
Михайла до вина былъ упачливый [2]),
Онъ принялъ чару единой рукой,
Да и выпилъ чару единымъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
Хватила Михайлу за желты кудри,
Тащила Михайлу во чисто поле,
Бросила Михайлу черѐзъ плечо:
« Гдѣ былъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Тутъ стань бѣленькій горючій бѣлый камешокъ! »
Тутъ Михайла да окаменѣлъ.

Стосковалися братьица крестовые,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:

---

[1]) Которыя кидали въ забытку, въ безпамятство.—*Б*

[2]) Падкій.—*Б*.

Накрутилися они тутъ каликами,
Пошли искать братца крестоваго.
Идучись они по широкой дороженьки,
Сустигли Старчища Пиригримища:
Клюха у него сорока пудовъ.
Говорятъ они, калики перехожіи:
« Пойдемъ съ нами, Старчищо Пиригримищо! »
Пошли они во землю Политовскую.
Пришли къ королю Политовскому,
Становилиси къ нему подъ окошечко,
Закрычали голосомъ богатырскіимъ,
Попросили они милостыни:
Что всѣ терема пошатилиси,
Всѣ околенки стали сыпаться,
Всѣ во-ѳ градѣ пріужахнулись.
Говоритъ-то Марья, Лебедь Бѣлая:
« Ай ты ей, король Политовскиій!
« Зови каликъ въ полаты бѣлокаменны,
« Корми каликъ теперь до сыта,
« Да и пой каликъ теперь до пьяна,
« Да й дари каликъ теперь до люби:
« Это есть не калики перехожіи,
« А есть русски могучіи богàтыри ».
Отпустили каликъ перехожіихъ.
Пошли они, калики перехожіи,
Ко бѣлому горючему ко каменю;
Говоритъ имъ калика перехожая,
Тотъ Старчищо Пиригримищо:
« Станемте-тко, братцы, животовъ дѣлить! »
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, Старчищо Пиригримищо.—
Сталъ дѣлить Старчищо Пиригримищо,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорятъ калики перехожіи:
« Что жо ты не такъ дѣлишь животы?
« Кому изъ насъ теперь четверта часть?»
Говоритъ Старчищо Пиригримищо:

« Кто здыметъ [1]) маленькій горючій этотъ камешокъ,
« Да и броситъ этотъ камень черёзъ плечо,
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть ».
Прискочилъ какъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Хватилъ этотъ горючій бѣлый камешокъ,
По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;
Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Здынулъ [1]) онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ, казакъ, онъ въ землю угрязъ.
« Здымай-ко ты, Старчищо Пиригримищо! »
Какъ прискочилъ Старчищо Пиригримищо,
Хватилъ онъ камень конечь рукми [2]),
Бросилъ камень черезъ плечо,
Самъ ко каменю приговаривалъ:
« Гдѣ былъ бѣленькій горючій этотъ камешокъ,
« Тутъ повыскочи Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! »
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Фу, фу-фу, братцы, какъ я долго спалъ!—
Говорилъ Старчищо Пиригримищо:
« Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!
« Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Какъ будешь во градѣ во Кіевѣ,
« Ты поставь свѣчу Николы угоднику ».
Тутъ пошли домой братьица крестовыи,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ къ королю Политовскому.

Приходилъ какъ онъ на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное,
Выносила чару питьевъ забудущіихъ,
Говорила Михайлы сыну Иванову:

---

[1]) Подыметъ; поднялъ.—*Б.*
[2]) За конецъ руками.—*Б.*

« Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко всю чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ-ко ко солнышку Владимеру ».
Онъ принялъ какъ чару единой рукой,
Да и выпилъ всю чару единымъ духомъ:
Да гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
Хватила тутъ Марья, Лебедь Бѣлая,
Тащила Михайлу во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу тутъ на стѣну;
Не хватило гвоздя ему сердечнаго [1]):
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
Покупать гвоздя ему сердечнаго.
А тоя жъ Настасья королевична
Прибѣжала смотрѣть на богатыря:
Богатырь ей тутъ пондравился.
Положилъ онъ заповѣдь великую,
Что отрубить-то Марьи буйну голову,
А взять замужъ Настасью королевичну.
Тащила Настасья гвоздья съ него нектями [2]),
А прибила тутъ Татарина мертваго,
Мертваго она, мерзлаго,
А завернула Михайлу въ шубу черныхъ соболей,
Провела въ покои въ особые.
Увидалъ государь родной батюшко:
— Молода Настасья королевична!
—Кого ведешь въ шубы черныхъ соболей?—
« А была со мной маленька служаночка,
« Увидала русскаго богатыря,
« Гдѣ она увидала, испугаласи:
« Такъ веду я ю въ покои въ особые ».
Какъ заростилъ эти раночки кровавыя,
Тоя Настасья королевична
Пошла къ королю Политовскому:
« Ты ей, государь родной батюшко!

---

[1]) Въ сердце ему.—*Б.*
[2]) Ногтями.—*Б.*

« Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
« Съѣздить во чисто поле поляковать! »
Накрутился богатырь въ платье цвѣтное,
Садился скоро на добра коня,
Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
Заѣзжалъ онъ скоро на широкій дворъ,
Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
Выбѣгала на крылечко переное,
Выносила чару питья забудущаго,
Подносила Михайлы сыну Иванову:
« Ты прими сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко чару единымъ духомъ! »
Онъ принялъ тутъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,—
Тоя же Настасья королевична
Отворила косивчето окошечко:
« Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
«Ты, знать, порушилъ свою заповѣдь? »
Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Смахнулъ своей саблей востроей
Да отнесъ онъ Марьи буйну голову;
А взялъ замужъ Настасью королевичну;
Поѣхалъ ко граду ко Кіеву,
Ко солнышку ко Владимеру.
Тутъ по три дни было пированьицо
Про того Михайлу Потыка Иванова,
Что сказнилъ свою Марью, Лебедь Бѣлую,
Ту Подоленку королевичну.
Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

28 bis.

Во стольномъ городи во Кіеви
У славнаго князя у Владиміра
Было пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ князей да бояръ,

На всѣхъ тыхъ гостей званыхъ-бравыхъ
Званыхъ-браныхъ, приходящихъ.
Вси на пиру наидалися,
И вси на пиру порасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ золотой казной.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Что не чимъ мнѣ Владиміру похвастаться,
« Нѣтъ у меня золотой казны!
« А ты, первый русской сильный богатырь,
« Старый казакъ Илья Муромецъ,
« Съизди-ка ты въ Золоту орду,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой русской сильный богатырь,
« Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Съизди-ка ты въ Турцію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій русской сильный богатырь,
« Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
« Съизди-ка ты да въ Швецію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.»
Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову:
Тутъ они крестами побраталися.
Кто же изъ нихъ былъ большой братъ,
Кто же изъ нихъ былъ средній братъ,
А кто изъ нихъ былъ меньшой братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
Кто же изъ нихъ пораньше всихъ
Да повыѣдетъ къ другому на выручку?
А старый казакъ Илья Муромецъ
Отправился онъ въ Золоту орду;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Отправился онъ въ землю Турецкую;
А Молодой Добрыня сынъ Никитичъ
Отправился онъ въ землю во Свицкую.
Воротился прежде всихъ
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ко солнышку ко князю Владиміру:
Привезъ ему дани-выходы
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій

И говорилъ Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
« Что пишетъ мни Бухарь, царь заморскій,
« Что проситъ онъ съ меня дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что вы пишите къ Бухарю, царю заморскому,
— Что отпущены у меня дани-выходы
-- Съ Михайлою Потыкомъ сыномъ Ивановичемъ;
— А я поѣду да безъ выходовъ.—
Пріѣхалъ къ Бухарю, царю заморскому,
И здравствуетъ Бухаря, царя онъ заморскаго.
Спрашивалъ Бухарь, царь заморскій:
— Что откуда и какой добрый молодецъ,
— Ты коей орды, ты коей земли?—
« Я есть изъ города изъ Кіева
« Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Отъ того отъ солнышка-Владиміра;
« Привезъ тебѣ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Говоритъ Бухарь, царь заморскій:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Гдѣ жъ у тебя дани-выходы
— За двѣнадцать лѣтъ съ половиною?—
« Отправлены монетою все мѣдною,
« Такъ дорогою телѣжки поломалися,
« Остались мужики тамъ починивать. »
Говорилъ Бухарь, царь заморскій:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Съ такихъ съ великихъ радостей
— У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются?—
[« Играютъ въ карты биліяртовы »]
« Играютъ въ шашечки кленовыя
« На тыихъ на дощечкахъ на дубовыихъ. »
Они ставили дощечку первую:
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ на дощечку дани-выходы,
А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку добра коня,
И проигралъ Михайло онъ добра коня.
Наставили дощечку они другую:
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ на дощечку дани-выходы,
И положилъ на дощечку Михайлова добра коня,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку буйну голову.
Сыграли дощечку они другую,
Повыигралъ Михайло своего добра коня
И дани-выходы съ царя заморскаго.

Наставили дощечку они третію;
Тотъ Бухарь, царь заморскій,
Положилъ полцарства, полъ-имѣнства ли,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани-выходы.
Сыграли дощечку они третію,
Такъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
  Какъ въ тую пору, въ то время
Дубова дверь да отворялася,
Молодой Добрыня сынъ Никитичъ является,
Самъ говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты ей же, братецъ мой крестовый!
— Сидишь играешь-забавляешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь.
— Твоя же Марья Лебедь Бѣлая,
— Та Подоленка да королевичны,
— Уѣхала въ землю Политовскую
— Съ тыимъ королемъ Политовскіимъ.—
Разгорячился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
Онъ тяпнетъ дощечку дубовую,
Бросилъ въ дверь во кленовую,
Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ,
Самъ говорилъ Добрынюшки Никитичу:
« Получай-ка съ Бухаря, со царя со заморскаго,
« Представь ко солнышку ко Владиміру,
« А я поѣду въ землю Политовскую
« Къ тому королю Политовскому. »
  Пріѣхалъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Говорила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ужъ ты ей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, мы туда йдемъ.
— Ты прими-ка чару питья зелена вина,
— Прими-ка сію чару единоей рукой,
— Выпей сію чару единыимъ духомъ,
— Да и пойдемъ ко граду ко Кіеву.—
Михайла до вина былъ упачливый [1],
Принялъ чару единоей рукой
Выпилъ чару единыимъ духомъ:
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

---

[1]) *Упачливый* —падокъ.

Тая жъ ли Марья Лебедь Бѣлая
Хватила Михайлу за желты кудри,
Тащила его во чисто поле,
Бросила Михайлу черезъ плечо,
Сама говоритъ таково слово:
— Тутъ стань бѣленькой горючой да камешекъ!—
Тутъ Михайла да окаменѣлъ,
Сталъ бѣленькой горючой тутъ камешекъ.
Воспомнили братьица крестовые,
Сжаловались по Михайлы Потыку сыну Ивановичу.
Старый казакъ Илья Муромецъ
И младой Добрыня сынъ Никитичъ
Пошли искать братца крестоваго,
Накрутилися въ каликъ перехожіихъ.
Идучись до земли Политовскія,
Састигли старичища пилигринища,
Клюха у него сорока пудовъ
[Пригласили его во компанію],
Пришли они въ землю Политовскую
Къ тому королю Политовскому
Подъ тое окошечко косящчето,
Попросили они тутъ милостыни.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Говорила королю Политовскому:
— Ахъ же ты, король Политовскій!
— Зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
— Корми ты каликъ теперь до сыта
— И напой ты каликъ до пьяна,
— И дари ты каликъ теперь до люби.—
Подарилъ онъ злата многое множество,
И пошли вонъ изъ земли Политовской калики перехожіи,
Пришли къ бѣлому ко камени.
Говорилъ старичище пилигринище:
« Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлить. »
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, старичище пилигринище.—
Дѣлилъ старичище пилигринище,
На четыре дѣлитъ онъ на четверти.
Говорятъ калики перехожіи:
— Кому дѣлишь четверту часть?—
Говорилъ старичище пилигринище:
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
« Кто броситъ этотъ камень черезъ плечо. »
Тутъ прискочилъ молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
Ухватилъ онъ камень до колѣнъ своихъ,
И по колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ.
Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ:

Поднялъ камень по грудямъ своимъ,
И по груди казакъ въ землю увязъ.
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Сдымай-ка ты, старичище пилигринище!—
Хватилъ онъ камень конецъ кукшы,
Бросилъ камень черезъ плечо,
Самъ ко каменю приговаривалъ...
Гдѣ былъ бѣленькой горючой камешекъ,
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
« Фу, фу, братцы, я коль долго спалъ! »
Говоритъ старичище пилигринище:
— Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ. —
Говоритъ старичище пилигринище:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Когда будешь ты во гради во Кіеви,
« У ласкова князя у Владиміра,
« Ты поставь свѣчу Николы угоднику.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Простился со братьями со крестовыми,
Пошелъ въ землю Политовскую
Къ тому королю Политовскому;
Зашелъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими-ка сію чару единоей рукой,
— Да и выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единоей рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ;
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья Лебедь Бѣлая
Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу да на стѣну;
Побѣжала она въ торгъ на ярмарку
Покупать гвоздя она сердечнаго.
У того короля Политовскаго
Была дочь его, Настасья красивая,
Пошла смотрѣть русскаго богатыря.
Принагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Взмолился Настасьи королевичной:

« Повытащи гвоздья хоть ногтями,
Я теперича Марьи голову срублю,
« А возьму тебя, Настасью королевичну. »
Тащила гвоздья она ногтями,
Прибила Татарина тутъ мертваго,
Мертваго она, мерзлаго,
Прибила Татарина она на стѣну:
А того Михайлу Потыка сына Ивановича,
Провела въ покои въ особые.
Увидѣлъ король Политовскій:
« Кого ведешь въ шубы чернаго соболя? »
Говорила Настасья королевичны:
— Была со мной маленька служаночка,
— Увидала русскаго богатыря,
— Гдѣ она увидала, испугалася,
— Такъ веду я ее въ покои въ особые.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Заростилъ раночки кровавыя.
Та жъ Настасья Лебедь Бѣлая
У того короля Политовскаго
Просила коня богатырскаго
Повыѣхать во чисто поле.
Онъ далъ ей коня богатырскаго,
Посадила Михайлу Потыка сына Ивановича.
Повыѣхалъ онъ во чисто поле,
Воротился на дворъ королевскій,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими-ка сію чару единоей рукой,
— Да и выпей чару единымъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
— Ко ласковому князю ко Владиміру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единоей рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ.
Услыхала Настасья королевичны,
Отворила косяшчето окошечко,
Кричала ему жалкимъ голосомъ:
« Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Ты, знать, позабылъ свою заповѣдь! »
Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Взмахнулъ своей саблею востроей,
Отнялъ де онъ Марьи буйну голову,

Взялъ замужъ Настасью королевичну,
Возвратился ко граду ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дня было пированьице
Про того Михайлу Потыка сына Ивановича.
Тутъ вѣкъ про Михайлу старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
А намъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

29.

ДЮКЪ.

(Гильфердингъ, № 152.)

Во тоя Индѣи было во богатыя,
Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ по заводямъ,
Стрѣлялъ сѣрыихъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ, да еще три стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ каменя сподъ яхонта самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла и три орловица;
Онъ не тыхъ убилъ, которы летаютъ на святой Руси,
А тыхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ:
Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешки,
Ужъ онъ рутитъ орелъ перьица орлиныя;
Когда идутъ гости-корабельщики,
Подбираютъ это перьице орлиное,
Развозятъ это перьице (на ярманку),
Продаваютъ это перьице орлиное
Подороже-то атласа и рыта бархата;
Покупали мужики-то индѣйскіе,
Приносили это перьице орлиное

Его Дюкову-то батюшку въ подарочки,
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ [1]).
Съ тоя съ великія со радости
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньицомъ:
« Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
« Дай-ка ты прощеньице съ благословеньицомъ
« Ихать ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Мни прямой дорожкой, не окольною. »
Говоритъ государыни родна его матушка:
— Что не дамъ прощеньице съ благословеньицомъ
— Ѣхать ко граду ко Кіеву
— Ко ласкову князю ко Владиміру
— Прямой дорожкой, не окольноей.
— На той прямой дорожки, не окольной,
— Есть три заставы великія.
— Первая застава великая:
— Стоятъ тутъ горы толкуціи;
— Тыи жъ какъ горы врозь растолкнутся,
— Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
— Есть другая великая тамъ застава:
— Сидятъ тамъ птицы клевуціи;
— Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ;
— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
— Есть третія великая тутъ застава:
— Лежитъ Змиище-Горынчище,
— О двинадцати змия о хоботахъ;
— Тоя змия тебя съ конемъ сожретъ;
— Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ молодому живу не бывать. —
Онъ бояринъ своей матушки не слушался,

[1]) Весь разсказъ пѣвецъ спуталъ; ср. былину у Кирши.—Б.

Пошелъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Одивалъ на мала бурушка-кавурушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено [1]).
Онъ поилъ бурка питьемъ медвяннымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Сидлалъ коня въ сиделышко Черкасское,
Онъ потницки клалъ на потницки,
На потницки кладетъ войлоцки,
А на войлоцки Черкасское сиделышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырутилъ.
Подпруги были шелковыя,
Шпеньки были вси булатные,
А пряжки у сѣдла красна золота:
Тогда шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавиетъ,
Молодецъ на кони сидитъ—самъ не стариетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ во гради во Кіеви,
— Ты не хвастай животинками сиротскими,
— Сиротскими животинками вдовиными. —
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
Онъ ко земли бурка припадывалъ;
Испровѣщился ему добрый конь,
Ему голосомъ ли целовѣцскіимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Опущай-ка-ся съ меня со добра коня,
— Бери земли сыро-матерой,

[1]) Конь по колѣна заросъ въ землю.—Б.

— Подвязывай подъ пелечко подъ правое
— И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно бы сидѣть на добромъ кони,
— А я стану бурушко поскакивать,
— Съ горы на гору, съ холмы на холму,
— Рики и озера перескакивать,
— Гдѣ широкія раздолья—между ногъ пущать.—
А какъ пріѣхали они ко первой ко заставы:
А стоятъ тутъ горы толкуціи;
Тыи жъ какъ горы врозь растолкнулись,
И не успѣли горы вмисти столкнуться,
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Доѣзжалъ до другія до заставы ль:
Сидятъ тутъ птицы клевуціи;
Хотѣли его птицы съ конемъ склевать,
Не успили птицы крылушекъ расправити,
Онъ и другу заставу проскакивалъ.
Онъ ко третьей заставы прискакивалъ:
И лежитъ Змиище-Горынчище,
О двѣнадцати змия о хоботахъ;
Не успѣла змия хоботу расправити,
Онъ и третью заставу проскакивалъ.
Онъ ко граду ко Кіеву прискакивалъ,
И заидетъ какъ онъ на княженецкій дворъ,
Оставилъ своего добра коня,
Добра коня середь бѣла двора,
Не привязана и не приказана;
Самъ пошелъ во гредню во столовую.
Онъ крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На вси три-четыре на стороны,
Княгини-то Апраксіи да въ собину:
« Здравствуешь, княгиня Апраксія!
« Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій? »
Говоритъ княгиня тутъ Апраксія:
— А солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій къ обидни сполъ. —

Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божію:
По тыя по улицы по широкія
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Да ихъ подлило водою дожжевою,
Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;
Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
Приходитъ во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по ученому,
На вси три-четыре стороны,
А солнышку Владиміру да въ собину:
« Здравствуешь, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« Да съ своей княгиней со Апраксіей! »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ты откудашной, удалой доброй молодецъ,
— Ты коей орды, да ты коей земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Нарекаютъ тебя по отечеству? —
Говоритъ удалый добрый молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Я есть изъ Индѣи изъ богатыя
« Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Отстоялъ дома раннюю заутреню
« И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де. »
Говорятъ вси князи, да вси бояра,
Тая жъ говоритъ да вся мелка чета:
« Что не быть этому молодому боярину,
« Тому же ли Дюку Степановичу,
« А есть какой-нибудь дѣтинушка залѣшеникъ [1]):
« Онъ убилъ купца, либо боярина,
« Надѣлъ платьевъ дѣтина не видаютци,
« Все онъ, дѣтина, на платье поглядываетъ. »
Вышли они со Божьей со церкви,
Вышли они на улицу на широкую,
На ту дуброву на зеленую.

[1]) Залѣшанинъ.—Б.

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
« Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ [1]);
« Ажно въ Кіеви да не по нашему:
« Церкви-ты у васъ вси деревянныя,
« У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
« А мостовыя у васъ черною землею засыпаны,
« Подлило водою ихъ дождевою ди,
« Сдѣлалась грязь-то по колѣну ди;
« Замаралъ я сапожки-ты зеленъ сафьянъ. »
Какъ приходятъ тутъ въ палаты бѣлокаменны,
Садились они тутъ за дубовъ столъ,
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они бѣлыхъ калачиковъ рушати.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ мякишъ ѣсъ, въ немъ корку подъ столъ мечетъ.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Самъ говоритъ да таково слово:
— Ахъ, ты на что же мякишъ ѣшь,
— Корку подъ столъ мечешь? —
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
« Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
« Ажно въ Кіеви все по не нашему:
« У васъ печечьки все каменныя,
« Помялчики у васъ сосновыя,
« Пахнутъ калачики крупивчеты
« На тую ль на сѣру на сосновую,
« На сосновую на сѣру на капучую;
« Не могу я исть калачиковъ крупивчетыхъ.
« Какъ у моей государыни родной матушки,
« У честной вдовы Мамелфы Тимоѳеевной,
« Тамъ церкви есть у насъ все каменныя,
« Известочкой они отбилены,
« Маковки на церквахъ самоцвѣтныя;

---

[1]) *Добрисъ* — добръ есть, хорошъ

« У насъ крышечки ли въ домахъ золоченыя,
« Мостовыя руджелтыми песочками изнасыпаны,
« Сорочинскія суконца приразостланы,
« Не замараешь тутъ сапожковъ-то зеленъ сафьянъ,
« Идутчись во церковь Божію;
« У насъ печечки ли въ домахъ все муравлены,
« А помялчики у насъ въ домахъ все шелковыя,
«екII этъ она все калачики крупивчеты;
« Калачикъ съѣшь—другой хочется,
« Другой съѣшь—по третьемъ душа горитъ,
« Третій съѣшь—четвертый съ ума нейдетъ.»
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилой о великъ закладъ,
— Что вамъ ихать въ чисто поле поляковать,
— Чтобъ на всякой день были кони смѣнныи,
— Смѣнныи кони перемѣнныи,
— Снова на ново, все на три года,
— На три года да еще на три дни,
— Чтобы въ три года такой шерсти не было;
— Чтобъ на всякій день платья были цвѣтныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Снова на ново, все на три года,
— И на три года, да еще на три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣта не было;
— И въ третій день вамъ итти ко Божьей церкви:
— Который-то добрѣе у васъ выступитъ,
— Другому голова рубить.—
По тоемъ было Чурилы по Пленковичи
А держали поруку двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черниговымъ;
А по томъ было по молодомъ бояринѣ,
По немъ не было никакой порукушки,
А держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
Тотъ владыко Черниговскій,
Тотъ крестовый его батюшка.
Они не спустятъ домой сгонять

За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
Закручинился бояринъ, запечалился,
Садился скоро на ременцетъ стулъ,
Писалъ онъ скорописцатые герлики [1]),
Полагалъ въ сумки переметныя,
Отпущалъ онъ мала бурушка-кавурушка.
Тутъ сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холмы на холму,
Рѣки-озера перескакивать,
Широки раздолья между ногъ пущать.
Какъ будетъ во Индѣи во богатыя
У него государыни родной матушки
На широкомъ двори,
Заржай [2]) голосомъ лошадинымъ;
Тутъ услыхала государыни родна матушка,
Выбѣгала она на крыльце на переное [3]),
Увидала она своего добра коня,
Сама говоритъ да таково слово:
« Видно, нѣтъ жива рожонова дитятки,
« Стоитъ у крыльца одинъ добрый конь. »
Увидала она сумки переметныя,
Сама говоритъ да таково слово:
« Что рожоно мое дитятко захвастливо,
« Захвастливо да—знать—захвачено. »
Снимала она сумки переметныя,
Вынимала скорописцатые герлыки,
Полагала ему платья цвѣтныя,
По три пары положила на всякій день,
Ново на ново на три года,
Ай на три года, да еще на три дни,
Отпущала мала бурушка-кавурушка.
Какъ онъ будетъ во гради во Кіеви
У ласкова князя у Владиміра,
У Владиміра на широкомъ двори,

---

[1]) *Герлики*—ярлыки.
[2]) Заржалъ; *заржи*—въ употребленіи прошедшаго времени.—*Б.*
[3]) Съ перилами.—*Б.*

Заржай голосомъ лошадинымъ:
Всѣ терема пошаталися,
Вси во градѣ пріужаснулися.
Сами говорятъ таковы слова:
« Есть какой-нибудь у насъ во градѣ уродище. »
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Знать пришелъ малый бурушка-кавурушка. —
Получалъ свои платья цвѣтныя.
  Тутъ поѣхали они во чисто поле поляковать:
Тотъ Чурилушка Пленковичъ
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повыкатаетъ,
На бурки-то шерсть перемѣнится.
Проѣздили они цѣло три года,
Цѣло три года, да еще по три дни;
Сегодни имъ итти ко Божьей церкви:
« А который-то добрие изъ насъ выступитъ,
« Другому изъ насъ голова рубить. »
  Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ—
Во своемъ во градѣ ему дѣется—
Приходили какъ въ церковь Божію,
Тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ становился на крылосо [1]) на правое,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Становился на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Плыветъ Змиище-Горынчище.
Тутъ вси въ церкви пріужаснулися,
Сами говорятъ таково слово:
« Что у нашего Чурилушки Пленковича

---

[1]) Клиросъ-отъ, крылосъ-тъ.

« Есть отмѣточка противъ молода боярина,
« Противъ молода Дюка Степановича. »
Закручинился бояринъ, запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю,
Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запили птицы пѣвуціи,
Закричали звѣрки вси рыкуціи;
А тутъ вси въ церкви да о зень [1]) пали,
О зень пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты, молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Пріуйми-тка птицы ты клевуціи,
— Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
— Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
Говорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Не твое я сегодня ѣмъ да кушаю,
« Не хочу я теперечу тебя слушати. »
Говоритъ владыка-то Черниговскій:
— Ахъ ты ей, крестово мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Пріуйми-тка птицы ты клевуціи,
— Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
— Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
Онъ послушалъ крестоваго своего батюшки,
Онъ пріунялъ птицъ тыхъ пѣвуціихъ,
Призакликалъ звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
А тутъ говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Ты ударь-ко о великъ закладъ:

[1]) О земь.—*Б.*

— Переѣхать намъ чрезъ Пучай-рѣку,
— А и Пучай-рѣка на два поприща;
— Который-то не можетъ перескочить,
— Тому изъ насъ и голова рубить. —
Поѣхали они чрезъ Пучай-рѣку.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Твоя похвальба на передъ зашла,
« Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди. »
Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку,
О полу-рѣки Чурила въ воду ввергился,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро-на-скоро скочилъ чрезъ Пучай-рѣку,
Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
Ѳ полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Чурилу за желты кудри захватывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конемъ съ воды,
Не спуститъ Чурилы онъ до Кіева,
А самъ говоритъ таково слово:
« Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій.
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
— А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.—
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
« Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
« Пусть ты Кіевскими бабами уплаканный!
« Не изди съ нами со бурлаками,
« А сиди во гради во Кіеви,
« Ты во Кіеви во градѣ между бабами! »
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Онъ сталъ отправлять туда [1]) оцѣнщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:
Онъ стараго казака Илью Муромца,

[1]) Въ Индію.

Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича.
А во третьихъ Олешу Поповича.
Испроговоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
« Не посылайте-ка Олешеньки Поповича,—
« А его глазишечки поповскіе,
« Поповскіе глазишечки, завидливы,
« А ему оттоль да видь не выѣхать!
« Посылайте-ко стараго казака Илью Муромца,
« Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича;
« Не берите-ка бумаги на три мѣсяца,
« А вы берите-ка бумаги на три года,
« А на три года, да еще и на три дни. »
Какъ отправились они во Индѣю во богатую,
Подъѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
Повыстали на гору на высокую,
Увидили Индѣю тую богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
« Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
« Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
« Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
« Ай, горитъ Индѣя та богатая! »
Какъ подъѣхали они поближе де:
У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
Пришли они въ палаты бѣлокаменны,
Ай сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера сидитъ жена вся въ золоти.
Они бьютъ челомъ да поклоняются:
« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка! »
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка.—
. . . .
Пришли они въ покои въ другіе:
Сидитъ жена стара-матера,
Еще болѣе того она въ золоти,

Она въ золоти, да она въ серебри.
Они бьютъ челомъ, да покланяются:
« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка! »
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— А есть Дюкова колачница. —
Говорятъ послы да княженецкіе:
« Гдѣ же есть Дюковая матушка? »
Говоритъ жена да стара-матера:
— Что ушла она къ обѣдни ко долгія. —
Идетъ она изъ церквы изъ Божія,
Двое-трое ю ведутъ подъ руки,
Она бьетъ челомъ, покланяется:
— Вы здравствуйте, мужики вы общѣнщики!
— Вы зачѣмъ сюда теперь пріѣхали?
— Знать, сиротскихъ животишичекъ описывать? —
Садилися они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали исть калачиковъ крупивчетыхъ:
Калачикъ-отъ съидятъ—другаго хочется,
Другой съидятъ—по третьемъ душа горитъ,
Третій съидятъ—четвертый съ ума нейдетъ.
Вышли изъ-за стола изъ-за дубоваго;
Проводила она ихъ во погреба,
Посадила она ко сбруямъ ко лошадиныимъ:
Писали они тутъ по три года,
По три года они писали, по три дни,
Не могли общѣнить однѣхъ сбруй лошадиныихъ.
Повела она ихъ по погребамъ да по глубокіимъ:
Висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Повывела она на широкій дворъ:
А течетъ тутъ струйка золоченая,—
А тутъ не могли они смѣты дать.
Говорила мужикамъ она общѣнщикамъ:
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру,
— Пущай попродастъ на бумагу весь Кіевъ градъ,

— На чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
— Тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать.—
Какъ пріѣхали ко граду ко Кіеву,
Къ тому ли ко солнышку ко Владиміру,
Сами говорятъ таково слово:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
« Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
« На чернила продать весь Черниговъ градъ,
« Тожно пріѣхать животишечковъ описывать. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,
— Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины. —
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ поѣхалъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю да на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

30.

СТАВЕРЪ.

(Гильферд. № 151.)

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Какъ было пированіе—почестный пиръ
На многіе князи на бояры,
На всѣхъ-тыхъ гостей званыхъ-браныихъ,
Званыхъ-браныхъ гостей, приходящіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,

Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Инный хвалится добрымъ конемъ,
Инный хвалится шелковымъ портомъ,
Инный хвалится селами со приселками,
Инный хвалится городами съ пригородками,
Инный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.
 Изъ тыя изъ земли Ляховицкія
Сидѣлъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ:
Онъ сидитъ за столомъ—да самъ не хвастаетъ.
Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— Ты что сидишь—самъ да не хвастаешь?
— Аль нѣтъ у тебя села со приселками,
— Аль нѣтъ городовъ съ пригородками,
— Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней,
— Аль не славна твоя родна матушка,
— Аль не хороша твоя молода жена? —
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
« Хотя есть у меня села со приселками,
« Хотя есть города съ пригородками:
« Да то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хотя есть у меня добрыхъ комоней,
« Добры комо́ни стоятъ—все не ѣздятся:
« Да то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хоть славна моя родна матушка:
« Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
« Хоть хороша моя молода жена,—
« Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба:
« Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ повыманитъ,
« Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ. »
Всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
« Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Засадимъ-ка Ставра въ погреба глубокіе:
« Такъ пущай-ка Ставрова молода жена

« Насъ князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
« Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ,
« А Ставра она изъ погреба повыручитъ! »
А былъ у Ставра тутъ свой человѣкъ.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю Ляховицкую
Ко той Василисты Микуличной:
— Ахъ ты ей, Василиста дочь Микулична!
— Сидишь ты—пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Какъ твой Ставеръ да сынъ Годиновичъ
— Посаженъ въ погреба глубокіе;
— Похвасталъ онъ тобой, молодой женой,
— Что «князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— А солнышка Владиміра съ ума сведетъ. »—
Говоритъ Василиста дочь Микулична:
« Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра—не выкупить;
« Мнѣ-ка силой выручать Ставра—не выручить;
« Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
« Своею догадочкою женскою! »
Скорешенько бѣжала она къ (фельшарамъ),
Подрубила волоса по-молодецки, де,
Накрутилася Васильемъ Микуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ молодцовъ удалыхъ стрѣльцовъ,
Сорокъ молодцовъ удалыхъ борцовъ,
Поѣхала ко-о граду ко Кіеву.
Не доѣдутчи до-о града до Кіева,
Пораздернула она хорошъ-бѣлъ шатеръ,
Оставила дружину у бѣла шатра,
Сама поѣхала ко солнышку Владиміру.
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« Съ молодой княгиней со Опраксіей! »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
— Ты коей орды, ты коей земли,

— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Нарекаютъ тебя по отечеству?—
Отвѣчалъ удалый-добрый молодецъ:
«Что я есть изъ земли Ляховицкія,
« Того короля сынъ Ляховицкаго,
« Молодой Василій Микуличъ, де;
« Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу—со дочерью подумаю. —
Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
— Ахъ ты ей же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,
— Того короля сынъ Ляховицкаго,
— Молодой Василій Микуличъ, де,
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ любимыя на дочери:
— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
« Ты ей, государь родной батюшко!
« Что у тебя теперь на разуми:
« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину!
« Рѣчь-поговоря—все по женскому [1]);
« Перески [2]) тоненьки—все по женскому;
« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать [3]);
« Стегна жметъ—все добра бережетъ. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю. —
Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,
Молоду Василью Микуличу:
— Ужъ ты молодой Василій сынъ Микуличъ, де!
— Не угодно ли съ пути со дороженьки
— Сходить тебѣ во парную во баенку? —
Говорилъ Василій Микуличъ, де:

---

[1]) То-есть: рѣчь—поговорка у ней—все по женскому.—Б.
[2]) Перстки, персты, пальчики.—Б.
[3]) Гдѣ были кольца, тутъ и мѣсто видно.—Б.

« Это съ дороги не худо бы! »
Стопили ему парну баенку.
Покуда Владиміръ снаряжается,
Посолъ той поры во баенки испарился,
Съ байны идетъ—ему честь отдаетъ:
« Благодарствуй на парной на баенки! »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что̀ же меня въ баенку не подождалъ?
— Я бы въ байну пришелъ—тебѣ жару поддалъ,
— Я бы жару поддалъ и тебя обдалъ?—
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Что ваше дѣло домашнее,
« Домашнее дѣло, княженецкое;
« А наше дѣло посольское,—
« Недосугъ-то долго намъ чваниться,
« Во баенки долго намъ париться;
« Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу—съ дочерью подумаю.—
Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
— Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что̀ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говоритъ какъ дочь ему возлюбленна:
« Ты ей, государь мой родной батюшко!
« Что̀ у тебя теперь на разуми:
« Выдаешь дѣвчину за женщину!
« Рѣчь-поговоря—все по женскому;
« Перески тоненьки—все по женскому;
« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать. »
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—
Приходитъ ко Василью Микуличу,
Самъ говорилъ таково слово:

— Молодой Василій Микуличъ, де!
— Не угодно ль послѣ парной тебѣ баенки
— Отдохнуть во ложни во теплыя?—
« Это послѣ байны не худо бы! »
Какъ шелъ онъ во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился гдѣ ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Какъ шелъ туда Владиміръ стольно-Кіевскій,
Посмотрѣлъ во ложню во теплую:
Есть широкія плеча богатырскія.
Говоритъ посолъ земли Ляховицкія,
Молодой Василій Микуличъ, де:
« Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери;
« Что̀ же ты со мной будешь дѣлати? »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я пойду—съ дочерью подумаю.—
Приходитъ ко дочери возлюбленной:
— Ай же, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ посолъ земли Ляховицкія,
— Молодой Василій Микуличъ, де,
— За добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что̀ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему̀ возлюбленна:
« Ты ей, государь родной батюшко!
« Что̀ у тебя теперь на разуми:
« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину! »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу посла да поотвѣдаю.—
— Ахъ ты молодой Василій Микуличъ, де!
— Не угодно ли съ моими дворянами потѣшиться,
— Сходить съ ними на широкій дворъ,
— Стрѣлять въ колечко золоченое,
— Во тоя въ остріи ножовыя,
— Расколоть-то стрѣлочка на-двое,

— Чтобъ были мѣрою равненьки и вѣсомъ равны.—
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ перво князевый:
Первой разъ стрѣлилъ—онъ не дострѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—онъ перестрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—онъ не попалъ.
Какъ сталъ стрѣлять Василій Микуличъ, де,
Натягивалъ скоренько свой тугій лукъ,
Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ въ колечко золоченое,
Во тоя острея во ножевая,—
Расколол онъ стрѣлочку на-двое,
Они мѣрою равненьки и вѣсомъ равны.
Самъ говоритъ таково слово:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей на любимыя на дочери;
« Что̀ же ты со мной будешь дѣлати? »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Я схожу-пойду—съ дочерью подумаю.—
Приходитъ къ дочери возлюбленной:
— Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
— Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
— Молодой Василій Микуличъ, де,
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ, любимыя на дочери;
— Что̀ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
Говорила дочь ему возлюбленна:
« Что̀ у тебя, батюшко, на разуми:
« Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
« Рѣчь-поговоря—все по женскому:
«Перески тоненьки—все по женскому;
« Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать. »
— Я схожу, посла поотвѣдаю.—
Онъ приходитъ къ Василью Микуличу,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Василій Микуличъ, де,
— Не угодно ли тебѣ съ моими боярами потѣшиться,

— На широкомъ дворѣ поборотися?—
Какъ вышли они на широкій дворъ,
Какъ молодой Василій Микуличъ, де,
Того схватилъ въ руку, того въ другую,
Третьего склеснетъ [1]) въ середочку,
По трою за разъ онъ на зень [2]) ложилъ,
Которыхъ положитъ—тыи съ мѣста не стаютъ.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ты молодой Василій Микуличъ, де!
— Укроти-ко свое сердце богатырское,
— Оставь людей хоть намъ на сѣмена!—
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
« На твоей любимыя на дочери;
« Буде съ чести не дашь,—возьму нѐ съ чести,
« А не съ чести возьму,—тебѣ бокъ набью! »
Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
Сталъ онъ дочь свою просватывать.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сего дни имъ итти къ Божьей церкви:
Закручинился Василій, запечалился.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что же ты, Василій, не веселъ есть?—
Говоритъ Василій Микуличъ, де:
« Что буде [3]) на разуми не весело:
« Либо батюшко мой померъ есть,
« Либо матушка моя померла.
« Нѣтъ ли у тебя загусельщичковъ,
« Поиграть во гуселышка яровчеты? »
Какъ повыпустили они загусельщиковъ,
Всѣ они играютъ,—все не весело.
« Нѣтъ ли у тя молодыхъ затюремщичковъ? »
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Всѣ они играютъ,—все не весело.

---

[1]) Сдавитъ, сожметъ, скрючитъ.—Б.
[2]) Наземь.—Б.
[3]) Что-то.—Б.

Говоритъ Василій Микуличъ, де:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
« Что посаженъ нашъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
« У тебя во погреба глубокіе:
« Онъ гораздъ играть въ гусельшки яровчеты. »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Мнѣ повыпустить Ставра;
— Мнѣ не видѣть Ставра;
— А не выпустить Ставра,—
— Такъ разгнѣвить посла!—
А не смѣтъ посла онъ поразгнѣвати,—
Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
Онъ сталъ играть въ гусельшка яровчеты,—
Развеселился Василій Микуличъ, де,
Самъ говорилъ таково слово:
« Помнишь, Ставеръ, памятуешь ли,
« Какъ мы маленьки на улицу похаживали,
« Мы съ тобой сваечкой поигрывали:
« Твоя-та была сваечка серебряная,
« А мое было колечко позолоченое?
« Я-то попадывалъ тогды-сёгды,
« А ты-то попадывалъ всегды-всегды? »
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Что я съ тобой сваечкой не игрывалъ!—
Говоритъ Василій Микуличъ, де:
« Ты помнишь ли, Ставеръ, да памятуешь ли,
« Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамоты училися:
« Моя была чернильница серебряная,
« А твое было перо позолочено?
« А я-то помакивалъ тогды-сёгды,
« А ты-то помакивалъ всегды-всегды?—
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Что я съ тобой въ грамоты не учивался!—
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
« Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
« Посмотрѣть дружинушки хоробрыя? »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Мнѣ спустить Ставра,—не видать Ставра,
Не спустить Ставра,—разгнѣвить посла!—
А не смѣетъ онъ посла да поразгнѣвати:
Онъ спустилъ Ставра съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
  Пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Зашелъ Василій въ хорошъ-бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя платье молодецкое,
Одѣлъ на себя платье женское,
Самъ говорилъ таково слово:
« Тепереча, Ставеръ, меня знаешь ли? »
Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Молода Василиста дочь Микулична!
— Уѣдемъ мы во землю Политовскую!—
Говоритъ Василиста дочь Микулична:
« Не есть хвала добру молодцу,
« Тебѣ воровски изъ Кіева уѣхати:
« Поѣдемъ-ко свадьбы доигрывать! »
  Пріѣхали ко солнышку Владиміру,
Сѣли за столы за дубовые.
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
« За что̀ былъ засаженъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
« У тебя во погреба глубокіе? »
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Похвасталъ онъ своей молодой женой,
— Что князей-бояръ всѣхъ повыманитъ,
— Меня, солнышка Владиміра, съ ума сведетъ.—
« Ай ты ей, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« А нынче что̀ у тебя теперь на разуми:
« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину,
«За меня, Василисту, за Микуличну? »
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло;
Повѣсилъ свою буйну голову,
Самъ говорилъ таково слово:
— Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!

— За твою великую за похвальбу
— Торгуй во нашемъ городи во Кіеви,
— Во Кіеви во градѣ вѣкъ безпошлинно!—
Поѣхали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

31.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(Гильферд. № 153.)

Когдажь-то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
« Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
« Царскую порфиру на себя одѣлъ,
« Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
« И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Какъ не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,
Испроговоритъ онъ таково слово:
— Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ [1]—пьетъ измѣна одни кушанья,

---

[1]) Ѣстъ.

— Платьица носитъ одноцвѣтныя,
— Сапожки на ножкахъ одноличныя.—
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ужъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!
« Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи:
« Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичъ государь,
Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:
— Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— Буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Өедора Ивановича.—
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой Царскій градъ,
— Ты-то ѣхалъ по краечку,
— Я-то ѣхалъ по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Напередъ пословъ онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые поразбѣгались,
— А малые по кувыркъ-травы разваляли ся,
— А старые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала.—
Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:
« Ай вы ей, палачи немилостивы!
« Вы возьмите-ка Өедора Ивановича
« За тыя за ручки за бѣлыя,
« За тые за перстни за злаченые,
« Сведите-ка Өедора въ чисто поле
« На тое болотцо на Житное,
« На тую на плашку на липову,
« Отрубите ему буйну голову!»
Во тую ли пору, во то время
Всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися [1]),

---

[1]) Попрятались. *Б.*

Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
Самъ говорилъ таково слово:
« Я много казнилъ царей, царевичей,
« Безъ счету королей, королевичей,
« И тебя Ѳедора не спущу!»
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни за злаченые,
Повелъ Ѳедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
Срубить Ѳедору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка,
Она чеботы обула на босу ногу,
Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
Побѣжала на горку на Вшивую [1])
Ко своему ко братцу ко родимому
Ко тому Никиты Романовичу.
Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ [2]),
«Въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимый,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жъ де Ѳедора Ивановича;
— Повелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Ѳедору буйну голову.—
  Какъ тотъ Никита Романовичъ,
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,

---

[1]) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ; нынѣ *Швивая горка. Б.*
[2]) Отъ *крутиться*, рядиться.

Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ крычитъ,
Голосомъ крычитъ, самъ рукой машетъ:
« Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
« Не казни-ка ты молодого царевича,
« Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься.»
Малютка, того не пытаючи,
Беретъ Ѳедора за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову.
Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей вострoей,
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
Онъ бралъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую.
Сегодни день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
Подъ ты [кареты] подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичъ
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ особину:
« Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

« Со своей со любимой семьёй,
« Со молодой со Авдотьей со Романовной,
« Со своима со малыма дѣтушкамы,
« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
« Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того де Өедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плашку на липову,
— Срубить де ему буйну голову.—
Говоритъ Никита Романовичъ:
« Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
« Со своею съ молодой семьёй,
« Съ молодой Авдотьей Романовной,
« Со своима со малыма дѣтушкамы,
« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
« Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Того жъ де Өедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
— На тое болотцо на Житное,
— На тую на плаху на липову,
— Срубить де ему буйну голову.—
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
« Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
« Со своею любимой семьёй,
« Со молодой Авдотьей Романовной,
« Со своима со малыма со дѣтушкамы,

« Со тымъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
« Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей же, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надо мной насмѣхался!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—
Самъ говоритъ таково слово:
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ было рожономъ по дитятки,
— По немъ не было никакой заступушки!—
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
— Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ.—
Говоритъ Никита Романовичъ:
« Что не отрублена буйна голова
« Тому жъ де Өедору Ивановичу,
« А отрублена буйна голова
« Тому Малюты Скуратову».
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ золотой казны?—
Говоритъ Никита Романовичъ:
« Есть у меня золотой казны,
« Есть городовъ съ пригородкамы,
« И есть и селъ со приселкамы,
« То мнѣ молодцу не похвальба;
« А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину:

« Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
« Хоть коня угони, хоть жену уведи,
« Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
« Того добраго молодца Богъ проститъ.»
Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
Того добраго молодца Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

32.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(Гильферд. № 154.)

Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
У того царя сударь Алексѣя Михайловича Московскаго.
Выходилъ какъ онъ изъ Божьей церкви,
Становился онъ на Лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ, надежа-государь-царь:
« Ай же вы, князи, думные бояра!
« Пособите государю дума думати,
« Надо думать крѣпка дума, не продумать.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« Даваетъ ли намъ Хинскую землю.
« Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Аль намъ за Смоленецъ постояти,
« Али намъ на Смоленецъ нанимати? »
Выходилъ перво князь Астраханскій,

Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возьмите у нихъ Хинскую землю!—
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Аль намъ за Смоленецъ постояти,
« Аль намъ на Смоленецъ нанимати? —
Выходилъ второй князь Бухарскій,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возьмемъ себѣ Хинскую землю.—
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
« Пособите государю дума думати,
« Надо думать крѣпка дума, не продумать.
« Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
« Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
« А даваетъ намъ Хинскую землю.
« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
« Али намъ за Смоленецъ постояти,
« Али намъ на Смоленецъ нанимати? »
Выходилъ князь Данила Милославской,
Онъ-то близко къ государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ты ай, сударь надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строенье не литовско,
А Смоленецъ есть строеньице московско;
— Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,
— Во Смоленцѣ казны есть—смѣты нѣту:
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!—
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
« Ты ай же, князь Данила Милославской!
« Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,
« Я пожалую во Смоленцѣ воеводой. »
Астраханскаго-то взялъ—повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

Записано 29 іюня 1863 г.

32 bis [1]).

Вотъ я было въ Москвѣ бѣлокаменной,
Изъ тоя было изъ Божьей изъ церкви,
Вотъя было отъ обѣдни отъ долгоей
Выходилъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.
Становился онъ на Лобно сударь на мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ асу надежа государь царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
„Ай же вы, князи, думные бояра!
„Пособите государю дума думати:
„Надо думать крѣпка дума, не продумати.
„Мнӣ-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
„Онъ ужъ проситъ у насъ города Смоленска,
„А даваетъ ли намъ Химскую землю.
„Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
„Али намъ за Смоленскъ постояти,
„Али намъ на Смоленскъ панимати?“
Выходитъ перво князь Востраханскйй,
Онъ поблизку государя становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленскъ есть строенье не Московско,
— А Смоленскъ есть строенье Литовско;
— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленскѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
— А мы возьмемъ себѣ Химску землю!—
Государю тыи рѣчи не слюбилися.
Говорилъ асу надежа государь-царь:
„Ай же вы, купцы-гости богатые!
„Пособите государю дума думати:
„Надо думать крѣпка дума, не продумати.
„Мнӣ-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
„Онъ у насъ проситъ города Смоленска,
„А даваетъ ли намъ Химскую землю.
„Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
„Али намъ за Смоленскъ постояти,
„Али намъ на Смоленскъ навимати?“

---

[1]) Сравненіе съ предыдущей былиной убѣждаетъ, что это—тотъ же текстъ, но, очевидно, записанный кѣмъ-то по порученію Рыбникова: онъ обозначенъ глухо „Изъ Петрозаводскаго уѣзда“, тогда какъ предыдущій носитъ прямую отмѣтку мѣста, времени и лица (см. Перечень къ III т. стар. изд.) *Ред.*

Выходилъ второй князь Бухарской,
Онъ поблизку государя становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленскъ есть строенье не Московско,
— А Смоленскъ есть строенье Литовско;
— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
— Во Смоленскѣ казны нѣтъ ни копейки:
— Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
— А себѣ возьмемъ Химскую землю!—
Государю тыя рѣчи не слюбилися.
Говорилъ асу надежда государь-царь:
„Ай же вы, малые дѣтушки, солдаты!
„Пособите государю дума-думати:
„Надо думать крѣпка дума, не продумати.
„Мнѝ-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
„Онъ ужъ проситъ у насъ города Смоленска,
„А даваетъ ли намъ Химскую землю.
„Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
„Али намъ за Смоленскъ постояти.
„Али намъ на Смоленскъ нанимати?“
Выходилъ третій князь Данила Милостравской,
Онъ поблизку государя становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ай ты, ай асу, надежа государь-царь!
— Благослови намъ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленскъ есть строенье не Литовско,
— А Смоленскъ есть строенье Московско;
— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей,
— Во Смоленскѣ казны есть—смѣты нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленскъ стояти,
— Ужъ мы станемъ на Смоленскъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленска,
— Не возьмемъ себѣ Химскія земли!—
Государю тыи рѣчи прилюбилися.
Говорилъ асу надежа государь-царь:
„Ай ты, ай асу, князь Данила Милостравской!
„Мнѣ-ка чѣмъ же бы тя нà скоро пожаловати?
„Я пожалую во Смоленскѣ воеводою!“
Астраханскаго-то князя взялъ—повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

33.

НАСТАСЬЯ ПОЛИТОВСКАЯ.

(Гильферд. № 155.)

Какъ бы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы младъ соловей
По мхамъ, по болотищамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца
Не служба государева
(Не наборы солдатскіе),
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской украины.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву:
« Ты батюшко, король литовскіій!
« Прими-ко меня во слуги-рабы,
« Во слуги-рабы, хоть во конюхи,
« Избавь меня отъ службы государевой. »
Положилъ онъ добра молодца во конюхи,
Цѣну онъ назначилъ ему по сту въ годъ.
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А королъ молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ онъ молодца во стольники,
Положилъ онъ молодцу по двѣсти въ годъ.
Я во стольникахъ жилъ три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,

А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники,
Положилъ онъ молодцу по триста въ годъ.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три году,
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ [1]).
У того короля литовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю литовскому:
« Батюшко король литовскій,
« Литовскій король, земли польскія!
« Мнѣ дай ко кроваткѣ кроватничка. »
Говорилъ король политовскіій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей.—
Говорила Настасья королевична:
« Мнѣ не надо ко кровати кроватничка
« Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
« Мнѣ не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
« Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
« А ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
« Своего дай любимаго ключника. »
Пожаловалъ ей любимаго ключника
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьице
И натянуть соболино одѣяльице.

---

[1]) Древнѣйшая форма трехъ послѣднихъ стиховъ вѣроятно была такая:

Не пилъ молодецъ зелена вина,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго.
Не закусывалъ медамы стоялыма,
Стоялыма медамы сладкима.

Три году служилъ я въ кроватничкахъ.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ,
Заходилъ во кружало королевское
И тутъ молодецъ порасхвастался:
« Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
« Перво три году служилъ я въ конюхахъ,
« Друго три году служилъ я во стольникахъ,
« Третье три году служилъ я во ключникахъ,
« Это три году служилъ во кроватничкахъ.
« Меня Богъ добра молодца миловалъ,
« А король молодца любилъ-жаловалъ.
« Это три году служилъ я у кроватички:
« Не стилалъ я перинки пуховыя,
« Не складалъ круто спальне зголовьице,
« Не натягивалъ соболино одѣяльице,
« А я спалъ на кровати тесовыя
« Съ молодой Настасьей королевичной.»
Схватили меня добра молодца,
Донесли королю политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную.
На третій день добра молодца
Повели изъ тюрьмы богадѣльныя
Отрубить мнѣ-ка буйну голову.
Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
« Ай вы ей, сторожа политовскіе!
« Берите съ меня золотой казны:
« Ведите меня добра молодца
« Помимо окошко королевнино».
Закрычалъ я, удалый добрый молодецъ:
« Прости, молода Настасья королевична!
« Какъ ведутъ меня добра молодца
« Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя
« Отрубить мнѣ буйну голову».
Закрычала Настасья королевична:

— Вы спустите его добра молодца,
— Возьмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина, мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову,
— А донесите королю политовскому,
— Что отрублена его буйна голова
— За его поступки неумильные.—
Приходилъ я къ Настасьѣ королевичны,
Стала спрашивать меня добра молодца:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Есть ли у тебя молода жена,
— И есть ли у тебя малы дѣтушки?—
Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
« Есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
« Есть у меня молода жена,
« И есть у меня малы дѣтушки».
Говорила Настасья королевична:
— Ты возьми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
— Бери-ко себѣ золотой казны,
— Столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— И осталось бы твоимъ младымъ внучатамъ.—
Простился я съ Настасьей королевичной,
И пошелъ молодецъ въ свою сторону.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
И вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Не успѣлъ-то я сегодня угорѣть,
Пришелъ вечеръ, голова стала болѣть,
Зашумѣли самовары на столахъ.
Поднесите мнѣ зеленаго вина:
Отлучить бы [1]) отъ угару голова.

---

[1]) Отлѣчить.

Мимо вашего широкаго двора
Протекала нонь широкая Нева,
Мимо вашихъ бѣлокаменныхъ палатъ
Протащили Ваньку волокомъ въ кабакъ.

---

33 bis.

Какъ бы на соловья не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотичкамъ,
По частымъ наволокищамъ [1]).
Какъ бы на молодца не служба государева
[И не наборы солдатскіе],
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской Украйны.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
„Ты батюшко, король Политовскій!
„Прими-ко меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи [2]) “.
Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ
[Нейдетъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пьетъ молодецъ меду сладкаго,
Не пьетъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусываетъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ]:
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во клюшники.
Я во клюшникахъ жилъ цѣло три года,

---

[1]) Наволокъ — низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды волочится на сушу наволоки по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, оттого въ пѣсняхъ называются частыми, т.-е. густыми.

[2]) Сравн. пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ, о Сорока каликахъ со каликою. *Б*

Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго.
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ].
У того короля Политовскаго
Была дочь его Настасья Красивая.
Говорила королю Политовскому:
„Ты ей, государь родной батюшка!
„Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника“.
Говорилъ король Политовскій:
— Ай же, дочь моя Настасья Красивая!
— Выбирай себѣ молодаго ключника,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
— А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
— А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.—
Говорила Настасья королевична:
„Мнѣ не надо ко кровати кроватничка,
„Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
„Не изъ рускихъ могучихъ богатырей,
„Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ:
„А ты дай ко кровати кроватничка,
„Своего дай молодаго ключника“.
Онъ далъ ей молодаго ключника
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьицо
И натянуть одѣяло соболиное.
Тутъ служилъ молодецъ цѣло три года.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И напился молодецъ пива пьянаго,
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодецъ порасхвастался:
„Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
„Перво три года служилъ я во конюхахъ,
„Друго три года служилъ я во стольникахъ,
„Третье три года служилъ я во ключникахъ,
„Эго три года служилъ я во кроватничкахъ.
„Меня Богъ добра молодца миловалъ,
„А король молодца любилъ-жаловалъ.
„Это три года служилъ я у кроватички:
„Не стилалъ перинки пуховыя,
„И не складалъ круто-складное зголовьице,
„И не натягалъ соболина одѣялышка,

„А я спалъ на кровати тесовыя
„Съ молодой со Настасьей королевичной.“
Тутъ схватили меня добра молодца,
Довесли королю Политовскому;
Приказалъ же король Политовскій
Посадить въ тюрьму богадѣльную.
Чрезъ три дни-то молодому рѣшеніе:
Отрубить-то ему буйну голову.
Тые сторожа Политовскіе
Повели какъ меня добра молодца
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
Говорилъ я, удалой доброй молодецъ:
„Ай вы ей, сторожа Политовскіе!
„Берите съ меня золотой казны,
„Вы столько берите, сколько надобно:
„А ведите меня добра молодца
„Помимо окошко королевнино“.
Закричалъ какъ удалой доброй молодецъ:
„Прости-ка, Настасья королевична!
„Ведутъ какъ меня добра молодца
„Изъ той тюрьмы богадѣльныя
„На тую плашку на липову,
„Срубить-то мнѣ буйну голову [1]“.
Закричала Настасья королевична:
— Спустите-ка этого молодца,
— Возьмите поганаго татарина,
— Хоть мертваго его, мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову,
— А донесите королю Политовскому,
— Что отрублена буйна голова
— За его поступки неумильные [2]).
— Ай ты ей, удалой доброй молодецъ!
— Есть ли у тебя въ доми отецъ и мать,
— Есть ли у тебя молода жена,
— Есть ли у тебя малы дѣтушки?—
Говорилъ-то удалой добрый молодецъ:
„Что есть у меня въ доми отецъ и мать,
„И есть у меня молода жена,
„И есть у меня малы дѣтушки“.
— Ай ты ей же, удалой доброй молодецъ!
— Ты бери-ка мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы ларцы,

---

[1]) Сколько извѣстно по другимъ многочисленнымъ разнорѣчіямъ, пѣсня до этого мѣста безпрестанно въ народѣ смѣшивается съ пѣснею о Ванькѣ Ключничкѣ. — *Б.*

[2]) Ср. опять пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ.—*Б.*

— Бери-ка себѣ золотой казны,
— Столько бери, сколько надобно,
Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.—
Онъ набралъ себѣ золотой казны,
Столько онъ взялъ, сколько надобно.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушаньс.

34.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ и КУПЕЦЪ ТЕМНЫЙ [1]).

Во тоемъ во градѣ въ Ерусалимѣ
Стояли у обѣдни у долгія.
Близъ того храму великаго
Стоялъ тутъ садъ купца темнаго [2]).
Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темныій
Со своею женою законною,
Говорила жена ему возлюбленна:
« Ты ей же, мужъ мой возлюбленный!
« Въ нашемъ саду во прекрасноемъ
« Теперь новости объявилиси:
« Выростали на древи у насъ яблоки».
Подавала съ кармана ему яблоко.
Какъ съѣлъ купецъ тую яблоку,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки?—
Говорила жена ему возлюбленна,
«Что есть еще этихъ яблоковъ,

---

[1]) Эта былина (стар. изд. II, 55) можетъ быть приписана Чукову по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ „Перечнѣ“ къ II тому стоитъ: „Записанныя по порученію собирателя г. Лысановымъ, а) въ Кижской волости: №№ 16, 20, 55“... Между тѣмъ принадлежность Чукову двухъ изъ этихъ записанныхъ въ одномъ пунктѣ текстовъ подтверждается прямымъ указаніемъ Гильфердинга (его №№ 150 и 151).—*Ред.*

[2]) Слѣпаго.

« Только висятъ онѣ высоко есть.
« Захватись-ко за дубъ ты руками, де,
« А я выстану въ дубъ тотъ высокий,
« Достану тебѣ эти яблоки ».
У самой въ дубу была люлька тамъ,
Въ этой люлечки былъ полюбовничокъ.
Ложилась она къ ему въ люлечку.
Во тую пору, во то время
Царь Давыдъ случился на [балкони] быть
Со своей прекрасной царицею;
Увидали слѣпаго—за дубъ держится,
Говорилъ царь Давыдъ со царицею:
«Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣніе далъ,
«Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»
Говоритъ царица прекрасная:
— На то бы были у моей сестры отверточки.—
А сынъ во чревѣ заговорилъ: «Баба по бабьи и судъ судитъ!»
Мать говоритъ, что—я чего ни будь выпью
— И тебя во чревѣ употреблю.—
А сынъ сказалъ, что «я выломлю боку,—
« Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»

То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ полюбовникомъ въ люлькѣ, и закрычалъ: — Ахъ ты, жена, эдакая дура! какъ ты могла надъ моей главой сотворить блудъ? — То сказала ему жена: «Допусти меня только до зени, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть ломи, только выслушай, что я тебѣ скажу: я ночесь спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ бы глаза». То взялъ свой мужъ свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.

Сказалъ на то царь: «Чтó сей мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? такъ не чтó ему и съ глазами дѣлать!» Два раза ступилъ—и больше не видитъ.

Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею: «его вынести на кухню и заколоть его, и вы-

нять изъ него сердце, и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ мудрый и истребитъ меня». То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что — «не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любаго ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей.»—То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псиное сердце. То взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ лакей, что «я несъ и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука схватила зубами». А онъ себя велѣлъ отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ тамъ мальчика: и сталъ ростить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу:—Скажи-ко ты мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю?— Отвѣчалъ ему отецъ, что «хожу».—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь? — То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что— Спросилъ ли ты у царя, чтб, большой ли онъ свитой будетъ?— То царь сказалъ, что «я буду всей свитой». — То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большаго или съ малаго? — Отвѣчалъ ему царь, что «ставь съ полнаго приходу». То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что — для чего онъ такъ кручиненъ? — Отвѣчалъ ему отецъ, что «лутчи бы было не спрошано: приказалъ царь ставить кушанья съ полнаго приходу». Отвѣчалъ ему сынъ, что—дешевле этого кушанья и нѣту: поди и вози домой рѣпу, и парь пару.—То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну пару и печенки...

35.

НЕРАЗСКАЗАННЫЙ СОНЪ.

При тоемъ царѣ при Өедорѣ Васильичѣ
Жилъ-былъ бояринъ богатыій.
У него было три сына, три любимыихъ,
И выстроилъ всѣмъ по дому по великому.
Посылалъ онъ перво сына старшаго
Во свой во домъ новостроенный,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ай же ты, мое чадо милое!
« Что тебѣ во сняхъ привидится [1]),
« Тотъ мнѣ сонъ порозскажи ».
Ему во сняхъ ничего не привидѣлось.
По другую ночь послалъ сына средняго,
И ему ничего не привидѣлось.
По третью ночь послалъ сына младшаго,
Ему чуденъ сонъ привидѣлся:
— Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
— А отецъ опосля тую воду пилъ.—
Убоялся удалый добрый молодецъ
И не смѣлъ того сна поразсказать.
Разсердился родитель его батюшка,
Отдалъ его во слуги-рабы
Тому ли большему боярину.
Онъ служилъ у боярина три году,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною,
А бояринъ его любилъ-жаловалъ.
И сталъ у него бояринъ спрашивать:
« Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ,
« За что тебя отдалъ ко мнѣ батюшка? »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— А привидѣлся мнѣ-ка чуденъ сонъ,
— И не сказалъ я сну родитель-батюшку.—

[1]) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: Что тебѣ покажется очевидное.

« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку,
— Не скажу и тебѣ, своему барину.—
Разсердился онъ на удала добра молодца,
Отдалъ его во солдатушки.
Молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ въ солдатушкахъ служитъ три году
У того царя Ѳедора Васильича,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
А царь его любилъ-жаловалъ.
И сталъ его царь спрашивать:
« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
« За что тебя баринъ отдалъ во солдатушки? »
— Не сказалъ ему я сну отцовскаго.—
« Скажи мнѣ-ка сонъ родительскій;
« Не скажешь мнѣ сну отцовскаго,
« Посажу тебя въ тюрьму богадѣльную. »
И говоритъ ему Иванъ Васильевичъ:
— Не сказалъ я сну родитель-батюшку
— И не сказалъ своему барину,
— Не скажу тебѣ, царское величество!—
Разсердился царь Ѳедоръ Васильевичъ,
Посадилъ его въ тюрьму богадѣльную,
Самъ поѣхалъ за сине море
Свататься на Настасьѣ царевичной
У того царя Василья Левидова.
Провожала его любима сестра,
Молода Анна свѣтъ Васильевна,
Простилась она и воротилася,
Домой пошла и заплакала,
Зашла она къ затюремщичкамъ,
Подавала имъ по милостины.
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
— Ай же ты, Анна Васильевна!
— Уѣхалъ твой братецъ за сине море,
— Не будетъ онъ взадъ во живности.—

Тутъ она порасплакалась,
Стала у него выспрашивать:
« Ты скажи, удалый добрый молодецъ,
« Почему ты можешь знать,
« Можешь знать и высказывать? »
Тогда онъ порасхвастался:
— Когда сдѣлаешь со мной заповѣдь великую,—
— Пойдешь за меня замужъ
— И назовешься моей молодой женой,
— Тогда избавлю отъ смерти отъ напрасныя
— Твоего братца любимаго.—
Тутъ молода Анна Васильевна
Бѣжала къ отцу ко духовному;
Писали они тутъ духовную,
И давали ему золотой казны,
Столько давали, сколько надобно,
Отправляли его за сине море.
Ѣдучись по тому синю морю
Услыхалъ удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Закрычалъ удалый добрый молодецъ:
— Ай же вы, братцы товарищи!
— Приставайте къ круту бережку.—
Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добрые молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Чего вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна шапочка,
« Одна шапочка невидимочка:
« Не можемъ мы ю пораздѣлить,
« На томъ мы и пораздорили. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту шапочку:
— Натяну я свой тугій лукъ,

— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону:
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой,
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому она достается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ шапочку невидимочку,
Садился во свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойничковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойникамъ
И сталъ ихъ допрашивать:
— Ай же вы, удалые добры молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы промежду собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Есть у насъ одна скатереточка,
« Скатереточка-хлѣбосолочка:
« Не можемъ мы ю пораздѣлить,
« На томъ мы и пораздорили. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю эту скатереточку:
— Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я стрѣлочку каленую,
— Стрѣлю въ одну сторону,
— Бѣжите вы слѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому она достается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,

Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойничковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ скатереточку хлѣбосолочку,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣзжалъ впередъ по синю морю.
И услыхалъ опять удалый добрый молодецъ
Шумячись сорокъ разбойниковъ.
Приставалъ онъ къ круту бережку,
Приходилъ къ сорока разбойничкамъ
И сталъ ихъ доспрашивать:
— Ай же вы, удалые добры молодцы!
— Скажите мнѣ, заповѣдайте,
— Что вы между собой спорите?—
Сказали они ему, заповѣдали:
« Нашли мы коверъ самолетныій:
« Не можемъ его пораздѣлить,
« На томъ мы и пораздорили. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Я раздѣлю коверъ самолетныій:
— Натяну я свой тугій лукъ,
— Наложу я калену стрѣлу,
— Стрѣлю въ одну сторону,
— Бѣжите вы вслѣдъ за стрѣлочкой:
— Кто съ этой стрѣлочкой сравняется,
— Тому коверъ достается.—
Натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ въ одну сторону;
Тутъ они сорокъ разбойниковъ
Бросались за этой стрѣлочкой;
А онъ удалый добрый молодецъ
Тяпнулъ коверъ самолетныій,
Убѣжалъ на свою лодочку
И поѣхалъ впередъ по синю морю.
Доѣхалъ онъ по синю морю

Ко тому царю ко заморскому,
Ко грозному Василью Левидову;
Становился во пристань великую
Между тѣхъ черленыихъ кораблей
На своей на малой на лодочкѣ.
Выходилъ онъ на крутой бережокъ,
Стрѣтается царю своему земельному
И самъ ему не спознается:
— Скажи мнѣ, царь, заповѣдай-ка,
— Чего ты идешь, самъ кручинишься?
— Вѣдь ты здѣсь у царя теперь сватаешь. —
Говоритъ царь Өедоръ Васильевичъ:
« Сваталъ я у царя Василья Левидова.
« Онъ далъ мнѣ заповѣдь великую:
« Ко тому ко дню ко завтрію
«Шить башмаки сафьянные,
« Какіе онъ еще вздумаетъ.
« А буде не сошью по разуму,
« Отрубитъ мнѣ буйну голову. »
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера:
— А все это тебѣ поисправится.—
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ къ грозному царю,
Ко грозному царю Василію Левидову.
Шьютъ тамъ у него сапожники,
Шьютъ-то башмаки зеленъ сафьянъ.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Утянулъ онъ сафьяну зеленаго,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили башмаки сапожнички,
А онъ шилъ однимъ кончикомъ,
Положилъ башмаки на гвоздики,
И унесъ ихъ башмаки зеленъ сафьянъ.

Прохватилися удалые добры молодцы
И видятъ, что башмачки они спортили;
Тутъ они закручинились,
Перешили башмаки, понаводили.
Тутъ-то удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Өедоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ башмаки зеленъ сафьянъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— На-кось ти, Өедоръ Васильевичъ!
— Снеси ты башмачки зеленъ сафьянъ
— Ко тому Василью ко Левидову,
— А только напередъ не показывай,
— Чтобы были они съ царскими равные.—
Приходитъ Өедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ!
« Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
« Покажи-тко свои башмачики,
« И тогда буду свои показывать. »
Какъ сличили они башмачики,
Его башмачики лучше ихъ,
Изъ того же сафьяну изъ зеленаго.
Говорилъ Василій Левидовичъ:
— Ай же ты, Өедоръ Васильевичъ!
— Ко тому ко дню ко завтрію
— Сшей-ко шубу черныхъ соболей,
— А поволоку, какую я здумаю.—
Закручинился царь, запечалился,
Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый добрый молодецъ:
« Ай же ты, царь Өедоръ Васильевичъ!
Ты чего идешь, самъ кручинишься? »
— Грозный царь Василій Левидовичъ
— Накинулъ на меня службу великую:
— Ко тому ко дню ко завтрію,

— Сшить шуба черныхъ соболей,
— А паволока, какую здумаетъ онъ;
— Не сошью буде шубы по разуму,
— Отрубитъ мнѣ-ка буйну голову.—
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:
« Поди-ко на свой черленъ корабль,
« Ложись-ко спать рано съ вечера,
« Утро будетъ оно мудрое,
« Мудренѣе будетъ утро вечера:
« Будетъ тебѣ шуба черныхъ соболей. »
Одѣваетъ онъ шапочку невидимочку,
Приходитъ онъ ко грозному царю,
Ко грозному царю Василью ко Левидову.
Шьютъ тамъ у него добрые молодцы,
Шьютъ-то шубу черныхъ соболей,
А поволоку-то дорогаго самита.
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Утянулъ онъ черныхъ соболей,
Утянулъ онъ дорогаго самита,
Столько утянулъ, сколько надобно.
Какъ сшили они шубу черныхъ соболей,
Сшилъ онъ шубу бѣлой ниточкой;
А заснули удалые добрые молодцы,
Утянулъ онъ ихъ шубу черныхъ соболей,
А повѣсилъ свою шубу на стоечкѣ.
Прохватились тутъ добрые молодцы
И видятъ, что шубу они спортили;
Тутъ они закручинились,
Перешили шубу, понаводили.
Какъ удалому добру молодцу
Попадаетъ по утру Ѳедоръ Васильевичъ,
Подаваетъ онъ шубу черныхъ соболей,
Самъ говоритъ таковы слова:
« На-кось ти шуба черныхъ соболей,
« Снеси ю ко Василью ко Левидову,
« А только напередъ не показывай,
« Чтобы была она съ царскою равная. »

Приходитъ Өедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы
Ко тому Василью ко Левидову,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ!
— Исполнилъ я твою заповѣдь великую.
— Покажи-тко свою шубу черныхъ соболей.
— И тогда буду свою показывать.—
Какъ показали они шубу черныхъ соболей,
Его-то шуба лучше ихъ,
А паволока дорогаго самита.
Говорилъ Василій Левидовичъ:
« Ай же ты, Өедоръ Васильевичъ!
« Ко тому ко дню ко завтрію,
« Наживи-тко три волосика,
« Три волосика золоченыихъ,
« Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживешь трехъ волосиковъ,
« Отрублю тебѣ буйну голову,
« А наживешь буде три волосика,
« Отдамъ завтра за тебя замужъ свою дочи. »
Закручинился царь, запечалился,
Пошелъ на свой черленъ корабль,
Попадаетъ ему удалый молодецъ:
Ай же ты, царь Өедоръ Васильевичъ!
— Ты чего идешь, самъ кручинишься?—
« Грозный царь Василій Левидовичъ
« Накинулъ на меня службу великую;
« Ко тому ко дню ко завтрію
« Нажить мнѣ-ка три волосика,
« Три волосика золоченыихъ,
« Чтобъ на каждой волосиночкѣ по жемчужинкѣ.
« Не наживу буде трехъ волосиковъ,
« Отрубитъ мнѣ буйну голову;
« А наживу я три волосика,
« Отдастъ завтра за меня замужъ свою дочи. »
Говоритъ Иванушко Васильевичъ:

— Поди-ко на свой черленъ корабль,
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе будетъ утро вечера.—
Тутъ-то молодая царевична,
Тая-то Настасья Левидовна,
Садилась она на черленъ корабль
И поѣхала впередъ по синю морю.
А былъ у ней дядюшка родимыій,
Родимый дядюшка златоволосыій,
Во тоемъ ли во царствѣ во Заморскоемъ.
Пріѣзжала она ко царству Заморскому,
Выходила на крутъ бережокъ,
Шла-то въ палаты государевы
Ко тому ко дядюшкѣ ко златоволосому.
« Ай же ты, любимый дядюшка!
« Дай-ко мнѣ три волосика,
« Три волосика съ буйной головы.
« Не охвота за царя итти за русскаго:
« Какъ не будетъ у него трехъ волосиковъ,
« Отрубятъ ему буйну голову. »
Далъ онъ ей три волосика.
А этотъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Иванушко Васильевичъ,
Надѣвалъ шапочку невидимочку,
Садился на коверъ самолетныій,
И догонялъ Настасью Левидовну,
И заходилъ въ палаты государевы.
Какъ тащила она три волосика,
А онъ хватилъ цѣлой пясточкой;
Разсердился удалый добрый молодецъ,
Хватилъ онъ саблю вострую,
Отрубилъ царю буйну голову.
Приходитъ онъ къ Ѳедору Васильевичу,
Подаетъ волосъ цѣлу пясточку,
Подаетъ ему буйну голову,
Самъ говоритъ таковы слова:

— Ай же ты, Өедоръ Васильевичъ!
— Ступай-ко ты ко Василью Левидову,
— Покажи волосъ цѣлу пясточку,
— Самъ говори таковы слова:
— « Если тебѣ мало цѣлой пясточки,
— « Такъ есть у меня цѣла голова,
— « Цѣла голова, она отрублена.
— « Коли не выдашь своей дочери,
— « Отрублю тебѣ буйну голову. » —
Приходитъ Өедоръ Васильевичъ
Во тыя палаты государевы,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, грозный Василій Левидовичъ!
« Вотъ тебѣ волосъ цѣла пясточка;
« Если тебѣ мало этой пясточки,
« Такъ есть у меня цѣла голова,
« Цѣла голова, она отрублена.
« Коли не выдашь своей дочери,
« Отрублю тебѣ буйну голову. »
Закручинился грозный царь, запечалился,
Повыдалъ замужъ свою дочушку
За того за Өедора Васильевича,
Далъ онъ вслѣдъ сорокъ кораблей.
Говорилъ тутъ Иванушко Васильевичъ:
— Ай же ты, царь Өедоръ Васильевичъ!
— Скажи-тко царю Василью Левидову:
— Пусть онъ про твоихъ заѣзжихъ добрыхъ молодцовъ
— Заведетъ пированье—почестенъ пиръ,
— Покормитъ ихъ онъ до сыта,
— Напоитъ-то онъ ихъ до пьяна.—
Грозный царь Василій Левидовичъ
Заводилъ пированье—почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На всѣхъ поленицъ на удалыихъ
И на тыихъ добрыхъ молодцевъ заѣзжіихъ.
Собиралися удалые добры молодцы
Во тыя палаты государевы,

Садилися за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Одѣлъ онъ шапочку невидимочку,
Пошелъ въ палаты государевы;
Какъ были тамъ столы накрытые,
Обралъ онъ ѣства сахарныя,
Обралъ онъ питьица медвяныя,
И вышли всѣ голодны добры молодцы,
Что нечего было ни ѣсть, ни пить.
Тутъ Өедоръ Васильевичъ
Звалъ того Василья Левидова
Со своими удалыми добрыми молодцами
На свой черленъ корабль на почестенъ пиръ,
На свое-то угощеньице завозное.
Собирался царь Василій Левидовичъ
Со своими удалыми добрыми молодцами
На него черленъ корабль,
Садились за столики дубовые.
Какъ тутъ Иванушко Васильевичъ
Налагалъ свою скатереточку хлѣбосолочку,—
Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
Не могли они питьицевъ повыпити.
Говорилъ Өедоръ Васильевичъ:
« Ай же ты, Василій Левидовичъ!
« На своемъ пированьѣ-почестномъ пиру,
« Во своихъ палатахъ государевыхъ,
« Не могъ ты заѣзжихъ добрыхъ молодцевъ
« Накормить досыта и напоить допьяна.
« А на моемъ черленомъ караблѣ,
« На моемъ угощеньицѣ завозноемъ,
« Наѣдались твои молодцы досыта,
« Напивались они допьяна,
« Не могли они ѣствицъ повыѣсти,
« Не могли они питьицевъ повыпити. »
Тутъ царь Василій Левидовичъ
Отпускалъ свою дочи любимую,
Отпустилъ сорокъ кораблей.

Поѣхали они по синю морю.
А этотъ Иванушко Васильевичъ
Садился на коверъ самолетный
И полетѣлъ впередъ черленыхъ кораблей,
Прилеталъ во землю во русскую
И садился въ тюрьму богадѣльную.
Какъ пріѣхалъ Өедоръ Васильевичъ,
Стрѣчаетъ сестрица любимая,
Тая ли Анна Васильевна:
— Здравствуй, Өедоръ Васильевичъ!
— Здорово ль ѣздилъ за сине море?—
« А все у меня благополучно ли? »
— Если бъ не я, такъ ты бы и живъ не былъ.—
Говорилъ ей Өедоръ Васильевичъ:
« А ты чѣмъ же мнѣ тамъ помогла? »
— Подала я тебѣ башмачики зеленъ сафьянъ,
— Подала тебѣ шубу черныхъ соболей,
— Подала тебѣ волосъ цѣлу пясточку.—
« А кто у тебя ко мнѣ отпущенъ былъ? »
— Былъ отпущенъ затюремный добрый молодецъ;
— А я давала ему заповѣдь великую
— Тому добру молодцу затюремному,
— Тому Иванушку Васильевичу,
— Пойти за него замужъ,
— Когда избавитъ тебя отъ смерти напрасныя.—
Приказалъ тутъ Өедоръ Васильевичъ
Повыпустить Иванушка Васильева,
Отдавалъ за него Анну Васильевну,
Отдѣлилъ ему полцарства-полъменства [1]).
Тутъ-то Иванушко Васильевичъ
Посылалъ звать своего родимаго батюшка
И заводилъ про него пированье-почестенъ пиръ.
Накормили его ѣствами сахарными,
Напоили его питьями медвяными,
Положили спать въ покои царскіе.

[1]) Полъ-именства или полъ-имянства. *Ред.*

Какъ ѣздилъ Иванушко за сине море,
Простудилъ онъ ножки рѣзвыя,
Онъ ихъ въ теплой водушкѣ отмачивалъ.
А простуду съ нихъ онъ выважималъ,
Полагалъ онъ тазъ подъ кровать свою.
Какъ спалъ его родитель батюшка,
Похотѣлося ему пить похмельному,
И взялъ онъ тазъ сподъ кроватушки,
И выпилъ тую теплу водушку.
И прохватился тутъ Иванъ Васильевичъ,
Схватился онъ за свою водушку:
« Кто повыпилъ мою водушку,
« Тому отрублю буйну голову. »
Говоритъ родитель его батюшка:
— Я выпилъ твою водушку.—
« Отрубить набъ буйна голова,
« Почему ты выпилъ мою водушку.
« Разсердился ты на меня, батюшка,
« Потому что я тебѣ сна не разсказалъ.
« А я видѣлъ тотъ сонъ во твоемъ новомъ дому:
« Какъ бы я въ тазу ноги мылъ,
« А ты, батюшка, опосля тую воду пилъ,
« И не смѣлъ того сна поразсказать.
« А тебѣ прощаю теперь твою вину. »
Тутъ они съ батюшкой помирилися,
Другъ другу въ ноги поклонилися,
И благословилъ его отецъ царствовать.
Тутъ вѣкъ о Иванушкѣ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.

Дѣвица-раскрасавица душа!
Есть котора круглолика и баска,
У той дѣвушки по молодцѣ великая тоска.
Есть котора румянешенька,
Съ молодцемъ идти радешенька.
Есть котора притолакиватъ ногой,

Поведемъ тую дѣвицу за собой.
У которой было семеро ребятъ,
Братцы, той дѣвки не кушайте,
Меня, молодца, послушайте.

36.

ЦАРСТВО ПОДСОЛНЕЧНОЕ.

При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ,
Жило при царѣ два мастера,
Одной работой занималися
И между собой пораздорили.
И призывалъ ихъ Василій Михайловичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Когда вы сдѣлаете по штукѣ молодецкія
« И другъ другу про себя не скажете,
« Тогда васъ обоихъ пожалую. »
Одинъ сдѣлалъ орла самолетнаго,
Другой утушку-золоты крылья.
Разъ ю вылилъ, положилъ во тазъ воды,
Его утушка не заплавала.
Это ему дѣло не полюбилося:
Сломалъ онъ свою утушку,
Перелилъ ю на другой разъ;
Какъ положилъ ю во тазъ воды,
Его утушка стала плавати.
И взялъ яичко вареное,
Положилъ на поле тазовое,
Его утушка стала клевать яйцо,
Ея дѣтушки тоже клюютъ.
Приходилъ онъ къ Василью Михайловичу,
Приносилъ ему малую утушку,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, царь Василій Михайловичъ!

— Возьми-ко мою малую утушку.—
Бралъ онъ свою утушку,
Положилъ ю во тазъ воды;
И вынимаетъ яичко вареное,
Полагаетъ на поле тазовое,
Его утушка стала плавати,
Ея дѣтушки тутъ же плаваютъ,
И всѣ клюютъ яичко вареное:
Эта утушка царю прилюбилася.
Приходитъ съ орломъ самолетнымъ,
Вызываетъ царя на широкъ дворъ,
Вынимаетъ орла самолетнаго
Изъ-подъ той полы сподъ правыя,
Садился на орла самолетнаго
Улетаетъ онъ во чисто поле
Подъ тыя подъ облака высокія,
Прилетаетъ онъ назадъ съ поля:
Этотъ орелъ царю понравился.
И тутъ ихъ обоихъ царь пожаловалъ.
У того царя Василья Михайловича
Былъ сынъ Иванъ Васильевичъ.
Своимъ глупымъ умомъ-разумомъ
Заходитъ въ кладовыя въ отцовскія,
Бралъ орла самолетнаго,
Садился молодецъ на того орла,
Улеталъ во далече чисто поле
Подъ тыя подъ облака высокія,
Увидѣлъ царство подъ солнышкомъ,
Подъ солнышкомъ царство великое.
Назадъ онъ скорешенько ворочался,
Опущался на широкій дворъ,
Заходилъ въ кладовыя въ отцовскія,
Беретъ съ собой золотой казны,
Онъ столько беретъ, сколько надобно,
Бралъ онъ одежу себѣ царскую,
И бралъ онъ царскій золотой перстень.
Выходилъ онъ на широкій дворъ,

Садился на орла самолетнаго,
Прилетѣлъ онъ въ царство подъ солнышкомъ,
Слѣзаетъ съ орла самолетнаго
И началъ по царству похаживать,
По Подсолнечному погуливать.
Во этомъ во царствѣ Подсолнечномъ
Стоялъ теремъ-золоты верхи,
Кругъ этого терема былъ бѣлый дворъ
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати,
О тыхъ сторожахъ о строгіихъ.
Онъ началъ у нихъ выспрашивать,
Онъ началъ у нихъ вывѣдывать:
« Для чего построенъ бѣлый дворъ
« О тыхъ воротахъ о двѣнадцати? »
— Ты ей же, удаленькій добрый молодецъ!
— У нашего царя Подсолнечнаго
— Есть у него дочи любимая,
— Молода Марья Лиховидьевна,
— Посажена она во высокъ теремъ,
— И поставлены сторожа строгіе.
— И сказали ему бѣлицы волшебницы [1]),
— Что твоя будетъ дочи любимая
— На шестнадцатомъ году во поношкѣ [2]).—
Тутъ молодой Иванушко Васильевичъ
Онъ началъ кругъ двора похаживать
И началъ подъ крышу посматривать:
Во тоемъ во теремѣ высокоемъ
Насмотрѣлъ онъ окно полуциркольно [3]),
И въ немъ половинка не заперта.
Выходилъ онъ во чисто поле,
Садился на орла самолетнаго,
Залетѣлъ онъ, удалый добрый молодецъ,

---

[1]) *Былицы*—волшебницы или *билицы*.—*Ред.*

[2]) Беременна.

[3]) Сначала сказитель пѣлъ о слуховомъ окошечкѣ, но, повторяя былину, вспомнилъ полуциркульное окно и увѣрилъ меня, что такъ и слѣдуетъ пѣть въ былинѣ.

Въ это окно полуциркольно.
Сталъ онъ по терему похаживать,
Заходилъ онъ къ Марьѣ Лиховидьевной
Во тыи покои во особые;
Онъ началъ съ ней разговаривать
И началъ съ ней угощатися
И въ разныя забавы заниматися.
Со тыя поры съ того времячка
Молодой Иванушко Васильевичъ
Почасту леталъ во царство Подсолнечно,
Онъ носилъ съ собой питьицевъ медвяныихъ,
Пили, ѣли они, угощалися
И въ разныя забавы занималися.
Запѣли они пѣсню въ два голоса,
Услыхали тутъ сторожа строгіе,
Доносили царю Подсолнечному.
Приходилъ царь Подсолнечный
Во тотъ во теремъ-золоты верхи,
Ко своей ко дочери любимыя,—
Услыхалъ какъ Иванушко Васильевичъ,
Улеталъ въ окно полуциркольно.
Какъ говоритъ ему Марья Лиховидьевна:
« Ай же ты, родитель батюшка,
« Грозный царь Лиховидъ Лиховидьевичъ!
« Что ты вѣришь сторожамъ строгіимъ!
« Пою я пѣсни разнымъ голосомъ:
« Когда я весела-радошна,
« Тогда пою пѣсни веселыя
« Своимъ нѣжнымъ голосочикомъ;
« А когда я порастоскуюся,
« Растоскуюся и порасплачуся,
« Тогда пою пѣсни уныльныя
« И пою голосомъ другіимъ. »
Тому онъ царь повѣровалъ.
Во тую пору во то время
Понеслася Марья Лиховидьевна,
Принесла-то Өедора Ивановича.

Молодой Иванушко Васильевичъ
Взялъ онъ своего сына любимаго,
Выскочитъ къ бабушкѣ задворенкѣ,
Подаетъ ей ларецъ съ золотой казной,
И даетъ ей свою одежу царскую,
И подаетъ свой золотой перстень:
— Ай же ты, бабушка задворенка!
— Возьми-ко моего сына любимаго.
— Отдай ему ларецъ съ золотой казной,
— И отдай ему мой золотой перстень,
— Отдай ему одежу мою царскую,
— Когда спроситъ про своего батюшка;
— А про мать ему не сказывай.—
Тотъ ли Ѳедоръ Ивановичъ
Когда росъ до лѣтъ до шестнадцати,
Сталъ онъ на улочку похаживать,
Сталъ онъ съ ребятками поигрывать,
И они стали обзывать его заугольникомъ [1]).
И тутъ молодецъ порасплакался,
Приходитъ къ бабушкѣ задворенкѣ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, государыня матушка,
« Бабушка ты мнѣ, али матушка!
« Скажи мнѣ про батюшка? »
Тутъ эта бабушка задворенка
Подавала ему окованъ ларецъ,
Подавала ему золотой перстень
И отдала ему одежу царскую,
Сама говорила таковы слова:
— Поѣзжай-ко, удалый добрый молодецъ,
— Ко своему родителю ко батюшку.—
Пріѣзжаетъ онъ къ Ивану Васильевичу,
И услышалъ онъ о своемъ батюшкѣ,
Что отецъ его еще сватаетъ

---

[1]) Незаконнорожденнымъ. Заугольниковъ въ Олонецкой губерніи называютъ по отечеству Богдановыми.

У того великаго боярина
Молоду Анну Дмитріевичну.
Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
Нанимался онъ во приказчики
Ко тому купцу ко богатому.
И говоритъ Анна Дмитріевична:
« Ай же вы, мои слуги вѣрные!
« Подите ко тому купцу ко богатому,
« Купите мнѣ товаровъ на свадебку. »
Эти слуги невѣстины
Приходили ко купцу ко богатому,
Увидѣли молодого приказчика
И забыли, что купить надоть.
Приходили они въ палаты бѣлокаменны,
Къ молодой Анны Дмитріевичной,
Сами говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, Анна Дмитріевична!
— Были мы у купца у богатаго,
— Какъ увидѣли молодого приказчика,
— Позабыли мы, что купить надоть.—
Тая-то Анна Дмитріевична
Она съ вечеру легла поздымъ-поздо,
По утрышку вставала ранымъ-рано,
Одѣвала одежи самолучшія,
Приходила ко купцу ко богатому,
Ко тому молодому приказчику,
Набрала товаровъ на двѣ тысячи,
За расчетомъ велѣла самому придти.
Какъ пришелъ онъ во покои во особые,
Она говоритъ таковы слова:
« Ты ей же, удалый добрый молодецъ!
« У тя есть ли охота со мною жить? »
Согласился Ѳедоръ Ивановичъ.
Они дѣлали подкопы подземельные
Во него во лавочки торговыя,
Стали ходить во часы во ночные.
Какъ въ тую пору, во то время,

Дѣлалъ царь указы строгіе,
Не велѣлъ никуда поздо ходить.
Какъ тые голи кабацкіе
Напивалися они очень пьяны,
Приходили ко этой лавочкѣ,
И увидѣли они горючись огонь,
Колотились въ эти лавочки.
Молодой Ѳедоръ Ивановичъ
Онъ былъ милосливъ-жалосливъ,
Глупымъ умомъ своимъ разумомъ
Запущалъ голей кабацкіихъ:
Увидѣли они тутъ невѣсту царскую.
Ставали они по утрышку ранешенько.
Этотъ удалый добрый молодецъ
Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Что вы видѣли, не сказывайте!—
Какъ эти голи кабацкіе
Приходятъ они на царевъ кабакъ,
Они брали много золотой казны,
Накупали они зелена вина,
Напивалися опять допьяна
И тутъ въ кабакѣ порасхвастались:
« Были мы у купца у богатаго
« Во тѣ часы непоказные
« И видѣли тамъ невѣсту царскую. »
И пригодилися слуги царскіе,
Доносили Ивану Васильевичу;
И захватили ихъ голей кабацкіихъ,
И приводили къ царскому величеству.
И сталъ ихъ царь доспрашивать:
« Ай же ты, батюшко нашъ грозный царь,
« Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Ты можешъ насъ испытать по вечеру. »
Походили тые голи кабацкіе
Во тые часы непоказные
Со тымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ:

Накрутился онъ голью кабацкою.
Приходятъ къ этой ко лавочкѣ,
И увидѣли они горючись огонь,
Колотились въ эту лавочку.
Молодой Өедоръ Ивановичъ
Опять запущалъ ихъ въ лавочку,
Кабацкихъ голей пьянешенькихъ.
Тутъ голи въ лавкѣ ложилися,
Увидѣли они невѣсту царскую.
Ставали они по утрышку ранешенько.
Этотъ удалый добрый молодецъ
Давалъ имъ золотой казны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Что вы видѣли, не сказывайте!—
Пошли голи на царевъ кабакъ,
А тотъ царь Иванъ Васильевичъ
Приказалъ схватить удала добра молодца,
И вывесть на ступеночку высокую,
Отрубить ему буйна голова.
И говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
« Я стану по крылечику похаживать
« И стану платочикомъ помахивать,
« Чтобы, въ третій разъ махну платочикомъ,
« Рубить ему буйна голова. »
Какъ тотъ Өедоръ Ивановичъ
Одѣваетъ онъ одежу царскую,
А на верехъ одежу купеческу.
И привели на ступеночку высокую
Снять съ него одежу верхнюю
И рубить ему буйна голова.
Царь сталъ по крылечику похаживать,
И сталъ платочикомъ помахивать;
Какъ махнулъ въ третій разъ платочикомъ,
Сняли съ молодца одежу верхнюю,—
И нельзя ему рубить буйна голова.
Царь сталъ по крылечику похаживать,
Сталъ онъ платочикомъ помахивать,

Самъ закричалъ во всю голову:
«Ай же вы, палачи немилосливые!
«Рубите ему буйну голову.»
Говорятъ палачи немилосливые:
— Ай же ты, нашъ грозный царь,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Нельзя ему рубить буйна голова,
— На немъ есть одежа царская,
— И есть золотой царскій перстень.—
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ увидѣлъ сына любимаго,
Бралъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарныя.
Тутъ онъ Иванъ Васильевичъ
Женилъ его на Анны Дмитріевичной,
На своей невѣсты царскія;
А самъ-то Иванъ Васильевичъ
Взялъ Марью Лебедь бѣлую
У того царя у Подсолнечнаго.
Тутъ вѣкъ о нихъ старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

У нашей у государыни у мамоньки
На всякой день пекетъ мяконьки.
День попекетъ и другой попекетъ,
Два денечка пропуститъ, опятъ попекетъ.
Завела она коврижки, на горшки накрышки,
Въ стѣну ударитъ, стѣна колется,
Стѣна колется, хоть не ломится.

37.

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВЪ И СЕСТРА.

Какъ у вдовушки было у пашницы,
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбой пошли,
Одинаку сестру замужъ выдали
За того купца за богатаго,
За богатаго, за заморскаго.
Она годъ жила, не стоснулася,
По другой жила, въ умѣ не было,
А по третій годъ стосковалася
По своей родимой по сторонушкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ здумали они и поѣхали;
Выѣзжали они на сине море,
Тутъ имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
« Моего-то мужа взяли-потребили [1]),
« А младенчика въ воду спустили,
« Меня молоду обезчестили.
« Какъ одинъ изъ нихъ тутъ былъ разбойничекъ,
« Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
« Онъ началъ меня тутъ выспрашивать:
« — Ты какого роду, какой земли
« — И какъ тебя именемъ зовутъ?—
« Я не большаго роду и не меньшаго:
« Я есть вдовушки дочи пашницы,
« Дочи пашницы, одинака дочь.
« Было девять братцевъ все разбойничковъ,
« Всѣхъ тыхъ девять братцевъ въ разбой пошли,
« А меня молоду замужъ выдали. »
Закричалъ какъ тутъ одинъ разбойничекъ:
« — Вы ставайте-ко, братцы разбойнички!
« — Своего мы брата тутъ потребили,
« — А младенчика въ воду спустили,
« — Молоду сестру обезчестили. — »

[1]) Убили.

III.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы Сѣнногубской волости, слѣпой съ малыхъ лѣтъ. Пѣлъ и Рыбникову и Гильфердингу. Уже первый въ 1860 г. засталъ его дряхлымъ старикомъ, «гораздо старше Рябинина», а Трофиму Рябинину въ то время было лѣтъ 67—68; на этомъ основанiи Рыбниковъ считалъ ему около 90 лѣтъ: Гильфердингъ десять лѣтъ спустя даетъ ему всего «за 80», быть можетъ, ближе къ истинѣ. Во всякомъ случаѣ, считая Романова лѣтъ на 10 старше Рябинина, рожденiе его приходится отнести къ первой половинѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Къ сожалѣнiю мы не нашли извѣстiя о времени его смерти; онъ долженъ былъ умереть нѣсколько раньше Рябинина (ум. въ 1885 г.), иначе въ 1886 г. гг. Дютшъ и Истоминъ, конечно, не преминули бы его назвать, но они говорятъ изъ старыхъ сказителей лишь о Щеголенковѣ [1]).

Учителемъ своимъ, по словамъ Гильфердинга, Романовъ признавалъ одного Илью Елустафьева; Рыбникову однако онъ называлъ еще какого-то рыболова Ѳедора Яковлевича. Гильфердингъ даетъ понять, что его репертуаръ, такъ сказать, застылъ еще ко времени Рыбникова, такъ что онъ пѣлъ въ 1871 г. тѣ же былины, что и въ 1860 г., на тѣхъ же мѣстахъ обрывая текстъ или замѣняя пересказомъ забытые концы. «Онъ забылъ только былину про Василiя Буслаева, которую и тогда плохо зналъ и могъ возстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтiя Богданова» [2]). Въ этихъ словахъ Гильфердинга двѣ неточности. Про Буслаева Романовъ не пѣлъ Рыбникову ни одинъ, ни съ Л. Богдановымъ; рѣчь должна идти про былину о Грозномъ, а обмолвка Гильфердинга объясняется ошибкой въ указателѣ къ IV т. Рыбник. Во-вторыхъ, сравненiе репертуара Романова въ обоихъ сборникахъ даетъ такiе

---

[1]) „Пѣсни русскаго народа“, стр. XIX—XX.

[2]) Гильфердингъ, II, 171.

результаты: Гильфердингъ помѣщаетъ съ именемъ Романова 7 былинъ, указываетъ одну забытую (о Грозномъ) и отмѣчаетъ, что оставилъ въ сторонѣ еще одну (о Хотенѣ), какъ тожественную по тексту съ Рыбниковской; итого 9. Рыбниковъ же записалъ 14 №№. Если даже исключить изъ счета «Саламана», какъ сказку, лишенную стиха, и «Сонъ Саламанова отца», какъ небольшой отрывокъ, все же останется три довольно большихъ, стиховъ по 200, и, что не всегда у Романова, допѣтыхъ до конца былины: Добрыня въ отъѣздѣ, Наѣздъ Литовцевъ и Горюшко.

Такимъ образомъ, нельзя вполнѣ согласиться съ словами Гильфердинга, что «какъ самый кругъ былинъ, которыя онъ поетъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія».

Былину о Грозномъ мы печатаемъ подъ именемъ Л. Богданова, такъ какъ изъ объясненія Рыбникова видно, что пѣлъ ее собственно онъ, а К. Романовъ лишь поправлялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

38.

ВОЛЬГА.

(Гильферд. № 91.)

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.

И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ:
Задался Вольга сударь Буслаевичъ на семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ;
Обучался хитростямъ, мудростямъ,
Всякимъ языкамъ разныимъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
Собиралъ тридцать богатырей безъ единаго.
Самъ становился тридцатыимъ.
« Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
« Слухайте большаго братца, атамана-то:
« Вейте веревочки шелковыя,
« Становите веревочки по темну лѣсу,
« Становите веревочки по сырой земли,
« И ловите вы куницъ и лисицъ,
« Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
« И ловите по три дня и по три ночи. »
Слухали большаго братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лѣсу, по сырой земли [1]),
Ловили по три дни и по три ночи,—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ левымъ [2]) звѣрёмъ,
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыихъ горносталюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,

[1]) Стихъ долженъ быть таковъ:
Становили веревочки по темну лѣсу,
По темну лѣсу, по сырой земли.—*Б.*

[2]) Львомъ—*Б.*

И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
« Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
« Слушайте большаго братца, атамана-то:
« Вейте силышка шелковыя,
« Становите силышка на темный лѣсъ,
« На темный лѣсъ, на самый верхъ,
« Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
« И малую птицу пташицу,
« И ловите по три дни и по трй ночи. »
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили силышка шелковыя,
Становили силышка на темный лѣсъ, на самый верхъ [1]);
Ловили по три дни и по трй ночи,—
Не могли добыть ни одной птички [2]).
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ Науй птицéй [3]),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Со своей дружинушкой хороброю,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Слухайте большаго братца, атамана-то,
« Дѣлайте вы дѣло повелёное:
« Возьмите топоры дроворубные,
« Стройте судёнышко дубовое,
« Вяжите путевья шелковыя,
« Выѣзжайте вы на сине море,
« Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
« Щученьку и плотиченьку,

---

[1]) Стихъ долженъ быть таковъ:
Становили силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ.—*Б.*

[2]) Удареніе на *одной*, а *птички* безъ ударенія.

[3]) *Науй* птица, „великая, страховитая“, является и въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ, и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ, который на ней поднимается на небеса.—*Собир.*—Иначе *ноҍ* и *нога;* серб. *ной*, страусъ.—*Б.*

« И дорогую рыбку осетринку.
« И ловите по три дни и по трй ночи. »
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелковыя,
Выѣзжали на сине море;
Ловили по три дни и по трй ночи,—
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
Дорогую рыбку осетринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
« Провѣдати про думу про царскую,
« Чтò царь думы думаетъ,
« Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
« Стараго послать, —будетъ долго ждать;
« А середняго послать-то,—виномъ запоятъ,
« А малаго послать,—
« Маленькій съ дѣвушкамы заиграется,
« Со молодушкамы распотѣшится,
« А со старыма старушкамы разговоръ держать:
« Это намъ будетъ долго ждать.
« Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти! »
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя Турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,

И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
« Ай же ты, царица Панталовна!
« Я знаю про то, вѣдаю:
« На Руси-то трава растетъ не по старому,
« Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
« А видно, Вольги-то живаго нѣтъ. »
Говоритъ царица Панталовна:
— Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
— На Руси трава все растетъ по-старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все попрежнему.
— А ночесь спалось,—во сняхъ видѣлось:
— Бывъ [1]) сподъ восточнія сподъ сторонушки
— Налетѣла птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетѣла птица черный воронъ;
— Слеталися оны во чистомъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая-то птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— По перышку она повыщипала
— И нà вѣтеръ все повыпускала.—
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
« Ай же ты, царица Панталовна!
« А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
« Возьму я девять городовъ
« И подарю своихъ девять сыновей,
« Привезу себѣ шубоньку дорòгую. »
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновей,
— И не привезти тебѣ шубоньку дорòгую!—
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
« Ахъ ты, старый чортъ!
« Сама спала, себѣ сонъ видѣла! »

---

[1]) Быдто, будто.—Б.

И ударилъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по дру̀гому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю второй-то разъ:
« А поѣду я во святую Русь,
« Возьму я девять городовъ,
« И подарю своихъ девять сыновей,
« Привезу себѣ шубоньку доро̀гую! »
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки перѐломалъ,
И шелковыя тетивочки пѐрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перѐзалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю [1])! »
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу Турецкую во полонъ брали.
« Дружина моя добрая, хоробрая!
« Станемъ-те теперь полону подѣлять! »
Что̀ было надѣлу дорого
И что̀ было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

---

[1]) Очевидно—набѣгъ Олега на Византію. Б.

А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево,—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

39.

ИЛЬЯ, ЕРМАКЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(Гильферд. № 92.)

Ай же ты, собака, злодѣй Калинъ царь!
Думаетъ думушку недобрую,
Совѣтуетъ совѣты нехорошіе,—
И хочетъ отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя у Владиміра,
Молоду Опраксу Королевичну.
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собралъ сорокъ царей, сорокъ королей:
У всякаго у царя по сорока тысячей и по тысячѣ,
У всякаго короля по триста и по тысячѣ.
Собирался собака ровно три года,
Во четвертый годъ собака во походъ пошелъ,
И будетъ на томъ полѣ на Куликовѣ,
И разставилъ ёнъ силу по чисту полю,
И самъ сходилъ собака со добра коня,
И писалъ ярлыки скорописчаты,
Не черниламы писалъ, краснымъ золотомъ;
И проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И по другой день проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И по третій день проѣздилъ день съ утра до вечера
По силы по Татарскія,
И все выбираетъ Татарина самолучшаго.

Выбиралъ Татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
Говорилъ Татарину, наказывалъ:
« Поѣдешь ты, Татаринъ, ко городу ко Кіеву,
« Не въѣзжай въ ворота бѣлодубовы,
« А скачи черезъ стѣну городовую,
« Пріѣзжай къ крылечку ко перёному [1]),
« Не привязывай коня и не приказывай,
« Бѣжи скорѣй въ палаты княженецкія,
« Отворяй двери все нá пяту,
« Отворяй двери, не зáпирай,
« И поди въ палату не съ упадкою,
« Отдавай ярлыки князю Владиміру,
« И самъ изъ словъ выговаривай:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Очистилъ бы палату княженецкую
« Стоять самому царю Калину,
« Очистилъ бы подворья богатырскія
« Стоять силы Татарскія.—
« И самъ скоро поворотъ держи,
« И бѣжи скорѣе на широкій дворъ,
« И садись скорѣй на добра коня,
« Поѣзжай въ ворота бѣлодубовы. »
Поѣхалъ Татаринъ ко городу ко Кіеву,
Сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Князь Владиміръ порасплакался,
Собираетъ могучіихъ богатырей,
И могучіимъ богатырямъ раскланялся:
— Ай же вы, могучіе богатыри!
— Какъ же намъ съ непріятелемъ поправиться? —
А могучіи богатыри всѣ отвѣтъ держатъ:
« Князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Думаемъ мы съ непріятелемъ поправиться. »
Бысть князь веселъ и радосенъ.
Скоро всѣ изъ города изъ Кіева повыѣдутъ. —

---

[1]) Крылечко переное отъ *перенъ* или *перилъ*.

Былъ у ёго любимый племничекъ,
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ,
И приходитъ къ дядюшкѣ, ко князю Владиміру,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
« Дядюшка ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай ты мнѣ-ка-ва прощеньице-благословленьице,
« Изъ города изъ Кіева повыѣхать! »
Проговоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Любимый мой племничекъ,
— Младый ты Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Ты младешенекъ-глупешенекъ,
— Отъ роду тебѣ вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— Устрашишься ты, ужахнешься
— Силы-войска Татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица-благословленьица
— Изъ города изъ Кіева повыѣхать.—
Испроговоритъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
« Дядюшка Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Хоть ты дашь прощеньице, я повыѣду,
« И не дашь прощеньица, я повыѣду. »
И скоро бѣжитъ онъ во конюшенъ дворъ,
И беретъ себѣ коня добраго,
Лучшаго коня и самолучшаго,
И скоро сѣдлаетъ и уздаетъ коня добраго,
И скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
И скоро будетъ на томъ полѣ на Елескины,
И у того у сыра дуба у Невида,
И у того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи богатыри.
И скоро сходилъ съ добра коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
И въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
На томъ шатрѣ было три примѣточки,
Примѣточки были замѣчёныя,
Три кисточки золоченыя;
И на Добрыни Никитиномъ на томъ шатрѣ

Было двѣ кисточки шелко̀выя;
А на Алеши Поповичевомъ на томъ шатрѣ
Была кисточка едина шелко̀вая.
Пошелъ ёнъ въ бѣло́й шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣло́й шатеръ,
И бьетъ челомъ, покланяется
Всѣмъ могучіимъ богатырямъ:
« Ай же вы, могучіи богатыри!
« Ѣдите вы, пьете, утѣшаетесь,
« Играете во шашки во шахматы,
« Остался князь Владиміръ кручиноватъ,
« Кручиноватъ князь, печаловатъ. »
Говорятъ могучіи бога́тыри:
— Ай же ты, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Пойди-ка ты на сырой дубъ на Невидъ,
— Погляди ты на силу-войско Татарское.—
И онъ скоро бѣжитъ на сырой дубъ,
И поглядитъ на силу-войско Татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добра коня,
И поѣхалъ въ силу-войско Татарское.
А прошло времени не малое,
Схватились какъ могучіи богатыри:
— Ай же вы, бога́тыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба,
— Видно, устрашился онъ силы-войска Татарскаго!—
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Поди-тко, Алешенька сынъ Ивановичъ,
— Погляди со сыра дуба на войско Татарское.—
Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ:
Ажно ѣздитъ по силу по Татарскую
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ;
Куда ѣздитъ, туды улица,
А повернетъ, переулкамы.
Какъ пришелъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
« Ай же братцы, могучіи богатыри!

« А ѣздитъ Ермакъ по силу по Татарскую:
« Куды ѣздитъ, туды улица,
« А повернетъ, переулкамы. »
Посылаютъ Добрынюшку Никитинича:
— Поди, Добрынюшка Никитиничъ,
— Ласковыма словамы его уговаривай
— И удерживай баграмы желѣзныма.—
И скоро Добрынюшка Никитиничъ
Поѣхалъ въ силу-войско Татарское,
И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
« Укроти свое сердце богатырское,
« Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
« Ты младешенекъ, глупешенекъ,
« Сорвешься ты, надорвешься. »
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ
Добрынюшку съ конемъ повезъ...

Пѣвецъ могъ припомнить далѣе только слова: Добрынюшка Никитичъ поправился »; не могъ пересказать и конца, а помнилъ только, что Ермака укротили. Въ другихъ разнорѣчіяхъ этой былины бой оканчивается смертью Ермака отъ истощенія силъ: онъ надорвался.

40.

ДОБРЫНЯ и ЗМѢЙ.

(Гильферд. № 93.)

Порасплачется, порастужится Добрынюшка Никитиничъ
Предъ государынею своею матушкою:
« Государыня моя матушка,
« Честна вдова Офимья Александровна!
« Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
« Несчастнаго и неталаннаго?
« Спородила бы ты меня, матушка,

« Счастками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра,
« Красою во Осипа Прекраснаго,
« Силою бы спородила въ стараго казака Илью Муромца.
« Смѣлостью въ смѣлаго Алешу во Поповича! »
Отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна:
— Чадо ты мое милое,
— Чаделко ты мое любимое!
— Я рада бы тебя спородити
— Счастками въ стольно-Кіевскаго князя Владиміра;
— А то знаю, что есть силы
— Супротивъ стараго казака Ильи Муромца,
— А смѣлости есть супротивъ Алеши Поповича;
— Первой посолъ Илья Муромецъ отъ города отъ Кіева,
— А другой посолъ Добрынюшка Никитиничъ,
— А ты вѣдь, Добрынюшка, во послахъ бывалъ,
— Ты, Добрынюшка, говорить горараздъ,
— Ты, Добрыня, разговаривать.—
Говоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
« Посылаютъ меня, матушка, въ землю Сарочинскую,
« Во тую землю, на Пучай рѣку,
« Выручать-то княженецкую племянницу. »
Скоро будетъ Добрынюшка на Пучай рѣки,
И хочетъ ёнъ купатися во Пучай рѣки нагимъ тѣло̀мъ,
На той рѣки дѣвицы платье мыли, бѣлили,
Говорятъ дѣвицы портомойницы:
— Ай же, Добрынюшка Никитиничъ!
— У насъ не куплятся во Пучай рѣки нагимъ тѣло̀мъ,
— У насъ куплятся во Пучай рѣки во рубашечкахъ.—
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
« Ай же вы, дѣвицы красавицы,
« Портомойницы, бѣломойницы!
« Самы вы спали, а себѣ сонъ видѣли! »
Скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И куплится во Пучай рѣки нагимъ тѣло̀мъ;
И поплылъ ёнъ первую струю быструю,
И другую струечку быструю переплылъ.
У него былъ взятъ малый паробкя,

Закричалъ же паробкя громкимъ голосомъ:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Изподъ западнія сторонушки иде шумъ великъ!—
И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,
И выходитъ ёнъ на крутой красной бережокъ,
И одѣвалъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку;
Скоро Добрыня облатился, обкольчужился,
И хваталъ палицу булатнюю.
И налетѣла змѣя лютая Горынцята:
Бьетъ ёнъ змѣю палицей булатноей
По нея змѣинымъ по хоботамъ;
А змѣя ему смолилася:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Отдамъ я вашу королевичну...—

41.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

Порасплачется, порастужится
Молодой Добрынюшка Никитиничъ:
« Ай же ты, родная моя матушка,
« Честная ты вдова, Офимья Александровна!
« Для чего ты меня несчастнаго спородила,
« Несчастнаго и неталаннаго?
« Спородила бы ты меня, матушка,
« Завернула бы во бѣло полотенышко
« И кидала бы ты меня во сине море:
« Лежалъ бы я во синемъ морѣ на самомъ дни,
« Вмѣсто камешка самоцвѣтнаго!
« Посылаютъ меня отъ города отъ Кіева
« Во да́лече, во далѐче, во ту землю Сарацинскую. »
Говоритъ честна вдова Офимья Александровна:
— Чадо ты мое милое,
— Чаделко мое любимое,

— Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
— Скажи ты мнѣ-ка, попровѣдай-ка,
— Скоро ли ты назадъ будешь,
— Скоро ли ты поворотъ держишь?—
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
« А честная ты вдова, Офимья Александровна.
« Родная моя матушка!
« Буде живъ буду, назадъ буду,
« Буде живъ не буду, и ждать некого. »
И приходитъ честна вдова Офимья Александровна
Въ высокъ теремъ, златой верёхъ,
Сама говоритъ да таковы слова:
« Ай же ты, богоданное мое дитятко,
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Поди, спрашивай у милой своей ладушки,
« У крѣпкой у сдержавушки,
« Скоро ли ёнъ назадъ будетъ,
« Скоро ли ёнъ поворотъ держитъ? »
И приходитъ Настасья дочь Никулична
Ко тому коню ко доброму,
Къ тымъ стременамъ молодецкіимъ,
Поклонъ воздала до самаго до шелкова до пояса,
Правой рукой до сырой земли:
— Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка,
— Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
— Ты скоро ли назадъ будешь,
— Ты скоро ли поворотъ держишь?—
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
« А буде живъ буду, назадъ буду,
« А буде живъ не буду, и ждать некого. »
Говорилъ-наказывалъ Добрынюшка Никитиничъ
Своей молодой жены Настасьи Никуличной:
« Поживи, подожди ровно шесть годовъ за́ себя,
« А другое шесть годовъ за́ меня;
« И пройдетъ времени двѣнадцать лѣтъ,
« Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,

« Хоть за могучаго за богатыря,
« А хоть за полномочнаго [1]) крестьянина,
« Столько не ходи за Алешу Поповича. »
Столько видли добра молодца сядучись,
А не видли добра молодца поѣдучись.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна:
« Закатилося красное солнышко за лѣсушки за темные,
« За моря, за озера широкія:
« Уѣхало чадо мое милое, чаделко любимое,
« Молодой Добрынюшка Никитиничъ! »
День по день, недѣля по недѣлю, годъ по годъ,
И прошло времени шесть годовъ,
И сталъ солнышко Владиміръ князь подхаживать,
Посватывать и подговаривать
Молодой Настасьи Никуличной
За смѣлаго Алешу за Поповича.
Проговоритъ молода Настасья Никулична:
« Поѣзжалъ Добрынюшка Никитиничъ
« И говорилъ мнѣ-ка словеса разумныя:
« Подождать за себя шесть годовъ,
« А другое шесть годовъ за ёго. »
Прошло еще шесть годовъ.
День по день, недѣля по недѣлю, годъ по годъ,
Исполнилося времени двѣнадцать лѣтъ.
Опять сталъ солнышко Владиміръ подхаживать,
И посватывать, и подговаривать
Молодой Настасьи Никуличной
За смѣлаго Алешу за Поповича:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Поди въ замужество за Алешу Поповича.—
Выходила она въ новы сѣни,
И тутъ она сама себя просватала,
И пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни.
Порасплачется, порастужится

---

[1]) Полномочный крестьянинъ, по объясненію пѣвца, такой, у котораго всего вдоволь, независимый.

Честная вдова Офимья Александровна:
« Закатился свѣтелъ мѣсяцъ
« За горушки за высокія, за лѣсушки за темныи:
« Ушла у меня Настасья Никулична!
« Сѣсть было подъ окошечко,
« Отворить было окошечко немножечко,
« Поглядѣть было на широкій дворъ,
« На широкій дворъ, на чисто поле. »
Ѣдетъ дѣтина съ чиста поля на добромъ конѣ,
Ко тому ли двору богатырскому,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову.
И бѣжитъ дѣтина скоро въ высокъ теремъ,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
«Велѣлъ мнѣ-ка Добрынюшка вамъ поклонъ отдать,
« Поклонъ отдать, низко кланяться.
« А теперечу мы съ Добрыней поразъѣхались,
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ. »
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая!
— Ѣдешь ты ко двору богатырскому,
— Ко терему ко вдовиному,
— А не спрашиваешь ты у дверей двереничковъ,
— У воротъ заворотничковъ,
— Идешь въ палаты безобсылочно, бездокладочно:
— Какъ бывъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,
— Такъ не дошло бы тебѣ насмѣхатися.—
Скажетъ дѣтинушка пріѣзжая:
« Честна вдова, Офимья Александровна!
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ,
« Скоро будетъ и самъ домой. »
А проговоритъ честна вдова, Офимья Александровна:
— Може у Добрюнюшки Никитича
— Поразломана буйна голова,
— Испрострѣлены бѣлы груди;
— Може сквозь Добрынино тѣло трава растетъ,

— На травѣ цвѣтутъ, можетъ, цвѣты лазуревые.—
Скажетъ дѣтинушка пріѣзжая:
« Честная вдова, Офимья Александровна!
« Я теперь съ Добрыней поразъѣхался:
« Остался Добрынюшка живъ-здоровъ,
« Скоро будетъ самъ домой.
« Честная вдова, Офимья Александровна!
« Велѣлъ Добрынюшка, наказывалъ,
« Наказывалъ подать гуселышки яровчаты
« Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ. »
Скорешенько бѣжитъ честная вдова Офимья Александровна,
Подаваетъ гуселышки яровчаты.
Скидываетъ ёнъ платье дорожное,
Одѣваетъ платье скоморошское,
Клалъ гуселышки подъ праву полу
И пошелъ ёнъ на почестенъ пиръ.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре на сторонушки,
Князю-то Владиміру въ особину,
Самъ-отъ говоритъ таково слово:
« Солнышко ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Дай мнѣ-ка мѣстечка не со множечко
« Во своей палаты княженецкія,
« Поиграть во гуселышки яровчаты. »
Проговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій,
Опраксія королевична:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
— Скоморошная, гусельная!
— Для чего ты долго проживаешь,
— Проѣдаешься, пропиваешься,
— Нейдешь къ намъ на почестенъ пиръ?
— Вотъ тебѣ три мѣстечка любимыихъ:
— Первое мѣстечко противъ стола,
— Другое мѣстечко противъ меня,
— А третье мѣстечко на печкѣ на земляныя.—

Много ёнъ благодарствуетъ
И скочилъ на печку на земляную;
Играетъ ёнъ въ гуселышки яровчаты,
Играетъ ёнъ во Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима.
Очень имъ игра эта прилюбилася,
Наливали чароцьку зелена вина:
— Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
— Скоморошная, гусельная!
— Поди выпей чароцьку зелена вина.—
Іонъ выпилъ чароцьку зелена вина:
« Благодарствуй, князь Владиміръ стольно-Кіевскій
« И молода Опракса королевична! »
И скочилъ на печку на землярую,
Играетъ ёнъ въ гуселышки яровчаты,
Играетъ ёнъ въ Кіевѣ, воспѣваетъ отъ Еросалима.
Очень имъ игра эта прилюбилася,
Наливала чароцьку зелена вина
Молода Опракса королевична:
— Поди, скажетъ, дѣтина гусельная,
— Выпей чароцьку зелена вина!—
Испроговоритъ онъ таково слово:
« Ай же ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій
« И молода Опракса королевична!
« Позвольте мнѣ налить чароцьку зелена вина,
« И кому знаю, тому поднесу. »
— Наливай, скажутъ, чароцьку зелена вина
— Кому знаешь, тому поднеси.—
Наливалъ ёнъ чароцьку зелена вина
И подносилъ Настасьи Никуличной,
Сымалъ перстень со правой руки
И спущалъ перстень во чароцьку во винную,
Во стопочку во пивную:
« Ай же ты, Настасья дочь Никулична!
« Выпей чароцьку зелена вина!
« Буде хошь добра, такъ пей до дна,
« А не хошь добра, такъ не пей до дна. »
Іона чароцьку повыпила,

До дна чароцьку повысушила,
Прикатился перстень ко устамъ ко сахарніимъ,
А хватила перстень правоей рукой,
Надѣвала перстень на праву руку,
Закричала зычнымъ голосомъ:
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который противъ меня!—
Опиралася на рученьки на дубовъ столъ,
И скочила черезъ дубовъ столъ,
Пала на кирпиченъ полъ,
Пала во ноженьку во правую,
Переправила вовъ дру̀гую:
— Мила ты тоя ладушка,
— Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая,
— Изъ-по-имени Добрынюшка Никитиничъ!
— Прости меня во винности и во глупости,
— Во всякихъ во проступочкахъ,
— Возьми меня за волосы за женскіе,
— Привяжи меня ко стремены сѣдельному,
— Поразмыкай меня по чисту полю.—
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
«Знаю я ваши умы-разумы женскіе:
«Мужъ по̀йдетъ за дровамы въ лѣсъ,
«А жена пойдетъ во замужество.
«Не дивуюсь я князю Владиміру,—
«Что и самъ творитъ, другому велитъ [1]),
«Отъ живого мужа хоче жену отнять.»
Какъ хватилъ Алешеньку за желты кудри,
Кинетъ о кирпиченъ полъ
И хочетъ переправить второй-етъ разъ;
Такъ скочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики за могутныя за молодецкія:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Не убей ты смертію напрасною

---

[1]) По объясненію пѣвца, у Владиміра было двѣнадцать женъ, иныя отъ живыхъ мужей.

— Меньшаго братца Алешу Поповича!—
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарнія
И повелъ ю вовъ высо̀къ теремъ.
Глядитъ честна вдова Офимья Александровна:
Красное солнышко поро̀спекло
И свѣтелъ мѣсяцъ поро̀зсвѣтилъ.

42.

ДУНАЙ.

(Гильфердъ. № 94.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На могучіихъ на богатырей.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ,
Испроговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Всѣ на пиру поженены,
« Одинъ я, князь, неженатый есть.
« Знаете ль вы про меня княгиню супротивную [1]),
« Чтобы ростомъ была высокая,
« Станомъ она становитая,
« И на лицо она красовитая,
« Походка у ней часта и рѣчь баска [2])
« И было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
« Дума думати, долгіе вѣки коротати,
« И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,

---

[1]) Ровню мнѣ.
[2]) Пригожа.

« Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
« И всему красному городу Кіеву
« Было бы кому покланятися? »
Всѣ за столомъ призамолкнули;
Призамолкнули всѣ, окичаются. [1])
Одинъ удалой добрый молодецъ,
Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
Очень онъ пьянъ—не шатается,
Говоритъ рѣчи—не смѣшается,
Выходилъ сза столика дубоваго,
Бьетъ челомъ, покланяется:
— Князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Я знаю про то, вѣдаю
— Про тебя княгину супротивную:
— Во той во земли, въ хороброй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великія,
— Обѣ дочери на выдаваньи:
— Большая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней часта и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки коротати,
— И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богатырямъ,
— Всѣмъ то купцамъ торговыимъ,
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому покланятися. —
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:

---

[1]) Хоронятся, прячутся.

« Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
« Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
« Возьми казны десять тысячей,
« И поѣзжай во тую землю, въ хоробру Литву,
« И добрымъ словомъ посватайся:
« Буде въ честь не даютъ, такъ ты силой возьми,
« А столько привези Опраксу королевичну.»
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты, Владимiръ стольно-Кiевскiй!
— Не надо-ка силы сорокъ тысячей,
— Не надо казны десяти тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича.—
Испроговоритъ князь Владимiръ стольно-Кiевскiй:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
« Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи.»
Скоро Добрынюшка понакинулся,
И скоро оны выѣдутъ со города со Кiева,
Скоро садились на добрыхъ коней;
Видли добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Бытто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли, въ хороброй Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскiй,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добрыхъ коней.
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
« Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
« Стой ты ў коней, коней паси,
« А поглядывай на ринду [1]) королевскую,
« На палату княженецкую:
« Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
« А каково бы время, такъ прiухать бы.»

---

[1]) Гдѣ сбираются *рынды*: вѣроятно тоже, что *гридня*.

А приходитъ къ королевскому величеству.
Знаетъ онъ порядню королевскую,
Не надо креститься, молитвиться,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Здравствуй, батюшка, король хороброй Литвы! »
А оглянется король хороброй Литвы:
— А прежняя ты слуга, слуга вѣрная,
— Жилъ ты у меня ровно три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ.
— Посажу тебя за бо̀льшій столъ,
— За бо̀льшій столъ, въ большо̀ мѣсто:
— Ѣшь, молодецъ, досыта
— И пей, молодецъ, до люби.—
И посадилъ его за большій столъ, въ большо мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай собою̀,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?—
« А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,—
« Засвататься на твоей дочери на Опраксіи. »
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же вы, Татаровья могучіе!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— Сведите Дуная во глубокъ погребъ
— И заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Доскамы дубовыма,
— И засыпьте пескамы рудожелтыма;
— И пусть-ка во Литвы погоститъ,
— Въ погребу посидитъ,
— Можетъ, Дунай догадается.—
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о столы дубовые:
Столы всѣ дубовые раскряжалися,
Питья на столахъ пролива́лися,
Посуда вся поразсыпалася,

Всѣ Татаровья испугалися [1]).
И скоро прибѣгали слуги вѣрные
Со того двора княженецкаго:
« Батюшка, король хороброй Литвы!
« Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
« На дворѣ дѣтина тотъ не знай собою,
« Держитъ во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
« А во правой рукѣ дубина Сарацинская;
« Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
« Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
« На всѣ стороны дубиною размахиваетъ,
« И убилъ тотъ Татаръ до одинаго,
« Не оставитъ тотъ Татаръ на сѣмена. »
Проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же, Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь Татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра [2]). —
Скоро оны садились на добрыхъ коней
Съ молодой Опраксой королевичной.
Въ тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Раздернули палатку полотняную

[1]) Терентій Іевлевъ послѣ, слушая эту былину отъ Рыбникова, сдѣлалъ здѣсь вставку:

Зачалъ (Добрыня) по двору поскакивать,
На всѣ стороны дубиною помахивать,
Во лѣвой рукѣ водитъ два добра коня,
Во правой рукѣ дубина сороцинская.
Какъ ясенъ соколъ попурхиваетъ,
Такъ добрый молодецъ поскакиваетъ.—*Ред.*

[2]) Вставка Тер. Іевлева:

-- Видно-то дочушка Богомъ суженая.—

Дальше Дунай унимаетъ Добрыню такими словами:

„ Полно ти, Добрынюшка, уродовати:
„ Видно намъ есте Божья помочь“.

И тутъ добры молодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы востры копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы, высыпаются,
Темную ночь коротаючись [1]);
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ Татаринъ на чисто поле;
Ставали по утру ранешенько [2]),
Выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ Татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу до Кіеву,
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По той по лошадиной по ископыти
За тымъ Татариномъ въ погоню въ слѣдъ.
Видитъ Татаринъ, что погона въ слѣдъ:

Король, исполняя обѣщаніе отдать за Владиміра Апраксію, зоветъ служанокъ:

— Ай же вы, служки-панюшки, вѣрны нянечки!
— Умойте, убѣльте Апраксію,
— Напушите ей личко бѣлешенько,
— Накрутите ю хорошохонько;
— Ведите во риньгу королевскую,
— Отпустите ю во святую Русь.—
Беретъ Дунай королевну Апраксію,
Королю несетъ поклонъ въ особину.

1) Вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ Іевлевъ вставлялъ:

Спятъ они, сномъ темну ночь коротаютъ.
Какъ по той дорожкѣ Цареградскія
Ѣхалъ Татаринъ невѣрныій.

2) Вмѣсто этого стиха:

Поутру встаютъ, дорожку досматриваютъ,
Куды ѣхалъ Татаринъ невѣрныій.

Гдѣ было Татарина такъ доѣзжа́ть [1]),
Гдѣ было Татарина копьемъ тарыкать,
Такъ съ Татариномъ промолвился:
« Стой ты, Татаринъ, во чистомъ полѣ,
« Рыкни, Татаринъ, по звѣриному,
« Свисни, Татаринъ, по змѣиному! »
Рыкнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному:
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травяшки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали.
Упалъ Дунаюшка съ добра коня,
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ Татарина съ добра коня:
« Скажи ты, Татаринъ, не утай собою,
« Чьего ты, Татаринъ, роду, чьего племени? »
Говорилъ Татаринъ таковы слова:
— А какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины, ни дѣдины,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
Садился Дунаюшка на̑ бѣлы груди,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
У его сердечушко ужахнулось,
А рука въ плечи застоялася [2]):
— Что же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
— А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,

---

[1]) Вмѣсто этого стиха:

Гдѣ было молчкомъ подъѣзжать,

[2]) Онъ говоритъ: „Вижу по пелькамъ, что женскій полъ“. Дальше говоритъ „Татаринъ“.

— А третій годъ жилъ во стольникахъ [1]).—
« Ай же ты, Настасья королевична!
« Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву,
« Примемъ мы чудны кресты, золоты вѣнцы. »
Пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко той ко церкви соборныя;
Меньша сестрица вѣнчается,
Бо́льшая сестрица къ вѣнцу пришла [2]).
Пиръ у нихъ пошелъ ровно по три дни,
На пиру Дунаюшка расхвастался:
« Во всемъ городѣ во Кіевѣ
« Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
« Самъ себя женилъ, другого подарилъ. »
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Не пустымъ ли ты, Дунаюшка, расхвастался?
— А и не долго я въ городѣ побыла,
— А много въ городѣ признала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице [3]) Добрыни Никитича,
— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичны:
— Стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попадала стрѣлкой въ ноже́чный острей,
— Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,—
— Обѣ половиночки ровны пришли,
— На взглядъ ровнакія и вѣсомъ ровны.—
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,

---

[1]) Вставка Іевлева:

— Вчера меня дома не случилося,
— Было у насъ два богатыря,
— Увезли сестрицу Апраксію.
— И поѣхала я за ними вслѣдъ
— Воротить сестрица Апраксія,
— Либо положить головка Настасьина.

[2]) Вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Вмѣстяхъ сестрицы крестились и молитвились,
Вмѣстяхъ сестрицы замужъ пошли.

[3]) Щегольство.—Б.

Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
« Поѣдемъ, Настасьюшка, во чисто поле,
« Стрѣлять стрѣлочки каленыя. »
И выѣхали во чисто поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попадала стрѣлкой въ ножечный острей,
Разсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половиночки ровны пришли,
На взглядъ ровнакія и вѣсомъ ровны.
И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичъ:
Такъ разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ разсердился Дунаюшка Ивановичъ [1]),
Наставилъ стрѣлочку каленую
Въ Настасьины бѣлы груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же, Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка пригрози три грозы.
— Первую грозу мнѣ-ка пригрози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка пригрози:
— Возьми меня за волосы за женскіе,
— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту полю;
— А третью грозу мнѣ-ка пригрози:
— Веди меня во улицу крестовую,
— Копай по пелькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,

[1]) Іевлевъ:

Бралъ стрѣлочку каленую,
Намазывалъ саломъ змѣиныимъ,

— А дай мнѣ-ка черево повыносити,
— Дай мнѣ младенца поотродити,
— Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить;
— У меня во черевѣ младенецъ,—
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
— По локоть руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми пекётъ красно солнышко [1])!—
На эти онъ рѣчи не взираючись.
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди́:
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы́,
Вынималъ сердце со печенью,—
У нея во черевѣ младенецъ,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ пекётъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки localeся́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

---

1) Вмѣсто этого стиха Іевлевъ:

— Отъ очей пекётъ красно солнышко,
— На каждой волосиночкѣ по скатной жемчужиночкѣ.

43.

ПОТЫКЪ и СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(Гильферд. № 96.)

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ [1]).
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросо̂лиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.
И положили они заповѣдь великую:
« Кто обворуетъ и кто облядуетъ,
« Бить клюхамы каличьима,
« Тянуть языкъ со теменемъ,
« И копать очи ясныя косицамы,
« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ ».
И пошли [2]) они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки—Турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли Греческой.
И взяли они по камешку Антавенту,
И скоро калики въ походъ пошли:
День идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антавенту.
И выходили они на чисто поле,
И садилися они въ единый кругъ,
Думали думушку добрую,

[1]) Подъ этимъ именемъ дѣйствуетъ Потыкъ.—Б.

[2]) Пошили?—*Ред.*

Совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Зайти ко городу ко Кіеву,
Поисть-попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закричали калики громкимъ голосомъ:
« Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Пошли мы ко Еросолиму,
« А зашли ко городу ко Кіеву
« Поисть-попить, хлѣба покушати».
И тая побѣда [1]) учинилася:
Дома князя не случилося.
Выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Пойдите въ столовую богатырскую [2]):
« Поставлю столы дубовые,
« Постелю скатерти браныя
« И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
« И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
« Ѣшьте досыта и пейте до люби!»
И шли во столовую богатырскую:
Поставили имъ столы дубовые,
Постлали скатерти браныя,
Поставили ѣствушекъ сахарныихъ
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли калики досыта и пили до люби,
И много они благодарствуютъ:
« Благодарствуешь, Опракса королевична,
« За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья ».
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичъ!

---

1) Бѣда.—Б.
2) Гридню.—Б.

« Пожалуй во спальну во теплую:
« Есть молвить словечушко тайное. »
И приходятъ во спальну во теплую,
Садились на кроваточку тесовую,
На периночку пуховую.
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичъ!
« Сдѣлаемъ любовь со мной великую ».
Проговоритъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Не сдѣлаю съ тобой любви великія,—
— Пошли мы ко городу Еросолиму
— И положили заповѣдь великую:
— « Кто обворуетъ, кто облядуетъ,
— « Бить клюхамы каличьима,
— « Тянуть языкъ со теменемъ,
— « И копать очи ясныя косицамы,
— « И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ. » —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
И скорешенько бѣжитъ въ особливъ покой,
И хватаетъ чашу княженецкую,
И положила въ переплеты каличьіи.
  И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садились калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:
« Были во городѣ во Кіевѣ,
« Кормила насъ Опракса королевична,
« Дарила насъ чистымъ серебромъ,
« Дарила насъ краснымъ золотомъ,
« А самого атамана скатнымъ жемчугомъ ».
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому! »
Повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,

— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою [1]):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
И ж... ему клюхамы натыкали:
« Пойди ко городу ко Кіеву
« И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому!»
Повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:

[1]) Безъ боязни.—*Б.*

— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
Наклескали ж... долонямы:
« Пойди ко городу ко Кіеву
« И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко Опраксы королевичной:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
«Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ,—такъ не кому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я къ кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, хлѣба кушали,
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую.—
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У того атамана Ѳомы сударь Ивановича.
И били его клюхамы каличьима,
И копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ со теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
И пошли ёны, калики, по чисту полю.
Напустилъ Господь на ясны очи:
И пошли они по чисту полю

Не дорогою, бездорожицею.
И за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту полю.
И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Чтó же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Ѳома сударь Ивановичъ!
« За твою за правду за великую
« Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
« А за нашу за неправду за великую
« Напустилъ темень на ясны очи ».

(Не кончено; записано 13 Генваря 1861 г.).

44.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Было во городѣ во Кіевѣ,
Было двѣ честныхъ вдовы
На почестномъ на большомъ пиру:
Честная вдова Часовая жена
И другая вдова Блудова жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меда сладкаго,
Подносила честной вдовы Часовой жены,
И за той за чарочкой посваталась
На честной на дѣвицы на Чайной Часовичной.
И честная вдова Часовая жена,
Была ёна баба богатая,

Богатая баба—занослива,
Занослива баба—упрямая;
Эты ей рѣчи не слюбилися;
Взяла ёна чару въ свои ручи̑
И вылила чару во ясны очи
Честныя вдовы Блудовой жены,
Сама говорила таковы слова:
« Моя ли Чайная Часовична
« Сидитъ-то во теремѣ высокоемъ
« За трема замочкамы Нѣмецкима;
« Ее красное солнышко не о̀ппечетъ,
« Буйные вѣтры не о̀ввѣютъ,
« Частые дожжечки не о̀бмочатъ,
« Добрые людюшки не о̀бгалчатъ [1]).
« А есть у меня девять сыновей,
« А у Чайной Часовичной девять братцѐвъ:
« Выѣдутъ Часовичи во чисто̀ поле
« И полонятъ Хотёнку во чистомъ полѣ,
« И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
« И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
« Захочу,—его кладу во повары,
« Захочу,—кладу его во конюхи,
« Захочу,—продамъ на боярскій дворъ. »
Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла—не радостна,
Зажала ручки кругъ сердечушка,
Стянула головушку промежъ плечи̑:
— Замарала мою шубоньку доро̀гую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей!—
Приходитъ ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубовому,
И выходитъ Хотенка на крутой крылецъ,
И говоритъ ёнъ таковы слова:

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ: „Не обгалятъ, не озяпаютъ“, т.-е. не оговорятъ и не сглазятъ.—Б.

« Свѣтъ-государыня, моя матушка!
« Чтò же ты идешь съ пиру не весела,
« И не весела идешь—не радостна?
« Видно, мѣсто было не по люби,
« Видно, чарой тебя пріòбнесли.
« Или пьяница глупая насмѣялася? »
Говорила вдова таковы слова:
— А мѣсто мнѣ-ка-ва было по люби,
— А чарой меня не òбнесли,
— И пьяница глупая не насмѣялася.
— А только честная вдова Часовая жена
— Замарала мою шубоньку дорогую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей.
— А я посваталась на Чайной Часовичной,
— А сама [1]) надъ тобой насмѣялася:
— « Моя ли Чайная Часовична
— « Сидитъ-то во теремѣ высокоемъ
— « За трема замочкамы Нѣмецкима;
— « Ее красное солнышко не óппечетъ,
— « Буйные вѣтры не óввѣютъ,
— « Частые дожжички не óбмочатъ,
— « Добрые людюшки не óбгалчатъ.
— « А есть у меня девять сыновей,
— « А у Чайной Часовичной девять братцѐвъ:
— « Выѣдутъ Часовичи во чистó поле
— « И полонятъ Хотёнку во чистомъ полѣ,
— « И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
— « И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
— « Захочу,—его кладу во повары,
— « Захочу,—кладу его во конюхи,
— « Захочу,—продамъ на боярскій дворъ. »—
Проговоритъ Хотенка таковы слова:
« Свѣтъ-государыня, моя матушка!
« Много баба бредитъ, да не будетъ такъ. »
И скоро Хотенка облатился, обкольчужился,

---

[1]) Т.-е. Часовая.—Б.

И накатывалъ на головушку злаченъ шеломъ,
Беретъ себѣ палицу булатнюю,
Беретъ себѣ копье вострое
И поѣхалъ по городу по Кіеву.
И будетъ у того двора у Маришкина [1]),
И ударилъ въ ворота вострымъ копьёмъ:
И слетѣли ворота середи двора;
И ударилъ палицей булатнею
По тому по терему высокому:
Сшибъ того терема по окнамъ прочь,
И слетѣлъ теремъ во зеленый садъ.
Ходитъ дѣвица Чайная Часовична
По тому по двору по широкому,
И ходитъ она—дивуется,
И сама себѣ головушкой качается:
« Не было ни вѣтра, ни вѣхоря,
« Не было погоды полуденныя,
« А слетѣлъ теремъ во зеленый садъ! »
Увидѣла Хотенку на своемъ дворѣ:
« Ай же ты, Хотенка Блудовичъ!
« Отца-то у тя звали Блудищемъ:
« А тебя топерь называемъ уродищемъ. »
Проговоритъ Хотенка Блудовичъ:
— Дѣвка ты б...., б.... Кіевская!
— А хочу,—тебя я возьму за себя,
— А захочу,—возьму за служку за Панюточку;
— А кладу въ (фатеру) во черную,—
— И будешь ты наша портомойница.
— А есть у тебя девять братцёвъ,
— А у Часовой вдовы девять сыновъ:
— Такъ пожалуйте во чисто поле!—
Какъ выѣхали ёны во чисто поле
Со всею со силой подневольною,—
Такъ ёна [2]) была богатая,

[1]) Перенесено изъ былинъ о Добрынѣ.—Б.
[2]) Часовая.

Погреба были злата и серебра,
Такъ ёна наняла силу инную
За злато и за серебро,—
Силу эту ёнъ въ полонъ побралъ,
А наемныхъ всѣхъ прирубилъ—пригубилъ,
А девять сыновей подъ мечъ склонилъ.

(Записано 13-го янв. 1861 г.)

45.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

У короля земли Литовскія
Было два племянника любимыихъ,
И приходятъ къ дядюшкѣ, королю Литовскому,
И бьютъ челомъ, поклоняются
До самаго шелковаго до пояса
И правой рукой до сырой земли:
« Дядюшка, король хороброй Литвы!
« Дай-ка намъ прощеньице-благословленьице
« Ѣхать ко городу Сребрянскому;
« И дай намъ силы сорокъ тысячей
« И казны сорокъ тысячей:
« Явимъ тебѣ выслугу великую,
« Привеземъ Настасью Митріевичну
« И съ малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ. »
И проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же вы, любимые мои племяннички,
— Два королевича Литовскіихъ!
— Не дамъ вамъ прощеньица-благословленьица
— Ѣхать ко городу Сребрянскому,
— И не дамъ силы сорокъ тысячей,
— И не дамъ казны сорокъ тысячей.
— Колько туды силы ни ганивалъ,
— Взадъ силы не выганивалъ;

— Колько туды добрыхъ коней ни ганивалъ,
— Взадъ коней не выганивалъ;
— А двѣнадцать путей ѣзживалъ,
— И одва самъ уѣзживалъ.
И бьютъ челомъ ёны, поклоняются:
« Дядюшка, король хороброй Литвы!
« Дай-ка намъ прощеньице-благословленьице
« Ѣхать ко городу Кіеву. »
Далъ прощеньице-благословленьице.
И выѣзживаютъ ёны на чисто поле,
И раздернули палатку полотняную.
И сидятъ ёны въ палаткѣ, думу думаютъ,
Думаютъ думу ёны недобрую:
А ѣхать ко городу Сребрянскому.
И тая побѣда [1]) учинилася,
Дома князя не случилося.
Подломили три улицы любимыихъ:
Первую улицу Березину,
Другую улицу Крестовую,
А третью улицу Красныя Лавицы;
Увезли ёны Настасью Митріевичну
Со малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ.
И у этого князя Романа Митріевича
Было въ зеленòмъ саду голубь-голубушка,
Кормлёные и поёные.
И эты голубь-голубушка
Полетѣли на чисто поле
Искать князя Романа Митріевича.
И находили ёны во чистòмъ полѣ, во бѣлòмъ шатрѣ,
Садились голубь-голубушка
На бѣлъ шатеръ, на чуденъ крестъ,
И стали голубь-голубушка поваркивать:
Человѣческимъ голосомъ проговаривать:
« Ай же ты, князь Романъ Митріевичъ!
« Ѣшь-пьешь, утѣшаешься,

[1]) Бѣда.

« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
« Пріѣзжали два королевича Литовскіихъ,
« Подломили три улицы любимыихъ,—
« Первую улицу Березину,
« Дру̀гую улицу Крестовую,
« А третью улицу Красныя Лавицы;
« И увезли ёны Настасью Митріевичну
« Со малымъ со отрокомъ съ двумѣсячнымъ. »
Закручинился князь, запечалился,
Повѣсилъ буйную голову
И рветъ свою сѣдую бороду:
« Ахъ ты старость моя, старость глубокая!
« Налетала изъ чиста поля чернымъ ворономъ,
« Садилась на плечушки на могутныя.
« А молодость моя, молодость моло̀дая!
« Когда жъ ты была на моихъ плечахъ,
« Такъ не смѣялся воръ самъ король:
« А теперeча насмѣхаются два королевича, два выблядка!»
Поѣхалъ князь ко городу ко Сребрянскому,
И голосомъ онъ кричитъ, и во трубу трубитъ;
И старые люди дивуются,
А молодые люди усмѣхаются:
« Ѣдетъ нашъ князь на радости съ чиста поля,
« А зоветъ насъ на почестенъ пиръ. »
А старые люди проговорятъ:
« Ай же вы, люди молодые!
« Нашъ князь ѣдетъ не на радости съ чиста поля,
« Зоветъ насъ не на почестенъ пиръ,
« А зоветъ на мѣсто на ратнее
« И на кроволитье великое. »
И сбиралъ силу ровно въ три часу,
И кормилъ силу все солоныимъ,
Кормилъ солоныимъ, пить не давалъ.
И гналъ силу-рать великую любимую
До той рѣки до Березины.
На той рѣкѣ на Березины
Стала сила пить воды;

И которая сила колпакомъ пьетъ,
И которая сила шеломомъ пьетъ,
И которая сила нападчи пьетъ.
Которая сила нападчи пьетъ,
Тая сила будетъ мертвая;
Которая сила колпакомъ пьетъ,
Тая сила будетъ полоненая;
А которая сила шеломомъ пьетъ,
Тую силу съ собой беретъ.
И гналъ силу-рать великую любимую
На ту гору на Сарацинскую,
И розставилъ силу-рать свою великую,
И говорилъ силы, наказывалъ:
« Сила-рать моя великая любимая!
« Послухайте наказа княженецкаго:
« Вы коней кормите-тко
« И глядите на ту на гору Сарацинскую,
« На сырой дубъ кряковистый:
« Какъ первый разъ заграетъ черный воронъ на сыромъ дубу,
« Такъ вы коней кормите-тко;
« Какъ другой разъ заграетъ воронъ на сыромъ дубу,
« Такъ вы на коней садитесь-ко;
« Какъ третій разъ заграетъ воронъ на сыромъ дубу,
« Скачите на тую гору на Сарацинскую
« И хватайте два королевича Литовскіе,
« Ломайте имъ ноги по̀ колѣнъ
« И копайте очи ясныя. »
Обвернулся князь горносталюшкомъ,
Забѣжалъ въ палатки оружейныя,
У оружьицевъ замочки повыщербилъ,
У коней глоточки повыкусалъ,
У тугихъ луковъ тетивы подборвалъ.
Забѣгаетъ горносталюшка во бѣлъ шатеръ:
Сидитъ княгиня Настасья Митріевична
Со малымъ со отрокомъ двумѣсячнымъ.
И говоритъ Настасья Митріевична:

« Была бы у твоего батюшка прежняя молодость,
« Повыручилъ бы тебя съ полону великаго;
« А старость застигла глубокая,
« Не выручить тебя съ полону великаго! »
И говоритъ малый отрокъ двумѣсячный:
— Ай же ты, Настасья Митріевична!
— Нашъ батюшка ходитъ—дѣло дѣлаетъ—
— Малыимъ бѣлымъ горносталюшкомъ.—
Услыхали королевичи Литовскіе,
И хватали тулупъ собольчатый,
А малый горносталюшка подъ тулупомъ собольчатымъ
Выскочитъ въ тонкій рукавъ
И обернулся черныимъ ворономъ,
И слетѣлъ во сырой дубъ кряковистый.
И первый разъ заграялъ во сыромъ дубу,
И другой разъ заграялъ во сыромъ дубу,
Какъ третій разъ заграялъ во сыромъ дубу,
Наскакала сила—рать великая,
Хватала два королевича Литовскіе,
По колѣнъ имъ ноги повыломали,
Очи ясныя повыкопали.

(*Записано 13-го янв. 1861 г.*)

46.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ [1]).

(Гильферд. № 95.)

А ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту полю,
Искалъ себѣ поединщичковъ,
И находилъ во чистомъ полѣ:
Сидятъ шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ

[1]) Козьма Романовъ относитъ эту былину къ разграбленію Румянцева монастыря во время Петра Алексѣевича I; но складъ былины и чистота языка не подлаживаются подъ это опредѣленіе.

И подѣляютъ ёны золоту казну.
И приходитъ этотъ дородній-добрый молодецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же вы, удалы-дородни-добры молодцы!
« Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны
« Хоть малый жеребеечекъ? »
И проговорятъ всѣ удалы-добры молодцы:
« Голячёкъ ты, удаленькій молодецъ!
« Не можешь нажить себѣ золотой казны!
« А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
« А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
« А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ! »
Показалось ему это слово
За досаду-за обиду за великую.
Ухватилъ черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.
Приходитъ въ каменну Москву на царевъ кабакъ,
И купилъ-бралъ зелена вина.
Самъ говорилъ таковы слова:
« А пейте, братцы, зелена вина!
« Не пропить моей золотой казны:
« Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей. »
И пригодилися служки монастырскія,
И доносили его царскому величеству.
И приводятъ этого удалаго-добра молодца.
И сталъ царь его допрашивати:
— Скажи, скажи, удалый-дородній-добрый молодецъ:
— Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
— И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:

« Ай же ты, царь Петръ Алексиевичъ!
« А не былъ я красть монастыря Румянцева
« И не былъ я нести золотой казны.
« А ходилъ-гулялъ по чисту полю
« И находилъ во чистомъ полѣ
« Шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
« И подѣляютъ ёны золоту казну,
« И золотой казны сорокъ тысячей;
« И просилъ я у нихъ золотой казны
« Хотя малаго жеребеечка.
« А ёны говорятъ, удалые молодцы:
« Голечёкъ ты, удаленькій молодецъ!
« Не можешь нажить себѣ золотой казны!
« А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
« А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
« А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
« Показалось мнѣ это слово
« За досаду-за обиду за великую;
« Ухватилъ я черленый вязъ
« И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
« Отъ того удара богатырскаго
« Мать сыра земля сколыбалася,
« А добры молодцы испугалися,
« По чисту полю разбѣгалися,
« И оставляли ёны золоту казну. »
Проговоритъ его царское величество:
— Ай же ты, удалый-дородній-добрый молодецъ!
— Ходи-гуляй по чисту полю
— И стой за вѣру христіанскую!—

(Записано 13-го янв. 1861 г.)

47.

МОЛОДЕЦЪ и ХУДАЯ ЖЕНА.

(Гильферд. № 97.)

Жилъ-былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой поженити его;
Поженили его отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ.
« Приданаго много—человѣкъ худой:
« А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
« Думу думати, долгіе вѣки коротати,
« Не съ кѣмъ словечушка замолвити;
« Золотой монисточки лежать во кованомъ ларцу,
« А цвѣтну платьицу на грядочки и на гвоздики,
« А худой жены на моей руки.»
Отдалился, загулялся добрый молодецъ
Въ хоробру Литву, къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить-быть, вѣкушку коротати.
Стосковался, сгоревался, шелъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго.
И ударила хмелина кабацкая;
Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
« Король тотъ меня жалуетъ,
« Королевна душка, красна дѣвушка Аннушка
« Во люби меня держитъ у сердечушка. »
И пригодилися слуги королевскіе,
И доносили такія рѣчи похвальныя
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца:
— Слуги вы королевскіе,

— Палачи вы немилостивые!
— Подите—свяжите ему ручки бѣлыя,
— Скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Закройте очи ясныя черной тафтой,
— Сведите его на чисто поле
— На тую на казень на смертную.—
Шли тутъ слуги королевскіе,
Связали ему ручки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Завязали очи ясныя черной тафтой,
И повели его, удалаго дородня добра молодца,
Во чисто поле на казень смертную.
Проговоритъ удалый добрый молодецъ:
« Ай же вы, слуги королевскіе,
« Палачи вы немилостивые!
« Возьмите у меня денегъ пять рублей,
« Ведите мимо палату королевскую.
« И мимо тые окошечко косявчето,
« Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
« Съ душкой красною дѣвушкой,
« Аннушкой королевичной. »
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо палату королевскую,
И мимо тые окошечко косявчетое.
Крычитъ дороднiй добрый молодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
« Прости, прости, душка красна дѣвушка Аннушка!
« Повели меня на казень смертную! »
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка,
Кинулась въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ голосомъ:
— Ай же вы, слуги королевскіе,
— Палачи вы немилостивые!
— Ведите вы его, удала дородня добра молодца,
— Въ палату королевскую, въ покои особливые:
— Стану добра молодца допрашивать.—
Приводили удалаго дородня добра молодца

Въ палату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его, удалаго дородня добра молодца, допрашивать:
— Скажи, скажи, удаленькій дородній добрый молодецъ:
— Жилъ ты у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ;
— За что мой батюшка на тебя теперичу прогнѣвался?—
Говорилъ удалый дородній добрый молодецъ:
« Жилъ-былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
« Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ.
« Стосковался-сгоревался добрый молодецъ,
« Шелъ на царевъ кабакъ,
« И пилъ вина кабацкаго,
« И ударила хмелина кабацкая;
Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
« Король меня тотъ жалуетъ,
« Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
« Во люби держитъ меня у сердечушка. »
« И пригодилися слуги королевскіе,
« И доносили такія рѣчи похвальныя
« Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ
« Королевскому величеству.
« И воспылался королевское величество
« На удалаго дородня добра молодца.
« Приказалъ слугамъ своимъ королевскіимъ,
« Палачамъ немилосливымъ,
« Связать его ручки бѣлыя,
« Сковать ему ножки рѣзвыя,
« Закрыть очи ясныя черной тафтой
« И свести его на чисто поле,
« На тую на казень на смертную. »
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
— Ай же, слуги королевскіе,
— Палачи немилосливые!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
— Раскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Развяжите ручки бѣлыя,

— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою волю,
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своёй жены неудачливой.—
И взяли у ней денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ему ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли ему очи ясныя
И спустили его на свою волю.
Дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
На свою родиму на сторонушку.
Во тую пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру̀гая дорожка къ роду-племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый молодецъ пораздумался:
« Въ котору мнѣ дорожку пойти будéтъ?
« Какъ пойти къ отцу къ матери,
« Отца-матери, можетъ, живаго нѣтъ;
« А пойти какъ къ роду-племени,
« Не познаетъ родъ-племя любимое. »
Пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженькѣ
Приходила палата бѣлокаменная:
Столбики точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисицамы, куницамы
И дорогима соболямы заморскима;
Играютъ на улицы два юноша малыихъ.
« Ай же вы, юноши малые!
« Есть ли у васъ родима матушка,
« Есть ли у васъ родный батюшка? »
Проговорятъ юноши малые:

— Ай же ты, нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— И принесла насъ, двухъ юношей малыихъ.
— А нашъ батюшка въ гульбу ушелъ,
— Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.—
Захватилъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ въ уста во сахарнія:
« Ай же вы, юноши малые!
« Я вамъ не дядюшка, родный батюшка.
« Подите, скажите своёй родимой матушкѣ:
« Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришелъ.
« Пусти его въ палату бѣлокаменну,
« Не вѣкъ вѣковать, не ночь ночевать,
« Единъ разъ хлѣба-соли откушати. »
Скорешенько бѣжали два юноши младые:
— Ай же ты, родимая матушка!
— Нашъ батюшка съ гульбы пришелъ.
— Пусти его въ палату бѣлокаменну,
— Не вѣкъ вѣковать, не ночь ночевать,
— Единъ разъ хлѣба-соли откушати.—
Бѣжитъ молода жена:
— Ай же ты, милая моя ладушка,
— Крѣпкая сдержавушка!
— Поди въ палату бѣлокаменну;
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися!—

48.

ГОРЮШКО И УПАВЪ МОЛОДЕЦЪ [1]).

Жилъ-былъ у батюшки у матушки единый сынъ,
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.

---

¹) *Упавъ*, иначе *Купавъ*, женское же имя — *Купава*, *Упава*, *Запава*, и т. п., значитъ — красавецъ, красавица, юго-славянское *Хубавъ*, санскритск. *Шуб'а*. *Б.*

Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки Турецъ-сафьянъ,
И пошили ёму шубоньку дорóгую,
И дали шапоньку ему черныхъ соболей,
И даваютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
« Чадо наше милое,
« Чаделко наше любимое!
« И будешь ты на чужей на дальней на сторонушкѣ,
« И прошла-пролегла дорожка
« Мимо тотъ царевъ кабакъ:
« И не ходи-тко ты на царевъ кабакъ,
« Не пей чарочки зелена вина.
« Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
« Возьмутъ твою шапоньку черныхъ соболей,
« И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
« И возьмутъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
« И бросятъ тебѣ лапотки липовыя,
« Подержаны, поношены, да брошены,
« И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
« Подержану, поношену, да брошену;
« И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною. »
Еще говорятъ ему, наказываютъ:
« Будешь ты какъ хмельная головушка,
« И будешь на почестномъ на большомъ пиру,
« Не садись во мѣсто во большее:
« Буде стóишь мѣста бóльшаго,
« Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее,
« А буде не стóишь мѣста бóльшаго,
« Такъ осмѣются люди добрые
« И удалые дородни добры молодцы. »
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
« Не водись со женщиной кабацкою. »
И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Путемъ широкою дорогою.

Прошла-пролегла дорожка мимо царевъ кабакъ
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая:
Лицюшко у ней быдто бѣлый снѣгъ,
Глазушки быдто ясна сокола,
Бровушки быдто черна соболя.
Говоритъ ему словеса приличныя:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Зайди, зайди на царевъ кабакъ,
« Выпей винца не со множечко,
« Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
« Развесели свою младую головушку,
« Ходючись-бродючись по той чужой по дальней сторонушкѣ. »
Не послушалъ наказа отца-матерня:
И взяла ёна подъ рученьку подъ правую,
И ведетъ ёна на царевъ кабакъ,
И говоритъ словеса приличныя:
« Какъ будешь ухмельная головушка,
« Такъ провожу я тебя до своего до подворьица
« И до своего до помѣстьица,
« И тутъ я съ тобою спать лягу. »
И приходилъ ёнъ на царевъ кабакъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонушки.
Всѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дороднiй добрый молодецъ
Выходитъ за столика дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина,
И подносилъ Упаву добру молодцу:
« Выпей, выпей винца не со множечко,
« Облей-обкати свое ретивое сердечушко
« И развесели свою младую головушку. »
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ, высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ кипитъ,

А посереди чарочки дымъ столбомъ стоитъ,
А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь горитъ.
И выпилъ чарочку зелена вина,
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки Турецъ-сафьянъ,
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили лапотки ему липовыя,
Подержаны, поношены, да брошены,
И бросили ему рогоженку липову,
Подержану, поношену, да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается и пробуждается:
Легъ молодецъ, какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ, какъ мать родила.
И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
— Не послушался я наказа отца-матерня!—
Повыскочитъ Горюшко изъ запечья,
Стало Горюшко по кабаку поскакивати,
Поскакиваетъ, да поплясываетъ,
Поплясываетъ, да выговариваетъ:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Не кручинься-ка ты, не печалуйся.
« Учись горемычнаго припѣвочка:
« Въ горѣ жить, не кручинну быть! »
« Умѣй меня, Горюшко, кормить-поить,
« Кормить-поить, хорошо водить,
« Учись горемычнаго припѣвочка. »
Всѣ пошли добры молодцы на почестенъ пиръ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ёму было итти нé во чемъ,
А взять калачика нé во что.
Проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Надѣвай ты тулупецъ рогозенный,
« Опоясывай по подольчику опоясочкой,

« Обувай лапотки липовы,
« И учись ходить за бл......й. »
Надѣвалъ ёнъ тулупецъ рогозенный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обуваетъ липовы;
И пошелъ на почестенъ пиръ.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрые людюшки:
По кресту дороднiй добрый молодецъ
Ученаго онъ отца-матери,
И по поклончикамъ дороднiй добрый молодецъ
Разумнаго роду-племени;
Посадить его во мѣсто во меньшое,—
Такъ быть ему кусочекъ поданный,
А пить чарочка ожурёная;
А посадить его во мѣсто во большое,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадили его осередъ стола.
И ѣлъ молодецъ досыта,
И пилъ молодецъ до люби,
И тутъ молодецъ и спать залегъ за золотъ столъ.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается, пробуждается.
Проговорятъ многи добрые людюшки:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Поди—задайся ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ:
« Наживешь ты денегъ пятьдесятъ рублей,
« Наживешь ты шубоньку дорогую,
« Наживешь сапожки Турецъ-сафьянъ
« И шапоньку черныхъ соболей. »
И пошелъ дороднiй добрый молодецъ,
Задался ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растетъ:

Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
И нажилъ шубоньку дорогую,
И нажилъ сапожки Турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Не ходи на почестный пиръ,
« А поженись-ка ты, удаленькiй добрый молодецъ,
« Возьми ты душку, душку-дѣвушку. »
Проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
« Не женись, не бери душки, душки-дѣвушки;
« Поди ты на царевъ кабакъ,
« И пей вина кабацкаго,
« И закусывай медамы стоялыма,
« Стоямыла медамы, сладкима. »
И шелъ Упавъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго,
И закусывалъ медамы стоялыма,
Стоялыма медамы, сладкима.
И пропивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтиною,
Пропивалъ шубоньку дорогую,
И сапожки Турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
Пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ,
И приходилъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ:
Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
— Перевощички вы, перевощички!
— Перевезите меня на тую на сторону.—
Всѣ проговорятъ перевощички:
« Есть ли у тебя дать перевознаго? »
— Перевознаго дать нечего.—
« А безъ перевознаго мы не перевеземъ. »
И сѣлъ онъ на камешекъ,

Закручинился, запечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буйную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю,
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черну̀ рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
« Перевеземъ мы на тую на сторону
« Удалаго дородня добра молодца! »
  Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Іонъ летитъ яснымъ соколомъ.
А Горюшко въ слѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Хочешь у̀летѣть, да не улетѣть:
« Не на часъ я къ тебѣ, Горе, привязалося! »
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю,
Повернулся добрый молодецъ сѣры̀мъ волко̀мъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
Горюшко въ слѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, Упавъ дороднiй добрый молодецъ!,
« Хочешь ускочить, да не у̀ско̀чишь:
« Не на часъ я къ тебѣ, Горе, привязалося! »
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Завернуться на боярскiй дворъ,
Задаться ко боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговоритъ Горюшко сѣрое:
« Ай же ты, Упавъ, дороднiй добрый молодецъ!
« Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
« Не ходи ты на боярскiй дворъ,
« Не корми чужаго отца-матери! »
  Велитъ Горюшко итти во честные во монастыри.

Велитъ Горюшко постричься и посхимитися.
И шелъ добрый молодецъ во честные во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился,
И прошло тому времячка ровно три года,
И тутъ ему, добру молодцу, и смерть пришла.

49.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ.

Царица, мать Саламанова, понеслася отъ мужа своего. Сидитъ она разъ у себя въ ложнѣ и разговариваетъ съ своими прислужницами; говорятъ онѣ келейныя рѣчи: «У одной женщины мужъ-то очень старъ, такъ она и держитъ себѣ полюбовника.» Царица молвила:—И я на ея мѣстѣ то же сдѣлала бы.—А дѣтище во чревѣ провѣщилось: «Б.... по б..... и судъ судитъ.» Говорила царица таковы слова:—Ахъ ты, злое дѣтище во чревѣ моемъ! я тебя и на свѣтъ не выпущу!—А сынъ на мѣсто отвѣчаетъ: «Ты бы не выпустила, да я самъ выду и ребро выставлю.»—Ахъ ты злое дѣтище! не будешь ты счастливо!—

Прошла пора-время срочное, и породила она сына, и жилъ онъ до пяти годовъ. Вотъ царица и говоритъ дядькѣ:—Возьми сына моего позаочь [1]), сведи его на взморье, заколи и принеси его сердце мнѣ-ка-ва.—Дядька не можетъ ослушаться царицы, и привелъ Саламана ко взморью. Какъ пришли на взморье, говоритъ Саламанъ: «А что тебѣ, дядька, говорила моя родительница?»—Велѣла заколоть тебя и сердце твое ей принести, да жаль мнѣ-ка-ва тебя.—А тутъ о море по берегу бѣжитъ собака. «Дядька, говоритъ Саламанъ: «кличь собаку.» Сталъ дядька свистать-посвистывать: собака не йдетъ. Сталъ Саламанъ свистать-посвистывать: на зовъ собака пришла и хвостомъ вертитъ. «Дядька, говоритъ Саламанъ: «заколи собаку, вынь сердце и снеси моей родительницѣ.»

---

[1]) Съ глазъ долой.

Пришелъ дядька къ царицѣ съ собачьимъ сердцемъ и говоритъ ей:—Твое царское величество! исполнено твое желаніе: сердце вынято.—Сварили сердце и подали царицѣ. Какъ положила въ ротъ, такъ и закричала: «Ахъ, какое злое дѣтище: и сердце смердитъ на собачину!»

А царь Саламанъ простился съ дядькой и пошелъ о взморье. Пришелъ въ село полномочное, зашелъ въ гумно, а на гумнѣ крестьяне молотятъ хлѣбъ. Взошелъ Саламанъ на ометъ, сѣлъ о стѣну и слышитъ, говоритъ крестьянинъ съ сыновамы: «Что, дѣти мои, сынова! я вамъ загóдку загону. Если загодку отгадаете, моимъ имѣньемъ повладаете.» И загонулъ загадку: «Чтó скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?»

Вышелъ старшій сынъ и кручинится, какъ ему загодку отгонуть. Говоритъ ему Саламанъ:—Чтó ты, человѣче, стоишь, думу думаешь?—Видитъ старшій сынъ, парень сидитъ на соломы, и спрашиваетъ: «Какой ты человѣкъ?»—Да ты скажи прежде, что думаешь?—«А думаю я, какъ бы отцовская загодка отгонуть: чтó скорѣе всѣхъ по землѣ ходитъ, и кой хлѣбъ чище всѣхъ на землѣ, и съ коимъ скотомъ крестьянинъ говоритъ?»—Если возьмете меня четвертымъ братомъ и дадите четвертую часть имѣнія, я, пожалуй, отгону загодку.—

Пришелъ старшій сынъ къ отцу и говоритъ: «Имается этакой человѣкъ, берется загодку отгонуть, да за это просится четвертымъ братомъ.» Говоритъ отецъ: «А возьмите его четвертымъ братомъ: будетъ моего имѣнія про васъ.» Взяли четвертымъ братомъ.

Пришелъ Саламанъ, здравствуетъ: — Божья помочь, крестьянинъ!—«Надоть Божья помочь!»—Мудрена твоя загодка, а я отгону: солнце скорѣе всѣхъ ходитъ по землѣ,—вокругъ вселенной обойдетъ въ сутки; чище хлѣба нѣтъ, которая просвира живетъ на престолѣ; а съ тымъ скотомъ крестьянинъ говоритъ, съ лошадью.—

И сталъ Саламанъ жить въ томъ селеніи и нанялся въ пастухи.

Крестьянинъ загадываетъ еще двѣ загадки Саламану, первую: «Знаешь ли моему хлѣбу мѣру?» и другую: «Который же

скотъ прибыльнѣй держать?» И говоритъ Саламанъ:—А твоему хлѣбу мѣра вострые зубы. Овцу держать прибыльнѣй: шерсть стрижешь, шкуру соймешь, шубу сошьешь, тушу ей варить можно. А другая скотина-корова: шкуру ей соймешь, сапоги сошьешь, тушу варить можно, а молоко въ пользу...

50.

СОНЪ САЛАМАНОВА ОТЦА [1]).

Говоритъ царь Антоломанъ Антоломановичъ:
« Ты, премудрый царь Давидъ Асѣевичъ!
« Мнѣ ночесь спалось, во сняхъ видѣлось:
« Какъ бывъ у меня въ зеленомъ саду
« Вырастало деревцо сахарнее,
« И всѣмъ-то деревцо изукрашено,
« Листьицемъ оно изнавѣшено.
« Изъ далеча далеча чиста поля

[1]) Въ III томѣ Рыбниковъ передъ этой записью помѣстилъ другой варіантъ Сна Саламанова отца, взятый имъ „съ рукописи XVII или XVIII стол., принадлежавшей капитану Ивану Дементьеву сыну Плотникову“. Приводимъ его здѣсь. *Ред.*

Повѣсть о святомъ градѣ Iерусалимѣ изъ давнихъ лѣтъ. Было собраніе царямъ, княземъ и всѣмъ Израилтейскимъ мужемъ во святую субботу на горѣ Сіонской у дуба Мамврійскаго. Первый царь Втоломѣй, второй царь Iакимъ, третій царь Евгей, четвертый царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ, а всѣхъ ихъ продолженія ради не начахъ писати. Молебное пеніе было и воста царь Втоломѣй и рече: „Бо есте, царіе и князи! Кому сею нощію какое виденіе виделось? не могите того нихто утаити. Азъ, братіе, во утреннее пеніе видѣлъ: отъ восточныя страны восходило солнце красное, и освѣтило всю вселенную; а другую сторону взросло древо кипарисное; коренье у древа болотное, ветвіе у древа серебреное, листвие златое разцвело; то древо драгимъ жемчугомъ созрело, самоцвѣтнымъ каменнемъ. На верху того древа сидитъ белъ кречетъ; колокольчики у него на погахъ отъ злата аравицкаго. А хто, братія, то виденіе разкажетъ, и азъ того полюби пожалую“. И всѣ цари и князи стоячи промолчали. И выступилъ царь и пророкъ Давидъ Евсѣвьевичъ:—Господине царю Втоломѣю! Азъ тобѣ про то скажу и виденіе твое разгадаю за двенадцать лѣтъ на сына своего Соломана и на дочь твою Саламаниду. А еще ихъ въ утробахъ нѣтъ.—Что отъ восточныя страны восходило солнце красное и освѣтило всю вселенную, то будетъ началный градъ Iерусалимъ; а другую сторону взросло древо кипарисное...

« Налетала птичка малешенька,—
« Сердцемъ—тымъ зла, негтемъ востра,—
« Сѣла на деревцо сахарнее,
« Распустила крылья до сырой земли:
« Ни видать того деревца изъ-подъ крылъ его. »
И проговоритъ царь Давидъ Асѣевичъ:
— Царь Антоломанъ Антоломановичъ!
— Я скажу тебѣ, попровѣдаю,
— Самъ твой я сонъ тотъ порозсужу:
— Не деревцо у тебя вырастало въ зеленомъ саду,
— У твоей царицы благовѣрныя
— Будетъ чадо, едина дочь;
— А не птичка налетѣла изъ чиста поля,
— А у моей царицы благовѣрныя
— Будетъ чадо, единый сынъ;
— И пройдетъ времени ровно тридцать лѣтъ,
— И може мой сынъ на твоей дочери женатъ будетъ.

IV.

ЛЕОНТІЙ БОГДАНОВЪ.

Леонтій Богдановъ, крестьянинъ дер. Середки Кижской волости. Рыбниковъ засталъ его еще «здоровымъ, крѣпкимъ мужикомъ», хотя уже «лѣтъ семидесяти съ хвостикомъ»; но до пріѣзда Гильфердинга онъ не дожилъ. Леонтій былъ, по отзыву Рыбникова, неважнымъ пѣвцомъ: плохіе, неполные варіанты былинъ, забывчивость, какое-то недосказываніе словъ, разбитый голосъ—вотъ его недостатки, которые побудили собирателя воспользоваться не всѣмъ записаннымъ отъ него матеріаломъ. Прибавимъ къ этому, что двѣ его былины лишены стиха и сказывались, а не пѣлись [1]), что цѣлыхъ три принадлежатъ не ему одному, а связаны съ участіемъ еще другого пѣвца [2]).

[1]) Въ перв. изд. онѣ были раздѣлены на стихи „издателями“, т.-е. г. Безсоновымъ; мы предпочли напечатать ихъ сплошь.

[2]) Одну изъ нихъ, о Дунаѣ, мы отнесли къ репертуару Терентія Іевлева.

Въ глазахъ Рыбникова Л. Богдановъ долженъ былъ имѣть особое значеніе: отъ него перваго услыхалъ нашъ собиратель былины и воодушевился намѣреніемъ записывать ихъ, онъ же познакомилъ его съ цѣлымъ рядомъ пѣвцовъ. Тѣмъ не менѣе Рыбниковъ очевидно мало цѣнилъ его тексты; мы не знаемъ даже именъ его учителей.

51.

СВЯТОГОРЪ И ИЛЬЯ.

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ, во селѣ было Карачаровѣ, сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ. Уходилъ государь его батюшка со родителемъ со матушкою на работушку на крестьянскую. Какъ приходили двѣ калики перехожія подъ тое окошечко косявчето, говорятъ калики таковы слова: «Ай же ты Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ! Отворяй каликамъ ворота широкія, пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.» Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ: — Ай же вы, калики перехожія! не могу отворить воротъ широкіихъ, сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ. Не владаю ни рукамы, ни ногамы.—Опять говорятъ калики перехожія: «Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги, отворяй-ка ворота широкія, пускай-ка каликъ къ себѣ въ домъ.» Выставалъ Илья на рѣзвы ноги, отворялъ ворота широкія, и пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ. Приходили калики перехожія, они крестъ кладутъ по писаному, поклонъ ведутъ по ученому, наливаютъ чарочку питьица медвянаго, подносятъ-то Ильѣ Муромцу. Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго, богатырско его сердце разгорѣлося, его бѣлое тѣло распотѣлося. Воспроговорятъ калики таковы слова: «Что чувствуешь въ собѣ, Илья?» Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:—Слышу въ собѣ силушку великую.—Говорятъ калики перехожія: «Будешь ты, Илья, великій богатырь, и смерть тобѣ на бою не писана: бейся-ратися со всякимъ богатыремъ и со всею паленицею удалою; а столько не выходи драться съ Святого-

ромъ богатыремъ: его и земля на себѣ черезъ силу носитъ; не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ: у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ; не бейся и съ родомъ Микуловымъ: его любитъ матушка сыра-земля; не ходи още на Вольгу Сеславьича: онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью. Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго, выходи въ раздольице чисто поле, покупай перваго жеребчика, станови его въ срубу на три мѣсяца, корми его пшеномъ бѣлояровымъ, а пройдетъ поры-времени три мѣсяца, ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай, и въ три росы жеребчика выкатывай, подводи его къ тыну ко высокому: какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать, и въ ту сторону, и въ другую сторону, поѣзжай на немъ, куда хочешь, будетъ носить тебя.» Тутъ калики потерялися.

Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку на тую работу на крестьянскую, очистить надо палъ отъ дубья-колодья: онъ дубье-колодье все повырубилъ, въ глубоку рѣку повыгрузилъ, а самъ и сшелъ домой. Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна—испужалися: «Что это за чудо подѣялось? Кто бы намъ это сработалъ работушку?» Работа-то была подѣлана, и пошли они домой. Какъ пришли домой, видятъ: Илья Муромецъ ходитъ по избы. Стали его спрашивать, какъ онъ выздоровѣлъ. Илья и разсказалъ имъ, какъ приходили калики перехожія, поили его питьицемъ медвяныимъ: и съ того онъ сталъ владать рукамы и ногамы, и силушку получилъ великую.

Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле, видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго, бураго жеребчика косматенькаго. Покупалъ Илья того жеребчика, что запросилъ мужикъ, то и далъ; становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца, кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ, поилъ свѣжей ключевой водой; и прошло поры-времени три мѣсяца, сталъ Илья жеребчика по три ночи въ саду поваживать; въ три росы его выкатывалъ, подводилъ ко тыну ко высокому, и сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать, и въ ту сторону, и въ другую сторону. Тутъ Илья Муромецъ сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ, бралъ у батюшка, у матушки проценьице-благословеньице, и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ на шатеръ бѣлополотняный, стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ, и въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая: долиной кровать 10 саженъ, шириной кровать шести саженъ. Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу, легъ на тую кровать богатырскую и спать заснулъ. А сонъ богатырскій крѣпокъ: на три дня и на три ночи. На третій день услыхалъ его добрый конь великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки: мать-сыра земля колыбается, темны лѣсушки шатаются, рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются. Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю, не можетъ разбудить Илью Муромца. Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ: «Ай же ты, Илья Муромецъ! Спишь себѣ, прохлаждаешься, надъ собой незгодушки не вѣдаешь: ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь. Ты спущай меня во чисто поле, а самъ полѣзай на сырой дубъ.» Выставалъ Илья на рѣзвы ноги, спущалъ коня во чисто поле, а самъ высталъ во сырой дубъ. Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго, головой упираетъ подъ облаку ходячую, на плечахъ везетъ хрустальный ларецъ. Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу, снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ, отмыкалъ ларецъ золотымъ ключомъ: выходитъ оттоль жена богатырская. Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ не видано и не слыхано: ростомъ она высокая, походка у ней щепливая [1]), очи яснаго сокола, бровушки чернаго соболя, съ платьица тѣло бѣлое. Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ, полагала скатерти браныя, ставила на столъ ѣствушки сахарнія, вынимала изъ ларца питьица медвяныя. Пообѣдалъ Святогоръ богатырь и пошелъ съ женою въ шатеръ прохлаждатися, въ разныя забавы заниматися. Тутъ богатырь и спать заснулъ. А красавица жена его богатырская пошла гулять по чисту полю, и высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу. Говоритъ она таковы слова: «Ай же ты, дородній добрый молодецъ! Сойди-ка со сыра дуба, сойди, любовь со мной сотвори; буде не послушаешься, разбужу Святогора богатыря и скажу ему, что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ.» Нечего дѣлать Ильѣ: съ бабой не сговорить, а съ Святогоромъ не сладить; слѣзъ онъ съ того сыра дуба и сдѣлалъ дѣло по-

[1]) Мелкая, щегольская.—Б.

зелёное. Взяла его красавица, богатырская жена, посадила къ мужу во глубокъ карманъ и разбудила мужа отъ крѣпкаго сна. Проснулся Святогоръ богатырь, посадилъ жену въ хрустальный ларецъ, заперъ золотымъ ключемъ, сѣлъ на добра коня и поѣхалъ ко Святымъ горамъ. Сталъ его добрый конь спотыкаться, и билъ его богатырь плеткою шелковою по тучнымъ бедрамъ, и проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ: «Оперёжь я возилъ богатыря да жену богатырскую, а нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей: дивья [1]) мнѣ потыкатися!» И вытащилъ Святогоръ богатырь Илью Муромца изъ кармана, и сталъ его выспрашивать, кто онъ есть и какъ попалъ къ нему во глубокъ карманъ.

Илья ему сказалъ все по правды по истины [2]). Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и называлъ меньшимъ братомъ [3]).

---

[1]) *Дивья*: дивно ли, не чудо!—Б.

[2]) По другимъ разнорѣчіямъ этой побывальщины, Святогоръ узналъ о невѣрности жены изъ того, что она не могла уже войти въ хрустальный ларецъ.

[3]) Вотъ кстати разсказъ о свадьбѣ Святогора.

Поѣхалъ Святогоръ путемъ-дорогою широкою, и по пути встрѣлся ему прохожій. Припустилъ богатырь своего добра коня къ тому прохожему, никакъ не можетъ догнать его: поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступою ѣдетъ, прохожій идетъ впереди. Проговоритъ богатырь таковы слова: „Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись не со множечко, не могу тебя догнать на добромъ конѣ“. Пріостановился прохожій, снималъ съ плечъ сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говоритъ Святогоръ богатырь: „Что у тебя въ сумочкѣ?“—А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь.—Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма рукамы, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ Говоритъ богатырь таковы слова: „Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу.“—Въ сумочкѣ у меня тяга земная.—„Да кто жъ ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звеличаютъ какъ по изотчины?“—Я есть Микулушка Селяниновичъ. — „Ты още скажи, Микулушка, повѣдай-ка, какъ мнѣ узнать судьбину Божію?“—А вотъ поѣзжай путемъ-дорогою прямоѣзжею до розстани, а отъ розстани сверни влѣво и пусти коня во всю прыть лошадиную, и подъѣдешь къ Сивернымъ горамъ. У тыхъ у горъ, подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты спроси у кузнеца про свою судьбину.—Поѣхалъ Святогоръ дорогою прямоѣзжею, отъ розстани свернулъ влѣво, пустилъ коня во всю прыть лошадиную: сталъ его добрый конь поскакивать, рѣки, моря перескакивать, широкія раздолья промежъ ногъ пущать. Ѣхалъ Святогоръ богатырь три дня и доѣхалъ до Сиверныхъ горъ, до того до дерева великаго

Выучилъ Святогоръ Илью всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ, и поѣхали они къ Сивернымъ горамъ, и наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ, на томъ гробу подпись подписана: «Кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ.» Легъ Илья Муромецъ: для него домовище и велико, и широко. Ложился Святогоръ богатырь: гробъ пришелся по немъ. Говоритъ богатырь таковы слова: «Гробъ точно про меня дѣланъ. Возьми-тко крышку, Илья, закрой меня.» Отвѣчаетъ Илья Муромецъ: — Не возьму я крышки, большій братъ, и не закрою тебя: шутишь ты шуточку не малую, самъ себя хоронить собрался.—Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ; да какъ захотѣлъ поднять ю, никакъ не можетъ; бился онъ и силился поднять, и проговорилъ Ильѣ Муромцу: «Ай меньшій братъ! Видно, судьбина поискала меня, не могу поднять крышки, попробуй-ка приподнять ю.» Попробовалъ Илья

и до той кузницы: въ кузницы кузнецъ куетъ два тонкіихъ волоса. Говоритъ богатырь таковы слова: „А что ты куешь, кузнецъ?“ Отвѣчаетъ кузнецъ: — Я кую судьбину, кому на комъ жениться.—„А мнѣ на комъ жениться?“ — А твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. — Стоитъ богатырь, пораздумался: „Дай-ка я поѣду въ тые царство Поморское и убью тую невѣсту.“ Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней, точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ, и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а за тымъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги почала она торговать и наживала безсчетну золоту казну, строила кораблики черленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на Святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про (н)ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ богатырь посмотрѣть на красавицу,—полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди и спрашивалъ жену: „Что у тебя за рубецъ на бѣлой груди?“ Отвѣчала ему жена:—Въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избы денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась: у меня рубецъ на бѣлой груди, и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ.— Тутъ Святогоръ богатырь дознаЛъ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь.

Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: «Возьми мой мечъ кладенецъ и ударь поперекъ крышки.» Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ». Какъ наклонился Илья и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ: почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй още ударить мечомъ вдоль крышки.» Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговоритъ Святогоръ богатырь: «Задыхаюсь я, меньшій братецъ: наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну още на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую.» Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:—будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на собѣ носить не станетъ.—Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: «Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владай моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ.» Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

52.

ПОТЫКЪ И СОРОКЪ КАЛИКЪ [1].

Собиралося сорокъ каликъ со каликою итти ко славну городу Іеросалиму чуднымъ крестамъ помолитися, ко святымъ мо-

[1]) Записана отъ Л. Богданова и отъ калики Латышова изъ Пудожскаго уѣзда.

щамъ приложитися. Шили оны подсумки рыта бархата и шили лапотики изъ семи шелковъ Шемаханскіихъ. У нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ-носкѣ по ясному по камешку самоцвѣтному. Клали оны между собой великъ залогъ: кто покрадетъ али какой другой грѣхъ совершитъ, тому темянемъ языкъ вынимать, ясны очушки выкапывать. И шли оны въ путь-дороженьку, отправлялися; оны день идутъ по красному по солнышку, а въ ночь идутъ по самоцвѣтному по камешку. И пришли оны ко стольно-Кіеву, ко ласкову ко князю ко Владиміру [1]). Попалъ онъ въ стрѣту имъ на мостику золоченоемъ, попалъ въ стрѣту, низко кланялся. И скричали оны громкимъ голосомъ: «Владиміръ, князь стольно-Кіевскій! дай-ка намъ, каликамъ, милостину: не рублемъ беремъ мы и не полтиною, беремъ-то мы цѣлыма тысячамы». Владиміръ князь стольно-Кіевскій давалъ имъ каликамъ сорокъ тысячей и отпустилъ ихъ во путь во дороженьку. Увидала княгина Опраксія, она попросту въ окошечко заглядывала, во тыхъ ли каликахъ перехожіихъ насмотрѣла душечку Михайла Потыка сына Ивановича: Михайло-то Потыкъ сынъ Ивановичъ ей Опракси во люби пришелъ. Говорила Опраксія таковы слова:—Ай же вы, нищія калики перехожія! Ступайте ко мнѣ во высокъ теремъ: я васъ, каликъ, накормлю досыта и напою васъ допьяна. — Заходили оны во высокъ теремъ. Садила-то ихъ за столики дубовые, клала на столъ скатерти браныя, кормила ихъ ѣствушкой сахарнею, поила ихъ питьицемъ медвяныимъ, поила-то она ихъ допьяна. Душечку Михайла Потыка сына Ивановича приводила она въ покои въ особые, говоритъ ему рѣчи умильныя, во любовь ему Михайлы дается. Говорилъ Михайла таковы слова: «Молода княгина Опраксія! А положенъ у насъ великъ залогъ: кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ, ему темянемъ языкъ вынимать, очушки ясныя выкапывать. Не могу я на грѣхъ посягнуться.» Этыя ей рѣчи не слюбилися. Призывала она любимаго чашника, даваетъ ему чашу княженецкую, съ которой чаши Владиміръ князь испиваетъ зелено вино, и велитъ ему тую чашу княженецкую полагать во тотъ подсу-

[1]) По словамъ Латышова—ко царищу Кудріянищу.

мокъ рыта бархата у душечки Михайла Потыка сына Ивановича. Спали добры молодцы, высыпалися, высыпалися оны, пробуждалися, надѣвали подсумки рыта бархата, брали клюхи-то дорожныя въ бѣлы руки и шли оны во путь во дороженьку. Не поспѣли оны отойти отъ палатъ бѣлокаменныхъ, скачетъ за нима погона скорымъ гонцомъ, скачетъ Алешенька Поповичъ, рукой машетъ, кричитъ Алеша во всю голову: «Ай же вы, калики перехожія! почто украли чашу княженецкую? Не калики вы есть, воры вы, разбойники!» Этыя имъ рѣчи не слюбилися: брали-то оны клюхи-то дорожныя, стали-то Алешу поколачивать, спустили Алешу одва жива домой. Не успѣлъ одинъ гонецъ со глазъ сойти, ѣдетъ опятъ погона великая, ѣдетъ молодой Добрынюшка Никитиничъ. Добрынюшка-то онъ во послахъ бывалъ, во послахъ бывалъ, говорить гораздъ,— онъ очень тихо ѣдетъ, самъ покланяется, говоритъ Добрыня таковы слова: «Ай же вы, калики перехожія! У насъ чаша княженецкая потерялася. Не попала ли вамъ чаша ошибкою во подсумки рыта бархата?» Оны всѣ калики становилися, сымали подсумки рыта бархата, стали искать чаши княженецкія во тыхъ во подсумкахъ глубокіихъ. Объявилася чаша княженецкая въ подсумкѣ у Михайла Потыка сына Ивановича. Отдавали оны чашу Добрынюшкѣ Никитичу, и поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ со великою со радостію, со тою чашею княженецкою. Взяли калики перехожія у душечки Михайлы Потыка сына Ивановича темянемъ языкъ повытянули, ясны очушки ему повыкопали, бросили его въ раздольице чисто поле, пошли калики, сами заплакали.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановычъ, онъ на четырехъ костяхъ [1]) поплылъ во зеленый лугъ, приплывалъ онъ ко сыру дубу. Прилетала птичка райская, садилась на тотъ на сырой дубъ, пѣла она пѣсни царскія: «Кто въ эту пору-времячко помоется росою съ этой шелковой травы, тотъ здравъ будетъ.» Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ догадается, умывался росою съ этой шелковой травы: заростились его раночки кровавыя, сталъ онъ, молодецъ, здравъ попрежнему.

---

[1]) На четвереньках.— *Б.*

По разсказу Богданова, калики нашли Михайла Потыка здрава и невредима на возвратномъ пути изъ Іерусалима, а по словамъ Латышова, самъ Михайла Потыкъ нагналъ товарищей въ Іерусалимѣ и зашелъ въ церковь соборную. Глядятъ калики и не вѣрятъ глазамъ: стоитъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ живъ-здоровъ. А за грѣхъ княгини Опраксы проявилось во Кіевѣ идолище поганое.

53.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Собиралось пированьице-почестенъ пиръ,
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное-то солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
За тыма столамы за дубовыма сидѣло двѣ вдовы:
Первая вдова—честно-Блудова жена,
А другая вдова—Часова́я жена.
Честная вдова честно-Блудова жена
Наливала она чару зелена вина,
Подносила къ честныя вдовы Часовой жены,
Говорила-то она таковы слова:
« Ахъ ты честная вдова, Часовая жена!
« Станемъ мы ѣсть-пить въ одномъ мѣстѣ,
« Станемъ съ тобой родню творить:
« Какъ у меня есть чадо любимое,
« Молодой Хотёнышка Блудовичъ,
« У тебя есть дочушка Офимьюшка. »
Эта зла баба зубатая, Часовая жена,
Она чарочки зелена вина не выпила,

Во ясны очи ей чарочку вылила:
— А какъ твой былъ мужище-то Блудище,
— А сынище-то твой уродище:
— Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
— Ищетъ-то упалаго зерничка,
— А чѣмъ бы ему голова пропитать.
— А моя-то дочушка Офимьюшка,
— Сидитъ она во теремѣ высокоемъ,
— Сидитъ-то она ровно двадцать лѣтъ:
— На ню буйные вѣтрышки не вѣяли,
— На ню красное солнышко не пекло.
— Още есть у меня двѣнадцать сыновей;
— Оны ѣздятъ во чистомъ полѣ, полякуютъ,
— Хочутъ-то поимать молода Хотёнушка:
— Захочу,—его при себѣ держу,
— Захочу,—его подъ барина отдамъ.—
Честная вдова честно-Блудова жена
Со честна пира пошла не весела,
Закручинилась она, запечалилась,
Ясны очи утопила во сыру землю.
Изъ того изъ терема высокаго
Выходилъ ей встрѣту младъ Хотёнушко,
Говорилъ-то Хотёнъ таковы слова:
— Ай же ты, государыня моя матушка!
— Что ты со честна пира идешь не весела,
— Закручинившись идешь, запечалившись?
— Али чарочкой тебя пріобнесли,
— Али мѣсто на пиру было не по люби,
— Али пьяница-дуракъ насмѣялся ти? —
Говорила вдова таковы слова:
« Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
« Молодой Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ!
« Чаркой меня не пріобнесли,
« А и мѣсто на пиру было по люби,
« И пьяница-дуракъ но насмѣялся мнѣ,
« Насмѣялась мнѣ Часовая жена.
« Наливала я чарочку зелена вина,

« Подносила ко той вдовы, Часовой жены,
« Говорила ей таковы слова:
« Ахъ ты честная вдова, Часовая жена!
« Станемъ мы ѣсть-пить въ одномъ мѣстѣ,
« Станемъ со тобой родню творить:
« Какъ у меня есть чадо любимое,
« Молодой Хотенушко Блудовичъ,
« У тебя есть дочушка Офимьюшка.
« Честная вдова, Часовая жена,
« Она чарочки зелена вина не выпила,
« Во ясны очи чарочку вылила,
« Говорила сама таковы слова:
« А какъ твой былъ мужище-то Блудище,
« А сынище-то твой уродище:
« Онъ ходитъ по городу—уродуетъ,
« Ищетъ-то упалаго зерненка,
« А чѣмъ бы ему голова пропитать.
« А моя-то дочьюшка Офимьюшка,
« Сидитъ она во теремѣ высокоемъ,
« Сидитъ-то она ровно двадцать лѣтъ:
« На ню буйные вѣтрышки не вѣяли,
« На ню красное солнышко не пекло.
« Още есть у меня двѣнадцать сыновей,
« Оны ѣздятъ во чистомъ полѣ—полякуютъ,
« Хочутъ-то поимать молода Хотёнушка:
« Захочу,—его при себѣ держу,
« Захочу,—его подъ барина отдамъ. »—
Говорилъ Хотенъ честно-Блудовъ сынъ:
— Ай же ты, государыня моя матушка,
— Не пустымъ ли она похваляется?—
Взялъ-то матушку за бѣлы руки,
Привелъ ю во поселышко вдовиное,
Самъ сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
Бралъ съ собой служку Панюточку,
И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
Уснулъ Хотёнъ во крѣпкій сонъ,
Самъ наказывалъ служкѣ Панюточкѣ:

« Ты гляди, какъ поѣдутъ двѣнадцать братьицевъ родимыихъ,
« Станутъ оны какъ призарыскивать,
« Ты буди меня со крѣпка сна.»
Какъ увидѣлъ Панюточка двѣнадцать братьицевъ родимыихъ,
Онъ садился на добра коня богатырскаго,
Поѣхалъ стрѣту тымъ братьицамъ родимыимъ:
Трехъ-то братьицевъ конемъ потопталъ,
Тремъ-то братьицамъ голову срубилъ,
Шестерыхъ-то братьицевъ во полонъ взялъ,
Приводилъ къ Хотёнышку Блудовичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Хотенъ, честно-Блудовъ сынъ!
— Ты вставай-ка со крѣпка сна:
— Я сработалъ-то твою работушку.—
Говорилъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ:
« Не свою ты работушку работаешь:
« Ты столько знай щи-каша варить,
« Щи-каша варить, да меня кормить. »
Садились оны на добрыхъ коней,
Повезли шестерыхъ Часовыхъ сыновей
И пріѣхали-то къ ней [1]) поселышку,
Ко ея палатамъ бѣлокаменнымъ.
Онъ ударилъ по вереямъ по булатныимъ
И вскричалъ громкіимъ голосомъ:
« Ахъ ты зла баба зубатая!
« Отдавай-ка дочушку Офимьюшку;
« Захочу, Офимью за себя возьму,
« Захочу, Офимью за служку отдамъ за Панюточку.
« А возьми-ка на выкупъ своихъ дѣтушекъ:
« Первую мису наклади злата-серебра,
« Другую мису скатна жемчуга,
« Третью мису каменья драгоцѣннаго. »
Какъ тая злая баба зубатая

[1]) Къ (н)ея.—*Ред.*

Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоцѣннаго,
Приносила-то ко солнышку ко Владиміру,
Говорила сама таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Ты прими-ка даровья драгоцѣнныя,
— Дай-ка мнѣ силушки шесть полковъ
— Поймать молода Хотёна честно-Блудова.—
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Принималъ даровья драгоцѣнныя,
Давалъ ей силушки шесть полковъ.
И пошли оны воевать со Хотёнкою.
А попалъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ
Со своимъ со служкою съ Панюточкой
На тыи полки на княженецкіе,
Вскричалъ-то онъ громкимъ голосомъ:
« Ай же ты, силушка княженецкая!
« Вы свяжитесь на кушачики шелковые по десяточку,
« Воротись-ка ко князю ко Владиміру,
« Кричите-тко сами во всю голову:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Какъ твоя-то силушка полонена:
« Полонилъ-то младъ Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ. »
Молодой Хотёнъ честно-Блудовъ сынъ
Пріѣзжалъ къ тому поселушку ко вдовиному,
Скричалъ-то громкіимъ голосомъ:
Всѣ околенки хрустальны поразсыпались,
Всѣ полочки дубовыя повыдались,
Всѣ маковки на терему повыломались.
Молода-то Офимьица, Часовая дочь,
Сидитъ она . . . .
Не можетъ пріопомниться отъ того покрику богатырскаго.
Этая зла баба зубатая, Часовая жена,
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису каменья драгоцѣннаго,

Несла-то ко князю ко Владиміру:
— Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Ты возьми-ка даровья драгоцѣнныя,
— Назовись моей Офимьюшкѣ родникомъ,
— Чтобъ взялъ Хотёнъ Офимью замужъ за себя.—
Призывалъ Владиміръ стольно-Кіевскій
Молода Хотёна честно-Блудова,
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
— Что же ты, Хотёнушка, честно-Блудовъ сынъ,
— Надъ моей роденькой насмѣхаешься,
— Надъ Офимьюшкой, ближнею племницей?
— А возьми-ка Офимью замужъ за себя.—
Молодой Хотёнъ-отъ догадается,
Онъ ставилъ копье долгомѣрное во сыру землю,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Когда Офимья тебѣ ближняя племница,
« Обсыпь-ко ты мое копье долгомѣрное
« Златомъ-серебромъ, каменьемъ драгоцѣннымъ,
« И давай-ко още города съ пригородкамы,
« Давай-ко села со приселкамы. »
Солнышко Владиміръ пораздумался:
— Кто отъ бѣды откупается
— А Владимиръ самъ на бѣду накупается!—
Обсыпалъ онъ копье-то долгомѣрное
Златомъ-серебромъ, каменьемъ драгоцѣннымъ,
И давалъ за ней города съ пригородкамы
И давалъ още села со приселкамы,
Тутъ заводили оны пированьице-почестенъ пиръ.
Принимали со Офимьюшкой златы вѣнцы.

54 [1]).

САДКО.

Ай, жилъ Садке́ купецъ, богатый гость.
Легъ онъ спать на темную ночь,
Выставалъ по утру раны́мъ рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Берите-ка безсчетной золотой казны,
« И выкупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
« Не оставьте товару ни на денежку. »
А дружина его была послушлива,
Брала безсчетной золотой казны,
Выкупила весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Спалъ Садкѐ вторую ночь во крѣпкоемъ снѣ,
Выставалъ по утру ранымъ рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Нѣтъ ли ощѐ товару въ Новѣ-градѣ?
« Берите-ка безсчетной золотой казны,
« Выкупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ,
« Не оставьте товару ни на денежку. »
Дружина его была послушлива,
Брала безсчетной золотой казны,
Приходили они къ Нову-граду,
А въ Новѣ-градѣ товару больше того:
Повыкупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Спалъ Садкѐ третью ночь во крѣпкоемъ снѣ,
Выставалъ по утру ранымъ рано,
Говорилъ дружинушкѣ хороброей:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Нѣтъ ли ощѐ товару въ Новѣ-градѣ?
« Берите ощѐ безсчетной золотой казны,
« Выкупите остàтній товаръ въ Новѣ-градѣ,

[1]) Это побывальщина: стихъ не совсѣмъ выработанъ, языкъ довольно бѣденъ.

« Не оставьте товару ни на денежку. »
Дружина его была послушлива,
Брали безсчетной золотой казны,
Приходили къ Нову-городу,
Такъ въ погребахъ товару больше того:
Выкупали весь остатній товаръ,
Приносили къ Садку купцу богатому.
Тутъ его дружинушка хоробрая
Строила кораблики великіе:
На корабликахъ снасточки шелковыя,
Кормы-то писаны по звѣриному,
А носъ-то писанъ по змѣиному;
На корабликахъ товары драгоцѣнные.
И поѣхалъ онъ по славну синю морю
Со своей дружинушкой хороброю.
Становилися кораблики середь моря,
День стоятъ, и дрӯгой стоятъ, и третій стоятъ.
Закручинились корабельщики, запечалились,
Стали бросать жеребья вольжана,
Кому-то изъ нихъ итти на сине море.
Поискала судьбина Садкѐ, купца богатаго.
Спускали дощечку-то дубовую:
Іонъ прощался со дружинушкой хороброей,
Беретъ съ собой гуселышки яровчаты
И садится на тую дощечку на дубовую.
Пошла дощечка ко дну синя моря,
Объявилось на днѣ царство великое,
А во царствѣ пированьице-почестенъ пиръ.
Приводили Садке къ царю Водянику;
Говорилъ Водяникъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Поиграй, поиграй въ гуселышки яровчаты,
— Потѣшь, потѣшь нашъ почестенъ пиръ:
— Выдаю я дочѝ свою любимую
— Во тыё во славно Окіянь-море.—
Бралъ Садке гуселышки яровчаты,
Яровчаты гӯселки, звончаты:

Струночку ко струночкѣ налаживалъ,
Сталъ онъ въ гусельшки поигрывать,
Играетъ-то Садке въ Новѣ-городѣ,
А выигрышъ ведетъ отъ Царя-града.
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,
А царица Водяница поплясывать,
Красныя дѣвушки хороводъ водятъ,
А мелкая четь въ присядку пошла.
Играетъ Садке день съ утра до вечера,
И другой день съ утра до вечера,
А царь Водяникъ все поскакиваетъ,
А царица Водяница поплясываетъ.
Легъ Садке спать на темную ночь,
Во сняхъ ему не спалось, грозно видѣлось:
Приходило старчище незнай собою [1]);
Говорилъ старчище таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Полно тебѣ играть во гуселки яровчаты,
— Полно губить людей безповинныихъ.
— Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бѣсовскіихъ,
— И отъ тыихъ отъ плясокъ нечестивыихъ,
— Окіянъ сине море всколыбалося,
— Кораблики всѣ повыломало,
— Людей-то всѣхъ повытопило.—
Приходилъ Садке къ царю Водянику,
Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
« Ай же ты, царь со царицею!
« Не хочу играть во гуселки яровчаты:
« Отъ твоихъ отъ плясокъ отъ бѣсовскіихъ
« Окіянъ сине море всколыбалося,
« Кораблики всѣ повыломало,
« Людей то всѣхъ повытопило. »

Тутъ царь Водяникъ поставилъ Садке на его корабль и Садке воротился съ дружиною домой. Дома его встрѣтила молодая жена и говорила ему таковы слова:

[1]) Неизвѣстный.—Б.

— Ай же ты, любимая семеюшка!
— Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
— Тосковать мое ретливое сердечушко
— По твоей по буйной по головушкѣ:
— У насъ много есть имѣньица-богачества,
— И растетъ у насъ малое дѣтище.—

55.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ [1].

На Страшнòй было недѣлѣ, во великъ четверкъ,
Во матушкѣ было каменной Москвы,
И кушалъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со князмы и съ думныма боярамы,
Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
Со Иваномъ со Ивановичемъ
И съ Ѳедоромъ со Ивановичемъ.
И проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града,
« И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
« Ужъ я выведу измѣну изъ Новà-города [2])! »
Говоритъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!

---

[1]) Съ поправками К. Романова.—*Ред.*

[2]) Разнорѣчія:

А во нынѣшнемъ въ Новѣ-градѣ
Собиралось пированьице-почестенъ пиръ
На многихъ князей, на думныхъ бояръ.
Красное солнышко идетъ на вечерѣ,
А почестенъ пиръ идетъ навеселѣ.
Проговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Я вывелъ измѣну съ каменной Москвы,
« Я вывелъ измѣну со Астрахани:
« Ужъ я выведу туманъ со синя моря,
« Ужъ я выведу измѣну съ Нова-города! »

— Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А не повывести измѣны съ Нова-города:
— Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— Ѣстъ-пьетъ измѣна съ одного судка,
— А платьице держитъ съ одного плеча,
— А думаетъ дума за единое.—
Не синее море всколыбалося,
Не сырые боры разгоралися,
Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Иванушко Ивановичъ!
« Доказывай измѣну за столомъ сидючись! »
Тутъ Иванушко Ивановичъ пораздумался:
— Мнѣ на братца сказать, братца жаль;
— На себя сказать, мнѣ живу не бывать.
— А столько не жаль братца, сколько себя.—
— Свѣтъ-государь, мой батюшка!
— А которой улицей ты ѣхалъ, батюшка,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— И которой улицей я ѣхалъ,
— Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
— А которой улицей ѣхалъ Ѳедоръ Ивановичъ,
— Онъ писалъ ярлыки милосливые
— И кидалъ по улицамъ Новогородскіимъ [1].—
Распылался Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои на сѣмена на царскія,
На свое рожоное на дитятко,
На того ли Ѳедора Ивановича,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, палачи немилосливые!
« Берите-тко Ѳедора Ивановича
« За него за ручки за бѣлыя,

---

[1]) — И кидалъ по улицамъ Новогородскіимъ:
— Ай же вы, мужики Новогородскіе!
— Копайте-ка погреба глубокіе
— Отъ моего государя отъ батюшка,
— Отъ моего братца отъ родимаго,
— Вы садитесь во погреба глубокіе! » —

« За него за перстни за злаченые,
« А ведите-ка его на болото на Житное,
« Отрубить ему буйну голову! »
Всѣ за столомъ призамолкнули:
Меньшій хоронится за большаго,
Большій хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго малъ отвѣтъ живетъ.
За тымъ за столомъ за дубовымъ
Сидѣлъ Малютушка Скурлатовъ сынъ;
Сталъ онъ говорить таково слово:
« Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« А моя-то работушка ко мнѣ пришла [1])! »
Схватилъ онъ Ѳедора Ивановича
За него за ручки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И повелъ его на болото на Житное,
Ко той ли плашкѣ ко липовой,
Срубить ему буйну голову.—
За тымъ столомъ за дубовымъ
Сидѣла родима его матушка
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на рѣзвы ноги,
Шубоньку надѣла на одно плечо,
Бѣжала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.
Она плачетъ горючмы слезмы,
А братецъ сидитъ за столомъ за дубовымъ,
Ѣстъ-пьетъ, проклажается.
Проговоритъ Микитушка Романовичъ:
« Чего ты плачешь горючмы слезмы? »
— Ай же ты, братецъ мой родимый!
— Ѣшь ты пьешь, проклажаешься,
— Надъ нами невзгодушки не вѣдаешь:
— Пала звѣзда поднебесная,
— Погасла свѣча мѣстная,

---

[1]) Въ палачи вызвался Чурилушка Опленковъ сынъ.

— Не стало у насъ краснаго солнышка,
— Не стало у насъ Ѳедора Ивановича,—
— Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
— На тое болото на Житное
— На тую на казень на смертную.—
Молодой Микитушка Романовичъ
Не крестилъ своего личика бѣлаго,
Не закрывалъ кушаньевъ сахарніихъ,
Скочилъ изъ-за стола за дубоваго,
Скричалъ же зычнымъ голосомъ:
« Ай же вы, слуги мои вѣрные,
« Сѣдлайте-ка коня богатырскаго! »
Онъ шапку надѣвалъ на одно ухо,
Халатъ надѣвалъ на одно плечо,
Скоро садился на добра коня
И поѣхалъ на болото на Житное,
Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Ко той ко казени ко смертныя.
Лежитъ Ѳедоръ Ивановичъ
На той на плашкѣ на липовой,
Порасправлены его ручки бѣлыя,
Призаперты очи ясныя [1]).
Пріѣзжаетъ Микитушка Романовичъ,
Скоро сходилъ со добра коня,
И хваталъ Ѳедора Ивановича:
« Ай же, любимый мой племничекъ,
« Теперича тебѣ не къ суду пришло! »
Садилъ его на добра коня,
Единой рукой коня ведетъ,
А другой рукой его держитъ.

---

[1]) Онъ ѣдетъ, голосомъ кричитъ, рукой машетъ:
« Ай же ты, Чурилушка Опленковъ сынъ!
« Не твой кусъ какъ съѣшь, такъ подавишься,
« А не съѣшь куска, не подавишься! »
Какъ пріѣхалъ ко плашкѣ бѣлодубовой:
Его-то любимый крестничекъ
Привязанъ на плашку бѣлодубову,
Столько топоръ спустить, голова срубить.

Привозилъ его во высокъ теремъ
И ладитъ пойти ко завтрени ко раннія,
Ко Христосьской ко заутрени [1]).
И приходитъ ко завтрени ко раннія,
Ко Христосьской ко заутрени;
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ на три на четыре на сторонушки,
Проздравляетъ Грознаго царя Ивана Васильевича:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со Иваномъ со Ивановичемъ
— И со Өедоромъ Ивановичемъ!—
Проговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Пала звѣзда поднебесная,
« Погасла свѣча мѣстная:
« Нѣтъ жива рожонова дитятка,
« Молода Өедора Ивановича! »
Говоритъ Микитушка Романовичъ:
— Проздравляю тебя, Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со бóльшимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Өедоромъ Ивановичемъ!—
« Ай же ты, шуринъ мой любимый!

---

[1]) А садились они на добра коня:
Самъ-то садился къ головы лицомъ,
А его садилъ къ головы хребтомъ,
Личикомъ въ одно мѣсто со крестничкомъ.
Привозилъ его во высокъ теремъ.
А тое дѣло дѣлалось
Во Страстную пятницу Христосьскую;
И стоять будетъ во церкви соборныя
У заутрени Христосьскія во платьицахъ опальныихъ.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Всѣмъ князьямъ-боярамъ выговаривалъ:
« По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было:
« А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого! »
Только отстоитъ обѣдню Христосьскую,
Будетъ рубить князьямъ-боярамъ головушки.

« Развѣ тебѣ-ка-ва не свѣдома незгодушка?
« Не стало у насъ Өедора Ивановича! »
Заходитъ шуринъ со бѣла лица,
Бьетъ челомъ, покланяется:
— Ты здравствуешь, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима рожоныма со дѣтушкамы,
— Со большимъ Иваномъ Ивановичемъ
— И со меньшимъ Өедоромъ Ивановичемъ:
— Есть Өедоръ Ивановичъ во живности.—
Поглянулъ Грозный царь тухлымъ [1]) окомъ,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
« Ай же вы, слуги оружейные!
« Подите съ Микитой Романовичемъ
« Ко его ко терему высокому:
« Если есть Өедоръ Ивановичъ во живности,
« Буду Микитушку жаловать;
« Если нѣтъ Өедора Ивановича во живности,
« Будетъ казень смертная для Велика дня. »
Приходилъ Микита Романовичъ во высокъ теремъ,
Говорилъ онъ таково слово:
— Ай же ты, Өедоръ Ивановичъ!
— Пойдемъ ко завтрени ко раннія,
— Ко Христосьскія ко заутрени.—
Проговорилъ Өедоръ Ивановичъ:
« Ай же ты, дядюшка Микита Романовичъ!
« Страшно мнѣ другожды родитися:
« Къ своему ко батюшку явитися. »
Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Сказана намъ казень смертная для Велика дня.—
Походитъ Өедоръ Ивановичъ
И приходилъ во церкву соборную
Ко той Христосьской заутрени [2]).

---

[1]) Потухшимъ, мутнымъ.—*Б.*

[2]) Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Ай же, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А бываетъ ли грѣшному прощеньице,
— Бываетъ ли грѣшному бласловленьице?—

Увидѣлъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Взялъ его за бѣлы руки
И цѣловалъ во уста во сахарнія,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Чѣмъ тебя пожаловать,
« Краснымъ ли золотомъ, чистымъ ли серебромъ,
« Городамы ли съ пригородкамы,
« Селамы ли со приселкамы,
« Господамы ли со крестьянамы? »
Проговоритъ Микита Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка-ва чистаго серебра,
— Не надо мнѣ-ка-ва краснаго золота,
— Городовъ съ пригородкамы,
— И селъ со приселкамы,
— И господъ со крестьянамы;
— А дай мнѣ Микитину вотчину:
— Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
— Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину,
— А всѣмъ было бы прощеньице.—
И пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
Кто коня уведетъ, кто жену украдетъ,
Столько бывъ ушелъ въ Микитину вотчину,
Того Богъ помиловалъ,
А государь во вины проститъ.

Козьма Романовъ всей былины не помнилъ: ее заводилъ Леонтій Богдановъ изъ деревни Середки, а Козьма Романовъ только поправлялъ, гдѣ, по его мнѣнію, было нужно: оттого здѣсь языкъ не такъ ровенъ, какъ въ прочихъ былинахъ.

Воспроговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« А былъ бы кто, помиловалъ;
« А зналъ бы за что, пожаловалъ! »
Пошелъ Микитушка къ себѣ домой,
Накрутилъ-то Ѳедора Ивановича
Во платьица, во самоцвѣтныя,
Привелъ его во Божью церкву́.

56.

ВАНЮША КЛЮЧНИЧЕКЪ.

Какъ у славнаго князя было у Волконскаго [1])
Жилъ-поживаетъ воръ Ванюша ключницекъ,
Молодой моей княгины полюбовницекъ.
Ужъ какъ онъ годъ живетъ, другой живетъ.
Что на третье лѣто князь довѣдался,
На того Ванюшу самъ разсѐрдился
Черезъ бестію дѣвченочку черную.
Тутъ скричалъ князь своимъ громкимъ голосомъ:
« Уже слуги мои, служиночки вѣрные!
« Вы подите—приведите вора Ваньку ключника,
« Молодой моей княгины полюбовника! »
Что ведутъ-то, ведутъ Ванюшку скована,
Буйна гȯлова у Вани распроломана,
Кашемировымъ платочкомъ перевязана,
Миткалинова рубашечка въ крови смочена.
Станетъ князь Волконскій выспрашивати:
« Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю! »
— Ничего-то, сударь, я не вѣдаю.—
Скричалъ-скричалъ на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
« Ай вы слуги мои, слуги вѣрные!
« Вы подите—берите лопаточку желѣзную,
« Вы копайте-ка двѣ ямы глубокія,
« Становите-ка два столбика дубовыихъ,
« Ужъ вы бейте—забивайте два крюка желѣзныихъ,
« Кладите-ка жердочку кленовую,
« Кладывайте двѣ петелки шелковыя. »
Поведутъ-то Ванюшеньку скована,
Очи ясныя тафтой завѣшаны,
Ведутъ мимо княгинина окошечка;
Испроговоритъ воръ Ванюша ключничекъ:

---

[1]) Изъ другихъ, важнѣйшихъ разпорѣчій извѣстно, что дѣло идетъ въ Москвѣ, на Дмитровкѣ.—*Б.*

— Ты позволь-ка мнѣ, Волконскій князь,
— Позволь-ка запѣть съ горя пѣсенку:
— Какъ было-то у Ванюшки погуляно,
— Было попито, было поѣдено,
— Во сахарнія уста поцѣловано,
— Молодой твоей княгины на бѣлыхъ грудяхъ полежано!—

57.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго
Выставала туча темная,
Туча темная, сама грозная,
Со дожжямы, со морозамы,
Со великима пригрозамы.
Во ту пору, во то времячко
Дочка къ матушкѣ поѣхала.
Середь лѣсушка заѣхала,
Середь лѣсушка-то темнаго,
Середь садика зеленаго,
Съ соловьямы думу думала,
Съ молодцамы рѣчь говорила:
« Соловей мой, соловеюшка,
« Полетай-ка, соловеюшка,
« На мою родну сторонушку:
« Ты снеси-ка, соловеюшка,
« Снеси матушкѣ низкой поклонъ,
« Моимъ братцамъ челобитьице,—
« Потужили бы, поплакали.
« Меня сватаютъ какъ молоду
« На тую на чужую сторону,
« За того ли за боярина,
« За злодѣя за Татарина.

« По утру будятъ ранешенько,
« Посылаютъ меня молоду
« Ко Дунай ко рѣчкѣ по воду,
« Меня босую и голую,
« И холодную-голодную.
« Я пришла ко той Дунай рѣкѣ:
« На Дунай-то на быстро̀й рѣкѣ
« Какъ сидѣли гуси сѣрые,
« Помутили воду свѣжую.
« Ужъ я первый часъ просто̀яла,
« А другой-то часъ проплакала,
« Въ третій часъ я воду черпала,
« А въ четвертый часъ домой пришла.
« Свекоръ батюшка журитъ-бранитъ,
« А свекровушка побить велитъ.
« Я золовушкѣ взмолилася,
« А золовушка вступилася:
— Ахъ ты глупая невѣстушка,
— Ужъ ты глупа-неразумная!
— Какова вода случилася,
— Ты бы тую воду черпала!—

58.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

А не куличенька по болоту куликаетъ,
Какъ самъ большой князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздитъ-гуляетъ, со полкамы,
Что со тыма со полкамы, съ конными егарямы.
Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ-гадаетъ,
Ужъ какъ думаетъ-гадаетъ, срозмышляетъ:
« Още гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
« Если полюшкомъ ѣхать, ему очень князю пыльно;
« Если лѣсушкомъ князю ѣхать, ему очень страшно;

« Что болотамы князю ѣхать, ему было грязно;
« Что Москвою князю ѣхать, ему было стыдно:
« Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою-Тверскою,
« Что Ямскою-Тверскою, глухимъ переулкомъ. »
Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
Скидываетъ-то князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился онъ, князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился, самому Государю всѣхъ ему пониже:
« Ужъ ты здравствуй, нашъ Государь Императоръ!
« Още жалуешь насъ, Государь, малыма чинамы,
« Още жалуешь насъ, Государь, мелкима селамы,
« Пожалуй-ко, Государь, Малымъ-Ярославцемъ. »
— Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбился?—
« Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы. »

59.

СЫНЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

А что во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Откуль взялся—проявился тутъ незнамый человѣкъ,
Баско-щепетко по городу погуливаетъ,
Бархатный камзольчикъ на распашечку одѣтъ,
Черна шляпонька съ прозументомъ на русыхъ на кудряхъ.
А что увидѣлъ-то молодца воевода со крыльца,
Скрычалъ-то воевода своимъ громкимъ голосомъ:
« Охъ вы, сходите—приведите удала молодца,
« Удала молодца со царева кабака! »
Приводили молодца къ воеводѣ на дворъ,
Сталъ же воевода его допрашивать:
« Ты скажи, скажи, дѣтинушка, незнамый человѣкъ!
« Ты которыхъ родовъ, которыхъ городовъ:
« Съ Казани-ль ты, съ Рязани-ль, али съ Астрахани? »

— Не съ Казани я, не съ Рязани, не изъ Астрахани:
— Ужъ есть я, молодецъ, Стеньки Разина сынокъ.
— Что хотѣлъ мой батюшка къ вамъ въ гости побывать:
— Ты умѣй же его стрѣчать, его подчивати.—

60.

ПОѢЗДКА ПО МОРЮ.

Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ,
Они думали думу крѣпкую,
Они крѣпкую думу за единое:
« Запоемъ-те, ребятушки, пѣсню новую,
« Мы которую пѣли пѣсню на синемъ морѣ. »
Не бывалъ младъ полковничекъ на синемъ морѣ,
Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,
Страсти-ужасти, великой Божьей милости.
Ахъ, вы глупые неразумные добры молодцы!
А ще есть ли по сему свѣту такова ладья,
Что ходила бы по синю морю не шатаючись?
Поднималася да погодушка,
Бѣлы паруса повырвало,
Высокія мачты повыломало,
Всѣ шелковыя снасточки повырвало,
Младаго полковничка въ воду повыбросило.
Тутъ кидалися, бросалися добры молодцы,
Добры молодцы, младые матросушки,
Поймали млада полковничка за желты кудри,
Тащили-то на черленъ корабль.
Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:
« А ще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,
« Чтобы безъ корешка травка выросла,
« Безъ солнышка цвѣточки выцвѣли?
« А ще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,
« Чтобы отдали сына во солдатушки, не заплакали?

« Большая сестра братцу коня подвела,
« Середняя сестра братцу коня сѣдлала,
« Сама меньшая сестра на коня поводъ подала:
« Въ воротахъ-то стоитъ горюшица молода жена,
« На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго,
« Она плачетъ и рыдаетъ горючмы слезмы,
« Во слезахъ-то словцо воспроговоритъ:
— А ты скоро ль, добрый молодецъ, поворотишься?—
« Ты гляди-ко, бѣдна горюшица, на сине море:
« На синемъ морѣ, когда сходится погодушка,
« Всколыбается сине морюшко,
« Со синя-то моря выстанетъ бѣлый камешокъ,
« На камешкѣ повырастетъ густой кустъ ракитовый,
« Въ этомъ кустышкѣ соловеюшко совьетъ гнѣздышко,
« Исповыведетъ соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
« Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена! »

V.

ѲЕДОТОВЪ (ДУТИКОВЪ).

Сказитель этотъ у Рыбникова называется Г. Ѳедотовымъ, родственникомъ Леонтія Богданова, ученикомъ Конона съ Зяблыхъ Нивъ [1]).

По этимъ признакамъ, а также по сравненію текстовъ двухъ былинъ Гильфердингъ установилъ тожество между этимъ «Ѳедотовымъ» и Николаемъ Филипповымъ Дутиковымъ, крестьяниномъ дер. Конды, Сѣнногубской волости, который пѣлъ Гильфердингу и помнилъ, что Рыбниковъ записывалъ отъ него былины въ Петрозаводскѣ. Дѣйствительно, и Рыбниковъ указываетъ, что записалъ отъ «Ѳедотова» все, что тотъ зналъ, въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, въ 1863 г. Такимъ образомъ, тожество устанавливается довольно прочно. Изъ 7 бы-

---

[1]) См. „Замѣтку“.

линъ, записанныхъ Рыбниковымъ у своего «Өедотова», только двѣ (Илья и Идолище и Садко) совпадаютъ съ Гильфердинговскими, но мы попробовали сравнить «Өедотовскій» репертуаръ съ записями Гильфердинга у Домны Суриковой изъ той же дер. Конды, научившейся былинамъ отъ того же Конона съ Зяблыхъ Нивъ; въ результатѣ оказалось близкое сходство еще трехъ былинъ. Наконецъ, несомнѣнно къ «Өедотовскимъ» слѣдуетъ отнести былину «Птицы», помѣченную Рыбниковымъ безъ имени, какъ записанную «отъ крестьянина, родственника Л. Богданова» (III, 61): двѣ трети ея (стихи 10—31) мы нашли въ записи Гильфердинга отъ Степаниды Неклюдиной, дочери того самаго Конона съ Зяблыхъ Нивъ [1]), при чемъ Дутиковъ подсказывалъ ей при пѣніи. Итакъ, мы печатаемъ при этомъ пѣвцѣ 8 былинъ.

61.

ИЛЬЯ и СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Была у Ильи дана заповѣдь великая:
Стоять-то у заутрени въ Черниговѣ,
Поспѣть къ обѣднѣ въ Кіевъ градъ.
Перескоку было ровно триста верстъ,
И помѣхи на дорогѣ случилися.
Первая помѣха: во Божьей церквы
Заперты мужики Бѣжеговцы [2]).
У тыхъ Татаровей поганыихъ,
Они каются—причащаются,
Къ скорой смеретушкѣ сподобляются.
Тутъ не чѣмъ Ильѣ было биться-ратитися:
Не взялъ онъ сабельки вострыя,
Не взялъ копья мурзамецкаго;
И выдернулъ сырой дубъ съ кореньями,
Взялъ дубъ-отъ за маковку

---

[1]) Гильферд. (№ 137, стихи 27—53).—*Ред.*

[2]) Иные поютъ здѣсь, по замѣчанію пѣвца, о Бегежовцахъ.

И прибилъ всѣхъ Татаровей поганыихъ,
И выпустилъ мужиковъ со Божьей церквы.
Говорятъ ему мужики Бѣжеговцы:
« Ай же ты, русскій могучій богатырь!
« Стань-ко къ намъ суды судить,
« Суды судить, да ряды рядить. »
Говорилъ Илья таковы слова:
— Ай же вы, мужики Бѣжеговцы,
— Не хочу я къ вамъ суды судить,
— Суды судить, да ряды рядить;
— А покажите мнѣ дорогу прямоѣзжую
— Ко стольному ко городу ко Кіеву.—
Говорятъ ему мужики Бѣжеговцы:
« Нѣтъ у насъ дорожки прямоѣзжія,
« А есть дорога окольняя:
« Засадилъ дорожку прямоѣзжую
« Соловей воръ Рахматовичъ,
« У той ли грязи у Смородинской
« Сидитъ-то воръ на трехъ дубахъ,
« На трехъ дубахъ да на семи сукахъ,
« Не пропуститъ ни коннаго, ни пѣшаго,
« Затонули всѣ мостики калиновы. »
Думалъ—подумалъ Илья Муромецъ:
— Не честь хвала-то мнѣ богатырская
— Ѣхать дорожкою окольноей,
— А я поѣду дорогою прямоѣзжею.—
И поѣхалъ дорогой прямоѣзжею,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубье-колодье рветъ,
Дубье-колодье рветъ, да мосты стелетъ.
Будетъ у тоя грязи у Смородинской,
Увидѣлъ Соловей воръ Рахматовичъ,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ-то по змѣиному,
Защекталъ [1])-то по соловьиному.

[1]) Щектаньемъ обозначается соловьиный свистъ.

Его добрый конь на колѣни палъ;
Бьетъ коня плеткой шелковоей
По тымъ бедрамъ по крутыимъ:
« Ай же ты, медвѣжья сыть, травяной мѣшокъ!
« Не ужоль не слыхалъ крыку звѣринаго,
« Свисту змѣинаго и щектанья соловьинаго? »
Тутъ натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу,
И самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
« Не пади, стрѣлка, ни на землю, ни на воду,
« А пади Соловью во правый глазъ. »
И не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью во правый глазъ,
А выходила во лѣво ухо.
Тутъ онъ полонилъ Соловья вора Рахматова,
Привязалъ ко стременкамъ ко булатніимъ,
Кверху ногамы, внизъ головой,
Самъ садился на добра коня
И поѣхалъ къ дому Соловьевому.
И пріѣхалъ онъ къ дому Соловья вора Рахматова,
И глядятъ всѣ малыя дѣтушки
Во тое окошечко косявчето,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, свѣтъ государыня матушка!
« Нашъ-отъ батюшко мужика везетъ. »
И глянула Соловьевая молода жена
Во тое окошечко косявчето,
Сама говорила таковы слова:
— Ай же вы, малыя дѣтушки!
— Мужикъ-отъ везетъ вашего батюшка. —
Скочила на широкій дворъ,
Хватила подворотенку во сорокъ пудъ
И кинула въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло,
Отвелъ подворотенку плеткой шелковоей.
И говоритъ Соловей воръ Рахматовичъ:
« Давай-ко русскому богатырю

« Злата, и серебра, и скатняго жемчуга,
« И выкупай Соловья вора Рахматова. »
Говоритъ Илья, Илья Муромецъ:
— Если бъ тыкнули копейцо во сыру землю,
— Если бъ обносили копейцо златомъ и серебромъ,
— И тутъ не отдалъ бы на выкупъ Соловья.—
Скоро скажется, а тихо дѣется...
Будетъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
И поставилъ онъ добра коня
Середи двора княженецкаго,
Не привязана и не приказана,
А велѣлъ стеречь Соловью вору Рахматову.
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуешь, Владиміръ стольне-Кіевскій,
« Здравствуешь, княгина Апраксія!
« Я полонилъ Соловья вора Рахматова. »
И говоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
— Гдѣ у тебя Соловей воръ Рахматовичъ?—
« У меня Соловей на широкомъ дворѣ,
« Стерегетъ—берегетъ моего добра коня. »
Солнышко Владиміръ стольне-Кіевскій
Шелъ на широкій дворъ
Посмотрѣть Соловья вора Рахматова,
И говоритъ Владиміръ стольне-Кіевскій:
« Ай же ты, Соловей воръ Рахматовичъ!
« Закрычи-тко ты по звѣриному,
« Засвисти-ко по змѣиному,
« Защекчи да по соловьиному. »
А говоритъ Соловей воръ Рахматовичъ:
— Не ты меня полонилъ,
— Не тебя хочу я слушати.—
Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Велѣлъ ему засвистать вполголоса.
Соловей какъ закрычалъ по звѣриному,

Засвисталъ какъ по змѣиному,
Защекталъ какъ по соловьиному,—
Всѣ лѣса зашаталися,
Во теремахъ окошечки разсыпались,
И всѣ люди во Кіевѣ мертвы стали.
Тутъ Илья, Илья Муромецъ
Отрубилъ ему буйну голову.

62.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(Гильферд., № 144.)

Ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
И не могъ убить ни гуся, ни лебедя
И не малыя перелетныя сѣрыя утицы;
А встрѣтилъ онъ калѣку, калѣку сорочинскую,
И говоритъ Илья таково слово:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
« На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
« Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
« Со стольною княгиною Апраксою;
« Всѣ ли они здравствуютъ? »
Говоритъ калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
Наѣхало Идолище поганое,
— Съ чиста поля проситъ поединщика;
— А по грѣху учинилося:

— Въ Кіевѣ богатырей не случилося.
— И сидитъ Татаринъ между княземъ и княгинею,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.—
И говоритъ Илья, Илья Муромецъ:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Молодца въ тебѣ въ два меня,
« И силы-то у тебя въ три меня,
« А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
« Скидывай ты платьице каличье
« И надѣвай платье богатырское,
« Садись на моего добра коня
« И поѣзжай въ Муромъ градъ
« Къ тому подворью богатырскому. »
И думывалъ-подумывалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.—
И скидывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку [1])
Во матушку сыру землю,—
И уходила та клюшка до коковочки [2]);
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Какъ скоро скажется, тихо дѣется...

---

[1]) Изъ дерева иволги. (Таволги?—*Ред*).
[2]) До загнутаго верхняго конца палки.

И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкіихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
« Солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Сотвори-ко мнѣ милостыню:
« Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
« Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ Татаринъ бросался по-плечъ въ окно:
— Ай же вы, горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ.—
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому Татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ Идолище поганое:
« Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
« Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
« Давно ль ты видѣлъ Илью Муромца?
« Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
« А мнѣ бы Илью видѣть надо.»
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьсводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья мнѣ есть братецъ названыій:
— Онъ мнѣ есть братецъ большіій,
— А я ему братецъ меньшіій.
— Я за своего братца хочу постоять.—
Эти слова Татарину не слюбилися:
Схватилъ онъ со стола булатній ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
И тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,

А стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь поразсыпался.
Вывернулся Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Бралъ Татарина за желты кудри,
И здынулъ его выше буйной головушки,
И бросилъ Татарина о дубовый полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.

63.

ДЮКЪ.

Мы още начнемъ старину стародавнюю.
Во той ли во Индеи во богатыя,
Во той ли во Корелы упрямыя,
Въ томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ свой тугой лукъ
И още беретъ тридцать три стрѣлы:
Тридцать стрѣлъ каленыихъ
И три стрѣлы золоченыихъ,
Золоченыихъ и перьямы сажоныихъ.
А перьямы сажены орловыма,
Не того орла, который летаетъ во чистомъ полѣ,
А того орла, который на синемъ морѣ;
Сидитъ-то орелъ на камени,
На тоемъ на камени на латырѣ;—
Аще тотъ орелъ сворохнется,
Сине морюшко сколыблется,
А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ;—
Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
И берутъ-то перья орловыя,

И привозятъ ихъ во подарочкахъ.
И пошелъ-то Дюкъ Степановичъ по заводямъ,
По заводямъ да вѣдь по зарѣкамъ,
И стрѣлялъ гуся и лебедя
И пернастыхъ сѣрыихъ утушекъ.
И разстрѣлялъ-то онъ тридцать три стрѣлы,
И не попалъ онъ ни въ единую.
« Мнѣ не жалко тридцати стрѣлъ каленыихъ,
« А жаль-то мнѣ столько трехъ-то стрѣлъ золоченыихъ,
« Золоченыихъ и перьямы сажоныихъ,
« Тыма ли перьямы орловыма. »
И тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ
Во свои палаты бѣлокаменны,
И проходитъ онъ во гридни во столовыя
Ко своей ко матушкѣ Емерфѣ Тимофеевной,
И говоритъ таково слово:
« Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
« Я хочу поѣхать ко городу ко Кіеву,
« Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
« Богу помолиться, князю Владиміру поклониться:
« Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ. »
И говоритъ-то ему матушка:
— Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
— Эта есть дорожка дальняя:
— Прямою дорогою ѣхать три мѣсяца,
— А окольнею дорогою ѣхать три году;
— А прямой-то дорогою ни конный не проѣзживалъ,
— Ни пѣшій не прохаживалъ,
— Ни звѣрь не прорыскивалъ;
— На этой на дорогѣ есть три заставы великія:
— Первая застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава есть пять богатырей:
— Въ первыхъ есть Донской казакъ Илья Муромецъ,
— А второй есть Добрынюшка Никитьевичъ,
— А третій есть Алешинька Поповичъ,
— А четвертый есть Михайла Долгомѣровичъ,

— А пятый—Василей Буславьевичъ [1]).—
И тутъ-то пошелъ Дюкъ Степановичъ
По дворамъ да по конюшенкамъ,
Выбиралъ себѣ коня по разуму,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости-то богатырскія;
И выбралъ-то коня бурушка-кавурушка,
Маленькаго бурушка и косматенькаго,
И одѣвалъ-то онъ уздичу тесмяную,
И кладывалъ-то мустукъ [2]) золоченыій,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.
И онъ встегалъ тутъ пряшки-ты серебряны,
И вдергивалъ онъ иглы золоченыя,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.
И онъ ведетъ коня ко крыльцу ко переному,
Ко тому подъѣзду лошадиному,
И привязалъ коня ко столбу точеному, къ кольцу золоченому.
Онъ проходитъ въ палаты бѣлокаменны
И заходитъ во гридни во столовыя:
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Своей матушкѣ во особину.
Онъ проситъ у матушки прощеньица и благословеньица
Ѣхать во дальній путь во дороженьку,
Ко тому ко городу ко Кіеву.
И даетъ-то ему матушка

---

[1]) По моему мнѣнію, здѣсь надо быть Василью Игнатьевичу, во-первыхъ потому, что Василій Буславьевичъ богатырь Новгородскій, а, во-вторыхъ, онъ „удалъ не обычно есть“: по Новгородскому представленію, онъ также непобѣдимъ, какъ Илья Муромецъ у Кіевлянъ. Развѣ можетъ быть, тутъ проглядываетъ областное соперничество, и былина нарочно сводитъ удалаго Новгородца Василья Буславьевича съ Д. Ст., чтобы онъ погибъ отъ руки встрѣчнаго заѣзжаго молодца.

[2]) Мундштукъ.

Прощеньице и благословеньице,
И говоритъ-то ему матушка таково слово:
— Ты поѣдешь, мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Ты не дѣлай-ко обиды народу православному
— И не проливай крови неповинныя.—
И тутъ пошелъ-то Дюкъ Степановичъ
По палатамъ бѣлокаменнымъ,
И надѣваетъ онъ доспѣхи богатырскіе,
И выходитъ онъ на то крыльцо переное,
И отвязалъ коня отъ кольца золоченаго,
И ступилъ ногою во стремяночку,
И садился онъ во сѣделышко черкацкое,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Съ родной матушкой онъ прощается.
Видѣли добраго молодца сядучись,
А не видали добраго молодца поѣдучись,
Столько видять, что въ полѣ кудельба стоитъ.
И поѣхалъ тутъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
Прямою дорогою черезъ три заставы великіихъ.
И пріѣхалъ онъ къ первой заставѣ змѣиноей:
И тутъ змѣи разсержаются,
Дюка проглотить хотятъ;
А Дюкъ Степановичъ сталъ коня понуживать,
Сталъ онъ бурушка подправливать,
А косматенькой сталъ поскакивать,
И тутъ змѣи остаются.
И пріѣхалъ къ другой заставы звѣриноей:
Тутъ звѣри разъяряются,
Съ двухъ сторонъ приближаются;
Дюкъ коня останавливаетъ,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И накладываетъ на тугой лукъ,
И пустилъ онъ стрѣлу на лютыхъ звѣрей:
Стрѣла-та летитъ,
А звѣрей какъ косой коситъ,
И тутъ проѣхалъ Дюкъ заставу звѣриную.

И пріѣхалъ къ третьей заставы великоей,
Гдѣ есть пять сильныхъ, могучіихъ богатырей.
И выходитъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
И тутъ видитъ Дюкъ Степановичъ
Донскаго казака Илью Муромца,
И сходитъ онъ со добра коня,
Бьетъ онъ челомъ о сыру землю,
Самъ говоритъ таково слово:
« Ты здравствуй, нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ! »
И сталъ тутъ Илья Муромецъ его выспрашивать:
— Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,
— Изъ какой земли, да изъ какой орды,
— Куда ѣдешь, куда путь держишь,
— Какъ тебя зовутъ по имени и по отчеству?—
Тутъ-то Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
« Есть я со Индеи со богатыя,
« Съ того города со Волынца,
« Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« А ѣду я ко городу ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру,
« Въ церквахъ Богу помолиться
« И князю объявиться.
« А я ѣхалъ прямою дорогою
« И переѣхалъ я двѣ заставы великіихъ:
« Перву заставу змѣиную,
« А другу заставу звѣриную. »
И говоритъ ему Донской казакъ Илья Муромецъ:
— Почему ты знаешь и по имени меня называешь?—
И тутъ говоритъ-то молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
« Потому я знаю тебя,
« Что слава происходитъ про тебя въ городахъ и въ деревняхъ,
« Называютъ тебя сильнымъ и храбрымъ могучимъ богатыремъ,
« И во всемъ свѣтѣ нѣтъ противъ тебя супротивника. »
Это слово Ильѣ полюбилося,

И сказалъ ему Илья Муромецъ:
— Ты поѣдешь, удалый добрый молодецъ,
— Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
— Ко тому ко городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру,
— И не будетъ ли тебѣ обиды и притѣсненія,
— И такъ держи къ намъ извѣстіе.—
И тутъ поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
И пріѣзжаетъ онъ ко подъѣзду княженецкому,
Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому.
И онъ приходитъ тутъ во церковь соборную,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Князю Владиміру въ особину.
И тутъ видитъ князь молодца незнакомаго,
Изъ другихъ земель пріѣзжаго;
Оны тутъ Богу помолилися,
И обѣдню простояли воскресенскую,
И выходятъ тутъ изъ церкви-то соборныя,
И сталъ-то тутъ князь его выспрашивать:
« Ты скажи-тко, удалой доброй молодецъ,
« Изъ какой земли да изъ какой орды,
« Я вижу лицо твое да незнакомое,
« И още скажи, какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству,
« Куда ѣдешь, куда путь держишь? »
Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
— Я есть изъ дальнихъ странъ молодецъ,
— Изъ той-ли изъ Индеи изъ богатоей,
— Изъ того города со Волынца,
— А по имени зовутъ и по отечеству
— Молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ.
— И я прослышалъ про славный Кіевъ градъ:
— Скажутъ, Кіевъ градъ на красы стоитъ.—
Еще сталъ князь его выспрашивать:
« Ты скажи-тко, удалый добрый молодецъ,

« Долго-ли ты ѣхалъ изъ Индеи изъ богатыя
« И которою ѣхалъ дорогою? »
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Я поѣхалъ изъ Индеи изъ богатыя послѣ заутрени,
— А пріѣхалъ я сюда къ раннія обѣдни;
— А ѣхалъ я прямою дорогою
— И переѣхалъ я черезъ три заставы великіихъ:
— Перва застава змѣиная,
— Друга застава звѣриная,
— Третья застава—пять богатырей,
— И видѣлъ я Донскаго казака Илью Муромца.—
И говоритъ ему Владиміръ князь:
« Пойдемъ-ко ты, удалый добрый молодецъ,
« Ко мнѣ во палаты пообѣдати,
« Хлѣба-соли покушати. »
И пошли они отъ церкви-то соборныя,
Дюкъ Степановичъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И пришли они на княжей дворъ,
Дюкъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
И приходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны
И во ты ли во гридни во столовыя,
Самъ идетъ да головушкой покачиваетъ;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняется,
Князю со княгинею въ особину.
И садилися они за столы-ты за дубовыи,
За скатерти за браныя,
Ѣдятъ-пьютъ-кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
И тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ чары зелена вина
И подноситъ Дюку Степановичу,
Онъ полчарки пьетъ, друго такъ кладетъ;
И наливаетъ стаканъ меду сладкаго,
Онъ полстаканчика пьетъ, друго такъ кладетъ;
Поднесли ему калачики крупивчатыи,

Онъ полкалачика ѣстъ, друго такъ кладетъ.
И тутъ говорятъ князи да бояра:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
« Ты пошелъ-то отъ церкви соборныя на княжей дворъ,
« Самъ идешь за головушкой покачиваешь;
« И ты прошелъ въ палаты бѣлокаменны
« И во тыя-ль во гридни во столовыя,
« Самъ идешь да головушкой покачиваешь;
« И сѣлъ за столы за дубовые,
« И чару тебѣ поднесли зелена вина,
« И ты полчарочки пилъ, друго такъ положилъ;
« И поднесли тебѣ стаканъ меду сладкаго,
« И ты полстаканчика пилъ, друго такъ положилъ.
« Поднесли тебѣ калачики крупивчатыи,
« Ты полкалачика ѣлъ, друго такъ положилъ. »
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— У васъ все не по-нашему;
— Я подъѣхалъ ко подъѣзду княженецкому,
— Ко тому столбу точеному, къ кольцу луженому;
— У насъ столбики точеные, верхи и кольца золоченые.
— И мы пошли отъ церкви-то соборныя,—
— У васъ все не по нашему:
— Дорожки не разчищены,
— Желтымъ пескомъ не засыпаны,
— Ковры да сукна не подосланы;
— У насъ дорожки-ты расчищены,
— Желтымъ пескомъ призасыпаны,
— И сукна-ты подостланы, сукна одинцовыи,
— А по крыльцамъ и по ступенькамъ ковры все шелковыи,
— Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ,
— А по обѣ стороны разсажены-сады виноградные.
— У васъ все не по нашему:
— И мы пришли на княжей дворъ,
— У васъ ворота-ты сосновыя,
— А на дворѣ хоть медвѣдь ногу ломи;
— У насъ ворота кости слоновыя,
— А въ воротахъ столбы-ты золоченыи,

— Дворы-ты у насъ убраны,
— Ковры и сукна-ты подостланы,
— Ковры-ты шелковыи,
— Сукна одинцовыи,
— Конюхи и дворники по двору гуляютъ,
— Въ бабки и шашки играютъ.
— У васъ все да не по нашему:
— Мы шли въ палаты бѣлокаменны,
— У васъ ступени изъ чернаго каменя,
— А порученки у васъ точеныя;
— А у насъ ступеньки кости слоновыя,
— И подостланы ковры-ты шелковыи,
— Порученки точеныя и вовсе золоченыя.
— И пришли-то мы во гридни во столовыя:
— У васъ мосты сосновыи,
— Стѣны и потолки у васъ не росписаны,
— Столы у васъ дубовыи,
— Скатерти забраныя;
— У насъ во гридняхъ во столовыихъ
— Мосты-ты все кленовыи,
— Стѣны-потолки всѣ росписаны,
— У насъ столы кости слоновыя,
— Скатерти у насъ на столахъ шелковыя,
— А по угламъ висятъ кисти золоченыя.
— У насъ вина пьютъ виноградныя,
— Чарочку пьешь, а по другой душа горитъ,
— Стаканъ пьешь меду сладкаго,
— А по другомъ душа горитъ;
— Крупивчатый колачикъ ѣшь,
— А по другомъ душа горитъ.
— У васъ все не по нашему:
— У васъ вина-ты хлѣбныя,
— Меды-ты у васъ кислые,
— А у насъ меды-ты стоялыи.
— У васъ все не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А помяльца-ты сосновыя,

— У васъ колачики на хвойку пахнутъ;
— У насъ печки-ты изразцовыя, карнизы золоченые,
— У насъ помяльцы-ты шелковыя,
— А помяльца-ты мочятъ въ меды стоялыи,
— Потому колачикъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ.
— У васъ все не по нашему:
— Какъ идетъ-то Владимiръ князь ко церкви-то соборныя,
— По дорожкѣ у васъ сукна-ты не сланыя,
— А у князя сапожки на ножкахъ сафьянные;
— А у насъ-то матушка моя поѣдетъ во церковь-то соборную,
— Впереди идутъ лопатники,
— Во слѣдъ идутъ метельщики,
— Още идутъ постельщики:
— Лопатчики дорожку разгребаютъ,
— А метельщики песочкомъ посыпаютъ,
— А постельщики по дорожкѣ сукна постилаютъ,
— И все сукна одинцовыя,
— А по ступенькамъ стелютъ ковры-ты шелковыи,
— Тѣхъ шелковъ шемаханскiихъ;
— А у матушки нижняя одежа дорогой камки,
— Верхняя одежа золотой парчи,
— На головушкѣ шляпа изъ крупнаго жемчуга,
— Спереди положенъ камень самоцвѣтныйй,
— Лапотики на ножкахъ плетеные,
— Плетеные изъ семи шелковъ да шемаханскiихъ,
— А въ носики вставлено по славному по каменю по яфонту.
— И тутъ няньки напередъ идутъ,
— А служанки подъ руки ведутъ.—
И тутъ говоритъ-то Владимiръ князь:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Не угодно ли тебѣ съѣздить во чисто поле—
« Съ нашими богатырями силы поотвѣдати? »
Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
— Я още витязь молодыйй,
— Съ вашима богатырями незнакомыйй:
— Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли.—

И тутъ съѣхалось на княжей дворъ,
Сильніихъ могучіихъ богатырей:
Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
А во вторыхъ Добрынюшка Никитьевичъ,
А третій Олешинька Поповичъ,
Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
Пятой Василій Буслаевичъ,
Шестой Чурилушка Щепленковичъ,
Седьмой Иванъ сынъ Годиновичъ.
Тутъ садилися они да на добрыхъ коней,
И поѣхали они во чисто поле.
И тутъ сѣдлаетъ коня Дюкъ Степановичъ
И надѣваетъ на себя всѣ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ на добра коня,
И тутъ поѣхалъ съ нимъ Владиміръ князь
Посмотрѣть на дѣло ратное, на побоище смертное.
Не ясные соколы по полю летаютъ,
А сильніи могучіи богатыри разъѣзжаютъ.
И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
Онъ бурушка подправливаетъ,
Косматаго понуживаетъ,
И столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ,
А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
Не два ясныхъ сокола слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣжается:
Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь ревётъ,
А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
И оборачиваетъ копье тупымъ концомъ,
И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь,—
И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
И палъ на землю, что овсяный снопъ.
И подъѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владиміру,
Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,
И князь его выхваляетъ.
Тутъ ѣхать ли-не ѣхать Василью Буславьичу.
Тутъ не два орла слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:

Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются:
Другъ друга оны ударяютъ,—
У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;
И другой разъ разъѣзжаются,—
У Дюка сердце разгоряется,
А Василій на Дюка разъяряется.
А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,
И тутъ палъ-то Василій о сыру землю.
И тутъ-то Дюкъ разъѣзжается,
А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
Съ княземъ Владиміромъ прощается и съ богатырями;
И тутъ-то онъ разъѣзжается,
И съ Дюкомъ-то онъ сражается,—
Дюку-то онъ покоряется,
И мирно поѣхали они ко городу ко Кіеву.
И говоритъ-то Олешинька Поповичъ:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
« Мы поѣдемъ-ко черезъ-Нѣп-рѣку [1]) скакать. »
Олеша-то силой не силенъ, а напускомъ смѣлъ.
И говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Ты поѣзжай-ко, Олешинька Поповичъ, напередъ,
— А я за тобою вслѣдъ.—
И ѣдутъ они со чиста поля,
Олешинъ-то конь на заднія ноги сталъ,
И въ средину Нѣп-рѣки Олеша съ конемъ палъ,
А Дюковъ конь черезъ Нѣп-рѣку скочилъ,
А Дюкъ Олешу за волосы рукою хватилъ,
И на другую сторону Нѣп-рѣки перетащилъ;
И Дюкъ оборотился ко князю Владиміру,
Бьетъ-челомъ да поклоняется,
А князь Дюкомъ похваляется.
И тутъ, возговоритъ Чурилушка Щепленковичъ:
« Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ!
«Не угодно ли тебѣ со мною походить,
« Передъ дѣвками пощапить

[1]) Т.-е. Днѣпръ-рѣку.

«И каждый день платье цвѣтное смѣнить?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я ѣхалъ не для того въ поле:
— Съ богатырями штурмовать,
— И черезъ Нѣп-рѣку скакать,
— И още передъ дѣвкамы щепить;
— Я думаю, такъ вы надо мною насмѣхаетесь,
— На мои слова не увѣряетесь:
— Если хочете городъ нашъ узнать,
— Надоть на три дни сроку дать.—
И още говоритъ-то Дюкъ Степановичъ:
— Съ моего коня сѣдло не сымается,
— Тутъ пущай-ко Добрынюшко Никитичъ въ дорожку снаряжается.—
А Дюкъ Степановичъ сталъ писать ярлыки скорописаны
Своей матушкѣ Емерфѣ Тимофеевной,
Бьетъ челомъ да поклоняется:
— Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Какъ пріѣдетъ нашъ скорой посолъ,
— И ты прими его какъ сына своего,
— Хлѣбомъ-солью угости;
— А въ чемъ я тебя прошу, то все съ нимъ отпусти.—
И още-то Дюкъ Степановичъ
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Пишетъ другой ярлыкъ да скорописаный:
— Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Ужъ какъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ
— Бьетъ челомъ да поклоняется.
— Ужъ ты, матушка Емерфа Тимофеевна!
— Ты пришли-тко мнѣ платье цвѣтное на цѣлый годъ,
— На каждый день платье смѣнное.—
И тутъ Добрынюшка снарядился,
И на Дюкова коня-то онъ садился,
И на всѣ стороны поклонился.
Видѣли добраго молодца сядучись,
А не видѣли поѣдучись,
Столько видятъ, что въ полѣ кудельба стоитъ.

И пріѣхалъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Въ эту во Индею во богатую,
Во тотъ ли городъ городъ во Волынецъ,
Ко тому двору ко боярскому,
Ко этому подъѣзду лошадиному,
Къ тому столбу точеному, къ кольцу золоченому.
И видитъ Добрынюшка, тутъ все не по нашему:
Тутъ дворы все разглажены,
Тутъ ковры и сукна все разостланы,
Дворники и конюхи по двору гуляютъ,
Въ бабки и шашки играютъ.
И приходитъ тутъ Добрынюшка въ палаты бѣлокаменны,
И заходитъ во гридни во столовыя,
Самъ идетъ да вѣдь дивуется.
Тутъ все не по нашему:
Тутъ мосты-то кленовыи,
Стѣны и потолки все расписаны,
Печки изразцовыя, карнизы золоченыи,
Тутъ столы стоятъ кости слоновыя,
Скатерти на столахъ все шелковыя,
А по угламъ висятъ кисти золоченыя...

64.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

(Гильферд. № 141.)

Жилъ-былъ Буславъ во Новѣ-градѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысячу;
Живучись Буславъ не старился,
Не старился, переставился.
Съ новымъ-городомъ Буславъ не споривалъ,
Съ каменной Москвой преты [1]) не было.

---

[1]) Не перечился.

Оставалось чадо милое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
И сталъ Васинька на улицу похаживать,
Сталъ съ ребяткамы шуточки пошучивать:
Кого дернетъ за руку, рука прочь,
Кого дернетъ за ногу, нога-то прочь.
Стали къ Васильевой матушкѣ похаживать,
Похаживать стали, пожаливаться:
« Ай же ты, честна вдова Амелфа Тимофеевна!
« Уйми-тко свое чадо милое;
« А не уймешь Василья сына Буслаева,
« Пихнемъ его въ рѣку Волхову.»
Со того со горя со кручинушки
Накурилъ Василій зелена вина,
Наварилъ Василій меду сладкаго,
Сдѣлалъ Васильюшка почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ
И на тыхъ мужиковъ Новогородскіихъ.
И говоритъ Васинька таковы слова:
— Кто изопьетъ чару зелена вина,
— Мѣрой чару полтора ведра,
— Вѣсомъ чару полтора пуда,
— И кто истерпитъ черленый вязъ,
— Тотъ ступай на почестный пиръ. —
Идетъ на пиръ Потанюшка маленькій,
Маленькій Потанюшка, храбренькій,
На ножку припадыватъ, съ подлобья выглядыватъ;
Принималъ онъ чару одной рукой,
Выпиваетъ чару за единый духъ.
Бьетъ Васильюшка Буславьевичъ
Своимъ вязомъ черленыимъ
По него буйной головы:
Стоитъ Потанюшка, не крянется,
Желты кудри не ворохнутся,
Поклонъ воздалъ и на пиръ пошелъ.
Идетъ на пиръ Костя Новоторжанинъ.
Тутъ Василій сынъ Буславьевичъ

Ставилъ столы дубовые,
Ѣствица клалъ сахарныя,
Питьица клалъ медвяныя,—
Меды были все стоялые,—
Выкатывалъ бочки на кольчужный дворъ:
— Ѣшьте у меня досыта,
— И пейте у меня допьяна,
— Только между собой не споривайте.—
Тутъ мужики-то Новгородскіе
Ѣли они досыта
И пили они допьяна.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ,
И всѣ стали пьяны-веселы,
И между собою поразспорились.
И беретъ Василій черленый вязъ,
И сталъ по двору помахивать,
И сталъ мужичкамъ пощалкивать.
И пошли мужики со честна пира раскорякою:
« Ты къ чорту, Васильюшка, со пиромъ!
« Поѣдено было на пиру, попито
« И на вѣкъ увѣчьице зачажено [1]. »
Тутъ мужики-то Новгородскіе
Сдѣлали свой почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей.
Походитъ Василій на почестный пиръ
И не одинъ походитъ, со дружиною.
И говоритъ его родная матушка:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Младый Василій сынъ Буславьевичъ!
— Хоть ты походишь на почестный пиръ,
— Тамъ все гости званые,
— А ты походишь гость незваныій.—
« Ай же ты, родна матушка,

[1]) Отъ зачагать, достать.

« Честна вдова Амелфа Тимофеевна!
« Да я прійду гость незваныій,
« Куда посадятъ, тамъ сижу,
« А что могу достать своей рукой, ѣмъ да пью. »
И приходитъ Василій на почестный пиръ
И не одинъ приходитъ, со дружиною,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуй, Микула Селяниновичъ [1]),
« Здравствуй, Козьма Родіоновичъ! »
— Поди-ко, Василій Буславьевичъ!
— Садись, Васильюшка, за дубовый столъ.—
Садился Василій въ большомъ углу;
Не одинъ садился, со дружиною.
Говорятъ тутъ гости званые:
« Ай же ты, Василій Буславьевичъ!
« Хоть ты садишься въ большомъ углу,
« Ты есть гость незваныій,
« А мы гости званые. »
— Хоть я гость незваныій,
— Куда посадятъ, тамъ сижу,
— А что могу достать своей рукой, ѣмъ да пью.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестный пиръ идетъ на веселѣ,
И всѣ стали пьяны-веселы,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Тутъ-то Василій сынъ Буславьевичъ
Глупымъ умомъ, хмельнымъ разумомъ,
Ударилъ Василій во великъ закладъ:
Изъ утра идти на Волхово,
Василью идти со дружиною,
А мужикамъ идти биться всѣмъ Новымъ-градомъ.
Тутъ пошелъ Василій со честна пира,
Повѣсилъ голову на правую сторонушку,
Утопилъ очи во сыру землю.

---

[1]) Вѣроятно, вмѣсто: Микула или Викула Зиновьевичъ.

Приходитъ къ палатамъ княженецкіимъ.
Говоритъ его родна матушка:
« Ай же ты, чадо мое милое,
« Младый Василій сынъ Буславьевичъ!
« Что идешь кручиноватъ, печаловатъ?
« Али мѣсто тебѣ было не по отчины,
« Али чарой тебя обнесли,
« Али мужикъ-пьяница насмѣялся ти? »
Василій не можетъ дать матушкѣ
Ни отвѣтушка, ни привѣтушка,
А говоритъ его дружина хоробрая:
— Мѣстечко было Василью по отчины,
— Чарой Василья не обнесли,
— И мужикъ-пьяница его не обругалъ;
— А ударилъ Василій во великъ закладъ
— Съ тыма мужикамы Новгородскима:
— Изъ утра идти на Волхово,
— Василью идти со дружиною,
— А мужикамъ идти биться всѣмъ Новымъ-градомъ. —
Тутъ его родная матушка,
Честна вдова Амельфа Тимофеевна,
Чеботы надѣла на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
И брала золоты ключи,
И шла она во погреба глубокіе,
Наклала мису красна золота,
Другую мису чиста серебра,
А третью мису скатна жемчуга;
И пришла къ мужичкамъ на почестенъ пиръ.
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
« Здравствуй, Микула Селяниновичъ,
Здравствуй, Козьма Родіоновичъ! »
И положила подарочки на дубовый столъ:
« Примите-тко отъ Василья подарочки
« И простите Василья въ этой во вины. »
Говорятъ мужики Новгородскіе:

— Не примемъ отъ Василья подарочковъ
— И не простимъ Василья во этой во вины.
— И пособи намъ, Господи, Васильюшка полонить,
— И на Васильевыхъ добрыхъ коняхъ поѣздить,
— И Васильевыхъ цвѣтныихъ платьицевъ подержать,
— И Васильевой золотой казны потащить.—
Тутъ честна вдова Амельфа Тимофеевна
Воротилася со честна пира
И ударила своей ножкой правою
Во тую во стоечку кленовую,—
И стоечка улетѣла во задній тынъ,
Задній тынъ весь поразсыпался.
Василій спитъ по утру, проклаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ дѣвушка Чернавушка,
Приходила по ключъ по воду,
Сама говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
« Хоть спишь ты, проклаждаешься,
« Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь;
« А бьется твоя дружина хоробрая
« На томъ ли мосточкѣ на Волховѣ:
« И проломаны буйны головы,
« И завязаны платкамы все бѣлыма. »
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Скорешенько пробуждался отъ крѣпкаго сна,
Чеботы надѣлъ на босу ногу,
Накинулъ соболиную шубоньку на одно плечо;
И бралъ Василій свой черленый вязъ,
И поскочилъ Василій на поле на Волхово.
И стрѣтится Василью старчище Андронище [1])
На томъ на мосточкѣ на Волховомъ,
И несетъ на головѣ Софеинъ большой колоколъ.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
— Ай же ты, старчище Андронище,

---

[1]) Можетъ быть, отъ Андронова монастыря.

— А ще крестовый батюшка!
Не дано тобѣ яичко о Христосьскомъ днѣ,
— Такъ дамъ тобѣ яичко о Петровомъ днѣ.—
И ударилъ своимъ вязикомъ черленыимъ
По Софеину большому колоколў,
И убилъ старчище Андронище,
Своего крестоваго батюшка.
И прибѣжалъ на поле на Волхово,
И сталъ вязикомъ помахивать:
Куда махнетъ,—падутъ улицы,
Перемахнетъ,—переулочки,
И перебилъ всѣхъ мужиковъ Новгородскіихъ.
И пошли мужички къ Васильевой матери.
« Ай же ты, Васильева родная матушка,
« Честна вдова Амельфа Тимофеевна!
« Уйми свое чадо милое,
« Оставь-ко мужиковъ хоть на сѣмена.»
Тутъ его родная матушка,
Честна вдова Амельфа Тимофеевна,
Чеботы надѣла на босу ногу,
Соболиную шубоньку накинула на одно плечо,
Прибѣжала на поле на Волхово,
Захватила Василья въ соболиную шубоньку,
И принесла въ свои палаты бѣлокаменны,
И кормила-поила удалаго добра молодца.

65.

СМЕРТЬ ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.

(Гильферд., № 141.)

Говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Была у меня дана заповѣдь великая
« Съѣздить намъ въ Іерусалимъ градъ:

« Святой святынѣ помолитися,
« И ко гробу Господню приложитися,
« Во Іорданъ рѣкѣ окупатися. »
И онъ поѣхалъ во Іерусалимъ градъ
Со своима дружинушкамы хоробрыма.
И будетъ онъ противъ матушки Сіонъ горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Зайдемъ на матушку на Сіонъ-гору. »
И зашли они на матушку на Сіонъ-гору,
И нашелъ Василій косточку сухояловую,
И сталъ онъ косточку попинывать
По матушкѣ по Сіонъ-горы.
И провѣщится косточка сухоялова
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Не пинай-ко, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Ты будешь лежать со мной
— На матушкѣ Сіонъ-горы вѣкъ по вѣку.—
Плюнулъ Василій и прочь пошелъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Сама спала, себѣ сонъ видѣла! »
Какъ будутъ они во Іерусалимѣ,
Святой святынѣ помолились
И ко Господнему гробу приложились,
Во Іорданъ рѣкѣ стали купатися.
Василій-то сынъ Буславьевичъ
Куплется нагимъ тѣломъ,
И говоритъ дѣвушка Чернавушка:
— Ай же ты, Василій сынъ Буславьевичъ!
— Какъ ты куплешься нагимъ тѣломъ?
— Кто у насъ купался нагимъ тѣломъ,
— Тотъ у насъ живъ не доѣзжалъ.—
Пріѣхали противъ матушки Сіонъ-горы,
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
« Ай же ты, дружинушка хоробрая!
« Зайдемъ на матушку Сіонъ-гору,
« Посмотримъ косточки сухояловы. »

Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень.
И говоритъ Василій сынъ Буславьевичъ:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
«Станемъ скакать черезъ бѣлъ горючъ камень.»
И стали скакать черезъ бѣлъ горючъ камень.
Дружина скачетъ передомъ,
А онъ, Василій сынъ Буславьевичъ,
Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И упалъ черезъ бѣлъ горючъ камень,
И раскололь буйную головушку,
И остался лежать вѣкъ по вѣку.

66.

САДКО.

(Гильферд., № 146.)

Во славноемъ было во Новѣ-градѣ,
Жилъ былъ Садко купецъ, богатый гость;
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнцѣ, и въ теремѣ солнцѣ,
На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,—
Все-то у Садка по небесному.
Испроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте въ славенъ въ Новгородъ,
«Откупите-ко товары въ Новѣ-градѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Они брали золотой казны по надобью,
Ѣхали во славенъ въ Новгородъ,
Откупали товары въ Новѣ-градѣ:

На другой день товаровъ еще больше того.
Испроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Еще берите золотой казны по надобью,
« Поѣзжайте въ славенъ въ Новгородъ,
« Откупите-ко товары въ Новѣ-градѣ,
« Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Они брали золотой казны по надобью,
Ѣхали во славенъ въ Новгородъ,
Откупали товары въ Новѣ-градѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
Испроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Не я-то богатъ, богатъ Новгородъ! »
Испроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Вы берите золотой казны по надобью,
« Стройте-тко тридцать кораблей,
« Носъ-корму кладите по-звѣриному,
« Бока-то сведите по-змѣиному,
« Мачты кладите красна деревца,
« Блочики кладите все кизюльные,
« Канатики кладите шелковые,
« Паруса кладите полотняные,
« Якори кладите все булатніе;
« По дорогу по камешку по яхонту
« Вмѣсто глазъ вы вставливайте,
« По черному по соболю сибирскому
« Вмѣсто бровъ продергивайте,
« По бурыя лисицы по сибирскія
« Вмѣсто ушей повѣсьте-тко. »
Слушали дружинушки, прикащики его,
Брали золотой казны по надобью,
Дѣлали дѣло повелѣное.
Тутъ-то Садко поѣздъ держалъ
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,

Изъ Свиряйскаго моря въ Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, оны летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Послушайте стараго хозяина,
« Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
« И на жеребьяхъ имена подписывайте,
« И бросайте-тко жеребья на воду. »
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребья на воду:
Всѣ-то жеребья, какъ гоголи, пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
« Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
« Послушайте стараго хозяина,
« Вы тешите дощечики дубовенькія,
« И бросайте дощечики на̀ воду,
« Садите Садка купца, гостя богатаго,
« На тыя дощечиньки дубовенькія
« И полагайте мнѣ гуселки яровчаты. »
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики дубовенькія
И полагали ему гусельки яровчаты.

Какъ онъ сѣлъ онъ на тыя дощечики дубовенькія, заигралъ въ гуселышки яровчаты, взялъ его къ себѣ Водяной царь. И стали въ водяномъ царствѣ спорить царь съ царицею. Царь споритъ: «Булатъ злата дороже.» А царица споритъ: «Злато

булата дороже.» И спрашиваютъ Садка: «Что у васъ на Руси дороже, злато или булатъ?» И говоритъ Садко: «У насъ на Руси булатъ дороже злата, потому что булатомъ злато достаютъ.» И сталъ Садко играть въ гуселки яровчаты, и расплясался Водяной царь, и всколыбалось сине море. Тутъ Садката унялъ Николай чудотворецъ: «Ты де игрой, а царь пляской много головъ неповинныихъ погубили.»

Записано въ г. Петрозаводскѣ 27 іюня 1863 г.

67.

ГРИШКА-РАЗСТРИЖКА [1]).

(Гильферд. № 143.)

На насъ, братцы, Господи разгнѣвался [2]),
На славное царство россійское,
На россійское царство, на московское:
Далъ Господи царя несчастливаго;
Называется собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Дмитріемъ,
Дмитріемъ царевичемъ московскіимъ.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвы.
Поженился воръ-собака во хороброй Литвы,

[1]) Этой былинѣ очень близко соотвѣтствуетъ у Гильфердинга Суриковская, но у Рыбникова есть еще одна, (I, № 69.), почти дословно совпадающая съ этими двумя; она обозначена имъ, какъ записанная отъ какой-то „молодицы изъ Кижской губы“. См. ниже.—*Ред.*

[2]) Въ варіантѣ, записанномъ со словъ Бутылки, начало былины таково:

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой тысячѣ,
Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережатая,
Воцарился воръ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ.

У Юрья пана Сердобольскаго [1])
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушкѣ Юрьевной.
Они свадьбу играли въ Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,—
Миколы-то было въ пятницу.
Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ко тыя ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка-Разстрижка во мыльню пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка-Разстрижка въ мыльны моется,
Со душечкой со Маринушкой блудъ творитъ.
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,
Воръ Гришка-Разстрижка съ мыльны идетъ
Съ душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушкѣ саятъ [2]) въ цѣлу тысячу [3]).
Выскакивалъ собака на крылечико на царское,
Закричалъ воръ-собака громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому [4]).

[1]) Прилаг. Сердобольскій (отъ г. Сердоболя Выборгской губ.) явно замѣняетъ прежнее „Сендомірскій“.

[2]) Саятъ или саянъ—женское платье, сарафанъ, юбка.

[3]) Вмѣсто 32 и 33 стиха у Бутылки:

На Гришкѣ кафтанъ красна золота,
На Маринкѣ рубаха чиста серебра.

[4]) Дополненіе Бутылки:

„Ай же, вы, князи-бо́яре,
„Очищайте Москву бѣлокаменну:
„Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ дальній гость,
„Дальній гость—любимый тесть.“

Говоритъ воръ-Гришка таковы слова:
« Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
« Не молись-ко, Марина, чуднымъ образамъ,
« Ты не кланяйся, Марина, князьямъ-боярамъ,
« Проходи-то, Марина, за дубовый столъ,
« Кушай-рушай лебедь бѣлую.
« Послушай, Марина, что я говорю:
« Проживу буде я три часа,
« Проживу, Марина, тридцать лѣтъ;
« Не проживу буде я трехъ часовъ,
« Не прожить мнѣ-ка и трехъ годовъ. »
Да еще тутъ господа всѣ Московскіе
Собирались господа во единый кругъ.
И думали думушку общую,
И придали Гришкѣ смерть скорую.

Пропѣвъ былину, сказитель пояснилъ, что Гришка просидѣлъ въ тюрьмѣ тридцать лѣтъ и въ это время нарочно заростилъ крестъ въ бѣлыя груди, чтобы походить на Дмитрія царевича. А у настоящаго царевича, какъ онъ родился, крестъ былъ въ бѣлой груди [1].

Записано въ г. Петрозаводскѣ 27 іюня 1863 г.

68.

ПТИЦЫ.

(Гильфердъ. № 137.)

« Ай же вы, русскія птицы! [2]
« Тамъ вѣдь вы не бывали,

[1]) Въ III т. Рыбникова, гдѣ помѣщена эта былина (№ 45), послѣ 33-го стиха идетъ прямо 39-й, а пять стиховъ (34—38) напечатаны послѣ 49-го. Мы сочли эту путаницу за простую типографскую ошибку и исправили; если бы ошибочный порядокъ стиховъ принадлежалъ пѣвцу, Рыбниковъ, конечно, открылъ бы это изъ сравненія съ очень близкимъ текстомъ своего I тома (№ 69) и отмѣтилъ бы, что память измѣнила Ѳедотову.—*Ред.*

[2]) Явно начинается не съ начала; ср. другіе тексты этой былины.—*Ред.*

« И горя вы, нужды не знавали:
« Живете въ домахъ по рагузамъ.
« У насъ на морѣ въ лукоморьѣ,
« Въ тихомъ было заводьѣ,
« Даромъ птицы хлѣба не тратятъ:
« Всѣ птички по доводямъ,
« И всѣ птицы по уѣздамъ.
« Зеленъ-птица надлетникъ.
« Зуй на морѣ поваръ.
« Клевецъ [1]) на морѣ плотникъ.
« Колзанъ на морѣ поддеверье.
« Ветликъ—ключникъ-язычникъ.
« Жавроленокъ на морѣ десятскій.
« То-есть очищикъ деревенскій.
« Павы на морѣ гости торговы,
« Павины женки торговки.
« Пѣтухи—казаки донскіе,
« То наши молодцы удалые,
« Держатъ женъ по двѣ и по три,
« Держатъ по цѣлому десятку,
« И всѣхъ пѣтухъ наряжаетъ,
« И всѣ его боятся.
« Не такъ, какъ на Руси крестьянинъ:
« Одной бажоной женки
« И той нарядить не умѣетъ.
« Журавль на морѣ Вытегорскій [2])
« То пономарь монастырскій:
« Въ большой колоколъ ударитъ,
« Обѣдать-завтракать кличетъ. »

---

[1]) Клевецъ, онъ же и дегтярь—дятелъ.

[2]) На сѣверѣ Олонецкой губерніи Вытегра имѣетъ такое же значеніе, какъ Петербургъ вообще въ провинціи и въ селахъ.

VI.

ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

Терентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волкострова, Кижской волости, внукъ знаменитаго Ильи Елустафьева, учителя Трофима Рябинина и Кузьмы Романова. Онъ пѣлъ и Гильфердингу. Послѣдній въ своей замѣткѣ о Терентіи [1]) исправляетъ неточность указанія Рыбникова, будто Терентій научился былинамъ отъ своего отца Іева, который самъ получилъ ихъ отъ Ильи Елустафьева: знаніе перешло отъ дѣда прямо къ внуку, минуя отца, рано отдавшагося земледѣлію.

Указатель перв. изд. Рыбникова записываетъ за нашимъ пѣвцомъ шесть былинъ, но одна изъ нихъ (IV, 5) представляетъ собой лишь нѣсколько отрывочныхъ поправокъ или вставокъ въ текстъ, записанный отъ К. Романова, и мы помѣстили ихъ въ примѣчаніяхъ къ этому тексту. Изъ остальныхъ пяти три совпадаютъ съ Гильфердинговскими записями. Сравненіе обоихъ сборниковъ показываетъ, что неудачныя условія записыванія (Терентій явно былъ утомленъ, какъ видно изъ «Замѣтки») помѣшали Рыбникову получить весь репертуаръ пѣвца, вслѣдствіе чего Гильфердингъ могъ записать отъ него три новыхъ сюжета (Алеша и Тугаринъ, Добрыня въ отъѣздѣ и Калика-богатырь). Съ другой стороны Гильфердингъ уже не услышалъ отъ него пѣтыхъ Рыбникову былинъ о Хотенѣ и Кострюкѣ и очевидно уже забытыхъ (Терентій лишь до десятилѣтняго возраста могъ слушать дѣда).

69.

МИКУЛА.

(Гильферд. № 98.)

Ай же ты, Микулушка Селяниновичъ!
Была у тебя кобыла «Подыми-голова»,

[1]) Гильферд. II, 208.

Заздынула [1]) она голову подъ оболоку.
Былъ то онъ во городѣ во Кіевѣ:
Вывезъ онъ соли два мѣха,
А во который мѣхъ входитъ
Пудовъ пò сороку.
А тутъ Микулушка пахалъ да оралъ:
Сосенки да елочки въ (борозду) валилъ,
Ржи напахалъ да домой выволочилъ,
Домой выволочилъ, дома вымолотилъ.
А я пива наварю да гостей назову,
Стану пива пить да Микулушку хвалить:
Тобѝ было, Микулушка, пахать да орать,
Тобѝ было, Микулушка, крестьянствовать!

Запис. 25 сент. 1861 г.

70.

ДУНАЙ.

(Гильферд. № 102.)

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимëра
Былъ хорошъ въ починѣ почестной пиръ.
Всѣ тутъ на пиру были:
Были всѣ князя, всѣ бòяра,
Всѣ сильніи могучіи богатыри,
Всѣ паленицы удалыи.
Всѣ были за столы посажены,
И всѣмъ были кушанья налажены,
Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ.
Солнышко-то на вечерѣ,
Всѣ они стали на веселѣ,
Они тутъ да порасхвастались:

---

[1]) Подняла.

Умной хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумноё-тъ хвастаетъ молодой женой,
Молодой женой да неудачливой.
Тутъ Владимеръ князь стольно-Кіевскій
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
« Всѣ у меня были поженены,
« И всѣ у меня были повыданы,
« Одинъ у васъ князь не женатъ,
« Владиміръ князь да стольно-Кіевскій.
« Знаете ль вы, да вѣдаете ль
« Ему да супротивную,—
« Чтобъ была бы то жена ему хорошая.
« Она ростомъ-то высокая
« И саномъ-тымъ она сановитая,
« Станомъ-тымъ она становитая,
« Красой она красовитая,
« У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заяца?
« Было бы то мнѣ-ка-ва жить да быть,
« Жить да быть, долгій вѣкъ коротать,
« Было бы то вамъ кому честь отдать,
« Да было бы кому покланятися.»
Тутъ всѝ за столомъ-то призамолкнули,
Всѝ за столомъ пріутихнули,
Никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ:
Большой туляется за середняго,
Средній туляется за меньшого,
А отъ меньшого и отговору нѣтъ.
Тутъ выходилъ Дунай-то Ивановичъ,
Выходилъ Дунаюшко изъ-за печи,
Подходилъ онъ ко столу да ко дубовому,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Владимеръ князь да стольно-Кіевскій!
« Какъ подъ далече-далече, подъ сточной [1]) той стороны,
« У того ли короля да хоробо-Лицкаго [2]),
« Есть-то у него двѣ дочери,

[1]) Восточной.
[2]) Сокращено изъ «хоробра Литва».

« Двѣ дочери, обы хорошіи:
« Была бы ти жена да хорошая,
« Она ростомъ была бы высокая,
« Саномъ-тымъ она да сановитая,
« Красотою она красовитая,
« У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго заяца;
« Было бы то тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
« Жить да быть и долгіи вѣки коротати,
« Было бы намъ кому честь воздать,
« Было бы то кому да покланятися.
« Но только большая дочь да мало при домѝ живетъ,
« Она ѣздитъ въ поле поляковать;
« А меньшая дочи-та всегда при домѝ;
« Меньша-то дочушка Опраксинья,
« А большая Настасья королевична. »
— Зналъ ты, Дунаюшка, повыхвастать,
— Дакъ умѣй-ко оттуда ю повывезти!
— Много ли туды ты силы возьмешь,
— Много ли возьмешь да золотой казны?—
« Не надобно мнѣ силы княженецкоей,
« Не надобно мнѣ и золотой казны:
« Не биться мнѣ тамъ и не ратиться;
« Только дай-ко мнѣ во товарищахъ,
« Во товарищахъ Добрынюшку Никитича,
« Еще дай-ко мнѣ двухъ жеребчиковъ не ѣзжаныхъ,
« Да и два сѣделышка не держаныхъ,
« И двѣ узды—обы не держаны,
« И двѣ плетички—обы не хлыстаны,
« Да пиши-тко ерлыки о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На его дочери Опраксиньи
« За нашего князя Владимера.»
Тутъ они сѣдлали-уздали добрыхъ коней,
А поѣхали ко матушкѣ [къ каменной Москвы]
И къ хороброй Литвы,
Ко тому ли къ королю къ хоробо-Лицкому,
Да объ добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
На его дочери Опраксиньи на королевичной.

Подъѣхали они ко матушки къ хороброй Литвы,
[Къ хороброй Литвы да къ каменной Москвы].
Не спрашивалъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
Ни придверничковъ, ни приворотничковъ,
Размахивалъ воротца онъ на пяту,
Ставилъ-то онъ коней да середи двора
Не привязаныхъ да не приказаныхъ.
Оставался Добрынюшка среди двора,
Бралъ онъ коней да во лѣву руку,
А во праву дубину Сарачинскую.
Тутъ говорилъ Дунаюшка Добрынюшкѣ:
« Стой-ко ты, Добрынюшка Никитинецъ,
« И глядитко ты на риньгу [1]) королевскую:
« Какова пора да каково время,
« Чтобы можно было да пріуѣхати ».
Идетъ-то Дунаюшко во риньгу королевскую.
Онъ крестъ несетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
А онъ королю ведетъ поклонъ въ особину:
« Ужъ ты здраствуешь, батюшко король да хороброй Литвы! »
— Ты здраствуешь, Дунаюшко Ивановичъ!
— Куда ты ѣдешь, куда путь держишь,
— Насъ посмотрѣть, или себя показать,
— Показать себя, или намъ послужить? —
« А васъ посмотрѣть, да и себя показать,
« Еще другое-то есте больши,—
« О добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
« На твоей на дочери Опраксиньи
« За нашего князя Владимера.»
Тутъ онъ выкидывалъ ерлыки на дубовъ столъ;
Тутъ король ерлыки разсматриваетъ,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Ай жо ты, Дунаюшка Ивановичъ!
— Ты бился за безумье за великое:

[1]) Гридню.

— Какъ вашъ тотъ князь не великъ собой,
— И ваши-то царищи уродливыи;
— Возьму-то я тебя за желты кудры,
— Посажу я тебя во глубокъ погребъ:
— Пусть-ко Дунай въ горобры [1]) погостить,—
— Тошто [2]) Дунай объумѣется! —
Тутъ подходилъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко тому столу да ко дубовому,
Здынулъ-то онъ руки выше головы,
Допустилъ онъ до того стола до дубоваго:
Питья на столахъ да проливаются,
Альни столъ въ щепья приломается,
Альни мать-земля да сколыбается [3]).
. . . .
Какъ поѣхалъ младый Добрынюшка
Отъ короля отъ Литовскаго со княгинею со Опраксіей.
И путемъ-дороженькой была за ними погоня великая.
« Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитинецъ,
« Ко стольному городу ко Кіеву,
« А я поѣду за погонею великою:
« Видно судьба меня ищетъ, крестовый брателко! »
Тутъ они простились и поѣхали.
И наѣзжалъ-то младый Дунаюшка на богатыря,
И тутъ-то оны съѣхались биться и ратися [4]);
И однако Дунаю и не къ суду пришлось:
И сронилъ поганаго Татарина со бодра коня.
И уперъ въ него копьемъ долгомѣрныимъ во бѣлы груди.
« Ты скажи-ко, поганый Татаровинъ,
« Ты коей земли, ты коей орды? »
И говоритъ Татаровинъ не съ упадкою:
— Кабы я былъ на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,

[1]) Въ хоробры, т.-е. Литвы, Литвѣ.—*Б.*

[2]) Тожно?—*Б.*

[3]) До сихъ поръ со словъ Терентія Іевлева, вторая же половина хотя и съ его словъ, но пересказывалъ ее той же волости крестьянинъ Леонтій Богдановъ.

[4]) Ратиться.—*Б.*

— И не спрашивалъ бы твоего роду-племени:
— Билъ бы тебя вострымъ мечомъ,
— Вынималъ бы сердце со печенью.—
А увидалъ младый Дунаюшко,
Что титечки-то женскія:
« И скажи-ко ты, женщина,
« Какого ты роду-племени?
« Не принимай смерти напрасныя! »
— Я есть того короля Литовскаго,
— Большая дочи на-старшая [1]),
— И не знаю, коли были у насъ
— Два дѣтины могущія:
— Много силушки у насъ перебили,
— Я въ дому на ту пору не случилася. —
Скочилъ младый Дунаюшка со бодра коня
И взялъ ее за рученьки за бѣлыя,
Здымалъ со сырой земли,
Цѣловалъ во уста во сахарьнія:
« Поѣдемъ-ко, моя любезная, во Кіев градъ! »
Садилъ ее на добра коня,
Отобралъ тую палицу булатную и саблю вострую,
И взялъ добра коня за поводъ.
И пріѣхали оны ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку ко Владиміру,
И вдругъ оны крестились, и вдругъ оны вѣнчалися.
И тутъ-то былъ великій почестный пиръ.
Послѣ вѣнца оны разъѣзжалися,
И на почестенъ пиръ опять собиралися.
Тутъ-то младой Дунаюшка поросхвастался:
« Нѣтъ-то меня сильнѣе
« И нѣтъ-то меня храбрѣе,
« И не кому со мною поборотися! »
За тымъ-то пиромъ за почестныимъ
Сидѣла хороша Настасья королевична,
Настасья королевична изъ хороброй Литвы,

---

[1]) Наи-старшая.—*Б.*

И сама говоритъ таковы слова:
— Не пустымъ ли то младъ Дунаюшка хвастаетъ?
— Возьмемъ-ко мы тугой лукъ
— И кладемъ-ко мы колечушко серебряно во чисто поле,
— И кладемъ туда ножъ вострый,
— И стрѣлимъ въ колечко серебряно,
— И по тому ножу вострейному
— Чтобы стрѣлочки были на половиночкахъ.
— И на взглядъ ровны, и вѣсомъ ровны.—
Тутъ Дунаюшко стрѣлилъ во колечко серебряно
Той стрѣлой калёноей,
И не до стрѣлилъ;
А другой разъ стрѣлилъ,
Перестрѣлилъ;
Третій разъ стрѣлилъ,—
И стрѣлочки найти не могли.
А Настасья королевична стрѣлила во колечко серебряно,—
И попала во колечко серебряно,
И колола стрѣлочку калёную на половиночки.
На взглядъ ровны и вѣсомъ ровны.
— Не угодно ли тебѣ, Дунаюшка, со мной поборотися?—
Тутъ сколыбалось его сердце ретивое,
Помутились его очушки ясныя.
Тутъ говоритъ Настасья королевична таковы слова:
— Ты прости меня, Дунаюшка,
— Во вины да во великія!
— Бей меня плеточкой шелковоей
— За мою за вину за великую!
— У меня есть во черевѣ посѣяно два дѣтища
— И два сына будетъ любимыихъ:
— Во лбѣ-то будетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— По локоть рученьки въ золотѣ,
— По колѣнечко ножки во серебрѣ.—
Тутъ-то младъ Дунаюшка
Накладывалъ стрѣлочку на тугой лукъ
И стрѣлилъ ее во груди во бѣлыя.

Тутъ-то младъ Дунаюшка сколыбалсе:
Вынималъ-то дѣтушекъ со черева,
И увидѣлъ дѣтушекъ—во лбу-то свѣтелъ мѣсяцъ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
По локоть рученьки въ золотѣ,
По колѣнечко ножки во серебрѣ.
Тутъ-то младъ Дунаюшка
Поставилъ вострый ножъ во кирпичный мость,
И палъ на него Дунаюшка бѣлыми грудьми,
Со досадушки со великія:
Тутъ Дунаю и славу поютъ.
Отъ Настасьюшки протекала Настасья рѣка,
Рѣка быстрая ко королю ко Литовскому,
Отъ Дунаюшки протекала Дунай рѣка
Ко городу ко Кіеву.
Тутъ-то они въ мѣстечко стекалися,
Тутъ выростало два деревца кипарисныихъ,
Два деревца вмѣстѣ сплеталися,
Тутъ на листахъ было подписано:
« Таково дѣло случалосе,
« Молодымъ людямъ на удивленіе,
« А старымъ людямъ на утѣшеньицо».

Запис. 25 сентября 1861 .

71.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице—почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,

Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
На томъ ли на пиру на почестноемъ
Было двѣ честныхъ вдовы:
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часовая жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
Брала эту чару во бѣлы руки,
Подносила честной вдовы Часовой жены
И за этой чарочкой посваталась
На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимаго,
За того Хотенушку за Блудовича:
« Ай же ты, честная вдова Часовая жена!
« Свядемъ-ко мы дѣтей въ одно мѣсто,
« А мы будемъ съ тобой родныя родницы,
« Родныя родницы, сватьюшки!»
Честная вдова Часовая жена
Взяла эту чару во бѣлы руки
И вылила ей чару во ясны очи,
Облила ей шубу камчатую,
Пушокъ морской, вершокъ дорогой,
Сама говорила таковы слова:
— Ужъ ты, сука-б...., Блудова жена!
— Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
— За свого Хотенушку за Блудовича!
— Какъ твой былъ мужище-то Блудище:
— Блудъ блудилъ по Новугороду;
— А сынище-то твой уродище:
— Ѣздитъ по городу, уродуетъ
— Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
— Ищетъ бобоваго зерненка,
— А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить.
— Моя ли Чайная Часовична
— Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
— Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху:
— Ю буйные вѣтры не о́ввѣютъ,

— Красное солнышко не о́ппекетъ,
— Частые дождички не о́бмочатъ,
— Добрые люди не о́ббаятъ,
— Не надсмѣется надъ ей пьяный пьяница.
— Още есть у меня девять сыновей,
— У Чайной Часовичной девять братцевъ,
— Они ѣздятъ во чистомъ полѣ, полякуютъ;
— Полонятъ они Хотенку во чистомъ полѣ,
— И привяжутъ ко стремени сѣдяльному,
— И привезутъ Хотенку ко мнѣ налицо:
— Захочу, — его кладу во повары,
— Захочу, — кладу его во конюхи,
— Захочу, — продамъ на боярскій дворъ.—
А стала тутъ вдова обезчещена,
Пошла со честна пира невесела,
И невесела пошла, нерадостна:
« Замарала мою шубу камчатую,
« Пушокъ морской, вершокъ дорогой».
Приходитъ ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову,
Стрѣтаетъ ее рожоное дитятко,
Молодой Хотенушка Блудовичъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Свѣтъ-государыня, моя матушка!
— Что-же ты идешь съ честна пира невесела,
— И невесела идешь, нерадостна?
— Али мѣсто ти было въ пиру не по люби,
— Али чарою тебя пообнесли,
— Али надсмѣялся пьяный пьяница?—
Тутъ возговоритъ Хотенина матушка:
« Свѣтъ ты, мое чадо милое,
« Молодой Хотенушка Блудовичъ!
« Мѣсто мнѣ-ка на пиру было по люби,
« А чарой меня не обнесли,
« И не надсмѣялся пьяный пьяница.
« Надсмѣялась надо мною честная вдова,
« Честная вдова Часовая жена.

« Подносили мнѣ-ка чару меду сладкаго;
« Я за этой чарочкой посваталась
« У честной вдовы Часовой жены
« На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
« За тобя, Хотенушку, за Блудовича.
« Она чары-то не выкушала,
« Вылила мнѣ чару во ясны очи,
« Облила мою шубу камчатую,
« Пушокъ морской, вершокъ дорогой;
« Сама говорила таковы слова:
« Ужъ ты, сука, б...., Блудова жена!
« Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
« За своего Хотенушка за Блудовича?
« Какъ твой былъ мужище-то Блудище,
« Блудъ блудилъ по Новугороду,
« А сынище-то твой уродище,
« Ѣздитъ по городу, уродуетъ
« Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
« Ищетъ бобоваго зерненка,
« А гдѣ бы то Хотену обѣдъ снарядитъ.
« Моя ли Чайная Часовична
« Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
« Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху,
« Ю буйные вѣтры не о́ввѣютъ,
« Красное солнышко не о́ппекетъ,
« Частые дождички не о́бмочатъ,
« Добрые люди не о́ббаятъ,
« Не надсмѣется надъ ней пьяный пьяница.
« А есть у меня девять сыновей,
« А у Чайной Часовичной девять братцевъ.
« Они ѣздятъ въ чистомъ полѣ, полякуютъ,
« И полонятъ Хотенку во чистомъ полѣ,
« И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
« И привезутъ Хотенку на свой-то дворъ;
« Захочу, — его кладу во повары,
« Захочу, — кладу его во конюхи,
« Захочу, — продамъ на боярскій дворъ.»

Спроговоритъ Хотенка таковы слова:
— Я ей эту насмѣшку отсмѣюсь! —
Бралъ-то любимаго паробка,
Поѣхали по городу по Кіеву уродовать.
Подъѣзжалъ ко терему высокому,
Гдѣ сидитъ Чайная Часовична,
Ударилъ палицей булатнеей
По тому по высоку по терему:
Не было ни бури, ни падари[1]),
Не было погоды непомѣрныя,—
Вереи свалились середи двора,
А про широкія ворота и слыху нѣтъ,
Высокъ-то вершокъ въ чисто поле слетѣлъ;
Во теремѣ околенки поломалися,
Полки, грядки повыпадали,
Кирпична печка поразсыпалась,
Одва тутъ Чайной со страху смерть не пришла.
Тутъ-то Хотенка и посватался:
« Молода Чайная Часовична!
« Если съ чести идешь, за собя возьму;
« А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
« За своего любимаго за паробка:
« По зубамъ ты, Чайна, разсыплешься,
« По власамъ ты, Чайна, распблстишься,
« По ногамъ ты, Чайна, расширишься.
« А какъ станемъ держать за единочку,
« То всякъ-то свою половиночку.
« А я поѣду во чисто поле,
« Ты пошли туда девять братцевъ:
« Тамъ съ ними свидимся и перевидимся.»
И поѣхалъ Хотенка во чисто поле,
Пораздернулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился во шатрикъ спать,
А паробка поставилъ ко бѣлу шатру:
« Стой,-ко паробокъ, ко Новугороду,

---

1) Падарь — зимняя непогода, снѣгъ и вѣтеръ.

« Востренько гляди ко городу ко Кіеву,
« Какъ выѣдутъ Часовичи въ чисто поле.
« Если поѣдутъ по два, по три въ одномъ мѣстѣ,
« То у нихъ есть думушка ровная,
« Ровная думушка, не розная;
« А поѣдутъ тотъ напередъ, другой напередъ,
« То у нихъ есть думушка розная;
« И ты буди меня со крѣпка сна».
Выѣхали девять братцевъ въ чисто поле:
Тотъ ѣдетъ напередъ, другой напередъ,
Тотъ ѣдетъ хорошъ, другой лучшѐ того,
Всякому надобно повыславиться.
Какъ увидѣлъ паробокъ ихъ думушку розную,
Не будилъ Хотенку со крѣпка сна,
А садился на добра коня богатырскаго
И поѣхалъ встрѣту Часовичамъ:
Перво три братца конемъ потопталъ,
Друго три братца копьемъ скололъ,
Три-то братца полономъ взялъ,
Привезъ ко шатрику ко бѣлому,
Будилъ Хотенку со крѣпка сна:
— Я во твоей служебкѣ повыслужилъ.—
Говорилъ Хотенушка таковы слова:
« Не твое было дѣло коня пожурять,
« Не твое было дѣло по полю пырять.»
Садилися на добрыхъ коней богатырскіихъ,
Привязали Часовичей ко стремени сѣдяльному
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Увидала тутъ Часовая жена
Ѣдучи Хотенку съ чиста поля,
Насыпала чашу чиста серебра,
Другую чашу красна золота,
Третью чашу скатна жемчуга,
Отнесла князю Владиміру,
Чтобы далъ силы сорокъ тысячей.
Какъ завидѣлъ силу Хотенка Блудовичъ,
Закричалъ имъ богатырскимъ покрикомъ:

« Если въ полонъ идете, живы будете,
« Если воевать идете, живы не будете:
« Я буду васъ бить, на двое двоить,
« На двое двоить, на трое троить,
« На трое троить, четвертями четвертить
« Я васъ на малыя на четверти.
« Вяжитесь-ка вы своими опоясками шелковыма
« По двое, по трое въ одно мѣсто,
« Подите ко городу ко Кіеву,
« Кричите вы во всю голову:
« Есть мы сила полоненая:
« Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ. »
Вязались они своима опоясками шелковыма
По двое, по трое въ одно мѣсто,
Шли ко городу ко Кіеву,
Кричатъ-то во всю голову:
« Есть-то мы сила полоненая:
« Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ. »
Честная вдова Часовая жена
Прибѣжала ко князю Владиміру,
Сама говорила таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Назови Чайну Часовичну родной родницей,
— Родной родной племницей [1]),
— Выдай замужъ за Хотенку Блудовича. —
Тутъ ласковый Владиміръ князь
Заводилъ пированьице-почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.
И на томъ пиру на почестномъ
Спроговорилъ ласковый Владиміръ князь:
« Ай же ты, Хотенушка Блудовичъ!
« Хороши твои поступки молодецкіе!
« Ты смѣешься надъ моей родницей:

[1]) Повидимому, случайное искаженіе слова или пропускъ: ожидаешь или „родницей, родной племницей“, или „родной родницей, родной племницей“.—*Ред.*

«Мнѣ вѣдь Чайна Часовична родна племница.»
Ино Хотенушка догадливъ былъ:
Выставалъ за столика дубоваго,
Шелъ на широкій дворъ,
Поставилъ свой костыль середи двора:
— Ай же ты, ласковый Владиміръ князь!
— Обсыпь мой костыль златомъ и серебромъ
— Съ нижняго конца и до верхняго:
— Тошто Часовичну за себя возьму,
— А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
— За своего любимаго за паробка.
— А още ли не будетъ такъ, такъ още перетакъ:
— Отпиши-тко мнѣ-ка семь городовъ,
— Тошто Часовичну за себя возьму.—

72.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

(Гильферд. № 103.)

А и жилъ да былъ Буславей девяноста лѣтъ,
Девяноста лѣтъ, да и зуба во ртӣ нѣтъ;
Со городомъ со Кіевымъ спору не было,
Со матушкой каменной Москвой вовѣкъ не бранивался.
Оставалося у него чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Да йдетъ-то Василій во почестный пиръ,
Во почестный пиръ ко князю ко Владимеру.
У ласкова у князя у Владимера
Былъ почестный пиръ да пированьице:
Повыкатилъ князь зелена вина девяносто пудъ,
Пива пьянаго девять бочечекъ,
Девять бочечекъ сороковочекъ.
Были на пиру воры-мужики городо-Кемскіе,

Ѣли они досыта и пили они допьяна,
До пьяна пили да и порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,—
Со своей дружиной со хороброей
Побороть ему весь Кіевъ градъ,
Побороть Васильюшку каменна Москва,
Со всѣми пригородкамы и со малыма.
Тутъ идетъ Васильюшко во свой покой любимыій,
Ко своей родимой ко матушки,
Садился на брусовую бѣлу лавочку,
Повѣсилъ онъ буйную голову
Межъ свои плеча могучіи,
Утупилъ онъ очи ясныя во калиновъ мостъ.
Подходитъ къ нему родная матушка,
Говоритъ ему да таковы слова:
— Что же, мое дитетко,
— Сидишь—закручинился да запечалился? —
« Какъ же мни-ка, родная матушка,
« Не кручиниться да не печалиться?
« Были мы на почестномъ пиру у князя у Владимера,
« Сдѣлали мы записи крѣпкія
« Съ мужиками городо-Кемскими,—
« Чтобъ побороть мнѣ весь Кіевъ градъ,
« Вся матушка каменна Москва,
« Со всѣми пригородкамы и со малыма.
« Завтро итти мнѣ, матушка, на побоище короткое [1]),
« Биться и ратиться,
« На конѣ придется дыбомъ ставиться. »
Тутъ напоила Василья родна матушка
Питіемъ его забудущіимъ,
Свела Василья въ теплу ложню спать.
Спитъ Василій ровно по три дня да й по три ночи.
Тутъ былъ у Васильюшка добрый конь:
Упустила его родна матушка во чисто поле;

[1]) На ротное, на ратное? — *Б.*

Были у него червленый вязъ въ сорокъ пудъ,
Были у него сабля и тесакъ темлячные:
То всё его матушка спрятала;
А также что было у него у Васильюшки одежды богатырскоей,—
Всё въ погребъ она спрятала.
А тамъ воры-мужики городо-Кемскіе,
Всю ночь они да не спали,
Лили шалыги свинцовыи,
Что завтро итти на побоище на смертное:
А Василій спитъ да и про то дѣло не вѣдаетъ.
А тамъ уже по записи дѣло дѣлаютъ,
Его вся дружина-то въ крови стоитъ:
А онъ спитъ да и про то дѣло не вѣдаетъ.
Тутъ была у Васильюшка дѣвушка дворовая:
Были у ней ведерочки дубовыи,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она ему воду свѣжую.
Тутъ зашла она въ ложню Васильеву подпахивать [1]),
Говоритъ она да таковы слова:
— Хорошо-то было добру молодцу на пиру хвастати,
— А нынѣ-то добра молодца и въ пору не знать:
— Теперь вся твоя дружинушка прибитая!—
Тутъ отъ сна Васильюшка пробудился,
Повыскочилъ Василій со сну на широкій дворъ
Во своихъ башмачикахъ шелковыихъ;
Тутъ схватился Васильюшко,
Гдѣ стоялъ его добрый конь,
Гдѣ были червленый вязъ,
Тесакъ и сабля темлячныи:
Но всё уже было у родной матушки спрятано.
Тутъ повыскочилъ Васильюшко на широкій дворъ,
Да повыхватилъ Васильюшко съ телѣги ось.
Пошелъ Васильюшко поскакивать,
Телѣжной осью-то помахивать:

---

[1]) Подметать.—*Б.*

Въ сторону махнетъ,—падетъ улица,
Въ другую махнетъ,—падетъ переулочекъ.
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Махалъ Васильюшко, помахивалъ:
Тутъ силушки мужиковъ городо-Кемскіихъ
Мало стало ставиться.
Тутъ былъ у него дядька, крестный батюшко;
Идетъ онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки,
Говоритъ ей таково слово,
Что силушка мужиковъ городо-Кемскіихъ поразбита,
И чтобъ она пріуняла своего сына Васильюшка.
Тутъ скочилъ онъ на башню колокольную,
Его дядька, крестный батюшко,
Тутъ сорвалъ онъ колоколъ девяноста пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ,
Языкомъ-то онъ подпирается,—
Обуховъ мостъ да нагибается;
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
« Какъ пурхалъ-то ясный соколъ да и дòпурхалъ:
« Ходилъ-то добрый молодецъ да и дòходилъ! »
Тутъ былъ Васильюшко быстеръ собой:
Подпалъ онъ плечкомъ правыимъ,—
Спихнулъ онъ дядьку подъ Обуховъ мостъ;
Вернулся потомъ Васильюшко подъ Обуховъ мостъ,—
Тамъ ужъ дядьки и живого нѣтъ:
Задавило-то его языкомъ колокольніимъ.
Повыхватилъ тутъ Васильюшко языкъ тотъ колокольній,
Онъ бьетъ-то дядьку промежду уши:
« Вотъ ти, вотъ ти яичко, крестный батюшко!
« Не дано тебѣ яичко о Христова-дни,—
« Такъ прими-тко яичко о Петрова-дни! »
Тутъ повыскочилъ Василій на Обуховъ мостъ
Съ языкомъ съ колокольніимъ,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
« Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,

« Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
« Тутъ-то и сабля острая, и палица военная! »
Пошелъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны языкомъ колокольніимъ помахивать:
А тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Махалъ Васильюшко, помахивалъ,
И побивалъ силу мужиковъ городо-Кемскіихъ.
Тутъ приходитъ къ Васильюшку родна матушка,
И пала къ нему на плечка на могучіи,
Сама говоритъ Василью таковы слова:
— Ай же ты, сынъ мой любезный!
— Укрѣпи свое сердечко ретивое,
— Уходи свои плечка могучіи! —
Тутъ говоритъ Василій родной матушкѣ:
« Спасибо тебѣ, матушка, что ты сзади пришла!
« А спереди пришла,—
« Тамъ же бы и ты была:
« Разгорѣлось сердечко ретивое,
« Расходились плечика могучіи,
« Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился. »
И тутъ беретъ Василья родна матушка за ручки за бѣлыя,
Ведетъ его во свои покои во любимые:
И стала тутъ Васильюшка кормить-поить,
Въ покояхъ хоронить и весело съ нимъ жить.

Записано 25 сентября 1861 г.

73.

КОСТРЮКЪ.

У грознаго царя Ивана Васильевича
Благовѣрная царица переставилась.
Захотѣлъ тутъ царь поженится
Во той землѣ во Крымскія, въ Жидовскія;

Скорыхъ пословъ туда посылалъ,
Молоду княгину къ себѣ приказалъ.
Тутъ заводили они свадебку, почестенъ пиръ,
Не на мало, не на много, на двѣнадцать денъ.
Всѣ были тутъ за столы посажены,
И всѣмъ были кушанья налажены,
Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ.
Сидитъ тутъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Не ѣсть, не пьетъ и не кушаетъ,
Нашихъ калачиковъ не рушаетъ.
Ретивое сердечко прикручинилось:
« Умеръ у меня батюшка,
« Умерла у меня матушка,
« Либо надъ королемъ незгода прилучилася.
« Съ маленька я потѣшивался,
« Съ малыма ребяткамы побарывался;
« Грозному-бъ царю донесли,
« Представилъ бы борцовъ, удалыхъ молодцовъ,
« Со мною, Кострюкомъ, потѣшиться:
« Можетъ бы, я и повеселяе былъ. »
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Прежній шуринъ Никита Романовичъ!
— Выдь-ка на крылечико на красное,
— Выкликай борцовъ, удалыхъ молодцевъ
— Супротивъ Кострюка Семрюковича.—
Тутъ-то Никита Романовичъ
Выходитъ на крылечико на красное,
Выкликаетъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ
Супротивъ Кострюка Семрюковича,
Крычитъ-то во всю голову,
Слышно во всей каменной Москвы.
Нѣтъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ:
Сколько-ни борцовъ пришли,
Всѣ они притуляются.
И сыскался Васенька маленькій
Изъ того пригородка изъ малаго,
Да еще Потанюшка хроменькій.

Говоритъ онъ таковы слова:
« Ай же ты, Никита Романовичъ!
« Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу,
« Чтобы вышелъ на крылечико на красное,
« Приказалъ бы намъ бороться, удалымъ молодцамъ
« Супротивъ Кострюка Семрюковича. »
И вышелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Они ему честь воздали,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
« Прикажи-тко съ нимъ поборотися,
« Руку-ногу ему ломить,
« Глазъ вонъ выворотить,
« Чтобъ съ насъ послѣ не взыскивать. »
— Дивья вамъ Господь пособилъ,
— Пособили чудотворцы Московскіе:
— Буду васъ поить-кормить
— И по цѣлой по тысячѣ пожалую.—
И подходятъ молодые стольники,
Говорятъ Кострюку Семрюковичу:
« Что же ты не ѣшь, не пьешь:
« Хлѣбъ-соль тебѣ на столѣ,
« Богъ у насъ на стѣны,
« А борцы-то у насъ на дворѣ,
« А чести съ тебя еще не выручили! »
Поскочитъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Похватилъ скобочку—скамеечку,
Убилъ пятнадцать князей-бояръ
Да полтридцать стольниковъ.
Которы живы остаются,
Всѣ на него проклинаются:
— На дворъ бы ти, Кострюкъ, живу идти,
— А со двора Кострюку живу не придти!—
Выходитъ онъ на крылечико,
Только увидѣлъ борцовъ, удалыхъ молодцевъ:
« Какъ положу одного на руку,
« А другого положу сверху руки,

«Такъ сдѣлаю блиномъ овсяныимъ!»
Стоитъ широкъ да великъ,
Широкъ-великъ да и рогозоватый,
Рогозоватый да и продолговатый...

(Не окончено.)

VII.

ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Боярщины, Кижской волости, бродячій крестьянскій портной, какъ говоритъ Рыбниковъ (Гильфердингъ называетъ его сапожникомъ).

При Рыбниковѣ ему было подъ 60 лѣтъ; былъ живъ еще въ 1886 г., когда его видѣли гг. Истоминъ и Дютшъ. Изъ старыхъ сказителей Олонецкихъ, пожалуй, единственный, отъ котораго столько разъ записывали собиратели: кромѣ Рыбникова и Гильфердинга отъ него девять былинъ записалъ М. Гурьевъ [1]) и наконецъ одну былину записалъ г. Ѳ. Истоминъ въ 1886 г. [2]). Наконецъ онъ пѣлъ не разъ въ Петербургѣ, былъ въ Москвѣ. Репертуаръ Щеголенка довольно значителенъ по количеству сюжетовъ, но качества его былинъ невысоки: Рыбниковъ упоминаетъ, что не напечаталъ многихъ его варіантовъ, потому что они «не представляли ничего интереснаго»; Гильфердингъ отмѣтилъ у него слабое соблюденіе размѣра при пѣніи и склонность «соединять въ одну былину разнородные предметы». Дѣйствительно, онъ страшно путаетъ имена и сливаетъ вмѣстѣ два-три сюжета; однако мы не думаемъ, чтобы можно было только строгой разборчивостью Рыбникова объяснить поразительно малое количество матеріала, взятаго имъ отъ

---

[1]) Изданы въ «Памятникахъ народн. творчества Олонецкой губ.» г. Барсова. Спб., 1873 г., четыре изъ нихъ перепечатаны въ «Былинахъ старой и новой записи» Тихонравова и Миллера. При сличеніи указываемъ послѣдній сборникъ.

[2]) Въ «Пѣсни русск. народа» она не вошла, хотя въ предисловіи упоминается о записи; очевидно, именно ее г. Истоминъ и отдалъ для сборника Тихонравова и Миллера, гдѣ она стоитъ подъ № 60.

Щеголенка, (всего 4 №); вѣроятно, условія ихъ встрѣчи были мало благопріятны. Вышеуказанными собирателями записано отъ Щеголенка 15 сюжетовъ. Изъ Рыбниковскихъ записей совпадаютъ съ Гильфердинговскими двѣ, остальныя двѣ находимъ въ Сборн. Тихонравова и Миллера.

74.

ИЛЬЯ, ЕРМАКЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(Гильферд. № 121. Тихонрав. и Миллеръ № 10.)

Какъ съѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этымъ ко Татарамъ ко поганыимъ,
Битися и ратитися,
Тутъ выѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ
Во этотъ во широкій дубъ,
Посмотрѣлъ-то на этое на поле на чистое,
Во этую трубку во подзорную,
На этыихъ Татаръ на поганыихъ:
А младой Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна колыбается,
Такъ рубитъ онъ Татаръ поганыихъ.
И проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же вы, русскіе могучіе богатыри!
« Есть у Калина, у Татарина поганаго
« Нагнано силы великія:
« Сѣрому волку въ день не оскакать,
« И черному ворону въ день не облетѣть. »
Оны поѣхали всѣ русскіе могучіе богатыри
На этое на поле на чистое,
Рубить-то Татаръ поганыихъ,
И прирубили всѣхъ Татаръ поганыихъ.
И подумаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Если бы была вся сила небесная,
« Прирубили бы и всю силу небесную! »
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:

Разрубятъ татарина единаго,—
Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ Татарина два,
Сдѣлается четыре Татарина;
Умножилося силы—войска поганаго
Во этоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:
И закаменѣвши конь его богатырскій
На этомъ полѣ на чистоемъ [1]).

75.

СТАВЕРЪ.

(Тихонр. и Миллеръ № 58.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Заводился пированьице—почестенъ пиръ
На многихъ [2]) князей, на бояръ,
На русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Онъ хвастаетъ [3]) городомъ Кіевомъ;
Русскіе могучіе богатыри,
Тыи ль паленицы удалыя хвастали силою,
Силушкой своей богатырскою;

---

[1]) Въ исторіи Р. Словесности С. П. Шевыревъ приводитъ такое же разнорѣчіе.—*Б.*

[2]) Разнорѣчіе: «на всѣхъ.» (Очевидно, всѣ разнорѣчія отъ того же пѣвца при повтореніи.—*Ред.*)

[3]) «Похвастаетъ.»

Гости-купцы торговые,
Хвастали оны товарамы заморскима,
Куницамы, лисицамы Сибирскима [1]);
Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ;
Умный хвасталъ отцомъ-матерью,
Безумный похвасталъ молодой женой,
И всѣ-то на пиру добра молодца безчестили [2]);
Олешенька Поповичъ похвасталъ золотой казной,
Золотой казной безсчетноей:
« Есть-то у Олешеньки золота казна—не то̀щится,
« Малы денежки не держатся. »
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Сидитъ-то онъ—ни чимъ не хвастаетъ.
Говорилъ [3]) Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что̀ же ты сидишь, Ставеръ, нѐ веселъ?
— Али не чи̅мъ тебѣ, молодцу, похвастати [4])?—
Говорилъ Ставеръ таковы слова:
« Солнышко Вадиміръ стольно-Кіевскій!
« Есть у Ставра чи̅мъ похвастати:
« Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
« Тридцать молодцевъ—чеботныхъ мастеровъ,—
« Оны шьютъ сапожки съ нова на̀ ново;
« Которы сапоги я день держу,
« День держу, я другой проношу,
« Снесу-то я сапожки на рыночекъ,
« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
« И возьму-то за нихъ цѣну полную.
« Още есть у Ставра чи̅мъ похвастати:
« Есть у Ставра тридцать молодцевъ,
« Тридцать молодцевъ—портныхъ мастеровъ,—
« Оны шьютъ-то кафтанцы съ нова на̀ ново;
« Который кафтанчикъ я день держу,

---

1) Прибавлено: «чернымъ соболемъ заморскіимъ.»
2) « Ты не хвастай-ка, добрый молодецъ, молодой женой. »
3) « Проговоритъ. »
4) « Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
« Что же ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь? »

« День держу, я другой проношу [1]),
« Снесу эти кафтанцы на рыночекъ,
« Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
« И возьму за нихъ цѣну полную.
« Още есть у Ставра чи̅мъ похвастати:
« Была кобылица златогривица [2]),
« Дано-то за кобылицу пятьсотъ рублей,
« Носитъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
« Которы жеребчики получше,
« На тыхъ самъ ѣзжу;
« Которы жеребчики похуже,
« Сгоню на рыночекъ,
« Князьямъ-баярамъ повыпродамъ
« И возьму за нихъ цѣну полную.
« Оттого-то у Ставра золота казна не тощится,
« Не тощится, малы денежки не держатся.
« Още есть чи̅мъ у Ставра похвастати:
« Добры молодцы на дворѣ не старятся;
« Отъ того добры молодцы не старятся,
« Что день придетъ, молодецъ со двора долой,
« А два да три—на дворъ домой.
« Още есть чи̅мъ у Ставра похвастати:
« Есть у Ставра молода жена,
« Молода жена Василиса [3]) Микулична,—
« Во лбѣ-то у ней свѣтелъ [4]) мѣсяцъ,
« На головѣ волосы—звѣзды частыя,
« Брови у ней черна соболя,
« Очи у ней ясна сокола;
« Князей-бояръ съ ума повыведетъ,
« А Владиміра-то вонъ выведетъ [5]). »
Это слово Владиміру князю не казалося [6]):

---

1) « Прохожу. »
2) Повторяя эту былину, пѣвецъ называлъ кобылицу «златошерстною.»
3) « Василиста. »
4) « Младъ-свѣтелъ. »
5) « Повыведетъ. »
6) « Это слово князю не показалося. »

Приказалъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ [1])
Засадить-то Ставра во эти погреба глубокіе
Не на много, не на мало, ровно на тридцать лѣтъ.
И написалъ-то младъ Ставеръ Годиновичъ
На свою родимую сторонушку
Ко молодой жены къ Василисы Микуличной,
Написалъ скорописчату грамотку:
« Ай же, молода жена Василиса Микулична!
« Засажо̆нъ я у князя у Владиміра
« Не на много не на мало, ровно на тридцать лѣтъ,
« Во этыи во погреба въ глубокіе. »
Обрубила Василиса волоса по казачьему,
Сѣдлала она коня богатырскаго [2]),
Она ѣхала ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли князю ко Владиміру.
Она заходитъ во покои бѣлодубовы,
Крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется.
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
Проговоритъ онъ таково слово:
Ай же ты, посолъ земли Гленскія!
— Садись-ка ты на дубовый стулъ
— И поотдохни съ широкія дороженьки [3]).—
Онъ проговоритъ, посолъ земли Гленскія:
« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
« Не за то [4]) посла скора жалуютъ.
Я пріѣхалъ, посолъ земли Гленскія,
« Посватать-то твою любимую племницу,
« Племницу любимую себѣ, послу, въ супружество. »
Проговоритъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій:

---

[1]) Прибавлено: « приказалъ-то своимъ слугамъ подданнымъ. »
[2]) « Она сѣла на добра коня богатырскаго. »
[3]) « Садись-ка ты съ широкой дороженьки за дубовый столъ.
[4]) « За дубовый столъ садись и поотдохни. »
« И за то. »

— А спрошу я у племницы любимыя,
— Идетъ ли она [1]) за тебя, посла земли Гленскія.—
Онъ приходитъ въ покои бѣлодубовы:
— Ай же ты, моя любимая племница!
— А пріѣхалъ посолъ земли Гленскія,
— Посватать те за себя, посла, въ супружество.—
Говорила она таковы слова:
« Ты дядюшка, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Не давай-ка ты дѣвицы за женщину:
« Походочка-то у ней частенькая,
« Поговорочка у ней частенькая,
« На рукахъ-то знать, гдѣ были жуковины [2]). »
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Ай же ты, моя племница любимая!
— Испытаемъ мы посла земли Гленскія
— И не отдадимъ дѣвицы за женщину:
— Истопимъ ему съ дороги парную-теплую баянку. —
И вытопили слуги вѣрные
Парную-теплую баянку;
Говорили слуги послу земли Гленскія:
« Ай же ты, посолъ земли Гленскія!
« Ступай-ка съ дороги въ парную-теплую баянку. »
Онъ пошелъ-то, посолъ земли Гленскія,
Во этую во теплую-парную баянку,
И скоро мылся, скоро парился
Во парной-теплой во баянкѣ [3]).
Проговорятъ слуги-то вѣрные:
« Что же ты, посолъ земли Гленскія,
« Скоро мылся, скоро парился
« Во этой во теплой-парной баянкѣ? »
Говорилъ посолъ таково слово:
« Недосугъ послу долго мыться-париться. »
Проговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Испытаемъ мы посла земли Гленскія

---

[1]) « Въ супружество. »

[2]) « На рукахъ-то, гдѣ были жуковины, мѣсто знать. »

[3]) Прибавлено: « и шелъ въ срѣту слугамъ вѣрнымъ. »

— И не выдадимъ дѣвицы за женщину;
— Положимъ во покои бѣлодубовы
— На эту на перину на пуховую:
— Если мужчина спитъ, подъ плечамы яма,
— Если женщина спитъ, подъ ж.... яма.—
Повалился посолъ на перину на пуховую,
Головой-то на круто-складно зголовьице;
Середи-то ночи темныя
Поворотился ногамы на зголовьице.
Какъ прошла этая ночь темная,
Проговоритъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные,
— Ай же вы, слуги мои [1]) подданны!
— Если посолъ женщина, на перинѣ [2]) яма,
— Если посолъ мужчина, на подушкѣ яма.—
И тутъ не могли испытать посла земли Гленскiя.
Проговоритъ эта племница любимая:
« Ай же ты, дяденька [3]) мой родненькiй,
« Солнышко Владимiръ стольно-Кiевскiй!
« Испытаемъ посла земли Гленскiя:
« Мы выѣдемъ во поле во чистое,
« Поставимъ мы колечико серебряно;
« Противу колечика серебряна
« Положимъ мы ножичекъ булатнiй
« И станемъ стрѣлять стрѣлочки каленыя
« Изъ этого изъ лука изъ тугаго
« Противу колечика серебряна
« По тому по ножичку булатнему.
« Пусть [4]) стрѣлитъ посолъ земли Гленскiя
« Изъ туга лука калену стрѣлу
« Во это во серебряно колечико
« По этому по ножичку булатнему

---

[1]) « Служиночки. »
[2]) « На постели. »
[3]) « Дядюшка. »
[4]) « Если. »—Т.-е. стрѣлитъ ли.—*Б.*

« И разрубитъ эту стрѣлочку на полы [1]),
« Ростомъ одна половина не больше
« И вѣсомъ другой не тяжельше. »
И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія:
Онъ стрѣлилъ изъ туга лука калену стрѣлу
Скрозь колечико серебряно по ножичку булатнему,
Разрубилъ-то стрѣлочку на полы [2]),—
Ростомъ одна половина не больше
И вѣсомъ другой не тяжельше.
Испроговоритъ посолъ земли Гленскія:
« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Засажонъ у тебя странникъ [3]) во погреба глубокіе
« Не на много, не на мало,—на тридцать лѣтъ:
« Отпусти-тко странника на волю вольную [4])? »
. . . .

Здѣсь пѣвецъ остановился и досказалъ содержаніе былины своими словами: Владиміръ не согласился было выпустить Ставра, но когда Василиса одолѣла въ рукопашномъ бою всѣхъ Кіевскихъ богатырей, Ставра вывели изъ глубокаго погреба и передали женѣ.

---

1) « На половиночки. »

2) « Выходили во поле во чистое,
Поставили кольцо серебряное,
Противу кольца серебряна
Положили ножичекъ булатний.
Онъ стрѣлилъ стрѣлочку каленую
Изъ этого изъ лука тугаго
Во это серебряно колечико
И въ этотъ ножичекъ булатний,
И разрубилъ стрѣлочку на половиночки. »

3) Иноземецъ, со стороны.—*Б.*

4) Послѣ словъ—« и вѣсомъ другой не тяжельше »:

И тутъ не могли испытать посла земли Гленскія.
И проговоритъ солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
— Поди-тко за этого посла въ супружество.—
Говоритъ посолъ земли Гленскія:
« Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Выпусти ты всѣхъ странниковъ
« Со тыихъ со погребовъ глубокіихъ,
« И не надо мнѣ дѣвицы за женщины! »

76.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(Тихонрав. и Миллеръ № 60.)

Жилъ-былъ молодецъ единешенекъ,
Охвочъ-то былъ молодецъ
Гулять-загуливать,
Долгіе вечеры прохаживать,
Темныя ноченьки проѣзживать
И по зеленымъ по затресьямъ погуливать:
Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ онъ сѣроплавныихъ утушекъ [1]).
Женилъ добра молодца батюшка неволею,
Неволею женилъ, неохотою:
Приданаго много, человѣкъ худой;
Приданое большое на грядкѣ виситъ,
Худая жена на кроваткѣ лежитъ;
Куды пошлешь, все жену не дождешься [2]);
И отвѣтъ-то подастъ,—
Въ стѣну головой отдастъ,
И по мосту [3]) покатишься,
За порогъ-то рукамы захватишься;
« Дунай, Дунай, Дунай: »—на столъ сбирай,
И любимая пѣсня: « Ѣсть хочется. »
И вечоръ я, добренькій молодецъ, не ужиналъ,
И утромъ всталъ,—не позавтракалъ,
Схватился обѣдать,—хлѣба нѣтъ.
И пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву,
Нанялся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
И первый годъ жилъ во конюхахъ:
И вина-то горькаго молодецъ не пиивалъ [4]),

Разнорѣчія:

[1]) Удалыхъ-добрыхъ селезневъ.

[2]) И дождешься,—не доспросишься.

[3]) По полу.

[4]) Не пивывалъ.

Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
И другой годъ жилъ во поварахъ:
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
И третій годъ жилъ во ключникахъ:
И вина-то горькаго молодецъ не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король Литовскій много жаловалъ.
Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою,
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлой груди.
И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Стосковалося Василью Буслаевичу
По той ему по худой жены;
И пошелъ онъ, молодецъ, отъ дочери королевскія,
Ото этого короля Литовскаго,
И зашелъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ чару зелена вина
И другую выпилъ чару похмельную:
И похвасталъ [1]) ей, красною дѣвушкой.
Услыхали то слуги вѣрные [2]),
Связали-то ему ручки бѣлыя,
Сковали-то ему ножки рѣзвыя,
Завѣсили ему очи ясныя,
Повели-то добра молодца
На поле на чистое,

---

[1]) Похваляется.
[2]) «Ты не хвастай, добрый молодецъ,
«Этою дочерью королевскою.»

На ту на плаху бѣлодубову [1]),
Отрубить ему буйна голова
И придать-то ему смерть напрасная,
Вынуть ему сердце со печенью.
Испроговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Василій Буслаевичъ:
« Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные! [2])
« Вы ведите меня мимо королевнинъ домъ,
« Послѣдне [3]) мнѣ-ка съ ней проститися,
« Послѣдне мнѣ-ка съ ней разставатися. »
Повели удала молодца мимо королевнинъ домъ,
Становили противу окòнъ косявчетыхъ.
Говорилъ Василій таковы слова:
« Ты прощай-ка, дочь королевская!
« Меня, добра молодца, Василья Буслаевича,
« Повели слуги вѣрные на поле на чистое,
« На тую на плаху бѣлодубову,
« Отрубить мнѣ-ка буйна голова
« И придать мнѣ-ка смерть напрасная.
« Вынимать-то сердце со печенью [4]).
Говорила дочь королевская:
— Ай же, королевскіе слуги вѣрные!
— Вы возьмите съ меня денежекъ пятьсотъ рублей,
— Отпустите удала-добра молодца [5])
— На волю на вольную,
— Откройте ему очи ясныя,
— Развяжите ему ручки бѣлыя
— И раскуйте ему ножки рѣзвыя.—
Она взяла, дочь королевская,
Этого удала-добра молодца

---

[1]) На дубовую.
[2]) Слуги вѣрные короля Литовскаго.
[3]) Послѣдній.
[4]) За симъ:

Увидала дочь королевская
Этого удала-добра молодца.

[5]) Вы спустите молодца.

Во этые покои бѣлодубовы,
На словахъ ему выговаривала:
— Ты удаленькій-добрый молодецъ!
— Не зайди-тко ты больше на царевъ кабакъ,
— Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,
— Не выпей-ка другой похмельныя
— И не похвастай мной, красной дѣвушкой! —
И пошелъ молодецъ отъ короля съ Литвы,
И шелъ-то путемъ широкою дороженькой.
И пришло тутъ три розстани,
Три розстани пришло любимыихъ:
Первая розстань къ отцу-матери,
Другая розстань къ роду-племени,
Третья розстань къ молодой худой жены.
И раздумался удалый-добрый молодецъ:
« А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери,—
« Отца-матери живыхъ не застать;
« Пойти добру молодцу къ роду-племени,—
« Роду-племени меня не спознать;
« Пойду-ка я къ молодой худой жены!»
И шелъ добрый молодецъ, Василій Буслаевичъ,
Широкимъ путемъ-дороженькой,
Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И пришелъ молодецъ въ свою сторону.
И на улицы два вьюнчика свиваются [1]),
И стоитъ-то палата богатырская.
И спросилъ Василій Буслаевичъ:
« Вы чьи, два вьюнчика малые,
« Чьего вы роду-племени,
« Гдѣ у васъ рòдный батюшка? »
Отвѣчали два вьюнчика малые:
— Ай же ты, нашъ рòдный дядюшка!
— Нѣтъ у насъ роднаго батюшки [2]).

[1]) «Вьюнчикъ, вьюношъ»,—юношъ или юноша (съ придыханіемъ *в*): такъ какъ, посредствомъ приставки *в*, привился здѣсь корень *вить*, то народъ воспользовался образомъ вьюна, свиванья, гибкости, дѣтской игры.—*Б.*

[2]) Тятеньки.

— Есть у насъ одна родна маменька;
— Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву.—
Отвѣчалъ же Василій Буслаевичъ:
« Ай же вы, два вьюнчика малые!
« Подите—скажите-тко родной матушкѣ [1]):
« Пришелъ-то вашъ рóдный батюшка [2])».
Она вышла, молода худà жена [3]),
Увидѣла добра молодца Василья Буслаевича:
Стоитъ-то на широкой на улицы;
Опустилася по ступенямъ по крутыимъ,
Захватила удала-добра молодца
За этыя за рученьки за бѣлыя,
За этые за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Сама говорила таковы слова:
— Находился, нагулялся удалый-добрый молодецъ! — [4])
Тутъ оны стали жить да быть,
Жить да быть, долго здравствовать.

77.

ПТИЦЫ.

(Гильферд. № 130.)

Отчего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего, братцы, становилась весна красна?

---

[1]) Маменькѣ.
[2]) За симъ:

Они шли—сказали родной матушкѣ:
« Пришелъ-то нашъ родный батюшка! »

[3]) Молода жена несчастная.
[4]) За симъ:

Проводила эта жена несчастная
Въ этые покои бѣлодубовы,
Сама радостью наполнилась.

Весна красна становилась отъ зимы холодной.
Отчего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего, братцы, становилась осень богата?
Осень богата становилась отъ лѣта отъ тепла.
Покладутъ крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо,
Хорошо, и прохладно, и весело.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояре живутъ по мѣстамъ [1]),
Мелкіе судьи живутъ по деревнямъ,
Попы-дьяки живутъ по погостамъ,
Мелкіе люди живутъ по подворьямъ.
Про то бы, братцы, было вѣсто [2]):
Старой бабы на печи было мѣсто,
Лежала бы она—не ворчала,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
Стары старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужьямы по чуланамъ.
Красны дѣвицы спятъ по ошёсткамъ,
Малые ребята спятъ по зенькамъ [3]).
Прилетала малая птичка-пташка
Изъ заморья, изъ тихаго лукоморья,
И спрашивала у русскихъ птицъ:
« Каково вамъ жить на Руси? »
Отвѣчали русскія птицы:
— Хорошо намъ жить на Руси:
— Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
— Всѣ птицы у насъ при работѣ,
— И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
. . . .
— Пѣтухи поютъ по сараямъ,
— Курицы гогочутъ по [фатерамъ]. —

[1]) Сравни: «помѣстье».
[2]) Вѣдомо.
[3]) Зенька—люлька, колыбель.

Налетали Воробьи птицы,
Садились оны по коламъ,
Садились оны по изгородамъ,
Садились оны по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ,
Садились оны вдоль зеленой дубравы.

. . . .

Живутъ оны [1]) въ домахъ по рагузамъ.
Губанъ птица на морѣ плотникъ.
Зуй [2]) птица на морѣ поваръ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по полушкѣ [3]),
Со вдовы, съ сироты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ бояра.
Гусь на морѣ морской ходатай.
Ластушки косатыя на морѣ красны дѣвушки.
Тетерка на морѣ молодая жонка.
Утка на морѣ, она—сѣроплавка.
Селезень на морѣ—удалый-добрый молодецъ.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Ветлюкъ [4]) на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то онъ курносый.
Чайка на морѣ, она попадейка.
Галки на морѣ, оны погощаны,
Гагара на морѣ, изъ озера въ озеро она летаетъ,
Побѣднымъ голосомъ рыдаетъ,
Много рыбы добываетъ:
На тую рыбу вѣкъ призоръ не бываетъ [5]).

---

[1]) Воробьи.

[2]) Зуемъ называется также мальчикъ, приготовляющій кушанья для промышленниковъ.

[3]) Разнорѣчіе: «по куренку.»

[4]) Родъ кулика.

[5]) Ее сглазить нельзя.

Сойка [1]) на морѣ, она верещага.
На морѣ зять Дегтярь [2]),
На морѣ теща Загожка [3]):
У зятя ноги коротки,
У тещи пороги высоки.
Канюкъ [4]) на морѣ хлопотникъ.
Волкъ на морѣ овчинникъ.
Медвѣдь на морѣ кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ,
На ногахъ котовъ не видаетъ.
Лисица на морѣ—молода молодица:
Много винъ сдѣлаетъ
И про себя вины не скажетъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлаетъ
И рѣпки не пашетъ,
И вовѣки сытымъ пребываетъ,
И все крестьянина разоряетъ.
Охъ тошненько, охъ тяжеленько,—
Кошки на морѣ вдовицы,
И то бобыли-сироты,
И день оны по печамъ,
И день оны по ошёсткамъ,
И ночь переходятъ по молочнымъ крынкамъ.
Сорока на морѣ—кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ она прибираетъ.
И Курица на морѣ побѣдна [5]) птица:
И кто ню во дворѣ поймаетъ,
И всякій перстомъ дыры покопаетъ,
Оттуль яйцо добываетъ,
И зятю-свѣту запасаетъ:

---

[1]) Лѣсная сорока.

[2]) Дятелъ.

[3]) Кукушка.

[4]) Родъ ястребовъ, заноетъ передъ дождемъ: „вотъ, дескать, уже пить проситъ“.

[5]) Бѣдная, несчастная.—*Б.*

Отъ того теща и честь залучаетъ.
Вороница на морѣ бабка пупорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное;
Будетъ весна, будетъ она по задворкамъ летать,
Русскимъ птицамъ голосъ подавать.
Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали
И горячихъ вѣкъ не видали.
И мы, братцы, про то не знали и не вѣдали,
Что знали, то и сказали.

VIII.

КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (у Рыбникова «Петръ Ивановъ», хотя въ примѣчаніи оговорено: «Петръ или Семенъ, не упомню хорошенько»; Гильфердингъ опредѣленно называетъ его Семеномъ), крестьянинъ Кижской волости, дер. Курьяницы (у Рыбникова «Курганицъ»), слѣпой съ 13-лѣтняго возраста. Рыбниковъ нашелъ «очень интересными» его былины, но повидимому самъ не могъ ихъ записать; онъ пишетъ: «къ сожалѣнію усталость съ дороги заставила меня замѣниться грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который наобѣщалъ Леонтію списать все, а прислалъ только три отрывка и былины о Сокольникѣ и о Васильѣ Игнатовичѣ [1]). Такимъ образомъ ясно, что весь репертуаръ Корнилова, вошедшій въ собраніе Рыбникова, былъ присланъ послѣднему въ чужой записи; на двухъ большихъ былинахъ въ концѣ такъ и стоитъ: «Записано по порученію соби-

---

[1]) Подъ „отрывками" Рыбниковъ разумѣетъ Микулу, Настасью Микуличну и еще очень незначительные варіанты къ былинѣ „Птицы", пѣтой крест. Рѣзинымъ. См. ниже.

рателя». На этомъ основаніи отвергаемъ помѣтку «Перечня» при II томѣ, гдѣ Корниловскія былины вошли въ число записанныхъ лично Рыбниковымъ.

Заглазность сказалась, можетъ быть, въ неполнотѣ присланнаго репертуара: Гильфердингъ записалъ отъ Корнилова двѣ былины лишнихъ (Дюка и Молодца и худую жену), но самая запись повидимому была сдѣлана довольно внимательно, ибо Микула и Настасья занимаютъ приблизительно одинаковое число стиховъ въ обоихъ сборникахъ, а двѣ остальныя былины у Рыбникова значительно полнѣе (одна на 100 стиховъ, другая на 25), такъ что на нихъ можно прослѣдить процессъ забыванія былины у пѣвца. Впрочемъ за то стихъ у Гильфердинга сохраненъ въ болѣе чистомъ видѣ, тогда какъ въ нашемъ сборникѣ онъ мѣстами сбивается на пѣсню, даже на куплетъ съ рифмами (№ 80).

78.

МИКУЛА.

(Гильферд. № 113.)

Оратай-то оретъ, да посвистываетъ,
У оратаго сошка поскрыпливаетъ:
У оратаго сошка красна дерева,
А омѣшики серебреные,
А присошачекъ красна золота;
У оратаго сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ:
Шиломъ пяты, носы востры,
По̀дъ пяту-пяту воробей пролетитъ,
Около но́са-носа̀ яицо прокатить;
Кудри у молодца качаются,—
Не скаченъ жемчугъ разсыпается;
Бровы чернаго соболи,
Глаза ясь-яснаго сокола.

79.

НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА.

(Гильферд. № 113.)

Было-то у молодца похожено,
Было-то у добраго поѣзждано—
На томъ-то на Соколѣ на батюшкй
На болшоемъ на кòрабли—
Носъ, корма по звѣриному,
Бока-ты были по змѣиному;
На томъ-то на Соколй на батюшкй
На болшоемъ на кòраблй
Снасти-канаты были шелковые,
Паруса были полотняные,
[Флюгара] были дорогой камки,
Якори были булатніи,
Булата-желѣза заморскаго;
У того у Сокола у батюшки
У болшагò кòрабля
Вмѣсто глазъ было вставливано
По славному по каменю по яхонту,
Вмѣсто брòвъ было вдергивано
По черныя лисичи по заморскія.
На томъ-то на Соколѣ на батюшкѣ
На болшоемъ на кораблй
Ѣздилъ удалой-доброй молодецъ,
Поленица удалая,—
Ж..ка крýтенка по женскому,
Походочка частенка по женскому,
Поговорочка гладенка по женскому:
Быть ли не быть—Настасьи Микуличной!

80.

ИЛЬЯ И СОКОЛЬНИКЪ.

(Гильферд. № 114.)

Ко тому ко стольному ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владымеру,
На той ли на дорогѣ на широкія,
Была застава великая,
Крѣпость была крѣпкая,
Семь было богатырей,
Поленицъ было удалыихъ:
Въ первыхъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ,
Второй Добрынюшка Никитьевичъ,
Третій былъ Алёшенька Поповичъ,
Четвертый Чурилушка Щепленковичъ,
Пятый былъ Михайло Долгомеровичъ [1]),
Шестой и семой два брата Агрикановы.
Эта застава великая,
Крѣпость была крѣпкая:
Ни конный не проѣзживалъ,
Ни пѣшъ не прохаживалъ,
Ни звѣрь не прорыскивалъ,
Ни птица не пролетывала;
А хоть птица полетитъ,
Да и та перо сронитъ.
Тутъ по вечеру позднешенько
Проѣхалъ тутъ молоденькій Сокольничекъ:
Онъ на заставы не спрашивалъ,
А по чистому-то полю разгуливалъ.
Какъ по утру ранёшенько
Выходитъ прокладиться на бѣлой дворъ
Нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:
И видитъ ископыть лошадиную,

[1]) Это *Михайло* Потыкъ, потомъ Василій *Долгополый* Казимеровичъ, изъ котораго сдѣланъ *Долгомеровичъ*.—*Б.*

Поѣздку богатырскую.
И приходитъ тутъ Илья во бѣлъ шатеръ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Братцы вы товарищи,
« Сильныи-могучіи богатыри!
« Чтò наша за застаа,
« Чтò за крѣпость наша крѣпкая?
« Теперь я видѣлъ лошадиный скокъ
« И поѣздку богатырскую;
« Снаряжайтесь-ко, дружья
« Въ чисто поле погулять,
« Тамъ невѣжи поискать. »
Ѣхать ли не ѣхать,—До брынюшкѣ Никитичу! —
Сѣдлаетъ онъ себѣ коня богатырскаго
И беретъ онъ саблю острую,
И садится на коня добраго:
Видли молодца сядучи,
Да не видли поѣдучи,
Только видятъ: въ чистомъ полѣ куделба[1]) стоитъ.
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка
На молодого Сокольничка;
Какъ увидѣлъ тутъ молодой Сокольничекъ
Добрынюшку Никитича,
Крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
У Добрынюшки конь споткнулся,
И палъ тутъ Добрыня о сыру землю,
И лежалъ тутъ Добрыня ровно три часу.
И ставаетъ тутъ Добрыня
Отъ сырой земли будто сонныій,
А садился на коня будто пьяныій,
И поѣхалъ онъ ко бѣлу шатру,—
Ѣдетъ—самъ качается.
Видли молодца поѣдучи веселаго,
А пріѣдучи печальнаго.
И спроситъ нашъ Донской казакъ Илья Муромецъ:

---

[1]) То же, что „курева“, пыль, завитая столбомъ. *Б.*

« Что Добрынюшка не веселъ,
« Что головушку повѣсилъ?
« Ужъ ты въ полѣ погулялъ,
« Знать, невѣжу повидалъ! »
Снаряжался тутъ нашъ Донской казакъ,
Донской казакъ Илья Муромецъ,
Выбиралъ коня себѣ по разуму,
Кладывалъ сѣделушко Черкасское,
Бралъ себѣ онъ саблю острую
И копье долгомѣрное, и мечъ булатныій.
И садится тутъ онъ на добра коня,
Въ стремена ногою не ступаючи.
Видли молодца сядучи,
А не видли добраго поѣдучи:
Только видятъ: во чистомъ полѣ куделба стоитъ.
И ѣздилъ тутъ Илья по чисту полю,
Искалъ себѣ сопротивника,
И увидѣлъ Илья молодого Сокольника,
И крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
« Что ты за невѣжа проѣхалъ,
« Мимо заставу,—не спрашиалъ,
« Вѣрно есть у тебя сила непомѣрная,
« И ухватка богатырская? »
И не два ясныхъ сокола по полю летаютъ,
А два сильныхъ-могучихъ богатыря разъѣзжаютъ,
И другъ на друга какъ стрѣлой летятъ.
Мечъ съ мечомъ да ударяются,
А мечи въ мелкія части разсыпаются;
Другой разъ да разъѣзжаются,
У нихъ копья пригибаются;
Третій разъ да разъѣзжаются,
И сабли въ сабли ударяются,
У нихъ сабли-ты ломаются.
И тутъ сходили со добрыхъ коней,
И схватилися беремечкомъ.
Часа три другъ съ другомъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернулася,

Лѣва ручка отмахнулася,
Палъ Илья о сыру землю.
И садился тутъ Сокольникъ на бѣлы груди,
И вынималъ онъ ножище-то кинжалище,
И хочетъ пластать онъ бѣлы груди,
Самъ онъ надъ Ильею надсмѣхается:
— Ужъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Не тебѣ бы ѣздить во чистомъ поли̅, на добромъ кони̅:
— Жилъ бы ты близъ города Кіева въ деревни̅
— И пасъ бы гусей, лебедей и пернастыихъ утушекъ!—
Тутъ-то у Ильи богатырское сердце разгорѣлося,
Ударилъ Илья Сокольника кулакомъ во бѣлы груди,
И подынулъ его выше лѣса стоячаго,
Пониже облаки ходячіи:
И палъ-то Сокольникъ въ дребъ [1]) о сыру землю,
И лежитъ—гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна голова.
Тутъ ставалъ-то Илья отъ сырой земли,
Садился Илья на добра коня
И поѣхалъ тутъ Илья ко бѣлу шатру.
Такъ и думаетъ Илья, что Сокольнику смерть пришла.
И подъѣзжаетъ Илья ко бѣлу шатру,
И бьетъ челомъ о сыру землю.
Онъ сходилъ-то со добра коня,
Идетъ-то онъ да вѣдь во бѣлъ шатеръ,
И садились за столы-ты за дубовые,
Ѣли-пили, веселилися,
А послѣ спать повалилися.
А тамъ Сокольникъ какъ отъ сна пробуждается,
Садится онъ на добра коня,
И поѣхалъ онъ со чиста поля,
Сидитъ въ сѣдлѣ онъ—качается.
И пріѣхалъ онъ ко своему ко терему высокому,
И увидѣла его матушка,
Семи-горка баба Владымерка [2]),

---

[1]) Топкое мѣсто съ порослями; но здѣсь могъ быть изстари другой смыслъ— въ дробь, въ розсыпь. *Б.*

[2]) Латыгорка, Латымірка. *Б.*

И говоритъ таково слово:
« Ахъ ты молодой Сокольничекъ!
« Поѣхалъ ты—какъ стрѣла летитъ,
« А пріѣхалъ будто пьяныій,
« Въ сѣдлѣ сидишь ты—шатаешься! »
И возговоритъ молоденькой Сокольничекъ:
— Ѣздилъ я во чистомъ поли̅,
— И ѣздилъ я на добромъ кони̅,
— И наѣхалъ я на старую собаку, на сѣдатаго пса.
— Первой разъ мы съѣзжалися,
— И мечъ съ мечомъ ударялися,
— Мечи въ мелки части раскрошилися;
— Другой разъ мы съѣзжалися,
— И копья пригибалися;
— Третій разъ разъѣзжалися,
— У насъ сабли приломалися.
— Мы сходили со добрыхъ коней,
— И схватилися беремечкомъ,
— И водились ровно три часу:
— И права ножка у него свернулася,
— Лѣва ручка отмахнулася,
— И палъ-то онъ о сыру землю.
— Сѣлъ я на бѣлы груди
— И вынялъ я ножище-то кинжалище,
— И сталъ я надъ собакой надсмѣхатися:
— Его сердце разгорѣлося,
— И ударилъ онъ меня во бѣлы груди,
— И поднялъ онъ меня выше лѣсу стоячаго,
— Пониже облаки ходячіи;
— Палъ я о сыру землю
— И лежалъ я ровно три часу,
— И не зналъ, гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна голова. —
И говоритъ-то ему матушка таково слово:
« Это есть не старая собака, не сѣдатый песъ,
« А это есть нашъ Донской казакъ
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ. »
Тутъ у Сокольничка сердце разгорѣлося,

И схватилъ-то онъ ножище-кинжалище,
Садился на добра коня,
И поѣхалъ онъ ко бѣлу шатру;
Становилъ коня ко пшеницы бѣлояровой;
Входитъ онъ во бѣлъ шатеръ,
Всѣ богатыри спятъ крѣпкимъ сномъ.
И увидѣлъ онъ Илью,
И схватилъ-то онъ ножище-то кинжалище,
И ударилъ онъ Илью во бѣлы груди
Противъ сердца ретиваго:
И попало ножомъ-то во золотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна пробуждается,
Богатырское сердце разгорается,
И схватилъ-то онъ Сокольника за ноги,
И ударилъ онъ его о сыру землю,—
Тутъ-то ему и смерть пришла.
Выходитъ Илья со бѣла шатра,
И ступилъ Илья Сокольнику на ногу,
Рукой хватилъ за другую,
И половину кинулъ матери на погребеніе,
А другую собакамъ на съѣденіе.
Выходили тутъ богатыри со бѣла шатра,
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣхали они во чисто поле:
Тутъ они распростилися
И тутъ поѣхали всякъ своей дорогой.
А Илья Муромецъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ужъ ты солнушко, Владимеръ князь, стольно-Кіевскій!
« Ты прими меня во служеніе,
« Граду Кіеву на стереженіе.»
И тутъ князь Владимеръ
Беретъ Илью за бѣлы руки,
И ведетъ Илью во палаты бѣлокаменны,
И садитъ Илью за столы-ты за дубовые,
И ѣдятъ и пьютъ и кушаютъ,

Бѣлу лебедь рушаютъ.
Тутъ поѣли да покушали да Богу помолились,
Съ княземъ жить опредѣлились.
Эта старина кончается,
А другая начинается.

81.

ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.

(Гильферд., № 116.)

Начнемъ-ко мы старину стародавную.
Близъ города Кіева,
При князѣ при Владимірѣ,
Изъ подъ бѣлыя березки кудревастанькой,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила тутъ турица златорогая,
Со младыми турами, съ малыми дѣтушками.
Случилось идти турамъ мимо славный Кіевъ градъ,
Мимо тую-то стѣну городовую:
Оны видѣли дѣвицу, держитъ книгу-ту евангеліе,
И не столько читаетъ, все она плачетъ.
Она видѣла надъ городомъ чуднымъ чудно̀,
А надъ Кіевомъ дивнымъ дивно̀:
Наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ
Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ
И съ дьячкомъ-то выдумщикомъ;
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
И у зятя-то силы сорокъ тысячей,
У дьячка силы сорокъ тысячей.
Тутъ-то князь закручинился,
Владиміръ запечалился,
Говоритъ да таково слово:
« По голямъ голи шатаются,
« По царевымъ кабакамъ столыпаются!» [1])

[1]) Слоняются. *Б.*

А Василій въ кабаки̅
Безъ портокъ на печи.
Говоритъ-то Василій таково слово:
— Наливайте-ко Василью чару зелена вина,
— А другую пива пьянаго,
— А третью меду сладкаго,
— Сливайте то вино въ одно мѣсто!—
Становилося того питья да полтора ведра.
И выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то Василій таково слово:
— Я топерь могу добрымъ конемъ владать,
— Я топерь могу вострой саблей махать!—
Тутъ-то Василій садился на добра коня:
Видли-то добраго молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Поѣхалъ тутъ Василій не воротамы,
А чрезъ тую-ту стѣну городовую:
Только видятъ: въ чистомъ поли̅ куделба стоитъ.
  Наѣхалъ тутъ Василій
На Батыгушку Батыговича,
На зятя Тараканчика Корабликова
И на дьячка-то выдумщичка.
Разъѣхался Василій со Батыгою по чисту полю,
И ударились съ Батыгой въ остры мечи,
Ударилъ тутъ Василій Батыгу по буйной головы:
Палъ тутъ Батыга о сыру землю,
Тутъ-то Батыгѣ и смерть пришла.
Еще разъѣхался Василій со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
И ударилъ тутъ Василій Тараканчика острымъ копьемъ,
Палъ тутъ ТаракануШко о сыру землю:
Тутъ-то ему и смерть пришла.
Еще наѣхалъ тутъ дьячекъ-выдумщичекъ
И ударилъ тутъ Василья саблей по буйной головѣ:
Тутъ-то сабля преломилася;
Васильево сердце разгорѣлося,
Ударилъ тутъ Василій дьячка саблей по буйной головѣ,

И разсѣкъ его до самаго сѣдла.
Тутъ-то Василій Батыгино войско мечомъ порубилъ,
А Тараканчика-Корабликово войско конемъ потопталъ,
А дьячка-то выдумщичка войско въ полонъ побралъ.
Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
И стрѣчаетъ тутъ Василья
Владиміръ князь у Златыхъ воротъ,
Беретъ-то князь Василья за бѣлы руки,
Ведетъ-то Василья во палаты бѣлокаменны,
Во гридни во столовыя,
Садились за столы за дубовые:
Ѣдятъ-пьютъ, кушаютъ,
Бѣлую лебедь рушаютъ.
Тутъ-то Василью слава и честь пошла,
И тая старина до конца дошла.

IX.

САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ, крестьянинъ дер. Гарницы, Сѣнногубской волости, былъ извѣстенъ и Рыбникову и Гильфердингу. Рыбникову не пришлось съ нимъ видѣться лично и онъ помѣстилъ въ свой сборникъ его четыре былины, записанныя волостнымъ писаремъ Лысановымъ; поэтому нашъ собиратель не сообщаетъ о Сарафановѣ никакихъ свѣдѣній: «человѣкъ уже не молодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ» — вотъ все, что сказано у Рыбникова. Гильфердингъ даетъ о немъ рядъ интересныхъ фактовъ: Сарафановъ — внукъ знаменитаго сказителя Игнатія Андреева, отъ котораго Трофимъ Рябининъ узналъ большую часть своего репертуара. Такимъ образомъ учитель у Сарафанова былъ отличный, но очевидно музыкальность внука была слаба и онъ постепенно сталъ отвыкать отъ пѣсеннаго склада былинъ, превращая ихъ въ сказки, которыя онъ вообще любитъ и отлично разсказываетъ. Онъ не

забывалъ содержанія былинъ (Гильфердингъ записалъ отъ него восемь сюжетовъ, вдвое болѣе, чѣмъ получилъ Рыбниковъ), но вмѣстѣ съ напѣвомъ стала исчезать цѣльность былиннаго стиля, и однородность языка начала пестриться книжностью, неологизмами и какой-то неуклюжестью оборотовъ. Гильфердингъ, сравнивъ три былины, совпадающія въ обоихъ сборникахъ (Илья и Соловей, Дунай, Смерть Чурилы), отмѣтилъ «поразительный упадокъ поэтическаго склада» въ своихъ записяхъ.

Добавимъ къ этому только, что былина «Смерть Чурилы» у Рыбникова представляетъ такія необычныя особенности въ содержаніи (помимо большой путаницы), что она черезъ сколько угодно лѣтъ не могла бы въ устахъ одного и того же пѣвца превратиться въ тотъ пересказъ, который записалъ отъ Сарафанова Гильфердингъ. Этотъ фактъ (онъ не единственный, см. нашу замѣтку о Рябининѣ) наводитъ на мысль, что пѣвцы иногда могли, одновременно или послѣдовательно, имѣть два несходныхъ пересказа одного сюжета въ своемъ репертуарѣ.

82.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Гильферд. № 104.)

Въ тоемъ было во городѣ во Кряковѣ,
Въ тоемъ было селѣ во Березинѣ,
У того было Ивана у Иванова,
Родился сынъ Илья у него Муромецъ.
Тридцать лѣтъ онъ сиднемъ сидѣлъ,
Сидѣлъ онъ на печкѣ на муравленой.
Отецъ его и мать на луга ушли.
Онъ слѣзаетъ со печки муравленой,
Беретъ ли своего добра коня,
Добра коня беретъ за шелковъ поводъ,
Беретъ себѣ ножище кинжалище.
Пошелъ онъ изъ города изъ Крякова,

Изъ того села изъ Березина
Ко славному ко городу ко Кіеву
Прямой дорожкой, неокольноей;
Онъ чистилъ дороженьку широкую,
Доходилъ онъ до Соловья Рахманова.
Какъ тотъ де Соловей Рахмановичъ
Сидѣлъ онъ на сорока дубахъ,
Засвисталъ онъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному, —
Конь у Ильи на колѣна палъ.
Говоритъ ему Илья Муромецъ:
« Ахъ ты, волчья сыть, ты, медвѣжья шерсть!
« Ходилъ ты въ лугахъ во зеленыихъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьинаго
« И не слыхалъ ты крыку звѣринаго? »
Тотъ ли Илья Муромецъ
Натягивалъ скоренько свой тугій лукъ,
Стрѣлялъ во Соловья Рахманова,
Стрѣлилъ онъ ему во правый глазъ,
Свалился онъ Соловей съ сорока дубовъ.
Онъ хватилъ-то Соловья Рахманова,
Привязалъ онъ ко стремени ко правому,
И ѣдетъ онъ къ палаты Соловьиныя.
Закрычала тутъ дочь Соловьиная:
— Ахъ ты ей, государыня матушка!
— Нашъ батюшка ѣдетъ—мужика везетъ.—
Говоритъ тутъ ей родна матушка:
« Что не батюшко ѣдетъ—мужика везетъ,
« Мужикъ-отъ ѣдетъ—везетъ батюшка.
« Поднимай подворотенку сорока пудовъ,
« Спусти-ко мужику въ буйну голову. »
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пріѣхалъ онъ къ воротамъ широкіимъ,
Ударилъ своей палицей въ подворотенку,
Сломилъ подворотню сорока пудовъ.
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру;

Выбѣгаетъ Владимiръ стольно-Кiевскiй
Со своей княгиной со Апраксiей,
Стрѣчали стараго казака Илью Муромца.
Тая ли дочь княженецкая [1])
Выходила на крылечко перенос,
Увидѣла Соловья Рахмановича,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ты ай же, Соловей Рахмановичъ!
— Засвищи-ко ты по соловьиному,
— Закрычи-ко ты по звѣриному.—
Говорилъ тутъ Соловей Рахмановичъ:
« Не твое сегодня ѣмъ да кушаю,
« Не хочу тебя теперь я слушати. »
Попросила она стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца:
— Ты заставь засвистать по соловьиному,
— И заставь закрычать по звѣриному.—
Онъ засвисталъ какъ тутъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному,
Тутъ всѣ во градѣ назень пали,
Назень пали, и всѣ обмерли.
Тутъ сталъ просить Владимiръ стольно-Кiевскiй:
« Старый казакъ Илья Муромецъ!
« Прiуйми-ко Соловья Рахманова,
« Оставь людей мнѣ хоть на сѣмена. »
Онъ прiунялъ Соловья Рахманова.
Тутъ по три дня было пированьице
Про стараго казака Илью Муромца,
Что убилъ онъ Соловья Рахманова.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

---

[1]) По словамъ Бутылки дочь княженецкая увидѣла на рукѣ у Соловья золотъ перстень и ухватила было за перстень; а Соловей ей персть и оторвалъ. А Илья Муромецъ тутъ ей выговорилъ: « Всю бы руку захватилъ Соловей, такъ и всю бы пооторвалъ. » — Онъ де былъ волшебникъ, пояснилъ Бутылка.

83.

ДУНАЙ.

(Гильферд. № 108.)

Какъ во славномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированье—почестный пиръ
На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ-браныихъ,
Званыхъ-браныхъ гостей и почестныихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Умный хвастаетъ отцомъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Иный хвастаетъ своимъ богачествомъ,
А кто-ль хвастаетъ своей силой богатырскою.
Тутъ выходитъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
Говоритъ своимъ княземъ-боярамъ:
« Ай же вы, князи-бояры,
« Удалы добры молодцы!
« Всѣ вы у меня вы поженены,
« Одинъ-то я, солнышко Владиміръ князь,
« Холостъ есть, не женатъ.
« Приберите вы мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови бы были у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
« Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединыій. »
Тутъ приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Мы же не бывали на чужихъ на дальнихъ сторонушкахъ,
— Не видали людей чужестранныихъ,

— Послать намъ-не послать на чужу дальню сторону
— Тихаго Дуная сынъ Иваныча:
— Онъ жилъ-то у короля Литовскаго,
— Онъ двѣнадцать лѣтъ въ конюхахъ.—
Говоритъ тутъ солнышко Владимiръ князь:
« Послать тихаго Дуная сынъ Иваныча. »
И позвали Дуная сынъ Иваныча,
И приходитъ онъ ко солнышку Владимiру,
Говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владимiръ князь,
— Владимiръ князь стольно-Кiевскiй!
— Зачѣмъ ты меня теперь требуешь?—
« Ай же ты, тихiй Дунай сынъ Ивановичъ!
« Достань мнѣ невѣсту супротивъ меня
« Возрастомъ и волосомъ,
« Брови были бы у ней черна соболя,
« Очи были бы ясна сокола,
« Походочка была бы павлиная,
« Разговоръ бы былъ лебединыiй.»
Тутъ-то говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты, солнышко Владимiръ князь!
— Дай же ты мнѣ молодца въ пособники,
— Пособничка и помошничка,
— Молода Добрынюшку Никитича.—
Тутъ-то солнышко Владимiръ князь
Наливалъ онъ чару хрустальнюю,
Хрусталя чара восточнаго,
Края золотомъ позолочены,
Чара мѣрою полтора ведра,
А вѣсомъ полтора пуда.
Тихiй Дунай сынъ Ивановичъ
Бралъ онъ чару одной рукой,
Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
Наливалъ тутъ солнышко Владимiръ князь
Другую чару глубокую,
Подносилъ Добрынюшкѣ Никитичу.
Молодой Добрынюшка Никитичъ

Бралъ онъ чару одной рукой,
Выпивалъ онъ чару однимъ духомъ.
И тутъ оны, добры молодцы,
Выходили на широкій дворъ,
Сѣдлали коней богатырскіихъ.
Только видли добрыхъ молодцевъ сядучи,
А не видли добрыхъ молодцевъ поѣдучи.
Оны ѣхали не воротами,
А скакали ихъ кони чрезъ стѣну городовую,
Пошли ихъ кони съ горы на гору поскакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Оны рѣки и озера межъ ногъ несли.
И поѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду,
Ко тому королю по-Литовскому
И прямо въѣхали на королевскій дворъ.
И выходитъ король на широкій дворъ
И встрѣчаетъ тутъ Дуная сынъ Иваныча.
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ [1]):
« Здравствуй, король по-Литовскій!
« Принимай ты гостей во гостебищо;
« Мы за добрымъ дѣломъ пріѣхали,
« А за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ. »
Тутъ возрадовался король по-Литовскій,
Принималъ онъ гостей во гостебищо;
Какъ онъ принялъ гостей во гостебищо,
Тутъ объявляетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
« Ай же ты король по-Литовскій!
« Мы пріѣхали за дѣломъ, за сватовствомъ;
« Намъ не надобно большой вашей дочери,
«Большой дочери Настасьи королевичной;
« Мы пріѣхали къ вамъ свататься
« На меньшой вашей дочери,
« Меньшей дочери Фераксы королевичной.»
Тутъ разгнѣвался король да по-Литовскій,

---

[1]) Вар. Я пріѣхалъ не биться—не ратися,
На твоей на дочери свататься.

Онъ вскрычалъ-то своимъ князем-боярамъ:
— Соберите-ко вы силы во чисто поле,
— Убейте-ко вы тихаго Дуная сынъ Иваныча
— И пособничка Добрынюшку Никитича.—
Собрали-то всѣ силы во чисто поле,
Силы нагнали, что и смѣты нѣтъ.
Тутъ-то тихій Дунай сынъ Ивановичъ
И пособничекъ Добрынюшка Никитиничъ,
Не яснымъ соколомъ напущаются
На гусей, лебедей и на утушекъ,
И поѣхали оны тутъ по улицы,
И свернутъ ли гдѣ переулочкомъ,
Сколько-ни оны рубятъ, а вдвоемъ-втроемъ,
Вдвоемъ втроемъ коньми топчутъ.
И тутъ-то король по-Литовскій
Вскрычалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ахъ ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко ты мнѣ воиновъ на сѣмяна,
— А бери-ко ты мою меньшу дочь,
— Мою меньшу дочь Фераксу королевичну
— За солнышка за князя за Владиміра.—
И тутъ оны въѣзжали въ королевскій дворъ
И брали Фераксу королевичну,
Отправлялись оны въ свою сторону.
И выѣхали оны во чисто поле,
И глядитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичъ:
Ѣздитъ рыцарь во чистомъ полѣ.
И тутъ-то Дунай сынъ Ивановичъ
Отправляетъ Добрынюшку Никитича
Въ свою сторону, ко граду ко Кіеву
Съ прекрасной Фераксой королевичной,
А самъ онъ остался во чистомъ полѣ.
И наѣхалъ онъ наѣздника въ чистомъ полѣ,
Сильнаго наѣздника храбраго,
И сдѣлали оны разъѣздъ во чистомъ полѣ,
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ
И храбрости своей молодецкоей,

И ударились оны палицамы булатныма.
Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Съ коня онъ сбилъ супротивничка,—
Наступилъ тутъ конь на круты бедра,—
И прижалъ копьемъ ко сырой землѣ,
И спрашивалъ, какого роду-племени,
Какого отца, какой матери?
Рыцарь отвѣчалъ таковы слова:
« Сидѣлъ бы я на твоей груди,
« Не спрашивалъ бы роду-племени,
« А пласталъ бы твои груди бѣлыя.
« Есть я дочь короля литовскаго,
« Прекрасная Настасья королевична. »
Тутъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Опущается онъ со добра коня,
И беретъ ее за бѣлы руки,
И цѣлуетъ ее во сахарни уста:
И садились оны на добрыхъ коней
И поѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ.
Пріѣхали ко солнышку Владиміру
На почестной пиръ да на свадебный.
Тутъ на пиру наѣдалися,
Тутъ на честномъ напивалися,
Тутъ на пиру порасхвастались.
Порасхвасталась Настасья королевична [1]):
« Мы поѣдемъ, Дунай сынъ Ивановичъ!
« Мы поѣдемъ съ тобой во чисто поле,
« Стрѣлять мы станемъ стрѣлочки каленыя. »
Тутъ поѣхали оны во чисто поле
И стали стрѣлять стрѣлочки каленыя.
Стрѣлилъ Дунай сынъ Ивановичъ:
Онъ первый разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, перестрѣлилъ,
А третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ стрѣлила Настасья королевична,

1) Вар. Не могло тое сердце утерпѣть женское.

И стрѣлила она стрѣлочку каленую
И попала она въ цѣль поставленную:
Обѣ половиночки вѣсомъ ровны.
И тутъ у Дуная сынъ Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хочетъ пластать груди бѣлыя.
И смолилась Настасья королевична:
« Ай же ты, тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
« Не пластай ты грудей моихъ бѣлыихъ,
« Оставь-ко ты меня во живности:
« Я рожду тебѣ трехъ сыновъ:
« И будетъ у нихъ по колѣно ногъ,
« По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
« По конецъ ручки въ золотѣ,
« По косицамъ часты звѣзды,
« Сзади у нихъ будетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
« А во лбу у нихъ красно солнышко. »
Ни на что не взираючи,
Пласталъ онъ ей груди бѣлыя
И вынулъ изъ груди ея трехъ сыновъ:
По колѣнъ ножки въ серебрѣ,
По локоть ручки въ золотѣ,
По косицамъ часты звѣзды,
Сзади свѣтелъ мѣсяцъ,
А во лбу у нихъ красно солнышко.
И тутъ у Дуная Ивановича
Разгорѣлось сердце богатырское,
Становилъ онъ копье во сыру землю,
Острымъ концомъ во бѣлую грудь,
И упалъ онъ своей грудью бѣлою
На острый конецъ копья остраго.
Только Дунай и живъ бывалъ.
Протекла тутъ отъ нихъ Дунай-рѣка,
А другая протекла—Настасьина [1]),

---

[1]) Вар. Дунай-рѣка протекла къ Кіеву,
А Настасьина пала въ Золоту Орду.

Одна въ сторону рѣка, друга въ другую,
И въ одно мѣсто оны стекалися.
И вѣкъ про Дуная старину поютъ,
Синему морю на тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

84.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(Гильфердъ. № 110.)

Обувается Чурила, снаряжается,
Умываетъ Чурила лице бѣлое,
Надѣваетъ Чурила платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самосмѣнное;
Шапочку беретъ онъ во пятьсотъ рублей,
Пушисту, ушисту, завѣсисту,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
А сзаду бы не видно шеи нѣжноей;
Сапожки на ножки сафьянные,
Этого сафьяну заморскаго,
Этого покрою нѣмецкаго,
Этого шитья было турецкаго.
Поѣзжаетъ во чисто поле поляковать
Со удалыми со добрыми со молодцами,
Беретъ онъ конишка маломочнаго,
Маломочнаго коня, коня Ворона [1]).
Провожаетъ его дѣвушка челядинка,
Черная, послѣдняя подляночка,
Подавала ему въ руки шелковъ поводъ,
Говорила ему таковы слова:
« Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
« Не Чурилушка поѣдетъ, добрый молодецъ:
« Возьми ты въ руки палицу пудовую,

[1]) ворона? Собственное имя ничѣмъ не оправдывается.— *Ред.*

« Пудовую палицу, рублевую;
« Еще возьми оружье малопульное.
« Станешь во чистомъ полѣ стрѣлятися,
« На добрыхъ коняхъ разъѣзжатися,
« Первой ты разъ стрѣлишь,—не дострѣлишь,
« Другой разъ ты стрѣлишь, не дострѣлишь,
« Третій разъ стрѣлишь, перестрѣлишь.
« Пойдетъ сила-армія великая,
« Черезъ три стѣны кони перемахивать,—
« Твое конишко маломочное:
« Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ. »
Не взялъ онъ палицы пудовоей,
Не бралъ онъ оружья малопульнаго.
Съѣхались они во чистомъ полѣ
Съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ:
— Здравствуй, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
— Нынѣче со мной ты поздоровкайся,
— Нынѣче крестами побратаемся,
— Будь-ко ты мнѣ нынѣчьку братъ родной,
— Не братъ родной, будешь гость честной.—
Была Катерина Микулична,
Сестрица Чурилы Пленковича,
Богатырша она была великая.
Сидѣла она въ новой горенкѣ
И глядѣла изъ окошечка косящета,
Увидѣла Чурилушку проѣдучи,
Брала она скоренько золоты ключи,
Отмыкала она кованы ларцы,
Брала она денегъ цѣлу тысящу,
Еще взяла пшены бѣлояровой,
Скорешенько бѣжала по новымъ сѣнямъ,
Скорѣе того по чисту полю,
Поймала коня за шелковъ поводъ,
Привязала коня къ зелену саду,
Насыпала пшены бѣлояровой:
« Ѣшь, пей, конь, ты нечистый духъ!
« Я не ради тебя покланяюся,

« А для своего братца родимаго,
« Для своего гостя любимаго. »
Дала она Бурмяну Ивановичу,
Дала она денегъ цѣлу тысящу.
« Ай же, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
« Возьми-тко ты денегъ цѣлу тысящу,
« А отдай мнѣ Чурилушку Пленковича. »
Выводила она во чисто поле,
Приводила она во высокъ теремъ
И замкнула она во дубовый ларь,
Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ:
« Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
« Что ему по разуму разложится,
« Можетъ быть, онъ къ намъ не воротится. »
Полтора часу разъѣзжалися,
Полтора часу разгулялися.
Воротился Бурмянъ сынъ Ивановичъ:
— Здравствуй ты, обща полюбовница,
— Сама послѣдняя подляночка!—
« Будя хочешь теперь спознатися,
« Поди, сходи теперь во высокъ теремъ
« Ко той Катерины Микуличной:
« Тамъ обряженъ Чурилушка Пленковичъ. »
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Скорешенько онъ выскочилъ съ добра коня,
Пришелъ онъ туда во высокъ теремъ,
Сталъ онъ по терему похаживать,
Сталъ онъ по палатамъ погуливать,
По дубовымъ ларямъ онъ постукивать,
Ударилъ онъ ногой во дубовый ларь.
Эти ключи разлеталися,
Эти замочки разбивалися:
Оттуль выскочилъ Чурилушка Пленковичъ,
Въ одной рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочикахъ безъ чеботовъ.
Разгорѣлось его сердце богатырское,

Скорешенько схватилъ онъ саблю вострую,
Отсѣкъ у него буйну голову.
Говорила Катерина Микулична:
« Ай же, Бурмянъ сынъ Ивановичъ,
« Сильный могучій ты богатырь!
« Гдѣ пала головушка Чурилина,
« Туда пущай падетъ головка Катеринина. »
Онъ скорешенько схватилъ саблю вострую:
— Что же у тебя не гость гоститъ,
— Не гость гоститъ, видно пакоститъ. —
Отрубилъ головку Катеринину
И пошелъ къ общей полюбовницы,
Къ самой послѣдней подляночкѣ:
— Ахъ ты, черна дѣвка-челядинка,
— Сама послѣдняя подляночка!
— Знала бы ты, дѣвка, коровъ доить,
— Знала бы ты, дѣвка, телятъ поить,
— Не знала бы ты, дѣвка, мужнихъ женъ губить.
— Завела говорить, договаривай,
— Завела доказывать, доказывай.—
Стрепетало ей сердце дѣвочьее,
Разгорѣлось его сердце богатырское,
Онъ отсѣкъ у ней буйну голову.
Пріѣхалъ онъ тогда во чисто поле:
— Здравствуйте, могучіе богатыри,
— Здравствуйте, любезные товарищи! —
Говорятъ ему богатыри могучіе:
« Гдѣ ты теперь во гостяхъ побывалъ? »
— Я не долго гостилъ, много винъ натворилъ,
— Много винъ натворилъ, много головъ убилъ,
— Черезъ саму послѣдню подляночку,
— Черезъ этую общу полюбовницу. —
Тутъ спроговорятъ богатыри могучіе:
« Ай же ты, Бурмянъ сынъ Ивановичъ!
« Не хватило у тебя ума-разума.
« Черезъ самую послѣднюю подляночку
« Ты убилъ-побилъ три головушки:

« По сеевѣтному [1]) есть погрѣшеньице,
« Въ будущемъ вѣцѣ нѣтъ прощеньица. »
Раздумался Бурмянъ, самъ расплакался:
— Дайте вы мнѣ коня добраго,
— Подайте вы мнѣ копье вострое.—
Подали ему коня добраго,
Подали ему копье вострое.
Тутъ садился онъ на добра коня,
Сталъ онъ по полю разгуливать,
Пустилъ онъ копье о сыру землю,
Тупымъ концемъ во сыру землю,
Вострымъ концемъ во бѣлую грудь:
Со той со великой со досадушки,
Придалъ онъ себя тутъ смеретушкѣ.
Хоронили богатыри могучіе,
Хоронили его во зеленый садъ;
Взяли его коня добраго,
Выѣзжали они до чиста поля,
Разсудили богатыри могучіе:
« Не хватило у него ума-разума:
« Погубилъ онъ свою душу грѣшную,
« Потопилъ онъ свое тѣло бѣлое,
« И не будетъ ему тамъ прощеньица. »

85.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ,
Собирался почестенъ пиръ.
Всѣ во пиру наѣдалися,
Всѣ во почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру пьяны-веселы.

[1]) Сеевѣтный,—сего свѣта.

На томъ ли на пиру на почестноемъ
Случилось быть (честной) вдовы Блудовой жены;
И подносили ей чару зелена вина,
Она чарочки не выкушала [1]).
За той ли за чарочкой посваталась
У той ли вдовы Купецъ-жены,
На той ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
И говоритъ она таково слово:
« Уже ты, молода вдова Купецъ-жена!
« Сдѣлаемъ-ко родню промежду собою:
« У тебя-то есть дочушка Офимьюшка,
« У меня-то есть Котенюшка Блудовичъ ».
Тая-та вдова Купецъ-жена,
Она чары-то не выкушала,
Во ясны очи выплеснула,
Сукой-б..... оклескивала:
— Ужъ ты, сука-б.... ты, Блудова жена!
— У тебя-то есть Котенюшка Блудовичъ,
— Ѣздитъ по городу, уродуетъ,
— Ищетъ бобоваго зернетка,
— Гдѣ бы то Котенѣ обѣдъ снарядить.
— У меня-то есть дочушка Офимьюшка,
— Сидитъ-то во высокихъ во теремахъ:
— Ее буйны вѣтры не обвѣяли,
— Холодные морозы не общелкали,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣялся.—
Тая вдова Блудова жена
Пошла домой, закручинилась,
Закручинилась-пошла, запечалилась.
Стрѣчаетъ Котенюшка Блудиновичъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Что же ты, матушка, кручинишься,
« Что же, государыня, печалишься?
« Али мѣсто тебѣ было не по отчины,
« Чарой ли тя пообнесли,

[1]) Здѣсь пѣвецъ ясно ошибается: Блудова жена подноситъ сама чару Купецъ-женѣ, и та чары-то не выкушала.

« Мужикъ-ли пьяница пообсмѣялся? »
Тутъ возговоритъ Котенина матушка:
— Ай же ты, чадо мое милое,
— Молодой Котенюшка Блудовичъ!
— Мѣсто мнѣ было по отчины,
— Чарочкой меня не обнесли,
— Мужикъ-пьяница не обсмѣялся.
— Поднесли мнѣ-ка чару зелена вина,
— И за той за чарочкой посваталась
— За тебя, Котенюшка Блудиновичъ,
— У той-то вдовы Купецъ-жены,
— На той-ли дочушкѣ Офимьюшкѣ.
— Она чары-то не выкушала,
— Во ясны очи выплеснула,
— Сукой б.... оклескивала:
« Ужъ ты, сука б.... ты, Блудова жена!
« У тебя есть Котенюшка Блудиновичъ,
« Ѣздитъ по городу, уродуетъ,
« Ищетъ бобоваго зернетка,
« Гдѣ бы то Котенѣ обѣдъ снарядить.
« Моя-то дочушка Офимьюшка
« Сидитъ-то во высокихъ во теремахъ:
« Ее буйные вѣтры не обвѣяли,
« Холодные морозы не общелкали,
« Мужикъ-пьяница не обсмѣялся. »—
Тутъ-то Котенюшка Блудиновичъ,
Онъ не вовсе глупъ, да не отребной клубъ [1]),
Какъ возговоритъ Котенюшка:
« Ай же ты, матушка, не кручинься-тко,
« Государыня родима, не печалься-тко:
« Будетъ Офимка въ нашихъ рукахъ. »
Тутъ-то Котенюшка снаряжается,
Снаряжается ѣхать во чисто поле:
Онъ беретъ коня богатырскаго,
Одѣваетъ уздичу-ту тесмянную

---

[1]) „Отребы или отрепы“ низшій сортъ льна.

И накладываетъ сѣделышко черкацкое,
Подтянулъ онъ подпругъ шелковый
И стянулъ въ пряжки-ты золоченыя,
Не для красы-басы молодецкія,
А для крѣпости богатырскія;
Още беретъ саблю вострую
Да палицу военную во триста пудъ,
И още беретъ-то съ собой паробка вѣрнаго,
Паробка вѣрнаго, любимаго товарища.
Садился тутъ Котеня на добра коня,
Поѣхалъ во чисто поле поляковать:
Отъ Котенина коня кутельба стоитъ,
А у паробка конь стрѣлой летитъ.
Подъѣхалъ Котенюшка Блудиновичъ
Ко высокому ко терему, злату верху,
Крыкнулъ богатырскіимъ голосомъ:
« Ахъ ты, Офимка, Офимьюшка!
« Идешь ли ты за мужъ за меня,
« За меня, за Котенюшку Блудинова?
« Буде въ честь идешь, за себя возьму;
« А не въ честь ты идешь,—
« За паробка, за свого любимаго товарища. »
Тая-то Офимка отвѣтъ держитъ:
— Хоть я есть дочи безотняя,
— А сестра есть не безбратняя:
— Есть у меня девять братцовъ,
— Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ,
— Да още-то есть и родна матушка!—
Тутъ-то Котенюшка не вовсе глупъ,
Не вовсе глупъ, не отребной клубъ,—
Хватилъ Котеня богатырскую палицу,
Ударилъ онъ по высокому по терему:
Въ теремахъ стѣны да тыны поразсыпалися,
Кирпичныя печки поразвалилися,
Орловыя [1]) грядки повыпадали,

---

[1]) Слѣдовало бы „орленыя".

Въ тересмахъ верхи какъ огнемъ пожгло.
Поѣхалъ Котеня во чисто поле поляковать,
И раздернулъ Котенюшка свой бѣлъ шатеръ,
Становилъ коня ко бѣлу шатру,
И насыпалъ пшены бѣлояровой;
И входилъ тутъ Котенюшка во бѣлъ шатеръ.
Самъ говоритъ таково слово
Свому паробку, любимому товарищу:
« Ты сиди, да востро гляди во чисто поле:
« Какъ пріѣдетъ девять братцовъ,
« Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
« Аще станутъ, тотъ напередъ, да другой напередъ:
« Тому-то надо выславиться,
« Да другому надо выславиться,—
« Это есть не храбрые воины,—
« А если поѣдутъ всей грудью,
« И такъ буди меня отъ великаго сна. »
Тутъ-то ложился Котенюшка спать,
И заснулъ-то Котеня богатырскимъ сномъ.
И смотритъ паробокъ во чисто поле,
И видитъ—пріѣхало девять братцовъ,
Девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
Аще ѣздятъ, тотъ напередъ, да другой напередъ:
Тому-то надо выславиться,
Да другому надо выславиться,—
Это есть не путніи воины.
И тутъ не будилъ-то паробокъ
Котенюшки съ богатырскаго сна;
И садится паробокъ на Котенина коня,
И разъѣзжаетъ паробокъ по чисту полю,
И наѣхалъ паробокъ на девять братцовъ,
На девять братцовъ, въ полѣ поединщичковъ;
Трехъ братцовъ конемъ потопталъ,
Трехъ братцовъ къ стременамъ привязалъ,
Трехъ братцовъ въ полонъ побралъ.
И пріѣхалъ тутъ паробокъ ко бѣлу шатру,
И пробудился Котеня съ богатырскаго сна

И говоритъ паробку таково слово:
« Не твое дѣло было по полю пырять [1]),
« Не твое было дѣло коня потурять. »
И такъ поѣхалъ Котеня со чиста поля.
И увидѣла тутъ Офимьина матушка,
Тая-то вдова Каструлична жена [2]),
Ѣдучи Котеню со чиста поля,
Видитъ бѣду неминучую,
Затыкаетъ-то дыру онучею:
Взяла тутъ кису золотой казны,
И бѣжала скорешенько ко князю ко Владиміру,
И говоритъ ему таково слово:
— Ужъ ты, солнышко Владиміръ, князь стольне-Кіевскій.
— Ты давай-ко Офимью за Котенюшку Блудинова,
— И называй-ко ты крестницей и родной племницей;
— И давай-ко ты золотой казны безсчетноей,
— И още давай города съ пригородками
— И села со подселками.—
А тутъ-то Котеня честнымъ пиркомъ да за свадебку.
И далъ-то ему Владиміръ князь
Города съ пригородками
И села со подселками.

И още на томъ же на почестномъ пиру
Жена мужу говоритъ таковы слова:
« Всѣ люди сидятъ, будто свѣчки горятъ,
« Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ,
« Бороду закуситъ, усъ разлощитъ,
« Усъ разлощитъ, глаза вытаращитъ,
« Глядитъ на меня, будто чертъ на попа,
« А я на него помилѣе того. »

---

[1]) Корень *пыр* означаетъ быстроту движенія; отъ того же корня-порхать; потурять отъ корня *тр*, откуда туркой.

[2]) Обыкновенно она называется „Часовой женой", а „Купецъ-жена" значитъ только, что она жена купеческая.

X.

ДМИТРІЕВА.

Рыбниковъ не сообщаетъ ничего объ этой Дмитріевой, отъ которой онъ записалъ четыре побывальщины, кромѣ того, что она—«крестьянка дер. Прятки, Святозерской волости, Петрозаводскаго уѣзда». Святозерская волость расположена въ 60 верстахъ на юго-западъ отъ Петрозаводска, поблизости отъ Финляндской границы и наполовину населена корелами. Сама Дмитріева — корелка, какъ говоритъ Рыбниковъ мимоходомъ въ «Замѣткѣ» (стар. изд. стр. LI, примѣч. 11). Деревни «Прятки» мы не нашли среди 39 селеній Святозерской волости въ алфавитномъ указателѣ населенныхъ мѣстъ Олонецкой губ. [1]); вѣроятно, эти «Прятки» скрываются подъ словомъ «Прякки» (маленькая деревушка изъ 7 дворовъ).

Запись несомнѣнно была личная; другой вопросъ, гдѣ она сдѣлана. Нѣсколько соображеній по этому поводу см. далѣе (XV).

Безсоновъ раздѣлилъ двѣ изъ побывальщинъ Дмитріевой на стихи (первую и послѣднюю); мы по принятому правилу печатаемъ ихъ безъ стиха.

86.

СВЯТОГОРЪ.

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гуляти, засѣдлаетъ своего добра коня и ѣдетъ по чисту полю. Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться, а сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается. Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени. Вотъ и говоритъ Святогоръ: «Какъ бы я тяги нашелъ, такъ я бы всю землю поднялъ!» Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на маленькую сумочку переметную; беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется, двинетъ перстомъ

[1]) „Олонецкій Сборникъ“ вып. III, 1894 г.

се,—не сворохнется, хватитъ съ коня рукою,—не подымется: «Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ, а эдакова чуда не наѣзживалъ, такова дива не видывалъ: маленькая сумочка переметная не скрянется, не сворохнется, не подымется!» Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня, ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама, поднялъ сумочку повыше колѣнъ: и по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ, а по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ. Гдѣ Святогоръ увязъ, тутъ и встать не могъ, тутъ ему было и кончеяіе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила разсказчица, а Богъ его и попуталъ за похвальбу.

87.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛЪ БОГАТЫРЬ.

Въ Муромскомъ княжествѣ жилъ могучій русскій богатырь Илья Муромецъ. Былъ Илья Муромецъ такъ силенъ, что подъ конецъ не стало никого, кому бы съ нимъ силою помѣряться. Прослышалъ онъ, что въ землѣ идольской есть Идолъ богатырь и восхотѣлъ его видѣть, каковъ есть. Надѣлъ Илья Муромецъ латы желѣзныя, а по нихъ накрутился каликою перехожею, обсѣдлалъ своего добра коня и поѣхалъ къ Идольскому царству. Приходитъ въ обѣднее время, сталъ подъ окошечко и запросилъ милостыни, какъ калика. Идолъ богатырь случился обѣдавши, слышитъ голосъ-то богатырскій (богатырь богатыря знаетъ), а платье видитъ на немъ калики перехожія. Отворилъ богатырь окошко и спрашиваетъ: «Откуда ты, человѣче?»—Я калика изъ Мурома.—«Коли изъ Мурома,—такъ знаешь ли Илью Муромца?» — Какъ не знать. — «Такъ поди же въ избу.» Пошелъ въ избу Илья Муромецъ и сталъ къ дверямъ. Говоритъ Идолъ богатырь: «Великъ ли ростомъ Илья Муромецъ?»—А будетъ ростомъ съ меня.—«Много ли ѣстъ Илья Муромецъ?»—А когда дольше проходитъ, такъ съѣстъ десять фунтовъ хлѣба, говядины съ пудъ и ведро вина выпьетъ. — Плю-

нулъ Идолъ богатырь: «Какой же онъ богатырь, коли такъ мало ѣстъ? Мнѣ вотъ надо двѣнадцать пудъ хлѣба съѣсть, цѣлую корову варить и сорокъ ведеръ вина выпить.» Говоритъ Илья Муромецъ: — У нашего батюшки была большая корова бурая: какъ даютъ лохань пойла, двое несутъ. Батюшко-то скажетъ матушкѣ: дадимъ другую лохань, можетъ ли стрескать? Дали другую лохань, и ту стрескала. — Противно стало такое слово Идолу богатырю: «Какъ же ты, поскудный, смѣлъ такъ говорить со мною?» И кинетъ въ него вилкою. Илья Муромецъ повернулся къ чистому полю, будто не караулится, полетѣла вилка въ чистое поле. Говоритъ Илья Муромецъ:—Мнѣ родитель-батюшка наказывалъ: плати долгъ поскорѣе, дитятко; въ другой разъ лучше повѣрятъ;—а самъ снялъ колпакъ съ головы и ударилъ колпакомъ Идола богатыря. Упалъ Идолъ съ лавки и духъ вонъ. Всѣ градскіе люди смерти Идоловой обрадовались и благодарятъ Илья Муромца: «Спасибо, Илья, освободилъ ты насъ отъ великаго разорителя; въ городѣ уже мало скота осталося; все поѣлъ Идолъ богатырь. За эту услугу великую возьми изъ нашего добра, что хочешь.»—Мнѣ, говоритъ Илья Муромецъ, вашего добра не надо, владѣйте сами межъ собою.— Поѣхалъ домой Илья Муромецъ, живъ ли теперь, али нѣтъ, не знаю.

88.

ЮНКА (ДЮКЪ) СТЕПАНОВИЧЪ.

Изъ того ли изъ малаго города изъ Клина выѣзжалъ молодой бояринъ Юнка Степановичъ. Обсѣдлалъ онъ батюшкова добра коня и пошелъ къ государыни родной матушки Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ, взять у ней прощеньице съ благословеньицемъ, ѣхать ко городу ко Кіеву, ко ласкову князю ко Владиміру. Говорила ему государыня родима матушка: «На̀ тебѣ, рожоное дитятко, мое великое благословеньице, ѣхать ко городу ко Кіеву, ко ласкову князю ко Владиміру; на̀ тебѣ, рожоное дитятко, мое великое запрещеніе хвастать животишками сиротскима, отцовскою золотой казной безсчетною.»

Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву и въѣдетъ на княженецкой дворъ, привязалъ своего добра коня ко мѣдяному столбу, золотому кольцу, самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменныя. Пришелъ въ покои во столовые, сидитъ молода княгина Апраксія. Говоритъ ей Юнка Степановичъ: «Ты вздравствуешь, портомойница!» Княгины тое слово не показалося. Какъ вышелъ Владиміръ со Божьей церкви, воротился въ свои палаты бѣлокаменныя, говоритъ ему молода жена: «Пришелъ—ввалился, князю, засельщина, рѣчи говоритъ неумильныя, называетъ твою молоду жену портомойницей [1]).»

Говоритъ князь Владиміръ:—Здравствуешь, человѣче, кто ты есть?—«Я изъ малаго города изъ Клина, молодой бояринъ Юнка Степановичъ.»—А когда ты выѣхалъ изъ дому? — «Сегодня.» Тѣмъ словамъ князь вѣры не далъ. Сѣли обѣдать, собрались за столъ и князи, и бояре, и смѣются надъ Юнкой Степановичемъ: не знаютъ его. Стали за столомъ хвастаться. Юнка Степановичъ мнетъ хлѣбъ: «Я, говоритъ, не могу ѣсть вашего хлѣба: помялой пахнетъ, видно вы помялой пашете печи. И воды вашей пить не могу: деревомъ пахнетъ.»—А у васъ чѣмъ печку пашутъ?—спрашиваютъ князья и бояре. «У насъ ли помялчики шелковые, водица-то медовая, печка мѣдная; а бочки у насъ серебряны, золотыма обручамы кованы.» Опять стали хвастать: иной хвастаетъ золотой казной безсчетною, молодой стольникъ Чурила Пленковичъ хвастаетъ добрымъ конемъ противу батюшкова Юнкова добра коня. Говоритъ Владиміръ князь имъ:—Поѣзжайте черезъ рѣку (а рѣка-то на двѣнадцать верстъ), кто не перескочитъ, тому голова долой.— Какъ поѣхали ко рѣкѣ, Юнка Степановичъ какъ птица полетѣлъ, а Чурила Пленковичъ въ рѣку палъ. Говоритъ Юнка своему доброму коню: «Буде хватитъ силы, спускайся пониже, чтобы я Чурилу могъ захватить, а буде не хватитъ силы, скачи подальше.» Какъ захватилъ Чурилу Пленковича, привелъ его ко князю Владиміру. Стали просить князя Владиміра, чтобы головы не рубилъ Чурилѣ: больно красивъ былъ. Говоритъ Юнкѣ князь Влади-

[1]) Доселѣ разсказчица соблюдала нѣкоторую плавность рѣчи, но дальше стала говорить отрывисто и безъ ладу.

міръ:—У кого изъ насъ животовъ больше? Буде у меня больше, такъ ты мнѣ на вѣкъ слуга, а буде у тебя больше, такъ я у тебя на вѣкъ слуга.—Ударили о закладъ и порѣшили послать въ Клинъ трехъ общѣнщиковъ домъ общѣнивать. А Юнка-то говоритъ: «Не трехъ посылайте общѣнивать, а тридцать.» Поѣхали ко малому ко городу Клину тридцать приказныихъ, спрашиваютъ, гдѣ Юнковъ домъ: смотрятъ, такія палаты, что и войти туда не смѣютъ. Вошли въ покои, видятъ: сидитъ женщина въ богатыхъ платьяхъ. «Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна!» А та отвѣчаетъ: — Я, говоритъ, не Мамелфа Тимоѳеевна, а простая кухарка. — «А гдѣ же Мамелфа Тимоѳеевна?» — Подите, ищите.—Въ другомъ покоѣ ходитъ женщина еще лучше одѣта. «Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна!»—Я, говоритъ, не Мамелфа Тимоѳеевна, а только кругъ ея хожу, убираю. — «А гдѣ же есть Мамелфа Тимоѳеевна?»—Къ обѣднѣ сошла. — Пошли приказные къ обѣднѣ, обѣдня уже на отходѣ. Выходитъ княгина, платье сіяетъ золотомъ, такъ, что и смотрѣть нельзя. «Здравствуешь, Мамелфа Тимоѳеевна!»—Здоровы будьте, добрые молодцы; откуда пріѣхали? — «А посланы мы отъ Юнки Степановича домъ общѣнить.» — Сначала отобѣдайте у меня, а потомъ и станете домъ общѣнивать.—Послѣ обѣда говорятъ приказные: «Просилъ еще Юнка Степановичъ послать ему платья перемѣнныя на три года, да старика, который служилъ еще его батюшкѣ.» Приказала княгина имъ сѣдло подать, на которомъ ѣздитъ сынъ по праздникамъ: сѣли они и просидѣли кругъ сѣдла три года,—не могутъ цѣны наладить. А между тѣмъ Юнка Степановичъ ѣздитъ три года въ перемѣнныхъ платьяхъ: что ни день, то платье новое, лучше прежняго; а у кого къ тремъ годамъ платье хуже, тому голову срубить. Говоритъ старикъ Юнкѣ Степановичу: — Одѣвай, дитятко, платье похуже, а матушкѣ напиши, чтобы выслала такое платье, которое вошло бы въ яичную скорлупу, а отъ пуговицъ чтобы змѣиный голосъ былъ.—Одѣлся въ послѣдній день Юнка въ платье со пуговицами змѣинаго голоса, а сверху накрутилъ платье похуже. Идетъ по улицѣ; люди кричатъ: «Чурило лучше!» А дотолѣва все говорили: «Юнка Степановичъ лучше и краше Чурилы!» Скинулъ Юнка верхнюю одежу, платье такъ засіяло, что всѣ на колѣна

пали, а когда онъ тронулъ пуговицы, пошелъ стонъ змѣиный: и князья, и бояре пріужахнулись. Захватилъ Юнка саблю, хочетъ Чурилѣ голову срубить. Взмолились за Чурилу бабы Кіевскія: «Оставь Чурилу хоть на сѣмяна; такого, де, стольника уже не будетъ!» Ну, и умолили Юнка Степановича.

Затѣмъ и князь Владиміръ, и Чурила, и всѣ князья-бояре, приказные, поѣхали ко городу ко Клину, его Юнковыхъ животовъ обцѣнивать. Пріѣхалъ князь Владиміръ, и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведетъ въ палаты—инъ половицы въ полу стеклянныя, подъ ними вода течетъ, вовъ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половица точно треснетъ. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожъ ведутъ, такъ надо итти. Сѣли за столъ, ѣли такія ѣствія, какихъ не слыхано, пили питья, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владиміръ: — Гдѣ же мои подъячіи? — Привели подъячихъ: такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли обцѣнить одного сѣдла тридцать человѣкъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ:—Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и обцѣнить можетъ. — Попался князь во услуженіе Юнкѣ. А Юнка говоритъ: «Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужого человѣка незнакомаго въ домѣ не обижали!»

89.

ОНИКА ВОИНЪ.

Во тыя было времена досюльныя [1]) жилъ Воинъ Оника. Не зналъ онъ себѣ супротивника [2]): что хотѣлось ему, то и дѣялось. Вотъ разъ и обсѣдлалъ онъ своего богатырскаго коня, выѣхалъ въ чистое поле. А въ стрѣту ему ѣдетъ чудо вели-

[1]) Доселѣшнія, прежнія.—*Б.*

[2]) Есть пословица: «Оникой глядитъ, щелчкомъ свалитъ».

кое; Оника Воинъ ужа̀хнулся: голова у чуда человѣческая, а туловище у чуда звѣриное, а копыта лошадиныя. Сталъ Оника у чуда доспрашивать: «кто ты такой чудо есть? Царь ли ты есть, али царевичъ, король, ли королевичъ, али поленица удалая [1])?» — Я не царь и не царевичъ, не король и не королевичъ, и не поленица удалая: а я есть Смерть прекрасная,— безродная, безплемянная и безпосульная. Пришла я тебя воску̀шати.—Замахнулся Оника палицей булатною, хочетъ Оника ударить Смерть по буйной головы: свалилась у Оники палица черезъ плечо. Возмолится онъ со слезамы: «дай мнѣ, Смерть прекрасная, сроку на трѝ-года!» Говоритъ ему Смерть прекрасная:—не дамъ я тебѣ сроку на трѝ-года. — «Дай ты мнѣ сроку на два̀-года!»—Не дамъ тебѣ сроку и на два̀-года.—«Дай ты мнѣ сроку на три мѣсяца!»—Не дамъ тебѣ сроку и на три мѣсяца.—«Дай ты мнѣ сроку хотя золоту казну растаскати!»— Было тебѣ, Оника, пора-времячко золоту казну растаскати.— «Дай ты мнѣ хотя сроку чистыя платья надѣти!»—Было тебѣ, Оника, пора-времячко чистыя платья надѣвати. — Упалъ Оника съ добра коня Бахмата, тутъ ему было и кончеціе.

XI.

МОЛОДИЦА ИЗЪ КИЖСКОЙ ГУБЫ.

Такъ пришлось обозначить одну крестьянку, отъ которой Рыбниковъ записалъ три былины: говоря о ней въ Замѣткѣ, онъ не даетъ ни ея имени, ни точнаго мѣста жительства. (Отмѣчено только, что къ этой молодицѣ онъ попалъ, поѣхавъ кататься изъ Боярщины). Ко всѣмъ ея былинамъ намъ удалось подыскать близкія параллели. Ея тексты примыкаютъ къ текстамъ ея сосѣдей, Ѳедотова (Дутикова), Домны Суриковой и Прасковьи Юховой, племянницы Щеголенка (о ней см.

[1]) По объясненію разсказчицы, это—нечистая, волшебная сила.

дальше): Дутиковъ и Сурикова оба изъ дер. Конды, Великогубской волости, а Юхова—изъ дер. Оятевщины по сосѣдству съ дер. Боярщины.

Итакъ, ея «Чурило» несомнѣнно восходитъ къ тексту Юховой (Тихонрав. и Миллеръ): при очень большой общей близости только у нихъ имя мужа Катерины—*Ерма* и *Ярма*; во всѣхъ остальныхъ варіантахъ у Рыбникова и Гильфердинга стоитъ *Бермята* съ разными его варіаціями,] единственно у Пудожанина Антонова (Рыбниковскій *Потахинъ*) встрѣчаемъ *Вельму* [1]).

«Гришка-Разстрижка» почти дословно совпадаетъ съ текстами и Дутикова у Рыбникова, и Суриковой у Гильфердинга и Юховой у Истомина (Пѣсни русск. народа № 9).

Третій ея сюжетъ «Митрій Васильевичъ и Домна Александровна» представляетъ особый интересъ. Онъ не повторяется больше ни разу во всемъ сборникѣ Рыбникова и совсѣмъ отсутствуетъ у Гильфердинга. Но изъ этого поспѣшно было бы заключать о его рѣдкости на сѣверѣ: записанный (въ одномъ пересказѣ) г. Марковымъ на Бѣломъ морѣ отъ его знаменитой Аграфены Крюковой [2]), этотъ сюжетъ, оказывается, сильно распространенъ на Архангельскомъ Поморьѣ и особенно на Пинегѣ, такъ что въ Сборникъ г. Григорьева онъ вошелъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ 22 пересказахъ. Надо думать, что онъ встрѣчался не разъ и Рыбникову и Гильфердингу, но они имъ мало дорожили за его далекость отъ чисто былиннаго, «богатырскаго» ядра нашего эпоса.

---

[1]) Антоновскій репертуаръ по сообщенію Гильфердинга (I, 468) идетъ изъ Вытегорскаго уѣзда.

[2]) Бѣломорскія былины, № 33. Въ указателѣ г. Марковъ даетъ еще ссылку на Пѣсни Соболевскаго.

90.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(Тихонр. и Миллеръ, № 47.)

Жилъ-былъ Ерма [1]) сударь Васильевичъ,
У него была жена Катерина Микулична.
Поѣхалъ Ерма сударь Васильевичъ ко церкви ко Божіей.
Идетъ Чурилушка Опленковъ сынъ:
Пôдъ пяты-пяты воробей пролети,
Около носа-то яичко кати;
На его дѣвки глядятъ—золоты пелы ломятъ,
Стары бабы глядятъ—прялицы ломятъ.
Увидала Катерина Микулична:
Кто-то за воротамы колотитьце,—
Колотитьце Чурила Опленковичъ.
Прибѣгала Катерина Микулична
И пускала Чурилушку Опленковича.
Увидала его дѣвка целяднича,
Говоритъ Катерины Микуличной:
« Ай же ты, Катерина Микулична!
« Я скажу Ермы сударь Васильевичу. »
Говорила Катерина Микулична:
— Не говори-тко ты, дѣвка целяднича;
— Я тебѣ, дѣвка, башмаки куплю,
— Я тебѣ, дѣвка, сарафанъ сошью.—
Побѣжала тутъ она ко Божьей церкви;
Она скоро прибываетъ ко Божьей церкви,
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре сторонки покланяетьце,
Ермы-то Васильевичу въ особину:
« Ай же ты, Ерма сударь Васильевичъ!
« Богу молишься-прохлаждаешься,
« Въ своемъ домѣ, сударь, незгоды не вѣдаешь:

---

[1]) Пермилъ, Бермята.—*Б.*

« У тебя въ домѣ нелюбимый гость,
« Нелюбимый гость Чурила Опленковичъ. »
Говоритъ Ерма сударь Васильевичъ:
— Ай же ты, дѣвка целяднича!
— Буде правду говоришь, я замужъ возьму,
— А неправду говоришь, голову срублю.—
Тутъ Ерма скоро поворотъ держалъ,
Скоро онъ, сударь, поворотитьце,
Скоро онъ прибываетъ на своемъ дворѣ.
Кто-то за воротамы колотитьце:
Услыхала Катерина Микулична,
Выбѣгала Катерина Микулична
Въ одноей тонкоей сороцецькѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкiихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней женскiе волосы растрепаны.
Говоритъ Ерма сударь Васильевичъ:
— Что это, санки Чурилины стоятъ?—
Говоритъ Катерина Микулична:
« Ѣздилъ мой братецъ во чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой санкамы умѣнялися [1]. »
Плетка на гвоздикѣ Чурилина виситъ.
— Что это, плетка Чурилина виситъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой плеткой умѣнялися. »
— Что это, на стойлы Чурилинъ конь стоитъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой конемъ умѣнялися. »
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны:
Шапка Чурилина на стойкѣ [2]) виситъ.
— Что это, шапка Чурилина виситъ?—
« Ѣздилъ мой братецъ въ чистомъ полѣ гулять,
« Съ Чурилушкой шапкой умѣнялися. »
Заходитъ во спальну во теплую:
На кроваткѣ Чурилушка сидитъ.

---

[1]) Мѣстное произношенiе: обмѣнялися.

[2]) Стойка—косякъ у окна.

Онъ схватилъ съ гвоздя саблю вострую,
Отрубилъ Чурилы буйну голову.

91.

ГРИШКА-РАЗСТРИЖКА.

(Ср. выше, № 67.)

На насъ Господи разгнѣвался,
На славное царство Россiйское,
На Россiйское царство, на Московское:
Далъ Господи царя несчастливаго. [1])
Называется собака прямымъ царемъ,
Дмитрiемъ царевичемъ Московскiимъ.
Не умѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака поженитися;
Не въ своей онъ Россiи, въ каменной Москвы,
Поженился воръ-собака въ хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердопольскаго,
На самой на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушки Юрьевной.
Оны свадьбу играли во Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.
Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана Великаго
Ударили въ большiй во колоколъ:
Всѣ князи-бояра къ обидни пошли,
Которы ко Христосьской заутрени,—
Воръ Гришка Разстрижка во мыльну пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—

---

[1]) Нечествваго.—*Б.*

Воръ Гришка Разстрижка въ мыльны моется
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
Всѣ князи-бояра отъ обидни пошли,
Воръ Гришка Разстрижка съ мыльны идетъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной.
На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушки салопъ въ цѣлу тысячу.
Приходитъ воръ на царское крылечушко,
Прицыкиваетъ собака громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было въ хоробру Литву,
Ко Юрью пану Сердопольскому:
« Ай же ты, Марина, лебедь бѣлая!
« Ты не кланяйся Московскимъ князьямъ-боярамъ,
« Не молись-ка, Марина, чуднымъ ȯбразамъ,
« Проходи-тко, Марина, въ палаты бѣлокаменны,
« Ты садись-ка, Марина, за столы за дубовые,
« Кушай-рушай же, Марина, лебедь бѣлая.
« Проживу ли то я, Маринушка, тридцать лѣтъ?
« Не прожить мнѣ-ка, Маринушка, и трехъ часовъ. »
Скажутъ, Дмитрія убили въ каменной Москвы,
Его мощи схоронили подъ Божью церкву;
Гришка Разстрижка въ тюрьмы сидитъ,
Сидѣлъ-то онъ въ тюрьмы ровно тридцать лѣтъ,
Заростилъ свой крестъ во бѣлы груди.

92.

МИТРІЙ ВАСИЛЬИЧЪ И ДОМНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ѣздилъ Митрій Васильевичъ
Во чистȯмъ полѣ, на добрȯмъ конѣ.
Сидѣла Домна Александровна
Въ новой горенкѣ, подъ косявчетымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ подъ стеколышкомъ.
Думала она, удумливала,

Хулила его, охуливала:
« Ѣздитъ-то Митрій Васильевичъ
« Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
« Напередъ горбатъ, назадъ покляпъ,
« Глаза у него бытто у совы,
« Брови у него бытто у жоги,
« Носъ-то у него бытто у жу́рава. »
Прикликала сестрица Марья Васильевна:
— Ай же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
— Заводи, братецъ, пиръ-пированьице,
— Зазови-тко Домну Александровну
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Приходили послы къ Домниной матушкѣ,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняются,
Сами говорятъ таковы слова:
« Ай же ты, Домнина матушка!
« Ты спусти, спусти Домну Александровну
« На широкій дворъ, на почестный пиръ. »
Говорила Офимья Александровна:
— Не спущу, не спущу Домны Александровны
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Первы послы со двора не сошли,
Още другіе послы на дворъ пришли,
Говорятъ Офимьѣ Александровной:
« Ай же ты, Домнина матушка!
« Ты спусти, спусти Домну Александровну
« На широкій дворъ, на почестный пиръ. »
Говорила Офимья Александровна:
— Не спущу, не спущу Домны Александровны
— На широкій дворъ, на почестный пиръ.—
Още другіе послы со двора не сошли,
А третьи послы на дворъ пришли,
Говорятъ Офимьѣ Александровной:
« Ай же ты, Домнина матушка!
« Ты спусти, спусти Домну Александровну

« На широкій дворъ, на почестный пиръ. »
Говорила Домна Александровна:
« Ай же ты, родна моя матушка!
« Если спустишь—пойду, и не спустишь—пойду. »
Говорила Офимья Александровна:
— Ай же ты, дитятко, Домна Александровна!
— Не ходи-тко къ Митрію Васильичу:
— Ты хулила его, охуливала.
— Я ночесь спала, грозенъ сонъ видлà:
— Бытто золота цѣпоцечка разсыпалася,
— Разсыпалася она и укаталася.—
Говоритъ Домна Александровна:
« Ай же, родна моя матушка!
« Про себя спала, про себя сонъ видлà!
Уйду я замужъ за Митрія Васильича. »
Говоритъ же Домнина матушка:
— Ай же ты, Домна Александровна!
— Надѣвай-ка ты три платьица:
— Первое надѣнь вѣнчальное,
— А другое надѣнь опальное,
— А третье надѣнь умершее.—
Садилась она на добра коня,
Поѣзжала къ Митрію Васильевичу.
Пріѣзжала она на бѣлый дворъ.
Встрѣчаетъ ю Митрій Васильевичъ,
Опущаетъ ю съ добра коня,
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахàрнія,
Велъ ю за столы за дубовые.
Отрушúлъ онъ отъ себя свой шелкòвъ поясъ,
И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу;
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбивается.
Пала она на кирпичный полъ:
Схватились же Домны,—живой нѣту.
Прознала ея родна матушка,
Скоро прибываетъ на бѣлоемъ дворѣ,

Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный полъ:
Схватились же ея матушки,—живой нѣту.
Говоритъ тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичъ:
« Ай же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
« Ты сдѣлала три головки безповинныихъ! »
Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
Наставилъ тупымъ концомъ во кирпиченъ полъ
И острымъ концомъ во бѣлы груди.

XII.

ЮХОВА.

Прасковья Гавриловна Юхова, крестьянка дер. Оятевщины, Кижскаго общества. Рыбниковъ называетъ ее просто «племянницей Щеголенка», имя ея указано Гильфердингомъ въ его вводной статьѣ (стр. 14, примѣчаніе). Послѣдній не рѣшилс записывать отъ нея, такъ какъ она по его словамъ очень плохо помнила и сильно путала. Это — случайное недоразумѣніе: въ 1886 г. Истоминъ записалъ съ ея пѣнія пять былинъ довольно удовлетворительнаго качества. Одна изъ нихъ (Царь Саламанъ и Вас. Окульевичъ) совпадаетъ съ Рыбниковской, еще о двухъ см. въ предыдущей замѣткѣ (XI).

93.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ [1]).

Жилъ-то Бусланей девяносто лѣтъ,
Живучи онъ состарѣлся и преставился.

[1]) Хотя въ былинѣ имена и переиначены, но изъ другихъ разнорѣчій мы хорошо знаемъ, что она относится къ Ивану Годиновичу.

Оставался у Бусланея милый сынъ,
Изъ-по имени Василій Бусланеевичъ.
И поѣхалъ-то Василій Бусланеевичъ
Съ молодой женой Настасьей Митріѐвичной [1])
Во славное раздольице чисто поле.
Ужъ онъ ѣздилъ-гулялъ по чисту полю,
Раскинулъ шатеръ бѣлый полѐтняный
И ложился на покой съ Настасьей Митріѐвичной.
И на тую на порушку на то̀ время
Наѣзжаетъ Кощу̀й сынъ Трипетовичъ
Со своею со силою проклятою,
И прогоняетъ-то Василья со бѣла̀ шатра,
Отымаетъ-то Настасью Митріѐвичну.
Привязали Василья ко сыру дубу.
И на тую-то на порушку на то время
Налетѣло два сизыихъ голубя,
И голубь со голубушкой ликуется,
Даетъ Василью Бусланеичу
На его ретливое сердечушко назолу великую [2]).
Изъ того ли изъ бѣла шатра
Выходитъ Кощуй сынъ Трипетовичъ,
И натягивалъ онъ свой тугій лукъ,
И направляетъ стрѣлочку каленую,
И хочетъ стрѣлить въ сизыихъ два голубя.
Выходила Настасья Митріевична
И говоритъ Кощую сыну Трипетовичу:
« Не стрѣляй-ка сизыихъ два голубя,
« Лучше стрѣль въ Василья Бусланеича. »
Говорилъ Кощуй сынъ Трипетовичъ:
— Ужъ ты экая баба неразумная!
— Связанъ человѣкъ никуда не уйдетъ,
— А улетятъ два сизые голубя.—
Какъ стрѣлилъ-то въ два сизыихъ голубя,
Высоко стрѣла подымалася

[1]) Ошибкою у другихъ—„Никуличной.“

[2]) Заставляетъ Василья досадовать, думою, что также ликуетъ въ шатрѣ Кощуй съ Настасьею.—*Б.*

И низко она опущалася,
Она пала на Кощуя сына Трипетовича,
Расколола у него груди бѣлыя.
И говоритъ Василій Бусланеевичъ:
« Ужъ ты экая баба неразумная!
« Отвяжи Василья отъ сыра дуба. »
Она громко слезамы уливалася,
Бѣлымъ платочкомъ утиралася,
Забойлася она, застрашилася
Своего лютаго мужа Василья Бусланеича,
И отвязала его отъ сыра дуба.
. . . .

94.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ И ВАСИЛІЙ ОКУЛЬЕВИЧЪ.

(Истоминъ и Дютшъ № 10).

Жилъ-былъ прекрасный царь Василій Окульевичъ.
И набиралъ-то силушку великую,
Великую силушку, могутную.
И ставили столы дубовые,
Стлали [1]) скатерочки браныя,
Полагали [2]) ѣства сахарнія
И носили питьица медвяныя.
И кормилъ свою силушку досыта,
И напоилъ ее допьяна,
И говорилъ своей силы могутныя:
« Ужъ вы всѣ у меня накормлены,
« И всѣ у меня напоены,
« И всѣ у меня поженены;

Разнорѣчія:
[1]) Ставилъ; стлалъ.
[2]) Полагалъ; носилъ.

« И во скорыихъ часахъ во минуточкахъ
« Приберите мнѣ княгину по разуму,
« Чтобы craномъ была станешенька,
« И ростомъ была высокошенька,
« И на лицо была красовитая [1]),
« Очи были бы яснаго сокола,
« Брови были бы чернаго соболя,
« Походка павлиная, рысь [2]) лебединая. »
Богатыри [3]) другъ на друга поглядываютъ,
Отвѣта царю не сказываютъ.
Изъ-за того стола за дубоваго,
Изъ-за того мѣста за высокаго
Назвался царю [4]) Ивашка Повàреный [5]):
— Ай же ты, прекрасный царь Василій Окульевичъ!
— Какъ за этымъ за славнымъ за синúмъ моремъ,
— У премудраго царя у Салàмана
— Е прекрасная царица Саламàнія:
— Она craномъ станешенька,
— И ростомъ она высокошенька,
— И на лицо она красовитая,
— У ней очи яснаго сокола,
— У ней брови чернаго соболя,
— Походка павлиная, рысь лебединая.—
Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
« Ты безумный воръ, Ивашка Повàреный!
« Какъ же можно отъ жива мужа жена отнять? »
Говоритъ Ивашка Повареный:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
— И съ хитрой возмемъ со хитростью,
— Со великою увеземъ со мудростью;
— Исполадимъ-ка насадъ [6]) черленый,

[1]) Прекрасивая.
[2]) Конечно—„рѣчь.“—*Б.*
[3]) Князи-бояра.
[4]) Воръ.
[5]) Тарашка, купецъ заморскій.
[6]) Судно.

— На тые-тъ насадъ на черленыйй
— Поставимъ кроватку тесовую,
— И на тую кроватку тесовую
— Покладемъ [1]) перину пуховую,
— И наволочки кладемъ шелковыя,
— Занавѣски кругомъ крупчатой [2]) камки,
— И грядочку [3]) прокладемъ орленую,
— И на тую на грядочку орленую
— Посадимъ птицыньку райскую,
— Чтобы пѣла бы пѣсенки царскія;
— И пива возмемъ бочекъ сорокъ сороковъ,
— Пивну чашу возмемъ полтора ведра,
— И много ѣствъ [4]) возмемъ сахарніихъ;
— И премудрому царю Саламану
— Кунью шубу возмемъ соболиную,
— А прекрасной царицы Саламаніи
— Черны [5]) чоботы козловые.—
И во скорыихъ часахъ во минуточкахъ [6])
Во дороженьку они справлялися,
Отъ дому они отлучалися.
И поѣхали черезъ славное синё море,
Подтянули тонки-бѣлы парусочики,
И Богъ далъ имъ тихую повѣтерь:
Переѣхали славное сине море,
И подъѣзжаютъ ко крутому ко бережку.
И догадливый Ивашка Повареный
Бралъ въ руки подарочки царскіе,
И походитъ на крутый на бережокъ.
Приходилъ-то къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко прекрасной царицы Саламаніи,
Ужъ онъ крестъ кладетъ по писаному,

---

[1]) Кладемъ.
[2]) Хрущатой.—*Б.*
[3]) Перекладину, жердочку, насѣстъ.—*Б.*
[4]) Ѣствовъ.
[5]) Новы черны.
[6]) Наладили насадъ черленый.

Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на стороны покланяется,
Прекрасной царицы Саламаніи
Поклонъ ведетъ въ особину.
И спросилъ про царя про Саламана;
Отвѣчала царица Саламанія:
« При домѣ царя не случилося. »
И догадливый Ивашка Повареный
Отдавалъ царицы подарочки
И спросилъ у царицы Саламаніи:
— Ты прекрасная царица Саламанія!
— Позволь здѣ-ка-ва намъ торгъ держать,
— А мы пошлину выплатимъ по надобью [1]).—
Какъ подарочки ей прилюбилися,
Отвѣчала царица Саламанія:
« Ты торгуй-ка, Ивашка Повареный,
« Здѣ-ка-ва хоть по два года, по три года:
« Намъ не надобно съ тебя пошлины. »
Говорилъ Ивашка Повареный:
— Ты прекрасная царица Саламанія!
— Приходи-тко на крутой на бережокъ,
— Поглядѣть нашихъ товаровъ заморскіихъ!—
Умывалася царица бѣлешенько
И надѣвалася она хорошохонько,
Приходила на крутой на бережокъ,
И заходила на суда на черленыя,
И увидала кроватку тесовую,
И увидала перину пуховую,
И наволочки она увидла шелковыя,
И занавѣски увидла крупчатой камки,
И грядочку увидла орленую,—
На той на орленой на грядочкѣ
Сидитъ-то птицынька райская,

---

[1]) Позволь здѣ-ка-ва намъ поторговати:
Сколько надобно вамъ пошлины,
Мы будемъ платить.

Поетъ-то пѣсенки [1]) царскія;
И пива увидла бочекъ сорокъ сороковъ,
И пивную чашу полтора ведра,
И много ѣствушекъ [2]) сахарніихъ,
И больше питьицевъ медвяныихъ.
И догадливый Ивашка Повареный
Наливаетъ пивную чару [3]) полтора ведра
И подноситъ царицы Саламаніи.
Выпивала царица чару полтора ведра,
И тутъ она принапилася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася.
И догадливый Ивашка Повареный
Отъѣзжаетъ отъ крутого отъ бережка.
И завѣяли вѣтрышки буйные,
И тутъ-то царица пробудилася,
Пробудилася и прохмелилася,
Прохмелилася царица, прослезилася:
« Эдака горька горюша несчастная,
« Я несчастная царица неталанная!
« Я отъ бережка нонь отшатнулася,
« И къ другому теперь не прикачнулася! »
Догадливый Ивашка Повареный
Наливаетъ пивную чару полтора ведра
И говоритъ царицы Саламаніи:
— Ты не плачь по царѣ по Саламанѣ [4]):
— Буде Богъ снесетъ за славное сине море
— Ко прекрасному царю Василью Окульевичу,
— Такъ и будешь ты, царица,
— И сытешенька, и пьянешенька.—
И подноситъ царицы Саламаніи
Этую пивную чару полтора ведра:
И тутъ царица принапилася,
Со рѣзвыхъ ногъ она свалилася,

---

[1]) Воспѣваетъ пѣсни-то.
[2]) Ѣствовъ.
[3]) Чашу.
[4]) Ты не плачь-ко, царица Саламанія.

И до крутаго бережка она не прохмелилася.
И подъѣзжають ко крутому ко бережку;
Догадливый Ивашка Повареный
Снимаетъ онъ тонки бѣлы парусочики.
И какъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Взглянулъ въ косявчето[1]) окошечко
И увидѣлъ свои суда черленыя,
Умывается онъ бѣлешенько,
И одѣвается онъ хорошохонько,
И выходитъ на крутой на бережокъ,
Встрѣчаетъ царицу Саламанію,
И взялъ ю за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарнія,
И ведетъ ю въ палату бѣлокаменну.
И съ тоя поры съ того времячка
Живутъ времячка съ годъ поры,
И живутъ времени два году,
И живутъ времени три году;
Одного они боятся—царя Саламана.
А премудрый царь Саламанъ
Собиралъ силушки съ годъ поры,
И собиралъ по два году,
И собиралъ по три году,
И коней-людей[2]) крылатыихъ,
Всихъ паленицъ удалыихъ;
И наказывалъ своей силы сильныя:
« Ай же ты, сила моя сильная,
« Великая сила, могучая,
« Кони-люди крылатые,
« Вси паленицы удалыя!
« Ужъ вы слушайте мой зычѐнъ голо̀съ:
« Ужъ какъ первый разъ я затрублю въ турій рогъ,
« Такъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
« Какъ другой разъ затрублю въ турій рогъ,
« Такъ садитесь вы на добрыхъ коней;

[1]) Косивчето.
[2]) Полкановъ, Кентавровъ.—*Б.*

« Какъ во третій разъ я затрублю въ турій рогъ,
« Такъ пріѣзжайте за славное сине море,
« Поспѣшайте на мою скорую смерётушку.»
И надѣвается онъ во платьица во нищія,
Обувалъ лапотики семи шелковъ [1]),
За̀ плеча клалъ сумочку бархатну,
И походитъ за славное сине̂̀ море.
  И приходитъ за славное сине море
Ко прекрасному царю Василью Окульевичу.
На у́личкѣ онъ останóвился,
Самъ говорилъ таково слово:
« Ай же ты, прекрасный царь Василій Окульевичъ!
« Подай-ка милостину каликѣ нищеей. »
Увидала его царица въ окошечко,
И спознала его да бѣлò лицо,
И кличетъ каликушку нищую:
— Заходи-ка, каликушка нищая,
— Во мою палату бѣлокаменну.—
И заходитъ каликушка нищая
Во тую палату бѣлокаменну.
Ужъ онъ крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется,
Самой-то царицы въ особину.
Тутъ прекрасная царица Саламанія,
Она ставила столики дубовые,
Стлала скатерочки шелковыя,
И кормила она царя досыта,
И напоила она его допьяна,
И наливала пивную чару [2]) полтора ведра,
Подносила царю Сала̀ману.
Принапился царь Саламанъ, охмелился,
И свалился на кирпиченъ мостъ [3]),

[1]) Обулъ лапотики на ноги шелковые.
[2]) Чашу.
[3]) Принапился премудрый царь Са́ламанъ,
Охмелился и съ рѣзвыхъ ногъ свалился.

Притянула она царя Саламана,
И замкнула она въ окова̀нъ ларецъ,
На верёхъ садилась ж.... бабьею.
И приходитъ прекрасный царь Василій Окульевичъ,
И заходитъ въ палату бѣлокаменну;
Говоритъ царица Саламанія:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
— Кого мы боялись съ годъ поры,
— И кого мы боялись по два года,
— И кого мы боялись по три года,
— Тотъ замкнутъ нонь въ окова̀нъ ларецъ,
— И на верху сижу ж.. бабьею.
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
— Ты поди-тка во славное чисто поле,
— Поставь-ка два столбика точеныихъ,
— И клади-тка ступенышки кленовыя,
— И клади-тка грядочку орленую,
— Наладь-ка петелку шелковую:
— И мы повѣсимъ-ка царя Саламана
— Во эту во петелку шелковую.—
И тутъ пошелъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Со своей со силой со великою,
И пошелъ онъ во славное чисто поле,
И приказалъ своей силы великоей
Поставить два столбика точеныихъ,
Класть-то ступенышки кленовыя
И класть грядочку орленую,
И наладить петелку шелковую [1]).
И возвратно взадъ ворочается,
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны
Со своей со силою великою,
И говоритъ прекрасной царицы Салама̀ніи:
« Ты прекрасная царица Салама̀нія!
« Отмыкай-ка нонь окованъ ларецъ. »

---

[1]) Класть-то грядочка орленая
И наладить петелка шелковая.

Отмыкала царица окованъ ларецъ,
И выходилъ премудрый царь Са́ламанъ;
И приказалъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Взять премудраго царя Салàмана
И вести его во славное чисто поле
Ко тымъ двумъ столбикамъ точеныимъ,
Ко тымъ ступенышкамъ кленовыимъ,
Ко той ко грядочкѣ орленыя,
Ко той петелкѣ шелковоей [1].
Подхватила сила великая
Премудраго царя Салàмана
И повели его во чисто [2] поле,
И привели его къ двумъ столбикамъ точеныимъ,
Къ тымъ ступенышкамъ кленовыимъ,
Ко той ко грядочкѣ орленоей,
Ко той ко петелкѣ шелковоей.
Говоритъ тутъ царь [3] Сàламанъ:
« Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
« Ужъ дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
« Поиграть предъ скорою смерётушкой:
« Я съ малости былъ охвочъ коровъ пасти. »
И говорила [4] царица Саламанія:
— Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
— Уйдетъ онъ отъ тебя съ хитростью
— И съ великою уйдетъ мудростью!—
Говорилъ премудрый царь Сàламанъ:
« Ты прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
« Ты не слухай-ка бабы неумныя.
« Ужъ дай ты мнѣ-ка-ва турій рогъ,
« Поиграть передъ скорой смерётушкой. »
Говоритъ прекрасный царь Василій Окульевичъ [5]):
« Ай же ты, силушка моя великая!

---

1) Ко той ко петелочки шелковыя.
2) Во славное чисто.
3) Премудрый царь.
4) И говоритъ.
5) Своей онъ силы великія.

« Ступайте, принесите турій рогъ:
« Пусть стѣшить свою охвотушку
« Предъ скорой смерётушкой.»
И принесли ему турій рогъ,
И подали во рученьки во бѣлыя.
Онъ на первую ступилъ ступененьку
И первый разъ затрубилъ во турій рогъ, —
Всѣ звѣри сбѣжалися,
Всѣ птицы слеталися
На его на скорую смерётушку.
Такъ спросилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
« Ты премудрый царь Са̀ламанъ!
« Что̀ это случилося,
« Что всѣ звѣри сбѣжалися,
« Всѣ птицы слеталися [1])?»
Говорилъ премудрый царь Саламанъ:
« Я какъ съ малости былъ охвочъ полѣсовати,
« Такъ всѣ птицы слеталися,
« Всѣ звѣри сбѣжалися
« Смотрятъ [2]) мою скорую смерётушку.»
На вторую ступилъ ступененьку
И второй разъ затрубилъ во турій рогъ,—
И всѣ горы, всѣ лѣсы сшаталися,
И всѣ синія моря сколыбалися,
И у моря пошелъ великій шумъ.
На третью ступилъ ступененьку
И третій разъ заигралъ [3]) въ турій рогъ,—
Наѣзжала сила великая [4]),
Люди-кони крылатые
И вси паленицы удалыя [5]):
И растрепали у Василья Окульевича

---

[1]) Что это нонь случилося,
Что всѣ звѣри, всѣ птицы сбѣжалися,
Сбѣжалися звѣри-птицы, слеталися?

[2]) Смотрять, смотрѣть?— *Б.*

[3]) Затрубилъ.

[4]) Сила сильная, великая.

[5]) И вся поленица удалая.

Его силу великую-могутную.
И эта сила великая [1]),
Кони-люди крылатые,
Всѣ паленицы удалыя
Наладили три петли шелковыихъ:
И во первую петелку шелковую
Повѣсили Ивашка Поваренаго,
И во дру́гую петелку шелковую
Повѣсили прекраснаго царя Василья Окульевича,
И во третью во петелку шелковую
Хочутъ повѣсить прекрасную царицу Саламанію.
И тутъ царица прослезилася,
Прослезилася, царю змолилася:
— Есть ли грѣшному прощеньице
— И есть ли грѣшному благословеньице?
— И ты прости-тко меня, царь Саламанъ!—
Говоритъ мудрый царь Саламанъ;
« Какъ бы ты была баба умная,
«Ты не шла бы на суда на черленыя,
« Ты не пила бы питья забудущаго:
« И во этой вины тебя Богъ проститъ!
« Какъ бы ты была баба умная,
« Не замкнула бы царя въ denkованъ ларецъ;
« И во той во вины тебя Богъ проститъ!
« И какъ бы ты была баба умная,
« Не ладила бы петли шелковыя
« И не вѣсила бы царя Саламана:
«И въ той вины тебя не прощу! »
И повѣсили царицу Саламанію
Въ тую во петелку шелковую.

---

[1] Сильная-великая.

XIII.

ВАСИЛЬЕВЪ.

Пѣсня о Кострукѣ помѣчена Рыбниковымъ записанной отъ крестьянина Кижской волости Григорія Васильева крестьяниномъ дер. Конды Андреемъ Ивановымъ Соколовымъ. Этой былинѣ не подбирается достаточно близкой параллели у Гильфердинга; ближе другихъ подходитъ пересказъ пѣвицы Лисицы съ Выгозера (Гильферд. № 193): и тамъ и здѣсь Кострюкъ не шуринъ Грознаго, а пріѣзжаетъ въ Москву съ Крымской царицей. Несомнѣнную близость къ тексту Васильева обнаруживаетъ конецъ Гильфердинговскаго № 144, гдѣ Дутиковъ (самъ изъ дер. Конды) неожиданно свернулъ на Кострюка разсказъ объ Ильѣ и Идолищѣ. Помѣщенный у насъ ниже варіантъ также примыкаетъ къ Васильевскому; онъ записанъ, очевидно, отъ той «старухи изъ Великой губы», о которой бѣгло упоминаетъ Рыбниковская Замѣтка, не называя ея имени. Довольно близокъ и Пудожскій варіантъ, записанный для Рыбникова отъ Амосова.

95.

КОСТРУКЪ.

Царица Крымская,
Дочь царя Турскаго,
Красно снарядилася, хупаво [1]),
Поѣхала во земли во Русскія,
Съ Кострукомъ съ Церкашенинымъ.
Кострукъ Церкашенинъ
Тридцать лѣтъ воевалъ,
Пятьдесятъ борцовъ поборолъ,
Не могъ своей силы узнать,

---

[1]) То же, что «красно,» древнее слово.—*Б.*

Плеча богатырскаго.
Дѣвица Крымская
Пріѣзжала въ чистое поле,
Шатры разставливала,
Коней добрыхъ распускивала,
Посылала прежде себя
Скораго гонца,
Чтобы царь Иванъ Васильевичъ
Улицы опахивалъ [1]),
Двора очищивалъ,
Срѣталъ бы дѣвицу Крымскую
Съ Кострукомъ Черкашенинымъ.
Пріѣзжала дѣвица Крымская
Съ Кострукомъ съ Черкашеномъ
На царскій дворъ,
Закрычала своимъ голосомъ:
« Есть ли борцы, удалые молодцы,
« Съ Кострукомъ поборотися? »
По грѣху учинилося:
Тутъ борцовъ не случилося;
Всѣ разумные розъѣхалися,
Удалые домой ушли.
А только тогда случилося
Съ Пядинской земли,
Съ Важинской стороны,
Два братца родимыхъ:
Одного звали Ѳедоромъ,
А другого Михаиломъ.
Ѳедоръ не хвастаетъ,
А Михайла похваляется:
« Я съ Татариномъ боротися иду,
« Я поганаго отвѣдати хочу. »
Татаринъ въ глаза виженъ былъ,
Его сила запримѣчена.
Мошникъ голову поднялъ

---

[1]) Выметалъ.— *Б.*

И глаза вытаращи
Посмотрѣлъ около ст[illegible]аго,—
Далече иттить;
Скочилъ черезъ яствы сахарныя,
Черезъ питья медвяныя.
По грѣху учинилося:
За скамью зацѣпилося;
Онъ скамью къ порогу сволокъ,
Тридцать Татаръ убилъ,
Пятьдесятъ головнёй покатилъ.
Выходили на широкій дворъ
Михайла Ивановичъ
Съ Кострукомъ Черкашенинымъ.
Кострукъ Михайла разъ поткнетъ,
Кострукъ Михайла второй поткнетъ,—
Михайла расхо̀дился,
Михайла разсѐрдился:
Коструку ноги выломалъ,
Коструку глаза выкопалъ,
Изъ платьевъ вонъ вытрехнулъ.
Дѣвица Крымская,
Дочь царя Турскаго
Выходила на красно крыльцо,
Говорила таково слово:
« Ай вы глупые, Русскіе борцы!
« На что было рука-нога ломить,
« За чѣмъ было глаза выкопать
« И изъ платьевъ вонъ вытрехнуть? »
Дѣвица Крымская
Не красно снарядилася,
Не хупаво поѣхала
Во землю во Крымскую
Съ Кострукомъ Черкашенинымъ.

Запис. 22 іюня 1861 г. крест. дер. Конды А. И. Соколовымъ.

96.

КАСТРЮКЪ [1]).

(Великогубскій погостъ).

При нынѣшнихъ при царяхъ,
При досюлѣшнихъ короляхъ,
При блаженныя памяти,
Царица-то Крымская,
Паленица удалая,
Татарка упалая
Съ Кастрюкомъ сговорилася,
Съ молодымъ подъ-умилася,
Ѣхать въ землю Россійскую,
Въ государство Московское,
Въ королевство Литовское.
Они ѣхали-поѣхали,
До Москвы не доѣхали,
Середи поля пріѣхали.
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго,
Да шатры-то раздернули,
Шатры полотняные,
Да ковры-то шелковые.
Привязали добрыхъ коней
Ко столбу ко точеному,
Ко кольцу золоченому,
Надавали добрымъ конямъ
Пшены бѣлояровой,
Да послали скораго посла:
« Ты поди-тко, скорой посолъ,
« Поди въ землю Россійскую,
« Въ государство Московское,
« Поди—Богу не кланяйся,
« На всѣ стороны челомъ не бей,
« И говори не съ упадкою,

---

[1]) Эта былина особеннаго размѣра и напѣва.

« Говори со прикладкою,
« И говори таково слово:
« Ай же, царь Иванъ Васильевичъ!
« Още есть ли у васъ во дворѣ борцы,
« Борцы добры молодцы,
« Съ Кастрюкомъ побороти́ся,
« Съ молодымъ подъ-умитися,
« Още силы отвѣдати
« И плеча богатырскаго?»
  Какъ идетъ-то Кастрюкъ-Демьюкъ,
Идетъ-то Черкашанинъ,
Идетъ—самъ шатается,
Переклады сгибаются,
Подмосты колыблются,
Идетъ—Богу не молится,
На всѣ стороны челомъ не бьетъ
И говоритъ не съ упадкою,
Говоритъ со прикладкою:
— Ай же, царь Иванъ Васильевичъ!
— Още есть ли у васъ во дворцѣ борцы,
— Борцы добры молодцы,
— Съ Кастрюкомъ побороти́ся,
— Съ молодымъ подъ-умитися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго?—
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
« Садись, Кастрюкъ, за столъ
« Хлѣба-соли откушати,
« Бѣлы лебеди порушати;
« А борцы есть во дворцѣ,
« Борцы добры молодцы. »
Онъ сидитъ—самъ печалится,
Онъ сидитъ—самъ кручинится,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлы лебеди не рушаетъ.
Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
« Что же ты, Кастрюкъ-Демьюкъ,

« А что же, Черкашанинъ,
« Сидишь—самъ печалишься,
« Сидишь—самъ кручинишься,
« Хлѣба-соли не кушаешь,
« Бѣлы лебеди не рушаешь?
« А хлѣбъ да соль на столѣ,
« А Богъ тебѣ на стѣны. »
Скочилъ Кастрюкъ сза стола,
Зацѣпилъ ногой за скамью,
Убилъ тридцать Татаровей,
Убилъ сорокъ богатырей,
Достальныхъ раскарякало.
Выходилъ на широкій дворъ,
Онъ кричитъ-то во весь голосъ,
Чтобы слышно во всю Москву
И во всю землю Россійскую
И государство Московское:
— Още есть ли у васъ борцы,
— Борцы добрые молодцы,
— Съ Кастрюкомъ побоpотися,
— Още силы отвѣдати
— И плеча богатырскаго?—
Ужъ они дѣти Андреевы,
Одного звали Ѳедькою,
А другого звали Мишкою:
Такъ Ѳедька борецъ похваляется,
Мишка борецъ нарывается.
Ѳедька былъ на ножку легокъ:
Полверсты было во поскокѣ,
А по четыре во помахѣ...
Онъ Мишку разъ потянетъ
И Мишку другой потянетъ,
А Мишка не шатнется,
И колпакъ не сворохнется,
Желты кудри не стряхнутся.
И взялъ-то Мишка борецъ,
Взялъ Кастрюка пониже себя,

Здынулъ-то повыше плеча,
Выше церквей соборніихъ
И крестовъ богомольніихъ,
До Миколы Святителя,
До креста Леванидова,
И спустилъ о сыру землю:
Още кожа-то лопнула
Отъ бѣлой шеи до гузна.
И пошла Пава, заплакала;
Кастрюку славу выпѣли [1]).

XIV.

ИВАНОВЪ.

Въ «Перечнѣ» къ III т. Рыбниковъ помѣтилъ запись этой былины «отъ крестьянина Андрея Иванова, Кижской волости». Позволительно предположеніе, не есть ли этотъ Андрей Ивановъ одно лицо съ крестьяниномъ дер. Конды Соколовымъ (см. предыдущую замѣтку). Это подтверждается большой близостью его былины къ тексту Степаниды Неклюдиной, дочери Конона съ Зяблыхъ Нивъ, который являлся въ Кондѣ и по сосѣдству главнымъ источникомъ сказительскаго мастерства (Гильферд. II, стр. 376).

97.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(Гильферд. № 135.)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,

---

[1]) По другимъ разнорѣчіямъ этой былины Кастрюкъ является женщиной.

Было столованьице, почестный пиръ,
На многихъ князей, на бояръ
И на русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Ктоль хвастаетъ отцемъ-матерью,
Ктоль хвастаетъ молодой женой,
Ктоль хвастаетъ золотой казной:
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
И бѣлой лебеди не рушаетъ,
И ничѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
« Душка Иванъ Гостиный сынъ!
« Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
« Бѣлыя лебеди не рушаешь,
« И ничѣмъ ты, молодецъ, не хвастаешь?
« Хлѣбъ ли соль тебѣ не по душѣ,
« Чарою ль тебя пообошли,
« Али пьяница надъ тобою надсмѣялася? »
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
— Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
— Чарою меня не обошли,
— И пьяница надо мной не надсмѣялася.
— А нечѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
— А столько я похвастаю:
— Есть ли у васъ единъ молодецъ
— Ѣхать-то на добрыхъ коняхъ
— Ко тому ко городу Чернигову,
— А перебѣгу ровно триста верстъ
— И тридцать три версты мѣрныихъ:
— И съѣздить намъ промежъ обѣдней и заутреней,

— Съѣздить намъ и къ обѣдни поспѣть?—
Говоритъ Владиміръ столько-Кіевскій:
« Во хмелю дѣтина порасхвастался:
« Не на комъ тебѣ будетъ повыѣхать,
« По широкому раздолью разгуливать. »
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Станемъ мы бить въ великъ закладъ:
— Ты заложи казны своей сорокъ тысячей,
— А я заложу свою буйну голову.—
Тутъ скоро написали письма крѣпкія
И приложили ручки бѣлыя.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
Скоро приходитъ на широкъ дворъ,
Беретъ своего добра коня
За поводы шелковые,
За подброздья [1]) серебряныя,
Палъ онъ коню въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную:
— Ай же ты, мой добрый конь!
— Былъ я сегодня на честномъ пиру,
— Билъ я сегодня въ великъ закладъ:
— Князь заложилъ казны сорокъ тысячей,
— А я заложилъ буйну голову.
— Можешь ли ты мою буйну голову повыкупить,
— Князя Владиміра къ стыду привести,
— А большаго брата посоромить [2])?—
Провѣщалъ тутъ ему добрый конь
Голосомъ человѣческіимъ:
« Я твою буйну голову повыкуплю,
« Князя Владиміра къ стыду приведу,
« А большаго брата посоромлю. »

---

[1]) Отъ брозды, бразды, означающія удила конскія, желѣзный колѣнчатый прутъ, которымъ посредствомъ узды взнуздываютъ лошадей.

[2]) Подразумѣвается братъ коня.

Кормитъ онъ коня пшеной бѣлояровой
И поитъ медомъ сладкіимъ,
Сталъ онъ коня по двору поваживать,
Сталъ конь его за шубку похватывать,
По черному соболю выдергивать.
Тутъ всѣ собрались князи-бояра;
Всѣ стоятъ, всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
— Глупый Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортитъ твою шубу добрый конь:
— Этой бы ты шубой подарилъ князя Владиміра,
— Онъ простилъ бы тебя во великой вины. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ имъ не съ упадкою:
« Глупые вы, князи и бояра!
« Живъ молодецъ,—шубу наживу,
« А помретъ молодецъ,—шубу деркивалъ.
« Эта шуба была въ пятьсотъ рублевъ,
« А сошьетъ молодецъ въ цѣлу тысящу. »
Тутъ ночь пришла, и всѣ спать легли.
А душка Иванъ Гостиный сынъ
По утру вставаетъ ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Въ шелкову ширинку утирается
И Господу Богу онъ молится.
Приходитъ онъ на широкій дворъ,
Беретъ своего добра коня
За повода за шелковые,
За подброздья серебряныя,
Положилъ онъ сѣделышко точено,
Стремена у него были золочены,
А кисточки висятъ шелковыя.
Садился онъ тихохонько,
И поѣзжалъ онъ точно какъ на ярмонку;
И скочилъ его конь на три поскока.—
Пріѣхалъ къ князю Владиміру:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!

« Не время ли намъ будетъ поѣхати
« Къ этому городу Чернигову? »
Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Говоритъ онъ тутъ своимъ конюхамъ:
— Ай же вы, мои конюхи!
— Бѣжите вы на широкiй дворъ,
— Выбирайте-тко вы изъ трехъ сотъ жеребцовъ
— И изъ тридцати жеребцовъ
— И изъ трехъ жеребцовъ,
— Сивогривыихъ и кологривыихъ,
— Маленькаго полонена воронка:
— На него надежа великая. —
Тутъ прибѣжали его конюхи
И творятъ жалобу великую,
Что душки Ивана Гостинаго
Скрычалъ конь по звѣриному
И засвисталъ по змѣиному,—
Что триста жеребцовъ всѣ мертвы лежатъ,
А тридцать жеребцовъ ископытились,
А сивогривый, кологривый
И маленькiй полоненъ воронке
Голову залячилъ и хвостъ заломилъ,
Черезъ Пущай рѣку скочилъ и въ чисто поле ушелъ.
Тутъ не на комъ князю повыѣхать.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
« Ты, Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
« Не держи меня добра молодца,
« Отсчитай мнѣ великъ закладъ,
« Великъ закладъ сорокъ тысячей. »
Тутъ Владимiръ князь стольно-Кiевскiй
Отсчиталъ ему казны сорокъ тысячей.
Говоритъ Владимiръ стольно-Кiевскiй:
— Душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Подари-тко мнѣ добра коня:
— Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхать. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ

Говоритъ ему не съ упадкою:
« Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
« Мой конь купленъ въ Большой Орды,
« Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
« За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
« А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
« Развѣ Владиміра конемъ подарить? »
Какъ подарилъ Владиміра добрымъ конемъ,
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ своимъ конюхамъ:
— Подите-тко, мои конюхи,
— Возьмите вы коня добраго
— Душки Ивана Гостинаго,
— Сведите въ конюшню бѣлодубову,
— Кормите пшеной бѣлояровой
— И пойте медомъ сладкіимъ. —
Скоро прибѣгаютъ его конюхи,
Творятъ жалобу великую:
« Конь душки Ивана Гостинаго
« Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
« Скрычалъ онъ по звѣриному,
« И засвисталъ онъ по змѣиному,
« И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ. »
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
— Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобенъ, поѣзжай домой! —

(*Записано въ Петрозаводскѣ, 12 октября 1863 г.*)

XV.

РѢЗИНЪ.

Никита Рѣзинъ—крестьянинъ Ладвинскаго погоста, Петрозаводскаго уѣзда. О немъ Рыбниковъ не сообщаетъ болѣе никакихъ свѣдѣній. Запись несомнѣнно была личная, но едва ли на мѣстѣ, скорѣе въ Петрозаводскѣ. Ладвинскій погостъ находится на западѣ отъ Онежскаго озера; изъ всей западной части Петрозаводскаго уѣзда только три лица изъ трехъ различныхъ деревень дали въ сборникъ скудный матеріалъ, и ни объ одномъ изъ нихъ собиратель не говоритъ ни слова [1]). Рыбниковъ вообще ни разу не говоритъ о своей поѣздкѣ на западъ отъ Петрозаводска, между тѣмъ, если признавать запись на мѣстѣ, то пришлось бы допустить по крайней мѣрѣ четыре поѣздки: Рыбниковскія помѣты даютъ для Рѣзина—декабрь, для Байнина—августъ 1862 г., записи отъ Дмитріевой помѣщены въ I томѣ, дозволенномъ къ печати 18 марта 1861 г., а былина «Князь Михайло» (см. ниже, № 100) носитъ помѣтку: «записано 7 мая 1861 г.». См. собранныя нами свѣдѣнія о поѣздкахъ Рыбникова въ біографіи.

98.

ПТИЦЫ И НЕБЫВАЛЬЩИНЫ.

1.

Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.

---

[1]) Это—Рѣзинъ, Байнинъ изъ Деревянскаго погоста и Дмитріева изъ Святозерской волости.

Мужики-крестьяна стоги поклали:
Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,
Подъячьи сидятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
Старые старики по скамейкамъ,
Молоды молодицы по кроватямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремяхъ
И подъ теплымъ одѣяломъ по другому.

Впредь сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Крынка подъ носомъ съ тѣстомъ[1]),
Ѣла бы она, не ворчала . . . .

Изъ-за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица-синица,
Надъ русскима птицамы царица;
Садилась на деревце калину,
Она начала пѣть-жупѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила русскіимъ птицамъ:
« Ай же вы, русскія птицы!
« Тамъ же вы не бывали,

---

[1]) Тѣсто—густой растворъ изъ овсяной муки, а сладкое тѣсто—заваръ изъ ржаной муки съ примѣсью солода.

« Нужды-горя не видали,
« Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ.
« Какъ у насъ на славной, тихой заводи
« Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:
« Всѣ птички по службамъ,
« Всякъ человѣкъ по работамъ.
« Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы:
« Изъ озера въ озеро летаютъ,
« Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,
« Много рыбы они добываютъ,
« На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.
« Пѣтухи—молодцы удалые
« По многу женъ имѣютъ,
« По двѣ и по три,
« И по цѣлому десятку [1]).
« У крестьянина на Руси
« Одна женка бажена,
« И той нарядить не можетъ.

« Цапля ты, цапля,
« Худой человѣкъ необычайный,
« Журавъ Черкацкой,
« Самъ Питербургскій! [2])
« Въ большой колоколъ ударитъ [3]),
« Обѣдать-ужинать проситъ;
« Ходитъ по мосту,
« А мосту мостить не умѣетъ:
« Ножки тоненьки,
« Чулочки узеньки
« И платьица коротеньки.
« Соколъ-птица—надлетникъ:
« Часто въ деревню прилетаетъ,
« Годовую десятину обираетъ,

[1]) Здѣсь явно пропущенъ стихъ, находящійся въ слѣдующемъ пересказѣ: „И всѣмъ женамъ наряжаютъ.
[2]) Санктпетербургскій.
[3]) Вар.: ударятъ.

« Сиротъ-вдовицъ обижаетъ,—
« И въ томъ эта птица неразсудна [1]).
« Попугай птица на морѣ вѣща.
« Куропать на морѣ безкромѣшна:
« Изъ куста въ кустъ перебродитъ,
« Подворья себѣ не имѣетъ.
« Чайцы на морѣ—попадейки.
« Гуси на морѣ—бояра.
« Лебеди на морѣ—дворяна.
« Олень на морѣ—посланникъ.
« Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
« Много кожъ снимаетъ,
« Сапоговъ никогда не бываетъ.
« Сѣрый волкъ—овчинникъ:
« Много овчинъ снимаетъ,
« Полушубка на себѣ не бываетъ ».

2. СТАРИНА НЕБЫВАЛАЯ [2]).

Пришелъ тутъ сѣрый котъ безхвостый,
Самъ кубовастый:
« Здравствуйте, господа сенаторы!
« А я изъ банковой конторы,
« Отъ сенаторовъ остался,
« Да и въ полковнички записался. »

———

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:
« На синемъ морѣ

---

[1]) Вар.: И въ этомъ она неразсудна.

[2]) Въ томъ же родѣ небывальщина записана отъ Терентья Іевлева:
Изъ-за печи, печи, изъ-за кирпичныя
Выѣзжалъ-то удалый добрый молодецъ,
На свиньѣ въ сѣдлѣ, вострый штыкъ по бочи,
Кашу съ масломъ въ полонъ побралъ,
Калиточки по полочкамъ пообобралъ,
. . . . на осошочкѣ тронуть не смѣлъ.

« Мужики орутъ-пашутъ,
« А по чистому полю корабли бѣжатъ,
« Поросеночекъ въ гнѣздо свивается,
« Курочка во хлѣвѣ супоросилась.

« Идетъ мельникъ
« Въ чистый понедѣльникъ,
« Несетъ подарокъ
« Изъ . . . . огарокъ, ...
« И пошелъ—заплакалъ. »

Въ давныхъ годахъ
И въ теплыхъ лѣтахъ
Сочинилась ромода
У господина муравья,
Котораго хвалятъ стрѣльца и борца,
Нахвальнаго молодца [1]);
Край болота домъ сострoилъ,
Никого не почитаетъ [2]).
И живетъ мизгрище,
Стуловато личище [3]),
И поставилъ мережи
Край пути-дороги.
И солеталися господскія мухи-клѣти
И попали мизгрю въ сѣти,
Сами говорятъ-толкуютъ:

---

[1]) Варіантъ добавляетъ: И въ скорости завоеваннаго.
[2]) По пересказу: И самого мизгиря ни во что считае.
[3]) Варіантъ добавляетъ:

И слиновата рожа,
И подъ толстымъ корнищемъ.
И показалось это (*т.-е. неуваженіе муравья*)
Мизгирю и вредно, и бѣдно,
И завелъ мизгирь упорство,
И началъ мизгирь ногами трясти
И мережи нести,
И поставилъ мережи
Край пути-дороги.

« Братцы-господа, не покиньте! »
Услыхала госпожа,
Сонная, пестрая воса и безъ пояса,
И какъ скоро прилетѣла,
И такъ мизгрю въ сѣти попала,
Сама себя изругала:
— Не чортъ ли меня и несъ
— На чужое спасенье!—
Солеталося тутъ
Синихъ и зеленыхъ поганыхъ мухъ,
И солетались, погребали,
Кишки свои набивали.
Жукъ былъ . . . .
Клопъ астраханомъ.
Садились на клочекъ,
Нюхали божью травочку-табачокъ,
Бога хвалятъ, Христа величаютъ,
Богатую богатину проклинаютъ:
« Много е пива и меду,
« Это намъ ни по чемъ:
« А у насъ травочка-табачокъ,
« Табакъ шпанскій, королевскій,
« Табакъ зоренъ [1]):
« Ноздри поретъ,
« Глазъ вонъ воротитъ. »

И у насъ было на бору
Три сестры прекрасныхъ,
Носили на себѣ платье атласно;
Ничего надъ собой не знали,
Одныма головкамы качали.

Слѣпни комаровъ попрекали,
Что барабаны украли.

[1]) Т.-е. крѣпокъ, иначе «яркой».

Комары божатся:
— Воля ваша, а большина наша:
— Времена были въ ты поры жаркія,
— Мы люди были жирные,
— Мы въ ты поры не вылѣтали [1])
— И головъ своихъ не показали.—
Начали потомъ слѣпни оводовъ бранить:
« Стуловата ваша рожа,
« Слиновато ваше личище! » [2])
И тыи начали божиться.

———

Ходилъ я по чистому полю,
Подошелъ я къ дубу
И ударилъ по дубу.
Выскочилъ оттуль мужикъ
И ударилъ меня на мѣсто въ душу,
И палъ я въ лужу.
День лежалъ,—ничево
И другой лежалъ,—ничево,
А на третій день
Прилетѣли . . . .
. . . . слѣпень да муха,
И поймали меня за волоса,
И вздынули на небеса.
День ходилъ по небу,—ничево . . . .

3. ПОХВАЛА БОГАТСТВУ.

Всякому изрядно деньги имѣть,
И не малая слава карманомъ гремѣть.
Карманъ полонъ,
Кафтанъ цвѣтенъ:
Всякой въ гости зоветъ

---

[1]) Вар.: на улицу не вылетали.

[2]) Вар. добавляетъ: И напрасно вы разсказываете,
И ложно наговариваете.

И въ большой уголъ ведетъ.
Кому есть ли, нѣтъ
Пиво и честь,
А тебѣ все есть.
Выкушай-испей,
Да только насъ не бей.
Хоть люди скажутъ: « не хорошій,
« Угреватый, худорожій, »
Сдѣлался хорошій,
Лучше нѣтъ на свѣтѣ.
Хошь прежде былъ дуракъ,
А нынь сталъ уменъ:
Начнетъ врать,
И рады люди стоять
Хошь безъ шапки зимой.
Хошь никому не корись, не молись,
А только судьямъ поклонись,
За гривной не стой
Приказныхъ-подъячихъ напой,
Вездѣ будешь правъ.—

(*Запис. со словъ крест. Никиты Рѣзина, 12 дек. 1862 г.*)

XVI.

БАЙНИНЪ.

Никита Байнинъ, крестьянинъ Деревянскаго погоста, Петрозаводскаго уѣзда. И объ этомъ пѣвцѣ свѣдѣнія отсутствуютъ. Деревянскій погостъ лежитъ на западномъ берегу Онежскаго озера южнѣе Петрозаводска верстъ на 30; приблизительно столько же верстъ отдѣляетъ его отъ Ладвинскаго погоста. Считаемъ запись сдѣланной въ Петрозаводскѣ, по соображеніямъ, высказаннымъ въ предыдущей замѣткѣ.

99.

1. О ПТИЦАХЪ РУССКИХЪ И ЗАМОРСКИХЪ.

Отчего у насъ зима становилась?
Зачиналась зима отъ морозу,
Приходило лѣто красное,
Осень богатая.
Мужики-крестьяна стоги поклали,
Жить имъ ладно-прокладно [1]).
Цари живутъ по царствамъ,
Князи живутъ по селамъ,
Бары живутъ по помѣстьямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремя.

Впредь сего временамъ
Говорили бы, поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Крынка подъ бокомъ съ тѣстомъ,
Ѣла бы она, не ворчала . . . . .

Съ тихаго съ Дунайскаго моря,
Со моря ли было съ лукоморья,
Прилетала бы малая птица,
Малая птица-синица,
Надъ русскима птицамы царица.
« Сказывай, Нагай-птица [2]),
« Про свое Дунайское море:
« Кто у васъ на морѣ больши,
« И кто у васъ на морѣ меньши? »

---

[1]) Вар.: Мужичкамъ жить ладно-прокладно,
Стоги поклали по задворьямъ.

[2]) Нагай, Науй, Нагайщина, Ногъ,—страусъ. Здѣсь названіе это какъ-то странно придается птицѣ-синицѣ.

— У насъ на морѣ
— Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы:
— Изъ озера въ озеро летаютъ,
— Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ [1]).
— Пѣтуны на морѣ молодцы,
— По многу женъ имѣютъ,
— По двѣ и по три,
— И по цѣлому десятку,
— И всѣмъ женамъ наряжаютъ.
— У крестьянина на Руси
— Одна женочка бажона [2]),
— И той нарядить не можетъ.
— Чапля ты, чапля!
— Худой ты журавъ черкацкой,
— Самъ Петербургской!
— Въ большой колоколъ ударятъ,—
— Обѣдать-ужинать просишь [3]),
— Ходишь по мосту,
— А мосту мостить не умѣешь:
— Ножки тоненьки,
— На ножкахъ чулочки узеньки.
— И платьица на себѣ коротеньки.
— Нагай-птица—наклѣтникъ:
— Часто по деревнямъ летаетъ,
— И годовую десятину обераетъ.
— А чайка на морѣ—попадейка,
— Гуси на морѣ—бояра,
— Лебеди на морѣ—дворяна,
— Олень на морѣ—посланникъ,
— Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
— Много кожъ снимаетъ,
— Сапоговъ никогда не бываетъ.

---

[1]) Вар.: И у Бога рыбы просятъ.
[2]) Вар.: небоженка.
[3]) Вар.: И самъ онъ въ колоколъ ударитъ.
И обѣдать-уживать кличе.
И самъ ѣсть не хоче.

— Сѣрый волкъ на морѣ—овчинникъ:
— Много овчинъ снимаетъ,
— Полушубка никогда не бываетъ.—

2. Старина небывалая.

Сѣрый котъ кубовастый,
А самъ возгревастый:
« Здравствуйте, господа сенаторы!
« А я изъ банковой конторы,
« Отъ сенаторовъ остался,
« Да и въ полковнички записался.

Сказать ли вамъ старину стародавнюю,
Саму небывалую:
« На синемъ морѣ
« Мужики орутъ-пашутъ,
« А по чистому полю корабли бѣжатъ.

« Какъ у насъ на славной, тихой заводи
« Даромъ птички хлѣбца не тратятъ:
« Всѣ птички по службамъ,
« Всякъ человѣкъ по добычамъ [1]).

Взлѣзъ я на гору,
Стоитъ тамъ церковь:
. . . .
За столъ робята садятся
И грамотѣ учатся.
Съ кѣмъ ни подерись-побранись,
Да къ ряду и помирись.
За гривной на морѣ не стой,—
Приказныхъ-подъячихъ напой:
Будешь вездѣ правъ.

(Запис. со словъ кр. Никиты Байнина, 26 августа 1862 г.

---

[1]) Эти четыре стиха перенесены сюда изъ 1-й части.

100.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО [1]).

(Петрозаводскаго уѣзда, погостъ Деревянскій.)

Поѣхалъ князь Михайло жениться,
Женился, у матушки родимой не спросился,
Обвѣнчался онъ, ей не сказался.
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита.
Онъ поѣзжалъ [2]), Михайло, воевати,
Своей онъ матушки молилсе [3]):
« Ай же ты [4]), матушка родима!
« Береги мою [5]) княгиню,
« Ты корми мою княгиню
« Ѣствушкой сахарной,
« Ужъ ты пой мою княгиню
« Питвицемъ медвянымъ,
« Ты води мою княгиню
« Въ соборъ Богу молитьсе,
« Ты ложи мою княгиню
« Въ маленькую спальню [6]).
« А сама ложись съ княгиней
« На тисовую кроватку. »
Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила [7]),
Парну баенку топила,
Парну байну [8]), не угарну.

---

[1]) Сюда присоединяемъ разнорѣчія изъ старины, записанной Каргопольскаго уѣзда, въ Лелемскомъ приходѣ и доставленной собирателю П. В. Обручевымъ.—*Б.*

[2]) Поѣхалъ.

[3]) Матушкѣ молился.

[4]) Ужъ ты.

[5]) Молодую.

[6]) Келью.

[7]) Проводила.

[8]) Баянку.

Созвала мать[1]) княгиню
Въ парну баенку помыться,
Нажигала ёна[2]) горючь камень
До калины[3]),
Положила горюч камень
Мать княгини на утробу:
Княгиня въ первой разъ вскричала[4]),—
Вси граждана[5]) услыхали;
Во второё-тъ разъ вскричала[6]),—
Вся палата задрожала;
А и въ третьей разъ скричала[7]),—
Земля-мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младёня изъ утробы,
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку,
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ,
Опустила мать колоду
Въ синё морё Волынско.
  У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Изъ глазъ слезы покатились.
Испроговоритъ князь Михайло:
« Вы постойте-ка, ребята,
« [Молодыи офицеры]!
« Развѣ дома у меня нездорово:

---

1) Мати.
2) Мать.
3) Докрасна.—*Б.*
4) Первой разъ скрычала.
5) Граждане.
6) Другой разъ скрычала.
7) Она третій разъ скрычала.

« Родна матушка неможетъ,
« Молода жена хвораетъ ».
Прі̀ѣждялъ[1]) тутъ Михайло
Ко своей бѣлокаменной палаты.
Его матушка встрѣчала,
Со пріѣздомъ проздравляла[2]).
Со пріѣздомъ проздравляла.
Со добра коня снимала.
Испроговоритъ князь Михайло:
« Ахъ ты матушка родима!
« Не тебѣ бъ меня встрѣчати,
« Со пріѣздомъ проздравляти[3]),
« Со добра коня снимати,
« А молодой моей княгинѣ;
« Ахъ ты матушка родима!
« Гдѣ моя княгиня? »
— Твоя-то, князь, княгиня
— Горда и спѣсива,
— Всё въ горенкѣ просидѣла,
— Въ окошко просмотрѣла,
— На кровати[4]) пролежала,
— На кроваткѣ на тесовой,
— На перинкѣ на пуховой.
— Не пила и не ѣла,
— Никуда не выходила.—
Его слуги вѣрныи встрѣчали,
Со пріѣздомъ проздравляли.
« Слуги вѣрныи-любимы!
« Гдѣ моя княгиня? »
Слуги вѣрны говорили:
« Твоя-та, князь, княгиня
« Въ синёмъ морѣ Волынскомъ,

---

[1]) Пріѣзжалъ.
[2]) Стрѣчала, поздравляла.
[3]) Стрѣчати, поздравляти (и ниже такъ же).
[4]) На кроватки.

« Въ бѣлодубовой колодѣ [1]):
« Тебя мать [2]) родима
« Скоро съ дому спроводила,
« Парну баенку топила,
« Парну байну, не угарну,
« Нажигала мать горючь камень
« До калины,
« Созвала мати княгиню
« Въ парну баенку помыться,
« Положила [3]) горючь камень
« Мать княгини на утробу,
« Выжигала у княгини
« Мать младеня изъ утробы,
« Завернула мать младеня
« Въ бѣлотравчату рубашку,
« Положила княгину [4]) со младенемъ
« Въ бѣлодубову колоду [5]).
« Поди-тка къ рыболовамъ,
« Князь Михайло [6]),
« Пускай они [7]) закинутъ шелковъ неводъ. »
Онъ пошелъ, князь Михайло,
Къ рыболовамъ [8]),
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали,
Тутъ колоду разбивали.

---

[1]) Колоды.
[2]) Матушка.
[3]) Мать.
[4]) Положила мать княгиню.
[5]) Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ,
Опустила мать колоду
Въ сине море Волынско.
[6]) Ты поди-тко, князь Михайло,
Къ рыболовамъ.
[7]) Пусть.
[8]) Онъ пошелъ, князь, къ рыболовамъ.

Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ,
На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своей душой разстался.
Его маминька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причёты говорила:
— Тяжко, тяжко согрѣшила,
— Три души я погубила:
— Перву душу безъимянну,
— Другу душу безотвѣтну,
— Третью душеньку сердечну! [1])

Записано 7 мая 1861 г.

101.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА [2]).

(Гильферд. № 89.)

Закручинился добрый молодецъ, запечалился,
Повѣсилъ головушку ниже могучихъ плечъ,
Утупилъ очи ясныя во сыру землю:
« Какъ мнѣ-ка добру молодцу, не кручиниться,
« Не кручиниться удалому, не печалиться!
« Вечоръ-то я легъ,—не поужиналъ,
« По утру всталъ,—не позавтракалъ,
« Хватился обѣдать,—и хлѣба нѣтъ.
« Еще-то меня, добра молодца,
« Поневолили родители женитися,

---

[1]) Это заключеніе переходитъ уже къ стихамъ.

[2]) У Рыбникова помѣчена просто: „Отъ крестьянина дер. Середки, Кижской волости". По тексту близка къ Рябининской у Гильфердинга. *Ред.*

« Неволею женили, неохотою:
« Они взяли во мѣстѣ во богатоемъ,
« Хоть приданаго много,—человѣкъ худой:
« Цвѣтное платьице на грядочкѣ виситъ,
« Худая-то жена на ручкѣ спитъ;
« Не съ кѣмъ добру молодцу погладиться,
« Не съ кѣмъ добру молодцу полестися! [1])
Отъ того добрый молодецъ въ гульбу пошелъ.
День за днемъ, какъ дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву,
Онъ задался къ королю въ услуженіе;
Служилъ не много, не мало,—двѣнадцать лѣтъ,
Служилъ онъ королю вѣрою-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнноей [2]).
Его Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король удалаго жаловалъ:
Онъ ѣлъ сладко, носилъ красно,
Спалъ на кроваточкѣ тесовыя,
Спалъ на периночкѣ пуховыя,
Со временемъ [3]) онъ спалъ на бѣлыхъ грудяхъ.
Принажилъ золотой казны несмѣтныя.
Стосковалося у молодца по свою родимую сторонушку,
Посмотрѣть хотитъ отцовскаго помѣстьица,
Хоть ростетъ тутъ зеленая крапивушка.
« Ай же ты, король Литовскій!
« Отпусти-ка меня на родимую сторонушку,
« Посмотрѣть хоть отцовскаго помѣстьица. »
Говоритъ ему король Литовскій:
— Ай же ты, удаленькій-добрый молодецъ,
— Ай же ты, слуга моя вѣрная, неизмѣнная!
— Поѣзжай на родимую сторонушку,
— На отцовское-родительско помѣстьице.—

---

1) Поластиться, поласкаться.
2) Не измѣною?—*Б.*
3) По временамъ.—Съ королевною?—*Б.*

Какъ король ему жалуетъ добра коня,
Королевна его жалуетъ золотой казной.
Какъ поѣхалъ удалый-добрый молодецъ
На свою родимую на сторонушку,
Не пѣшомъ идётъ, на конѣ идетъ.
Скоро скажется, тихо йдется.
Пріѣзжаетъ на родимую сторонушку.
Какъ стоитъ-то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуглая;
Ужъ какъ бѣгаютъ два малыихъ вьюношей.
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ужъ вы здравствуйте, малые вьюноши!
« Вы какой семьи, роду-племени,
« Вы какого отца-матери? »
— Ай же ты, нашъ дяденька незнамыій!
— У насъ нѣтъ семьи, роду-племени. —
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
« Гдѣ же у васъ рȯдный батюшка?»
— Ай же ты, нашъ дяденька незнамыій!
— Не запомнимъ мы своего роднаго батюшки,
— Только слышали мы отъ родной матушки,
— Слезно плакала, причитала намъ:
— Ай же вы, родимыя дѣтушки!
— Ужъ какъ я васъ повырощу, повыкормлю,
— Вашо-тъ батюшка въ гульбу ушелъ. —
Какъ закипѣло ретивое сердечушко у добра молодца,
Полились слезы рѣкой изъ ясныхъ очей:
« Вѣдь это мои родимыя малы дѣтушки!
« Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
« Гдѣ же у васъ родная матушка? »
Отвѣчаютъ малые вьюноши:
— Наша матушка ушла на крестьянскую работушку. —
Какъ сожидаетъ удалый-добрый молодецъ,
Сожидаетъ до поздняго вечера.
Какъ поздо по вечеру идетъ его худая жена,
Со крестьянской идетъ со работушки,

На правой рукѣ несетъ косу вострую,
Во лѣвой рукѣ часты грабли,
На плечахъ несетъ дрова печи топить.
Какъ стрѣтаетъ удалый-добрый молодецъ:
« Ужъ ты здравствуешь, вдова ли, жена ль мужняя! »
— Ай же ты, незнамый добрый молодецъ!
— Не вдова я и не жена мужняя,
— Сирота я есть прегорькая.—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
« Не вдова есть и не жена мужняя,
« Сирота есть прегорькая!
« Ужъ ты развѣ не знаешь ближняго сродника?
« Росли-то мы въ одномъ мѣстѣ,
« Играли часто во шахматы Турецкіе,
« Я съ тебя часто ѣзды бралъ. »
Говоритъ ему худая жена,
Хоть худая жена, жена умная,
Умная жена, разумная:
— Ай же ты, незнамый добрый молодецъ!
— Вѣкъ я прожила въ бѣдности, въ сирочествѣ,
— Я не знала шахматовъ Турецкіихъ,
— Я не знала игоръ молодецкіихъ.—
« Уже ты есть жена мужняя, разумная!
« Поди-тко во правой карманъ:
« Во карманѣ есть шелковъ платокъ,
« Во платкѣ есть злаченъ перстень,
« Которымъ съ тобою обручалися. »
Говоритъ жена мужняя, разумная:
— Я которымъ святителямъ молилася,
— Я которымъ чудотворцамъ обѣщалася,
— Что пришелъ ко мнѣ законный мужъ!—

Записано въ январѣ 1861 г.

102.

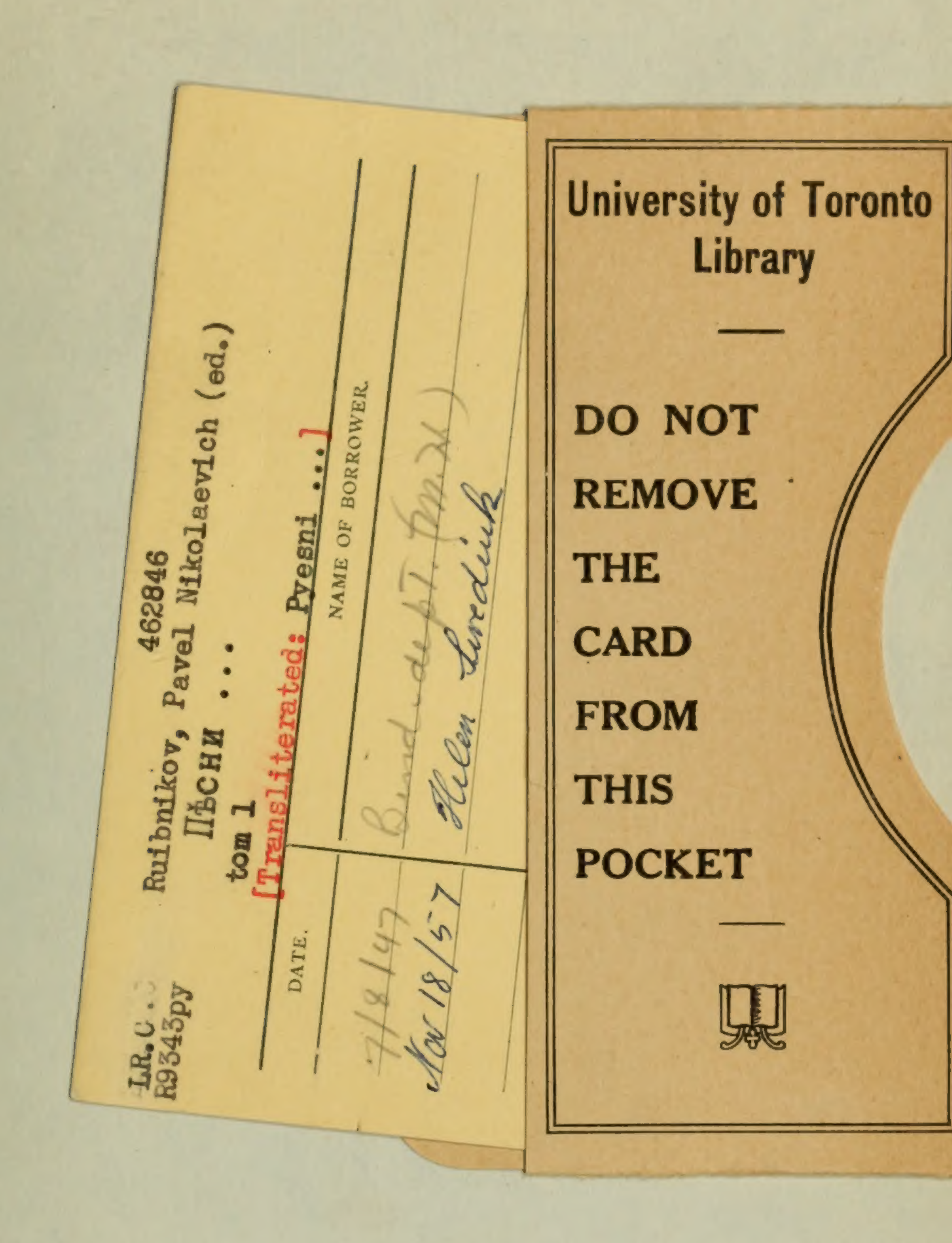
ГОРЕ [1].

Въ воскресеньицо матушка замужъ отдала,
Къ понедѣльничку Горе привязалося.
« Ужъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во темны лѣса. »
Горе вслѣдъ бѣжитъ, само говоритъ:
— Я лѣса срублю, тебя доступлю.—
« Ужъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во чисты поля. »
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я поля прижну, тебя доступлю.—
« Ужъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда бѣдной съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя въ зелены луга. »
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я луга скошу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду отъ горя во высокъ теремъ. »
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я теремъ зажгу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?
« Я пойду съ горя во круты горы. »
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
— Я черво̀мъ совьюсь, горы выточу,
— Горы выточу, тебя доступлю.—
« Ахъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
« Мнѣ куда съ горя подѣватися?

[1]) Обозначена глухо: „Петрозаводскій уѣздъ".—*Рсо.*

« Я пойду съ горя во сыру землю. »
Горе вслѣдъ идетъ
Со тупицами, вострыми заступами,
Устоялося, разсмѣялося:
— Ужъ ты дочь моя родная!
— Ты умѣла горюшко повыгоревать! —

Записано г. П. Миролюбовымъ.


LR.C.
R9343py
462846
Ruibnikov, Pavel Nikolaevich (ed.)
ПѢСНИ ...
tom 1
[Transliterated: Pyesni ...]
DATE.
NAME OF BORROWER.
7/8/47
Nov 18/57
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET